

МОСКВА
2020

Из цикла:
Русская цивилизация
в исторической
ретроспективе
и перспективе

РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

В ГЛОБАЛЬНЫХ
КОНФЛИКТАХ:
исторические
уроки и духовные
смыслы

Министерство культуры Российской Федерации
Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия
имени Д. С. Лихачёва

Российский институт истории искусств

**РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ
В ГЛОБАЛЬНЫХ КОНФЛИКТАХ:
ИСТОРИЧЕСКИЕ УРОКИ И ДУХОВНЫЕ СМЫСЛЫ**

*Из цикла «Русская цивилизация
в исторической ретроспективе
и перспективе»*

Москва
2020

УДК 930.85
ББК 63.3(2)
Р89

Рецензенты:

А.В. Окорочков, доктор исторических наук, заместитель директора по научной работе Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва;

С.И. Бажов, кандидат философских наук, профессор кафедры культурологии и славяноведения Института славянских культур Российского государственного университета имени А. Н. Косыгина, старший научный сотрудник Института философии РАН.

Составители: **Ю. А. Закунов, А. Л. Казин.**

Научный редактор: **Ю. А. Закунов.**

Предисловие: **А. Л. Казин.**

*Издаётся по решению учёного совета
Российского научно-исследовательского института культурного и
природного наследия имени Д. С. Лихачёва.*

Русская цивилизация в глобальных конфликтах: исторические уроки и духовные смыслы : сборник материалов научных конференций, организованных Институтом Наследия и РИИИ под эгидой Санкт-Петербургского международного культурного форума в 2018–2019 гг. — М. : Институт Наследия, 2020. — 357 с. : ил. — (Из цикла «Русская цивилизация в исторической ретроспективе и перспективе»). — DOI 10.34685/NI.2020.95.36.019.

ISBN 978-5-86443-325-6

Сборник научных трудов создан на основе докладов, прочитанных на двух международных научных конференциях, прошедших в Санкт-Петербурге в 2018–2019 гг., организованных Российским институтом истории искусств и Российским НИИ культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва в рамках цикла «Русская цивилизация в исторической ретроспективе и перспективе». Тема культурно-цивилизационных трансформаций и глобальных конфликтов в год юбилея Великой Победы, представленная в духовно-нравственном, культурологическом и историософском измерении, будет интересна как ученым в области культурного наследия, философии, искусствоведения, истории, культурологии, цивилизационной проблематики, так и всем, кто не равнодушен к судьбам России и мира. Проблемы, обсуждавшиеся учеными из России, Украины, Белоруссии, Приднестровья, имеют исключительную важность для современных социокультурных практик, для защиты культурного суверенитета, ценностных приоритетов, традиций и исторической памяти нашей страны.

УДК 930.85
ББК 63.3(2)

© Коллектив авторов, 2020

© Российский научно-исследовательский
институт культурного и природного
наследия имени Д. С. Лихачёва, 2020

ISBN 978-5-86443-325-6

Содержание

<i>Бабилунга Н.В.</i>	
Русская национальная идея и Приднестровье	8
<i>Беспалова Т.В.</i>	
Мировоззренческие основания цивилизационного подхода: к постановке проблемы	26
<i>Гронский А.Д.</i>	
Русский мир как опасность: риторика белорусской публицистики в отношении России после украинских событий 2014 г.	43
<i>Губарева О.В.</i>	
Православная икона в современном мире	56
<i>Казин А.Л.</i>	
Война как проблема русской историософии	74
<i>Кокшeneва К.А.</i>	
Между «травмой» и «жертвой»: современный театр памяти и Великая Отечественная война	80
<i>Некрасов С.Н.</i>	
Идеология будущего Большой Евразии: «Прекрасная Россия будущего» неолибералов или «русский цивилизационный неоиндустриализм» футуротрадиционалистов	96
<i>Расторгуев В.Н.</i>	
Исторический синхронизм и уроки цивилизационных войн	122
<i>Расторгуев В.Н.</i>	
Солидарность цивилизаций	141
<i>Романова Д.Я.</i>	
Род и семья в условиях глобальных цивилизационных конфликтов	160

<i>Скоробогачева Е. А.</i>	
Исторические уроки и духовные смыслы раскола Русской православной церкви на примере старообрядчества Русского Севера	166
<i>Скотникова Г. В.</i>	
«Благословенно воинство Небесного Царя»: русская идея война.....	181
<i>Спивак Д. Л.</i>	
Северная война в культурном наследии Санкт-Петербурга	193
<i>Треушников И. А.</i>	
Русская цивилизация сквозь призму философии всеединства	205
<i>Царенко С. А.</i>	
Общие культурные истоки Русской равнины и предназначение России. К разрешению проблемы конфронтационного присвоения культуры Руси ее национальными наследниками	221
<i>Цветаева М. Н.</i>	
Русская культура на переломах истории: философия трагического	230
<i>Шумилин Д. А.</i>	
Система оценки качества научных исследований в сфере искусствознания: очередной конфликт Востока и Запада?	245
<i>Закунов Ю. А.</i>	
Символические войны против цивилизационной идентичности России	255

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый сборник научных трудов создан на основе докладов, прочитанных на двух международных конференциях, прошедших в Санкт-Петербурге в 2018 и 2019 гг., организованных Российским институтом культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва и Российским институтом истории искусств в рамках цикла «Русская цивилизация в исторической ретроспективе и перспективе». Уже по названию читатель может судить о том, что постановка вопроса о России, ее истории и культуре, была на упомянутых конференциях предельно широкой — от фундаментальных принципов строения Русского мира до значения семьи в условиях современных конфликтов и от старообрядчества Русского Севера до проблем наукометрии в условиях глобального противостояния. Выступавшие на конференциях докладчики тогда еще не знали, что очень скоро — уже в 2020 г. — их теоретические построения будут подвергнуты суровой проверке — вирусной пандемией, нападением враждебной природной (?) стихии. Каждая страна — и тем более каждая цивилизация — ответила на этот вызов по-своему. Таким образом, всемирная злоба дня XXI в. подтвердила актуальность обсуждавшихся на конференциях вопросов — религиозно-философских, культурологических, эстетических, искусствоведческих, нравственных, социальных.

Без преувеличения можно сказать, что все выступавшие (среди них представители России, Украины, Белоруссии, Приднестровья) были едины в своем обращении к источнику смысла и силы большой России — к ее ценностно-цивилизационному основанию (коду), восходящему к православному христианству. В общественно-политическом плане это означает, что религия, культура, искусство признаются фундаментальной основой суверенного русского бытия, а политика государства в области просвещения — поддержания *света* в жизни народа — становится одной из его стратегических целей, сравнимых с национальной безопасностью. Отсюда же следует, что либеральные рассуждения о якобы изначальной чуждости, и даже враждебности, друг другу культуры / искусства и государства / власти оказываются в современных условиях непродуктивными и должны быть концептуально преодолены. Настоятельную потребность в этом как раз и обнаружили драматические события 2020 г.

Цивилизация есть уникальная суперэтническая социальная общность, развернутая в истории и охватывающая собой всю совокупность человеческих практик — духовных, культурных, государственных, технологических. В центре цивилизации находится религиозное ядро, включающее вероисповедание народа и язык, на котором он говорит с Богом (*lingua adamica*). В области ядра располагается метафизический храм цивилизации, ее базисные духовно-смысловые опоры, составляющие ее словарь («корнесловие»). Вокруг указанного ядра — цивилизационные оболочки, начиная с интеллектуально-нравственно-художественной — собственно культура как светская форма духовной жизни; далее следует государственная сфера — область соприкосновения («симфонии») духовной и светской власти; наконец, внешнюю форму цивилизации образует ее экономически-информационная (технологическая) структура, «тело власти», излучающее ее энергию на весь остальной космос. Таким образом, внутри цивилизации условно можно выделить духовную, культурную, государственную и информационно-экономическую власть — ее Крест, Меч и Золото¹. Применительно к круговой схеме это означает, что некоторые оболочки цивилизации — например, культура или экономика — могут иногда значительно отдаляться от ее духовно-смыслового центра или даже вовсе противоречить ему.

Именно такая принципиальная структура отечественной цивилизации подвергается давлению при всяком внешнем и внутреннем нападении на нее. Не случайно вторая из упомянутых выше конференций носила название «Россия в глобальных конфликтах: исторические уроки и духовные смыслы». Февраль 1917 г. разрушил Российскую империю, но онтологическое ядро России устояло. Более того, оно получило превращенную социальную форму в «красной империи», особенно после мая 1945 г. Можно сказать, что Октябрь 1917 г. был искуплением Февраля, а победа над оккультным нордическим рейхом в день Георгия Победоносца явилась искуплением Октября. Распад СССР в 1991 г., казалось бы, покончил с русской цивилизацией навсегда, однако в новом тысячелетии она возродилась — к изумлению всего мира. Если

¹ Подробнее см.: Казин А.Л. Последнее Царство. Русская православная цивилизация. СПб. : Наука, 1998. Издано по благословению Патриарха Московского и всея Руси Алексия Второго.

базисом современного Запада стала финансово-информационная власть, что повлекло за собой падение когда-то великой европейской культуры, то в России властным основанием по-прежнему остается ее духовная вертикаль — тот самый «глубинный народ», который неуклонно возвращает русскую мысль, искусство, науку и государственность к ее собственной исходной матрице по принципу: *живи не так, как хочется, а так, как Бог велит*. «Так тяжкий млат, дробя стекло, кует булат» (А. С. Пушкин). Этот выкованный веками российский булат до сих пор выдерживал и, будем надеяться, выдержит все испытания, которые пошлет нам Бог.

А.Л. Казин

Бабилунга Н.В.

РУССКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ И ПРИДНЕСТРОВЬЕ

Аннотация. В статье рассматриваются основные параметры русской национальной идеи: стремление к равенству и справедливости («жить по правде») и поддержка державности, сильной государственной власти. Эти элементы могут находиться в равновесии и гармонии, а могут и непримиримо конфликтовать между собой, что чаще всего приводит к смутам и общественному неустройству. Многонациональное население Приднестровья, в котором в равных долях (примерно по трети) представлены русские, молдаване и украинцы, относит себя к православному Русскому миру, стремится к независимости от националистических планов своих соседей (Молдовы и Украины), строит государственность в соответствии с канонами русской идеи. Это обеспечивает межнациональную гармонию и мир, несмотря на очень сложные социально-политические условия и внешнее давление.

Ключевые слова: Россия, Приднестровье, Молдова, национальная идея, межнациональное согласие в полиэтничном обществе.

Бабилунга Николай Вадимович, кандидат исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Отечественной истории Приднестровского государственного университета имени Т.Г. Шевченко (Тирасполь). E-mail: babi05@rambler.ru

Babilunga N.

RUSSIAN NATIONAL IDEA AND TRANSNISTRIA

Annotation. The article discusses the main parameters of the Russian national idea: the desire for equality and justice (“live by the truth”) and support for the statehood, a strong state power. These elements can be in balance and harmony, and they can irreconcilably conflict with each other, which most often leads to unrest and social disorder. The multinational population of Transnistria, in which Russians, Moldovans and Ukrainians are equally represented (about one third), identifies itself to the Orthodox Russian world, seeks independence from its neighbors (Mol-

dova and Ukraine) from the nationalistic aspirations, builds statehood in accordance with the canons of the Russian idea. This ensures inter-ethnic harmony and peace, despite the very complex socio-political conditions and external pressure.

Keywords: Russia, Transnistria, Moldova, National idea, Inter-ethnic harmony in a polyethnic society.

Babilunga N. V., Candidate of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Domestic History of the Pridnestrovian State University T. G. Shevchenko (Tiraspol). E-mail: babi05@rambler.ru

Национальная идея есть, наверное, у каждого народа. Для американцев — это «американская мечта», символ личного успеха, основанного на прагматизме и голом чистогане. Для евреев — это воссоздание еврейской государственности на Сионе. Для молдаван — сохранение самобытности и культуры под мощным натиском румынизма. Для румын — соединение всех восточно-романских народов в едином «румынском пространстве». Для поляков — возрождение величия и силы Речи Посполитой...

Есть своя национальная идея и у русских. Собственно, сам термин, как и понятие «русская идея», появляется в XIX в. и занимает умы таких выдающихся личностей, как Федор Достоевский, Михаил Бакунин, Василий Розанов, Николай Бердяев, Питирим Сорокин и др. Они много размышляли об истоках этой идеи, формулировали ее суть.

Но сама по себе русская идея существует независимо ни от кого со времен начала русской государственности, с Киевской Руси. И в эту эпоху была высказана. Когда главой церкви на Руси стал первый человек из русских людей — митрополит Иларион¹ (до него церковью руководили греки из Константинополя); он в своем выдающемся произведении «Слово о законе и благодати» уже тогда, в середине XI в., очертил главные составляющие русской идеи. Утверждая принцип равенства всех народов, резко отрицая все измышления о «богоизбранности» какого-то одного из них, Иларион молится за Русскую землю, народ которой никогда не будет покорен чужеземцами.

¹ *Архимандрит Макарий (Веретенников)*. Киевский митрополит Иларион (1051–1054) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. Вып. 2 (8). 2014. С. 118–119.

Мысль о равенстве всех и каждого, сформулированная уже в первые века существования русской государственности, базировалась на евангельском принципе «нет эллина, нет иудея» апостола Павла, согласно которому пред Богом все равны. Одновременно Иларион хорошо понимает необходимость защиты Отечества и соотечественников, высоко оценивая деятельность князей, прославивших ратными подвигами Русскую землю. Владимир и другие князья, по мнению Илариона, соединили «благоверие с властью». Благоверие как выражение справедливости и власть как символ государственности в русском сознании должны всегда гармонизировать и не конфликтовать никогда: «Со времени, как было это, и доселе не перестал благоверия подвиг»².

В этом суть русской идеи, отсюда она развивалась и вырастала, из этих двух основ. С одной стороны, справедливость, т.е. равенство всех народов, всех людей; с другой — державность как умение защитить справедливость, способность установить и поддерживать равенство, желание распространить благодать на всех. Оба корня имеют различную почву и происхождение. Можно было бы много об этом рассуждать. Но мы остановимся на них лишь мимолетно, лишь в той степени, которая поможет высветить основную мысль, обозначенную в нашей теме.

Одна основа русской идеи — державность — покоилась на интересах великокняжеского двора, институтов государственности, в широком плане — задачах власти. «Цель этого всенародного единения в духе церковного миропонимания — сохранить чистоту веры, удержать ее апостольскую спасительную истину, “святых Отцов Семи Соборов заповеди соблюдая”. Здесь — корни русской державности, понимающей государственную мощь не как самоцель, а как дарованное Богом средство к удержанию народной жизни в рамках евангельской непорочности», — говорит Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн (Снычев)³.

Идею державности в дальнейшем усердно разрабатывали осифляне, Зосима Бранский, Филовей Псковский, другие старцы и средневековые монахи-интеллектуалы. Теория «Москва — третий Рим» (два Рима пали, а третий стоит, и четвертому не бывать)

² Митрополит Иларион. Слово о законе и благодати. М.: Институт русской цивилизации, 2011. С. 85.

³ Там же. С. 8.

утверждала преемственность лидирующей роли Русского государства в православном мире, в христианстве вообще после того, как эта роль была утрачена Римом и Константинополем. В отрыве от другой части русской идеи вряд ли такая державность многим бы отличалась от государственной идеологии других европейских государств.

Другая основа русской идеи — справедливость, равенство, отсутствие какой-бы то ни было исключительности или превосходства — покоилась на мироощущении низов, всей гущи русского народа. Об этой «жажде справедливости», характерной для русского народа, много писал Ф.М. Достоевский. А философ Н.А. Бердяев даже отрицал ее рациональность, подчеркивал ее этические свойства. Потому что стремление русского человека «жить по правде» не имеет в действительности ничего общего ни с «американской мечтой», ее индивидуализмом и прагматизмом, культом выгоды и полезности, ни с другими известными нам концепциями и стремлениями народов.

Проблема состоит в том, что на протяжении веков две составляющие русской идеи («жить по правде» и «развитие державности») не всегда находились в единстве и гармонии, чаще они противоречили и конфликтовали между собой. Порой эти конфликты обострялись до такой степени, что страна входила в эпоху бедствий и неурядиц, достигавших и степени смут, социальной катастрофы.

После всех встрясок Руси в период царствования Ивана Грозного в условиях разложения правящей элиты в Смутное время народ не защищал державу, молчаливо наблюдая за тем, как его землю топчут поляки, литовцы, татары и проч. Сознание народа именно так и отражало эту драму: Москва занята пришельцами-католиками, потому что «жили не по правде». В период Лжедмитриев конца XVI — начала XVII в. в народном сознании идея справедливости никак не складывалась с идеей служения Отечеству в единую ценность. И страна оказалась на грани национальной катастрофы.

Все попытки Бориса Годунова предотвратить эту катастрофу ни к чему не привели. Задолго до Петра он пытался модернизировать страну, обратив свои взоры на опыт Запада. Несколько десятков человек были им посланы в Голландию, Англию и другие страны Европы. И ни один не вернулся. Стрелецкие бунты,

церковный раскол и другие неурядицы предвещали стране новую катастрофу, в которой она вряд ли сумела бы сохранить свою самостоятельность, если бы Петр Великий не объединил Россию на основе русской идеи: служение Отечеству, закон, долг, честь. Петру удалось сделать то, что Борису не удалось. Ибо при нем две составляющие русской идеи (справедливость и державность) находились в минимальной степени конфликтности, тогда как при Годунове — в максимальной.

В XIX в. министр народного просвещения России и президент Академии наук граф С. С. Уваров, человек не без таланта, попытался сформулировать русскую идею в теории официальной народности, лаконично ограничив ее тремя основополагающими понятиями: «Православие. Самодержавие. Народность». Она подверглась острой критике за свое явно монархическое оформление. Впрочем, и самый резкий недоброжелатель этой теории П. Я. Чаадаев, удрученный тем, что Россия стоит в стороне от «всемирного воспитания человеческого рода»⁴, в конце концов признал, что русские в мир пришли позже, чтобы сделать лучше.

В спорах западников и славянофилов русская идея обсуждалась очень горячо. Славянофилы видели уникальность и неповторимость русской идеи в самом феномене существования русского мира. Западники отрицали всякую ценность подобной уникальности, были склонны рассуждать об отсталости страны и необходимости как можно скорей скопировать и внедрить на ее почве всё, что уже создано и работает в Европе. Несколько в стороне от этих споров стояли К. Н. Леонтьев, В. С. Соловьёв и другие мыслители, разделявшие идеи византизма. По их воззрениям, Запад стремится разрушить Россию, а потому она должна идти на союз не с ним, а с Востоком, лидировать и вести его за собой.

Но неожиданно, а возможно и закономерно, наднациональность русской идеи в последние десятилетия XIX в. получает мощную подпитку. Российская интеллигенция усмотрела в естественном желании русского народа «жить по правде» прекрасный питательный бульон для взращивания и распространения в глубинах народа западных идей социального равенства и справедливости. Русские народники увидели в этом сознании исконное,

⁴ *Тарасов Б. П.* Я. Чаадаев и русская литература первой половины XIX века // П. Я. Чаадаев. Статьи и письма. М., 1989. С. 14.

прирожденное влечение к социализму. Они стали работать на то, чтобы идея коммунизма, как идея наднациональная, надрелигиозная и сугубо социальная, органически вошла в основу русской идеи, заменив собой или теоретически обосновав жажду справедливости, стремление «жить по правде».

Рожденные на Западе социалистические теории постепенно делают осмысленным и достижимым смутное желание правды и совести. В этих условиях теория официальной народности безнадежно устарела и не могла конкурировать в русском менталитете с теорией социализма. К тому же Россия была страной многонациональной (лишь 43% ее населения составляли русские) и многоконфессиональной. И такой присущий социалистическим теориям вселенский интернационализм органично вписывался в космическую необъятность русской идеи.

Три великих революции в России в первые десятилетия XX в. вовсе не были случайностью, как и приход к власти радикальных революционеров-большевиков в октябре 1917 г. Вовсе не было случайностью и то, что на выборах в Учредительное собрание за социалистические партии проголосовало абсолютное большинство граждан страны — 80%⁵. Интересно, как радикальные монархисты реагировали на итоги выборов в Учредительное собрание: «Удивительно, — писал человек крайне правых взглядов в кишиневскую газету, — что большевики прекрасно поняли дух русского народа и оказались более истинно-русскими, чем забывшие долг перед царем, присягой и родиной Рузский, Алексеев, Каледин, Дутов и др. Долго ли продержится власть большевиков, не знаем, но самодержавие налицо»⁶.

Ненависть к Временному правительству и к России Керенского, как и отношение к монархической форме государственности, в низах определялась народным сознанием, которое было аналогично сознанию Смутного времени. Монархическая империя, эксплуатирующая народы и держащая их в темноте, больше не имела права на существование. Это и привело к гибели романовскую империю.

⁵ *Протасов Л.Г.* Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. М. : Российская политическая энциклопедия, 1997. С. 322.

⁶ Голос Кишинева. 1917. 4 декабря.

Трагедия династии Романовых (неизбежная, жестокая и кровавая) состояла в том, что державность, которую они пестовали и защищали и которая была одной из фундаментальных основ русской идеи, пришла в непримиримое противоречие с другой, не менее фундаментальной основой русской идеи — желанием справедливости. Но теперь под влиянием социалистических теорий справедливость включала и такие понятия, как «социальное равенство», «ликвидация эксплуатации», «политические свободы», «республиканский образ правления страной», «конституционные гарантии прав граждан» и т. д.

Не только большевики, но и все социалистические партии сравнительно легко разрушили тысячелетнюю монархическую государственность России. Хотя сравнительно быстро им удалось и восстановить страну под простым и понятным народным низам лозунгом: «Социалистическое отечество в опасности!». Победа в Гражданской войне радикальных революционеров была обусловлена тем, что в глазах большинства населения в их программе и деятельности вошли в органичное единство два элемента русской идеи — державность и справедливость. Как только эти элементы перестали противоречить друг другу и приобрели гармоничное соответствие, смута Гражданской войны немедленно прекратилась. Страна была восстановлена почти в тех же границах, что и в 1917 г.

Таков в общих чертах экскурс в историю русской идеи, который мы посчитали необходимым сделать, прежде чем говорить о проблемах возрождения государственности в Приднестровье. Наверное, нет нужды отмечать, что после революции марксизм как социалистическая теория, как учение в Советском Союзе был разгромлен и заменен примитивной схемой. Но русская идея продолжала волновать умы наших соотечественников за рубежом — Н. Бердяева, П. Сорокина, Г. Федотова и др. Они справедливо указывали на объективность существования насилия в России как исторической закономерности, на приверженность русских ко всякой иностранщине, на природную общинность и соборность русского человека, рассуждали о сострадательности русского народа, которая стала почвой для идей социализма.

Но хотелось бы подчеркнуть другое: в той русской идее, которую на протяжении многих веков исповедует русский народ, нет места чисто национальным мотивам; во всяком случае, они не могут приобрести господство. Именно поэтому все современ-

ные попытки разжечь национальные мотивы в русской идее, а тем более насаждать в ней национал-социалистские постулаты, как правило, являются просто провокацией, сравнимой с коллективными истериками футбольных фанатов, но неизбежно отвергаемой социумом.

В отличие от местных полуфеодальных полуфашистских национализмов, которые расцвели пышным цветом на обломках СССР, русская идея не разделяет людей по нациям, сословиям, кастам, а тем более сортам, как это делается в большинстве бывших советских республик: «коренные хозяева земли», «оккупанты», «пришельцы», «манкурты», «мигранты», «инонационалы», «русофоны» и проч. Существование этносов или классов в России, конечно, не отрицается, но они объединяются русской идеей для совместного служения Отечеству, единой державе, в интересах всех, интересах каждого. Без мощной государственности, без сильной власти и законности такого объединения быть не может, а следовательно, не может быть реализована мечта о справедливости. Конфликт между важнейшими составляющими русской идеи может вновь превратить народ в безучастную массу людей, с равнодушием наблюдающую за гибелью страны, или, того хуже, — превратить эту массу в неуправляемую толпу майданных штурмовиков русского варианта какой-нибудь доморощенной «революции гидности». А малые нации, тяготевшие в прошлом к России, ныне шумно празднующие свои «суверенитеты», без ее поддержки и защиты, скорее всего, просто обречены на гибель, на уход с исторической арены, какие бы формы примитивного национализма или русофобии они ни принимали себе на вооружение.

С учетом вышеизложенного становится более рельефной и выпуклой та роль, которую играет русская идея в жизни, политике, культуре и самосознании населения Приднестровья, которое в период развала СССР заявило на референдумах о своей воле возродить собственную государственность. Приднестровцы сумели защитить свое государство в 1991–1992 гг. от агрессии кишиневского режима, вознамерившегося включить их земли в состав Румынии. Треть населения Приднестровской Молдавской Республики составляют молдаване, треть — украинцы, треть — русские. Здесь живут также болгары, евреи, гагаузы, поляки, армяне и представители многих других народов. Их более

семидесяти на нашей земле. Все они считают себя принадлежащими к Русскому миру.

На всенародном референдуме 2006 г. более 97% приднестровцев высказалось за укрепление собственной независимости и дальнейшее сближение с Россией, отвергнув даже мысль о новом соединении с Молдовой⁷. И это не случайно. Массовое кровопролитие конца 80-х — начала 90-х гг. XX в., на которое пошел кишиневский режим во имя, якобы, «восстановления конституционного порядка» и «территориальной целостности Молдовы», объявленной властями «частью Румынии», не забыто и никогда не будет забыто народом Приднестровья. Но дело не только в этом.

Сама природа определила земли Приднестровья как контактную зону Европы, где встречаются, сосуществуют, так или иначе взаимодействуют друг с другом различные народы и различные цивилизации. С глубочайшей древности Днестр был условной границей, отделявшей кочевые народы Северного Причерноморья: киммерийцев, скифов, сарматов и др. — от фракийцев и иллирийцев, от германцев и других племен Центральной и Западной Европы. С середины первого тысячелетия н. э. Днестр разделял заселивших Восточную Европу славян, отделяя западных (склавинов) от восточных (антов). В VIII в. регион заселяют славянские племена тиверцев, уличей, белых хорватов, которые затем, в X в., объединяются в составе Древнерусского государства, а после распада Киевской Руси Приднестровье становится частью мощного Галицко-Волынского княжества.

Несколько веков славянство защищало здесь свою оседлую цивилизацию от беспокойных кочевников, двигавшихся по Великой степи к Днестру и Дунаю: печенегов, берендеев, торков, половцев и др., пока не было разгромлено при батыевом нашествии и не вошло в Золотую Орду в виде Подольского улуса. Когда в середине XIV в. было создано Молдавское княжество, а из Подольского улуса были изгнаны монголо-татары и к востоку от Днестра простирались огромные территории Русско-Литовского

⁷ Заявление Государственной Думы «Об итогах референдума в Приднестровье 17 сентября 2006 года» // Политико-правовые основы международного признания независимости Приднестровской Молдавской Республики. Тирасполь, 2018. С. 121.

государства, Днестр вновь приобрел пограничные функции, разделяя эти государства⁸.

В XV в. Северное Причерноморье было захвачено вассалами османского султана — крымскими татарами, принявшими ислам; автохтонное славянское население в Нижнем и Среднем Поднестровье было рассеяно. Но Днестр, как и Южный Буг и Днепр, становится ареалом обитания формирующегося казачества, в многовековой борьбе отстаивавшего свою славянскую идентичность и духовность. Здесь, на Днестре, соприкасались и конфликтовали между собой непримиримо враждующие державы: Молдавия в составе Османской империи, Польша (затем Речь Посполита), Крымское ханство. Много веков проживавшее на этой территории православное славянское население, не имевшее ниоткуда никакой поддержки, было вынуждено организовывать самооборону, спасая себя как от бесчинств турок и татар, так и от польского католического засилья и подавления.

Часть северного Приднестровья, по решению Переяславской рады 1654 г., вместе с другими украинскими землями впервые вошла в состав Московской Руси. Поляки попытались отбить эти земли у Руси, но удержать их не смогли, передав Приднестровье Османской империи. А затем в течение всего XVIII в. Россия вела с османами длительную борьбу за освобождение единоверных православных народов: молдаван, валахов, болгар, сербов, греков и др. Наконец, в декабре 1781 г., по Ясскому миру, Приднестровье вернулось в состав России, а Днестр стал границей между Османской и Российской империями. Вскоре, по Петербургской конвенции, Россия присоединила к себе и северную часть Приднестровья, вместе с другими историческими землями Подолья. Для защиты региона от хищнических поползновений соседей А. В. Суворов основывает на новых рубежах крепость и город, которому Екатерина дала имя Тирасполь.

В течение считанных лет освобожденные земли Приднестровья были заселены украинцами, русскими, молдаванами, армянами, болгарами, евреями, немцами и другими народностями. В течение двух веков здесь шли интенсивные процессы ассимиля-

⁸ *Бабилунга Н. В.* Приднестровье в составе Великого княжества Литовского // Ежегодный исторический альманах Приднестровья. 1997. № 1. С. 9.

ции, взаимовлияния разнообразных культур, традиций, менталитета, исторического опыта. Двести тридцать лет на этой территории из разных этнических сред формировалась единая общность людей со своим особым психологическим типом. Этот архетип вырабатывал и особый приднестровский характер людей — веротерпимых, открытых, дружелюбных, лишенных национальной замкнутости, этнической исключительности, чванства и косности. Между этими людьми стала невозможной религиозная рознь или этническая нетерпимость⁹.

В 1918 г. Румыния, бывшая союзница России по Антанте и обязанная ей спасением своей государственности, когда немцы оккупировали большую часть этой страны, воспользовавшись ослаблением России в результате революционного водоворота 1917 г., захватила территорию Днестровско-Прутского междуречья и отняла у России земли Бессарабии. Днестр возвратил себе пограничные функции. Множество молдаван бежали на левый берег от террора румынской военщины. В 1924 г. в левобережном Приднестровье впервые в истории создается молдавская государственность в составе Украины на землях, которые никогда не входили в состав Молдавского княжества.

Молдавская государственность в Приднестровье действовала полтора десятка лет, в течение которых здесь произошли грандиозные сдвиги в общественно-экономической и социальной сферах, в культурном развитии народа, несмотря на все драматические и трагические коллизии сталинской эпохи. Из края с поголовной неграмотностью населения регион превратился в развитую аграрно-индустриальную республику. Но, пожалуй, наиболее важным итогом этого исторического периода стало укрепление сложившегося многими десятилетиями и веками менталитета населения Приднестровья, которому всегда были присущи чувства взаимоподдержки, товарищества, согласия и доброжелательности. Общие победы и общие трагедии сблизили и сплотили приднестровцев в их региональном социуме.

Приднестровцы активно участвовали в Гражданской войне. Именно на этих землях формировались и начинали свой боевой путь дивизия И. Якира, бригада Г. Котовского и другие

⁹ *Бабилунга Н.В.* Приднестровье: шаги истории. Тирасполь, 2015. С. 38.

прославленные соединения Красной армии. Жители края активно защищали Родину в боях на озере Хасан и реке Халкин-Гол, в годы финской войны. В то время как Бессарабия под властью румын была превращена в самый бедный, самый нищий регион Европы с самой высокой смертностью населения. А многолетняя насильственная румынизация населения и «промыывание мозгов» идеологией агрессивного румынизма не могли определенным образом не отразиться на национальном самосознании молдаван. Это углубляло и без того существующие различия в менталитете бессарабских молдаван в отличие от молдаван приднестровских.

Таким образом, прорумынская этнокультурная ориентация молдаван Приднестровья в более поздний период оказалась просто невозможной. Не говоря уже о других этнических составляющих приднестровской общности: украинцах, русских, болгарях, евреях, гагаузах и проч. Интернационализм вместе с советским патриотизмом, вошедшие в плоть и кровь приднестровцев за время их государственного развития в составе СССР, органично вписались в другие составляющие приднестровского менталитета — стремление к справедливости и защите державности. Не случайно, видимо, в период Великой Отечественной войны 16 жителей Приднестровья стали Героями Советского Союза, а уроженцы Тирасполя дали больше героев, чем все правобережные районы Днестра в Молдове.

Государственность в Приднестровье в первой половине XX в. просуществовала 16 лет — до августа 1940 г., когда Красная армия освободила Бессарабию от румынской оккупации и эти территории (Бессарабии и Приднестровья) были объединены в одну союзную Молдавскую ССР. Приднестровье потеряло тогда свою государственность.

И в этом смысле республика является несомненной жертвой пресловутого пакта Молотова — Риббентропа, жертвой безвинной и забытой. Можно сказать, даже единственной. Ибо прибалтийские республики не потеряли своей государственности, а лишь изменили ее формы — от буржуазных весьма сомнительных демократий в республики советского образца. При этом они даже выиграли в территориальном отношении за счет Польши и России. Ни Бессарабия, ни Западная Украина вообще не имели никаких форм государственности в составе Румынии или Польши. В территориальном отношении несколько «пострадала» лишь Украина,

лишившись левобережного Приднестровья, что было компенсировано Южной и Северной Бессарабией, а также Буковиной. Но из всех названных заинтересованных сторон свою государственность потерял лишь народ Приднестровья. Он лишился своей автономии в составе УССР и единым росчерком пера был передан под юрисдикцию Молдавской ССР со столицей в Кишиневе¹⁰.

Ликвидация государственности в Приднестровье была произведена совершенно произвольно в нарушение всех основополагающих норм и существующего на тот момент законодательства. Впрочем, самих приднестровцев в те времена это мало беспокоило, ибо их никто не отрывал от России, Украины и других народов единого Союза. В составе единого Советского Союза административные границы не имели большого значения.

В годы Великой Отечественной войны приднестровцы воевали плечом к плечу со всеми народами страны против фашистской чумы. Румынские оккупанты вновь придали Днестру статус пограничья, которое отделяло губернаторство Басарабия захваченное румынами в собственность, от губернаторства Транснистрия, которое находилось под совместным управлением румынской администрации и рейхскомиссариата «Украина».

Фашистский диктатор Румынии Антонеску не скрывал своих планов в отношении Приднестровья: «Не секрет, что я не склонен упустить из рук то, что приобрел. Транснистрия станет румынской территорией, мы ее сделаем румынской и выселим отсюда всех иноплеменных»¹¹. Румынский фюрер не шутил: оккупанты действительно превратили этот край в место массовых казней, убийств, гетто, концлагерей и геноцида. Сюда свозили каратели десятки тысяч «иноплеменных» (чаще всего евреев и цыган) — детей, женщин, стариков; здесь их и уничтожали. Но не затихало подпольное и партизанское движение. Земля горела под ногами оккупантов, как и на других захваченных ими территориях.

¹⁰ *Бабилунга Н.В.* История ПМР в кратком изложении // Приднестровье в макрорегиональном контексте черноморского побережья / под ред. Кимитака Мацузато. Sapporo : Slavic Research Center, Hokkaido Universiti. 2008. С. 51–52.

¹¹ Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза. 1941–1945 : сборник документов и материалов : в 2 т. Т. 2. Кишинев, 1975. С. 103.

В послевоенные десятилетия народ Приднестровья в тяжелейших условиях голода и неустойства сумел восстановить свою экономику и вывести ее на передовые рубежи. Правда, кишиневская партийно-политическая элита сознательно и целенаправленно пыталась сделать из Приднестровья не экономический локомотив для движения вперед всей республики, а некую падчерицу, нелюбимую и притесняемую хозяевами. В 70-е гг. курс на монополизацию всех командных высот в республике негласно получают представители «титульной нации», что вполне согласовывалось с большевистской политикой «коренизации» аппарата власти и всех форм жизни общества, начиная еще с 20-х гг. XX в.

Несмотря на то что Приднестровье в послевоенные времена приобретало всё большую значимость как важный промышленный и энергетический регион юго-запада СССР, республиканский бюджет держал его на сухом пайке. Недостаток финансирования Приднестровья Кишиневом и социально-экономическая дискриминация местного населения проявлялись буквально во всем. Ни одного учреждения культуры не было сдано в Тирасполе с середины 70-х гг. Обеспеченность школьными местами составляла здесь 60%. В медицинских учреждениях не хватало 700 врачей, фельдшеров и других специалистов. В городе действовало 12 аптек при норме 20. На один левобережный район МССР приходилось 35 клубов, тогда как на правом берегу Днестра — 54 клуба. Не хватало культурных учреждений, библиотек, школ, лекарств, медицинского оборудования. Весь этот искусственно созданный дефицит сопровождался ползучим предоставлением «титульной» нации всех прав и преимуществ, «коренизацией» аппарата власти, выдаваемой за «ленинскую национальную политику»¹².

Однако приднестровцы терпели всё и не роптали. Положение стало изменяться кардинальным образом и очень стремительно, когда в период развала СССР власти Молдовы объявили себя на самом высоком уровне «вторым румынским государством» и «оккупированной румынской землей», отказались от молдавского языка, заменив его румынским, приняли румынские атрибуты государственности (флаг, герб, гимн и проч.), объявили о своей

¹² *Бомешко Б.Г.* Создание, становление и защита приднестровской государственности. 1990–1992 гг. Бендеры, 2010. С. 63–65.

главной цели — воссоединить всех «румын» Молдовы в едином румынском государстве, включая в него и «Транснистрию».

Перед угрозой нового геноцида и опасности повторения нацистской оккупации своей земли со стороны румынских «хозяев» и их кишиневских приказчиков приднестровцы потребовали политического самоопределения. Властям Кишинева было предложено приднестровскими депутатами ввести два государственных языка в районах с многоэтничным населением и предоставить региону статус «свободной экономической зоны», что полностью соответствовало принимаемому Москвой законодательству периода перестройки. Кишинев стал бряцать оружием и угрожать «наглым пришельцам», «оккупантам» и «манкуртам» принудить их самой жестокой военной силой к послушанию и дисциплине.

Затем Верховный Совет Молдовы принимает наиболее абсурдный по своей сути закон о «незаконности» создания Молдавской ССР в 1940 г., по которому левобережное Приднестровье было лишено автономной формы государственности в составе Украины и пристегнуто к Молдавской ССР. Вся территория Молдовы объявлялась «оккупированной румынской землей». Это дало приднестровцам все юридические права провести референдум, чтобы определить волю народа: желает ли он восстановить утерянную в 1940 г. государственность, или вместе с кишиневскими властями приднестровцы тоже считают себя оккупированной румынской территорией.

Проведенные во всех городах и селах референдумы показали, что абсолютное большинство приднестровцев желает восстановить свою утраченную государственность и видит в этом шаге единственное спасение от повторения всех трагедий, уже пережитых им в XX в. Так волею народа на законных и цивилизованных основах создавалась новая государственность — Приднестровская Молдавская Республика¹³. Она пережила много драматических и трагических катаклизмов, в том числе и беспрецедентную агрессию вооруженных сил Молдовы при поддержке Румынии против

¹³ Кондратович Д.Ф. Приднестровская революция. 1989–2002 гг. // Ежегодный исторический альманах Приднестровья. 1999. № 3. С. 24.

мирных ни в чем не повинных жителей Приднестровья. Эта агрессия потерпела полный крах.

Мало что дает организаторам всевозможных блокад против Приднестровья и окружение этой территории кольцом экономических, финансовых и прочих блокад, а порой и методом примитивного грабежа приднестровского имущества различными государственными службами и частными фирмами Молдовы. Такие санкции малоэффективны, ибо приднестровцев уже трудно в этом плане чем-либо удивить или запугать. Не дают никаких результатов и многочисленные попытки разжечь внутри приднестровского социума межнациональные разногласия, некоего подобия «оранжевой революции», киевского майдана или кишиневской «мамалыжной революции» апреля 2009 г.

Думается, в большой мере неудача этих «потуг» связана с менталитетом приднестровцев, который вполне укладывается в рамки русской идеи, или, точнее, базируется на идее, о которой говорилось выше. Основным фактором межнационального мира и согласия в ПМР, где по конституции существуют три официальных языка и разрешено вводить другие языки в районах массового проживания их носителей, является принцип абсолютного приоритета прав человека над правами нации, класса, религии, партии или любой другой группы людей. Это само по себе исключает конституирование каких-либо привилегированных слоев. В условиях невероятных экономических и социальных трудностей, санкций и блокад приднестровцы свято берегут эти простые принципы, которые позволяют им выживать в данных условиях, как они выживали, организовывая самооборону, десятилетия и столетия тому назад.

Русская идея всеобщей справедливости не предполагает и не допускает ни в коем случае разделения сограждан на «коренных», «оккупантов», «мигрантов», «пришельцев» и т. д., что почти три десятилетия существует в Прибалтике и на Кавказе, Средней Азии, Украине, Молдове или других бывших «республиках-сестрах» когда-то единой страны. Приднестровцы не выдвинули из своей среды ни одного общественного лидера или просто заметного деятеля, который проповедовал бы идеи национальной исключительности или «защиты» своего «несчастливого» народа от иноверцев-поработителей, от каких-то мифических «врагов», проживающих в соседнем доме на соседней улице. Такие мар-

гинальные личности, возможно, и находятся где-то рядом, но они не могут не понимать всю бессмысленность и бесперспективность подобного рода пропаганды внутри приднестровского сообщества.

А ведь именно такой отказ бывшими республиками СССР от фундаментальных ценностей русской идеи, которой они вольно или невольно придерживались во времена совместного общежития, приносит многим народам бывшего СССР неисчислимые бедствия, кровь, слезы, страдания и горе. Вселенский размах этой новой смуты, вероятно, оценят наши потомки. Очевидно, они назовут поименно и воздадут должное тем бездарным политикам, продажным пропагандистам и национальным лжепророкам, кто вверг свои народы в эти ужасы, чем бы они ни руководствовались.

Не случайно, наверное, созданная в 1990 г. в Приднестровье республика названа не по имени «титulyного» этноса, как это принято большинством государств мира, а по своему географическому положению на Днестре. И Конституция этого государства начинается словами «Мы, многонациональный народ Приднестровской Молдавской Республики...». А слово «Молдавская» в названии республики, в которой молдаване составляют треть населения, подчеркивает, что это государство соблюдает и уважает молдавскую идентичность, менталитет, язык, культуру, самосознание молдаван¹⁴, в отличие от Республики Молдова, в которой большинству «титulyного» населения насильно навязывается румынская идентичность, правда, безуспешно пока.

Приднестровский народ, все его этнические составляющие с особым чувством относятся к России, связывают именно с ней надежды на лучшее будущее, надежды на мир, спокойствие и процветание. На Международном форуме российских соотечественников «Вместе с Россией» 5 марта 2018 г. президент ПМР В. Н. Красносельский привел следующие данные: «В республике проживает одна из крупнейших зарубежных российских диаспор — количество граждан Российской Федерации в ПМР давно превысило 220 000. При этом в 2016 г. на выборах в Государственную Думу Приднестровье стало лидером по абсолютному числу голосовав-

¹⁴ *Бомешко Б.Г.* Создание, становление и защита приднестровской государственности. 1990–1992 гг. С. 15.

ших за рубежом избирателей — 55 693 человека, а это 25,8% от всех проголосовавших зарубежных россиян»¹⁵. Таким образом, русская национальная идея является реальной политической силой для народа республики, сознательным или подсознательным выбором каждого приднестровца. Одним фактом своего существования республика доказывает жизнеспособность и эффективность толерантного и неконфликтного сосуществования различных этносов и культур в одном пространстве. Ведь и в России живут не менее двух сотен различных народов и национальностей.

Возвращение к русской идее — это единственный путь к спасению всех народов, брошенных несколько десятилетий назад в костер предательства, братоубийственных войн и раздоров. Жить по правде, по совести, справедливости и державности — вот высшие ценности не только для русских, но и для всех людей погубленной страны и для каждого из нас. Восстановление и реализация русской идеи в ее гармоничном единстве спасет десятки, а может и сотни тысяч людей, уже, по сути, приговоренных нечестными политиками к смерти.

Приднестровцы же от русской идеи не отворачивались никогда. Они чувствуют и считают себя частью Русского мира. А потому русской идеей жили и будут жить. В этом залог межнационального мира и успешного почти 30-летнего существования их Приднестровской Молдавской Республики.

¹⁵ *Красносельский В.Н.* Приднестровье — составная часть русского мира: текущая ситуация и перспективы развития // Политико-правовые основы международного признания независимости Приднестровской Молдавской Республики. Тирасполь, 2018. С. 15.

Беспалова Т.В.

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ
ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПОДХОДА:
К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. В статье обозначаются основные проблемные вопросы цивилизационного развития с точки зрения мировоззренческой мотивации ученых. Отказ от религиозного мировоззрения привел человечество к тотальной фальсификации истории и к созданию агрессивных политических идеологий. Исследование мировоззренческих оснований цивилизационного подхода, не совместимого с идеологизацией гуманитарного знания, позволит сформулировать аргументированный ответ на возникшие в XXI в. в отношении человечества угрозы, а также избежать риска использования цивилизационных теорий в политических целях.

Ключевые слова: мировоззрение, цивилизационный подход, цивилизационная идентичность, культура, религия, угрозы.

Беспалова Татьяна Викторовна, доктор философских наук, кандидат политических наук, Институт Наследия, г. Москва.
E-mail: tvb09@bk.ru

Bespalova T. V.

THE WORLDVIEW GROUNDS
OF THE CIVILIZATIONAL APPROACH:
TO THE SETTING OF THE PROBLEM

Summary. The article identifies the main problematic issues of civilization development in terms of worldview motivation of scientists. The rejection of religious worldview has led humanity to the total falsification of history and the creation of aggressive political ideologies. The study of the worldview bases of a civilizational approach incompatible with the ideologization of humanitarian knowledge will make it possible to formulate a reasoned response to the threats faced by mankind in the 21st century, as well as to avoid the risk of using civilizational theories for political purposes.

Keywords: worldview, civilizational approach, civilizational identity, culture, religion, threats.

Bespalova T. V., PhD in Philosophy, PhD in Political Science, Heritage Institute, Moscow. E-mail: tvb09@bk.ru

Экологические угрозы человечеству, новые типы войн, расширение масштабов «потребительского общества», расширение неравенства и несправедливости в обществе, онтологическое противоречие между человеком и искусственным интеллектом содержательно составляют новый экзистенциальный вызов человечеству. Научное сообщество должно в очередной раз подтвердить правоту тезиса А. Дж. Тойнби: «...чем сильнее вызов, тем оригинальней и созидательней ответ»¹. Требуется совершенно новый уровень философского и аксиологического осмысления проблем цивилизационного развития, который позволит преодолеть мега-риски современной индустриальной цивилизации.

Сможет ли человечество обеспечить себе безопасное будущее, изменив вектор цивилизационного развития? Как изменятся ценностные основания цивилизации в условиях смены мировых цивилизаций? Какой будет новая ценностная парадигма цивилизационного развития России в информационную эру? Каковы политические риски в процессах актуализации цивилизационной проблематики современной философией? *Почему мировоззренческие основания цивилизационного подхода требуют пристального научного внимания?*

Постепенное вытеснение из научного пространства формационного подхода цивилизационным подходом требует от ученых, работающих в цивилизационной парадигме, выстраивания более четкой аргументации по вопросу духовного измерения цивилизаций в их взаимосвязи и единстве с природой. Критика цивилизационного подхода в русле формационного и иных подходов во многом сводится к его методологической непригодности в выстраивании *истории человечества как единого процесса*², к ука-

¹ Тойнби А. Дж. Постижение истории / пер. с англ. М., 1991. С. 140.

² Суть цивилизационного подхода как раз в аргументации культурного и исторического многообразия народов, поэтому критика не обоснована.

занию определенных рисков в процессах обозначения самобытности народов и культур вплоть до самоизоляции, ведущей к исключительности и другим деструкциям. Тогда как, на наш взгляд, только применение цивилизационного подхода к происходящим в мире изменениям может сформулировать новую философию, объясняющую творческую созидательную роль человека в мире, *не исключаящую значимость Бога*, и выстроить более сложную картину исторического развития народов, религий и культур.

Раскрытие заявленной научной проблематики требует обращения к мифологии, религии, философии и науке как основным мировоззренческим системам, в рамках которых мыслится самобытность цивилизаций. Такого рода исследование сложно провести в пределах отдельно взятой статьи, поэтому наметим лишь некоторые вопросы и сделаем выводы относительно перспектив обозначенного научного направления.

Изначально понятие «цивилизация» было тесно связано с религиозным мировоззрением, что зафиксировано в работе графа де Мирабо «Друг людей, или Трактат о народонаселении» в 1757 г., в которой религия представлена как «...главная пружина цивилизации, она наставляет нас и беспрестанно напоминает нам о братстве, смягчает наше сердце»³. Позже появляются представления об общечеловеческой цивилизации как о результате достижений человеческого разума, *одинаковом понимании прогресса и универсальном развитии всех народов*. Страны, признавшие универсальный путь развития всех народов, объявляют себя «развитыми» и «цивилизованными» в отношении остальных и начинают свое политическое утверждение в мире *вне религиозной парадигмы или в русле ее декларации*.

В теории локальных цивилизаций (например, культурно-исторические типы Н.Я. Данилевского) было создано совершенно иное понимание прогресса, связанное с важнейшей мировоззренческой установкой — *сохранением многообразия цивилизаций*. Н.Я. Данилевский определяет суть прогресса как возможность «...всё поле, составляющее поприще исторической деятельности человечества, исходить в разных направлениях»⁴. Истоки и основы

³ Цит. по: Бенвенист Э. Общая лингвистика. М. : Прогресс, 1974. С. 387.

⁴ Там же. С. 87.

зарождения цивилизации, история ее формирования имеют непреходящую ценность для ее будущего развития, т. к. в них заложена суть национального бытия. Николай Яковлевич не случайно обозначил четыре разряда культурной деятельности, под которые можно подвести всё разнообразие исторической жизни: *религиозная, культурная, политическая и общественно-экономическая*. Например, русская цивилизация как культурно-исторический тип обнаруживает свою самобытность по всем четырем основаниям.

Таким образом, мировоззренческое противостояние теории локальных цивилизаций и теории универсальной человеческой цивилизации не может быть снято простым рассуждением о диалоге цивилизаций и выработкой общечеловеческих ценностей. Это кардинально различные мировоззренческие системы.

Необходимо заметить, что мировоззренческие основания цивилизационного подхода чаще всего оставались за пределами научного внимания, тогда как именно они стали точкой отсчета в подборе необходимой научной аргументации и открыли возможность для использования цивилизационной теории как одной из стратегических основ государственного и политического управления в России. Довольно быстро выяснилось, цивилизационный подход может быть использован *как для обоснования самобытности русской (российской) цивилизации, так и для ее частичного и даже полного отрицания*. Данный тезис изначально кажется слишком очевидным, чтобы выступить в качестве одного из смысловых сюжетов обозначенной проблематики, тем не менее попробуем обосновать его мировоззренческую и политическую значимость и для наших дней.

Своеобразие русской цивилизации, ее коренное отличие от западноевропейской цивилизации *в традициях западничества* всегда трактовались через категории «отсталости» и «неполноценности», в связи с чем формулировались соответствующие политические задачи: перенять ценности западноевропейской цивилизации и подстроиться под общемировые представления о развитии и прогрессе.

Исходя из тезиса о доминировании рационального над иррациональным в западной цивилизации, возникают различные трактовки значимых для сохранения цивилизации ценностей: любовь к родине, справедливость, свобода и др. В работах П. Я. Чаадаева, например, можно найти тезис об отсутствии у русского народа

цивилизированной любви к родине и его неспособности к проявлению «сознательного патриотизма», т. е. возможности любить Россию по-петровски — мыслью и волей. *Патриотическое мировоззрение*, любовь к родине, а точнее — форма ее проявления становится еще одним критерием, определяющим содержание цивилизационных теорий.

Признание цивилизационной самобытности России (а именно к этому в широком смысле и сводится цивилизационный подход) еще не означает мировоззренческого единодушия по поводу ее основных сущностных характеристик. Можно сказать, Чаадаев был одним из первых мыслителей, применивших цивилизационный подход для обоснования *иной* самобытности России, апеллируя к чужой религиозно-культурной традиции — католической. Таким образом, патриотическое мировоззрение во многом определяет аксиологический выбор ученого в пользу подтверждения отечественной традиции или ее отрицания. В основе отрицания не всегда лежит ненависть к России, вполне достаточно презрения к ее культуре.

Западноевропейская цивилизация всегда ориентировалась на рациональное начало, в отличие от России и Востока. Еще один мировоззренческий нюанс, который до сих пор разделяет ученых, работающих в цивилизационной парадигме, можно обнаружить в работах митрополита Илариона — *идея преимущества Благодати над Законом*, причем Благодать представляет собой не христианский догмат и веру в узком понимании, а *определенный миропорядок*⁵.

По сути, мировоззренческая дискуссия о самобытности России началась с философских, религиозных и исторических построений о происхождении земли Русской в трактовке митрополита Илариона и русских летописцев. Тогда самостоятельность и независимость русской цивилизации во многом связывалась с признанием или отрицанием факта призвания варягов как основы для утверждения неполноценности или самобытности российского исторического пути. Казалось бы, как может признание роли варягов в создании российской государственности повлиять на цивилизационное развитие не только России, но и западной цивилизации? Тем не менее легенда о варягах стала содержанием нор-

⁵ Верещагин В. Ю. Лекции по русской культуре : учебное пособие. Ростов-на-Дону, 1998. С. 60.

маннской теории и получила свое кульминационное завершение в идеологии германского национал-социализма, в русле которого тотальная фальсификация истории и русофобия превратились в одно из обоснований расовой теории: «В течение столетий Россия жила за счет именно германского ядра... у славянства вообще чувствуется недостаток сил, необходимых для формирования государства... Россия обязана тевтонскому слою не только в области политики, но и за то немногое, чем она может гордиться в культурном плане. Великая Россия не могла бы существовать без германского влияния»⁶.

Советский период развития российской цивилизации, победа советского народа в Великой Отечественной войне, освобождение Европы от фашизма опровергли эти и любые другие сомнения по поводу независимости и силы российской государственности. Любые попытки усомниться в Победе Советского Союза в Великой Отечественной войне или трансформировать память о советском прошлом будут приводить к отрицанию великой миссии народа-победителя и размыванию цивилизационной идентичности России.

В рамках цивилизационного подхода в отечественной гуманитарной науке было создано огромное количество научных концепций, которые можно условно разделить на следующие направления: славянофильское, западничество и евразийское. Славянофильское направление акцентирует внимание на самобытности российского цивилизационного пути; западничество — убеждает в заимствовании из Европы основных сущностных характеристик русской культуры, не отрицая ее национального своеобразия; евразийское — ведет речь о синтезе самобытного и заимствованного не только из Европы, но и с Востока. В зависимости от выбора мировоззренческого основания разнится восприятие прошлого, настоящего и будущего российской цивилизации.

Изменение цивилизационного образа России ранее связывали с осмыслением трех исторических сюжетов: происхождение Российского государства, реформа Петра I и революция 1917 г. Сейчас добавляют еще два исторических события цивилизаци-

⁶ Цит. по: Цивилизация и модернизация: история и современность : коллективная монография / под ред. В.Ю. Бельского, проф. Е.А. Когай. М., 2019. С. 26.

онного масштаба: распад Советского Союза и события Русской весны 2014 г., — вернувших не только цивилизационную миссию России, но изменивших политическую ситуацию в современном мире. В целом, несмотря на многократное изменение цивилизационных ориентиров России: Киевская Русь — татаро-монгольское нашествие — Московское царство — императорская Россия — Советский Союз — Российская Федерация — и противоречивую историческую событийность, Россия устойчиво подтверждала свой цивилизационный выбор, связанный с защитой православной веры, державности и народности.

Мировоззренческое обоснование места и роли России как цивилизации представляется в следующих вариантах:

1. Идея исключительности России в мировой истории и культуре.
2. Идея России как Востока.
3. Идея России как Запада.
4. Идея России как особой славянской цивилизации.
5. Идея России как Евразии, отличной и от Востока, и от Запада.
6. Идея российской специфики, выражающейся в сочетании восточных и западных черт или в колебании между Востоком и Западом.
7. Идея российской самобытности в рамках христианского мира.
8. Идея византизма России.
9. Идея универсализма русского духа.
10. Идея России как синтеза Востока и Запада.
11. Идея России как необходимого элемента мирового синтеза⁷.

Решение вопроса о цивилизационной идентичности России, ее специфике, исторической, политической и духовной ценности зависимо от мировоззренческих пристрастий автора, исторических условий и политического режима.

⁷ Ерыгин А. Н. Восток — Запад — Россия: опыт метаисторического исследования // Библиотека учебной и научной литературы : сайт. URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/erigin_vostok (дата обращения: 18.11.2016).

Цивилизационную идентичность можно считать, в большей мере, *качеством социума*, проявляющим себя в самоидентификации как процессе наследования цивилизационной миссии, суть которой в сохранении культурного и природного наследия. Например, цивилизационная идентичность России в иерархии социальных отношений должна доминировать над гражданской и этнокультурной, что означает *коллективное признание большой родины — России, знание русского языка и отечественной истории, уважение русской культуры, православной веры, сохранение культурного наследия народов, проживающих в России, и общих для всех традиционных нравственных ценностей*. Носителями русской (российской) цивилизационной идентичности являются люди различных этнических и религиозных групп, их объединяет общая система ценностей, коллективная память и единый исторический путь.

С конца XX в. можно констатировать переход к постиндустриальной цивилизации, которую называют гуманистически-ноосферной⁸. Глобализации подвергаются все уровни цивилизации: демографический, технологический-экологический, экономический, государственно-политический, социокультурный⁹. Целью глобализации становится поглощение локальных цивилизаций, максимальное размывание цивилизационных ценностей традиционных обществ и их унификация. Способность цивилизации сохранить свою идентичность во многом обусловлена *силой социокультурного ядра*, определяющего ее тип, сущностные черты и особенности. Усиление цивилизационного разнообразия отчасти становится ответом на угрозу унификации западной цивилизацией, а его сохранение — условием, оберегающим мировую цивилизацию от разного рода политических утопий.

Сейчас происходит становление очередного масштабного цивилизационного цикла, зарождается совершенно новая со-

⁸ В работах Ю. В. Яковца речь идет о периодической смене мировых цивилизаций: неолитической, раннеклассовой, античной, средневековой, раннеиндустриальной, индустриальной, постиндустриальной. См. подробнее: *Яковец Ю. В.* Цивилизационные аспекты глобализации // Глобализация. Конфликт или диалог цивилизаций? М., 2002. С. 23.

⁹ Там же.

циокультурная общность, для обозначения специфики которой используют разные понятия: «ноосферная цивилизация» (А.Д. Урсул), «гуманистическая цивилизация» (Ю.В. Яковец), «экологическая цивилизация» (И.К. Лисеев), «постэкономическая цивилизация» (В.Л. Иноземцев) и др. Спецификой новой цивилизации должна стать выработка новой ценностной парадигмы, в русле которой человек, преодолев материальную зависимость и собственный эгоизм, сможет выстроить новые отношения прежде всего с природой. Наиболее распространенной причиной экологического кризиса цивилизации обычно считают экономический рост, хотя его более серьезной причиной выступает кризис культуры (А. Швейцер), в рамках которого человек обнаруживает в себе новые качества (А. Печчеи), уходит от конкурентной модели взаимоотношений с природой и окружающей средой, пытаясь адаптироваться к новым экологическим рискам. Смыслообразующие функции экологического мировоззрения связаны с проблемой выживания человечества, продолжением рода, сохранением основных признаков биологического вида человека, сопротивлением искусственной среде (существуют прогнозы о возможной быстрой искусственной эволюции человека, жизнь которого подчинена процессам электронизации)¹⁰. Преодоление человеком «постчеловеческого» в самом себе является первостепенной задачей не только экологического, но и политического мировоззрения. Религиозные обоснования экологической этики актуализируют ценность божественного создания в условиях «смерти бога» и «смерти самого человека без бога». Человек должен нести моральную ответственность за экологический кризис, т.к. его обязанностью является забота обо всем творении бога¹¹.

В рамках атеистического мировоззрения интересным сюжетом может быть ответ природы на проявление абсолютной свободы человека и его участие в процессах активного деструктивного воздействия на нее. Для природы человек слишком ничтожная сила и является всего лишь биологическим видом; силы природы мощнее и могут уничтожить человека не только природной сти-

¹⁰ *Dator I.* Conscious technology // *Futurist*. New York, 1989. Vol. 23, N 5. P. 15–20.

¹¹ *Schaefer J.* Theological foundations for environmental ethics : reconstructing patristic and medieval concepts. Washington, 1990. P. 2.

хией, но, скорее, через самоуничтожение, если человек не сможет выстроить новые гармоничные отношения с природой. Поиск человечеством разнообразных способов выхода из экологического кризиса, столкновение противоречивых интересов в конце концов может стать причиной возникновения новых войн.

Активизация научного интереса к мировоззренческим основаниям цивилизационного подхода объяснима также возникновением в исторической реальности «избранных» «цивилизованных» народов, навязывающих ценности своей цивилизации «варварским» народам, в том числе и военно-политическими способами (Ирак, Югославия и др.). Политические доктрины, актуализирующие шмиттовское противостояние «друг — враг», в целом «идею врага» К. Поппера, навязывают народам и культурам ценности демократии и открытого общества, размывая содержание традиционных ценностей и сущностные признаки иной цивилизационной идентичности. В отличие от идеологической идентификации в основе цивилизационной идентичности лежит *«глубинная потребность человека в духовной солидарности с ушедшими и будущими поколениями, чувство личной причастности к судьбе отчей земли и собственного народа»*¹². *Патриотическое мировоззрение* становится одним из определяющих факторов в наполнении учеными аксиологическим содержанием цивилизационных теорий. Сейчас сама политическая реальность подталкивает научное сообщество к обоснованию цивилизационной теории не столько в привычном мировоззренческом срезе — *противостояния и межкультурных войн (С. Хантингтон)*, сколько в русле более сложного взаимодействия — *межкультурного диалога (А. Панарин)*. В настоящее время подтверждаются слова, высказанные два десятилетия назад выдающимся российским ученым А. С. Панариным, о том, что в постсоветский период довольно остро «стала обнажаться другая — не идеологическая, а цивилизационная суть глобального конфликта, прежде идеологически стилизованного»¹³. Распад

¹² *Расторгуев В.Н.* Русская цивилизационная идентичность: живое наследие и условия наследования // *Цивилизационное развитие России: наследие, потенциал, перспективы : коллективная монография / под общ. ред. В.А. Черешнева, В.Н. Расторгуева. М., 2018. С. 25.*

¹³ *Панарин А. С.* Православная цивилизация. М., 2006. С. 9.

Советского Союза и выстраивание собственных версий культурно-исторической памяти народами постсоветского пространства вне учета общей истории, культуры, памяти и веры привели к распаду российского (советского) культурно-политического пространства. История человечества знает огромное количество примеров *утраты цивилизационной идентичности в условиях цивилизационных аннексий, экспансий и заимствований*¹⁴. Все три вышеуказанных способа применяются сейчас в отношении России, Украины и Белоруссии, в отношении наших соотечественников, проживающих на территории постсоветских государств¹⁵, довольно длительное время. В Белоруссии уже появились три понятия, которые характеризуют различные этнополитические общности: «*белорусы*», «*белоруссы*», «*беларусы*»; участились случаи судебных исков при обслуживании в ресторанах и кафе, если заказ сделан на русском языке, и т.д. Создание единого союзного учебника в рамках российско-белорусских отношений пока не представляется возможным по причине официального одобрения в 2018 г. Белорусской академией наук учебника по истории, в котором признается создание белорусской государственности неандертальцами, отрицается признание Полоцка частью Древней Руси и утверждается тезис об отсутствии в истории древнерусского народа. Современная политическая реальность привела к политизации цивилизационных теорий, созданию псевдонаучных исторических концепций в угоду

¹⁴ В.Н. Лексин различает «**цивилизационные аннексии**», которые происходят в виде силового захвата и фактически полного переформатирования или маргинализации прежних цивилизационных оснований «оккупированной» территории; «**цивилизационные экспансии**» как целенаправленную (организованную) имплантацию ценностей и связанных с ними культуры, образа жизни, семейных предпочтений и т.д. одной цивилизации в пространство другой и свободный выбор в принятии этих ценностей и всего с ним связанного и «**цивилизационные заимствования**» — наиболее распространенный тип цивилизационных столкновений, который следует считать самым плодотворным и бесконфликтным из всех цивилизационных взаимодействий.

¹⁵ Прибалтика, Казахстан, Молдавия и др. См.: Беспалова Т.В., Ларионцев М.М. Национальная память, служение и границы русской цивилизации // Журнал Института Наследия. 2018. № 2. С. 27–37.

политической конъюнктуре. Разрыв культурно-цивилизационного пространства России по политическим причинам (подписание Беловежских соглашений) проявляется во всех сферах публичной политики: образовательной, культурной и т. д. — и в повседневной жизни русских людей. По этой причине проблема защиты российской цивилизационной идентичности связана не только с необходимостью определения базовых цивилизационных ценностей, но и с поиском *интегративных (объединяющих) мировоззренческих оснований* для сближения народов, оказавшихся по разные стороны государственных границ, но связанных великим общим историческим прошлым.

Цивилизационный подход возвращает человеку роль творца, созидателя *без отрицания Бога*, а смысл человеческой деятельности измеряется особой степенью ответственности перед самим собой, будущими поколениями и перед вечностью. Возвращаемся к экологическому мировоззрению, которое довольно жестко определяет меру ответственности человека перед будущими поколениями. Проблемы будущих поколений определяются по-разному, но обычно сводятся к необходимости признания прав ныне живущих поколений и будущих, еще не рожденных¹⁶. Иногда разграничивают права будущего первого поколения и права дальних поколений, т. к. юридически сложно обосновать действия тех, кто действительно сможет представлять в суде конкретные интересы будущих поколений. В целом, можно обозначить четыре обязательства перед будущими поколениями:

- сохранение разнообразия природной и ресурсной базы;
- сохранение качества окружающей среды, ее жизнеспособности;
- обеспечение равноправного доступа всем членам общества к ресурсной базе;
- сохранение этого справедливого доступа для будущих поколений¹⁷.

Третье и четвертое обязательства реализовать не представляется возможным, т. к. очевидно неравенство государств, огра-

¹⁶ *Westra L.* Environmental justice and the rights of unborn and future generations : law, environmental harm, and the right to health. London, 2006. P. 135.

¹⁷ *Ibid.* P. 136.

ниченных конкретной территорией и определенным запасом природных ресурсов.

Выполнение этих обязательств зависит от актуальности распространения экологических ценностей, их политической и культурной легитимации. Для этого необходимо учитывать, что экологическое мировоззрение активно выражают именно образованные люди, имеющие стабильный доход и доступ к основным благам, поэтому максимальное решение проблем голода и бедности позволит актуализировать экологические ценности для большего количества людей. Принцип справедливого использования ресурсов должен основываться не просто на моральных обязательствах, а требует законодательного оформления экологической ответственности человека¹⁸.

Сущность человеческого бытия предстает в ином свете — она связана с миссией народа, которая определяется принадлежностью к конкретной цивилизации и необходимостью ее сохранения в условиях новых вызовов.

Выводы. Очевидно, что преодоление очередной кризисной ситуации в мире и в России требует эпистемологического поворота на теоретическом уровне с целью дальнейших изменений в сфере политики, идеологии и управления. Выбор мировоззренческих оснований цивилизационного подхода определит будущее. Очевидно, что установить, какое из мировоззрений будет доминирующим в качестве обоснования цивилизационного подхода, практически невозможно по причине равноценности мифа и науки (Ф. Шеллинг), в целом диалектики взаимоотношений основных мировоззренческих систем.

Мифологическое мировоззрение создает определенный *миропорядок*, конструирует по определенным законам бытие человека. Сам человек находится внутри мифологической картины мира, участвует в формировании символической реальности, создавая и интерпретируя ее. Игровая природа мифа о возникновении цивилизации, ее взлетах и падениях, самобытности, проявляющейся в ритуалах, дает возможность человеку, социуму не только владеть знанием и чувствованием этого богатейшего мира, но и спо-

¹⁸ Westra L. Environmental justice and the rights of unborn and future generations : law, environmental harm, and the right to health. London, 2006. P. 138.

собствовать его созданию или разрушению. Во времена кризиса цивилизаций миф, обладая мощным символическим ресурсом и потаенным смыслом, доступным только его творцам и наследникам, может создавать условия для возрождения народа и культуры, становиться основой для нового цивилизационного цикла.

Религиозное мировоззрение обосновывает *веру* в особую миссию, предназначение цивилизации, позволяет выявить диалектику культурно-исторического развития и религиозного бытия. Особое значение религиозное мировоззрение приобретает в условиях утверждения постиндустриальной цивилизации. Народы, создавшие цивилизации, всегда опирались на религиозно-нравственные традиции, которые являются объединяющими для всего общества через создание религиозного идеала и основанных на нем практик. Идея цивилизации напрямую связана с идеей духовного совершенства человека. Религиозное мировоззрение (христианство, ислам, буддизм) создает религиозно-мистический архетип национальной жизни и культуры. Вне религиозной идентификации возникновение и развитие цивилизации не представляется возможным, даже если речь идет о техногенной цивилизации. Религия становится одной из этических границ в процессах развития человечества, его естественного стремления к бесконечному прогрессу.

Философское мировоззрение дает представление о смысле бытия цивилизации, позволяет обозначить ценностную обусловленность цивилизационного развития, выявить иерархию ценностей и их самобытное проявление в различных культурных и религиозных традициях. Например, европейская философия создает принцип: «я мыслю, следовательно, существую». Если применить этот принцип к иным культурам, то выяснится, что в какой-нибудь из африканских традиционных обществ он будет звучать иначе: «я танцую, следовательно, существую», а на Востоке: «я пою, следовательно, существую». Песня, танец, мысль как национальная идея отражают сложившийся исторически *миропорядок*, а также доминирование рационального / иррационального как условие самобытности цивилизации. Философия стремится к объяснению законов цивилизационного развития, его перспектив и рисков.

Научное мировоззрение создает теоретическую базу для объяснения сущностных черт «цивилизации», типологии цивилизаций и исторических ступеней их развития, соотносённости цивилизации с культурой. Концептуальные версии развития

культур и цивилизаций множественны: циклическая концепция О. Шпенглера, критикующая линейную периодизацию исторического процесса и обосновывающая идею «коллективной души народа»; концепции французских философов-просветителей, для которых культура и цивилизация синонимичны; представления о цивилизации как периоде, противостоящем «варварству», в работах английских и немецких ученых; концепция «осевого времени» К. Ясперса; концепция «круговорота цивилизаций», а также категорическая критика тезиса о «единстве цивилизации» А. Дж. Тойнби и многие другие. Научное мировоззрение апеллирует к разуму и логике, целью является постижение истины.

Миропорядок, вера, смысл бытия и истина выражают цель использования в рамках цивилизационного подхода соответствующих мировоззренческих оснований — мифологию, религию, философию и науку. Чаще всего ученый работает во всех мировоззренческих парадигмах, потому данное разделение носит сугубо методологический характер.

Подведем итоги.

Первое. Использование теории локальных цивилизаций («цивилизации» — во множественном числе) в противовес пониманию цивилизации как универсальной человеческой общности, как идеала, высшей степени зрелости и развития общества в сферах культуры, искусства, философии, религии, морали и других мировоззренчески разделяет ученых, по-разному определяющих взлеты / падения цивилизационных сообществ, смену мировых цивилизаций, формы межцивилизационного взаимодействия. Не каждый народ создает цивилизацию и не каждая цивилизация достигает идеала «цивизованности».

Второе. Понятие «глобальная цивилизация» всё чаще связывается с признанием народами всего мира *общих ценностей*, целей, традиций, технологий и др., что не совместимо с идеей цивилизационного разнообразия. Даже простое перечисление общечеловеческих ценностей дает понимание их различной трактовки в культурных и религиозных традициях многих народов.

Третье. Формы межцивилизационного взаимодействия можно свести к двум наиболее актуальным: «конфликт цивилизаций» и «диалог цивилизаций». Они могут выступать как в качестве конкурирующих, так и в качестве дополняющих друг друга.

Использование цивилизационного подхода в XXI в. как одной из основ стратегического планирования в сфере государственного управления требует научной разработки долгосрочного прогнозистического сценария взаимоотношений между основными субъектами политики с целью снижения степени конфликтности.

Четвертое. Политические риски использования цивилизационного подхода в сфере государственного управления связаны с постоянным выбором стратегии межцивилизационного взаимодействия «конфликт — диалог», которое не может быть статичным — по причине появления новых бесконфликтных форм противостояния, трансформации основных субъектов политики и смены в международных отношениях доминирующих цивилизаций.

Пятое. Патриотизм как одно из мировоззренческих оснований цивилизационного подхода задает определенное видение истории государства, его предназначения как субъекта мировой политики. Решение любых проблем (экономических, социальных, экологических) не может быть универсальным, потому важным представляется цивилизационный опыт в выработке ответа на огромный перечень угроз. Эвристична, в таком контексте, позиция В. Хёсле: «лишь патриотизм (от которого не освободится и будущее универсальное государство) сможет дать толчок к коллективному трансцендированию частных интересов, без чего невозможно справиться с серьезными опасностями современного мира»¹⁹.

Мировоззренческие основания цивилизационного подхода задают определенное содержание иерархии цивилизационных ценностей, определяют причины и цель обращения к идее цивилизационного развития, актуализируют необходимость трансляции соответствующих смыслов в приоритетных сферах государственной политики в рамках конструирования будущего цивилизации.

Список литературы

1. *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М. : Прогресс, 1974.
2. *Беспалова Т.В., Ларионцев М.М.* Национальная память, служение и границы русской цивилизации // Журнал Института Наследия. 2018. № 2.

¹⁹ Хёсле В. Философия и экология. М., 1994. С. 10.

3. *Верещагин В.Ю.* Лекции по русской культуре : учебное пособие. Ростов-на-Дону, 1998.
4. *Ерыгин А.Н.* Восток — Запад — Россия: опыт метаисторического исследования // Библиотека учебной и научной литературы: сайт [Электрон. ресурс]. URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/origin_vostok (дата обращения: 18.11.2016).
5. *Панарин А.С.* Православная цивилизация. М., 2006.
6. *Расторгуев В.Н.* Русская цивилизационная идентичность: живое наследие и условия наследования // Цивилизационное развитие России: наследие, потенциал, перспективы : коллективная монография / под общ. ред. В.А. Черешнева, В.Н. Расторгуева. М., 2018.
7. *Тойнби А.Дж.* Постижение истории / пер.с англ. М., 1991.
8. Цивилизация и модернизация: история и современность : коллективная монография / под ред. В.Ю. Бельского, проф. Е.А. Когай. М., 2019.
9. *Хёсле В.* Философия и экология. М., 1994.
10. *Яковец Ю.В.* Цивилизационные аспекты глобализации // Глобализация. Конфликт или диалог цивилизаций? М., 2002.
11. *Dator I.* Conscious technology // Futurist. New York, 1989. Vol. 23, N 5.
12. *Schaefer J.* Theological foundations for environmental ethics : reconstructing patristic and medieval concepts. Washington, 1990.
13. *Westra L.* Environmental justice and the rights of unborn and future generations : law, environmental harm, and the right to health. London, 2006.

Гронский А.Д.

РУССКИЙ МИР КАК ОПАСНОСТЬ:
РИТОРИКА БЕЛОРУССКОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ
В ОТНОШЕНИИ РОССИИ
ПОСЛЕ УКРАИНСКИХ СОБЫТИЙ 2014 Г.

Аннотация. Статья посвящена исследованию того, как различные политические акторы Белоруссии относятся к термину «Русский Мир» после государственного переворота на Украине. Белорусская официальная власть оценивает Русский Мир неоднозначно. Но преобладают критические оценки. Белорусская оппозиция оценивает Русский Мир негативно. Иных оценок у белорусской оппозиции нет. Обычные граждане настроены позитивно в отношении России и Русского Мира. Таким образом, Русский Мир представляется угрозой только для белорусской власти и оппозиции.

Ключевые слова: Русский Мир, Белоруссия, А.Г. Лукашенко, белорусская оппозиция.

Гронский Александр Дмитриевич, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра постсоветских исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук. E-mail: agr1976@yandex.ru

Gronsky Alexander D.

THE RUSSIAN WORLD AS A DANGER: THE RHETORIC
OF BYELORUSSIAN PUBLICISTS IN RELATION
TO RUSSIA AFTER THE UKRAINIAN EVENTS OF 2014.

Abstract. The article is devoted to the study of how various political actors in Byelorussia refer to the term “Russian World” after the coup in Ukraine. The Byelorussian official authorities have an ambiguous view of the Russian World. But the prevailing critical assessment. The Byelorussian opposition views the Russian World negatively. The Byelorussian opposition has no other estimates. Ordinary citizens are positive about

Russia and the Russian World. Thus, the Russian World appears to be a threat only to the Byelorussian authorities and the opposition.

Keywords: Russian World, Byelorussia, A. G. Lukashenko, The Byelorussian opposition.

Gronsky Alexander D., Candidate of Historical Sciences, Docent, Leading Researcher of the Center for Post-Soviet Studies. Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences. E-mail: agr1976@yandex.ru

Термин «Русский Мир» не имеет однозначной трактовки и определяется различными исследователями по-разному. А публицисты, особенно политически ангажированные, наполняют термин одним им известным содержанием (подробнее см. [6]). По причине размытости термина возникает ряд недопониманий того, что вкладывается в один и тот же термин разными авторами. Сам термин возник еще в XI в. [18, с. 184–185], когда не существовало белорусской идентичности, поэтому он гораздо старше любых теорий белорусской нации.

Мы будем писать оба слова с заглавной буквы по аналогии с терминами «*Rex Americana*», «*Rex Britannica*» и др. В цитатах термин будет писаться так, как он использовался в оригинале. Белорусские СМИ практически всегда пишут оба слова со строчной буквы и часто берут термин в кавычки, пытаясь подчеркнуть некую искусственность обозначения.

В Белоруссии термин «Русский Мир» был не слишком распространен. Им пользовались не так часто. Однако после государственного переворота на Украине в 2014 г. и событий, которые этот переворот спровоцировали (отделение Крыма, гражданская война), термин резко актуализировался в Белоруссии. Причем в основном с негативной коннотацией. Чаше его использовали оппозиционные публицисты и политики. Официальные лица сторонились термина. Президент Белоруссии А.Г. Лукашенко использовал термин «Русский Мир» не так часто. Причем до 2014 г. наполнение термина в речах белорусского лидера было положительным. 20 июня 2013 г. в выступлении на проходившем в Минске XV Всемирном конгрессе русской прессы А. Г. Лукашенко заявил, «что великий русский язык, являющийся фундаментом одной из величайших в мире культур, — это общее достояние всех народов, которые когда-то создавали наше единое Отечество и не

только его». Далее президент сказал, что русский язык создал великую русскую культуру, являющуюся «достоянием многих народов и к которой, если брать понятие русской культуры и русской цивилизации в самом широком смысле этого слова, относимся все мы». То есть, по мнению А. Г. Лукашенко, белорусы являются частью русской культуры и русской цивилизации. А «русская цивилизация, русский мир дали человечеству не только величайшие культурные достижения, но и особые духовные ценности». И, заканчивая свои рассуждения о Русском Мире и русской цивилизации, Лукашенко сказал: «В этом состоит значительное отличие нашего белорусского пути. Однако именно в этом — его сходство и родство с подлинными духовными ценностями русского мира и русской цивилизации (в широком смысле этого слова), к которым все мы с вами принадлежим» [12]. Итак, в 2013 г., по мнению белорусского президента, белорусы принадлежали к Русскому Миру и русской цивилизации в широком смысле, т. е. не как к миру или цивилизации Российской Федерации, а как к пространству русского языка, культуры, ментальности.

Однако после 2014 г. наполнение термина «Русский Мир» стало меняться. У белорусского президента этот термин менял коннотацию от отрицательной до положительной и наоборот. Так, в январе 2015 г., выступая на пресс-конференции для белорусских и зарубежных СМИ, А. Г. Лукашенко назвал белорусов русскими людьми: «Мы, русские люди (как говорю на хоккее иногда, на тренировке ругаюсь на своих игроков — ты русский или не русский), мы — русские люди — будем воевать с русскими?» [15]. Таким образом, президент расширительно истолковал термин «русские люди», имея в виду не только лишь этнических великорусов, но и, как минимум, белорусов. Хотя в продолжении ответа на вопрос А. Г. Лукашенко сделал нелогичное заявление. Он сказал: «А если есть здесь некоторые умники, которые любят палки в колеса ставить, — и у нас, так называемые “свядомыя” (сознательные; этим термином определяет себя белорусская оппозиция, а вслед за ней и остальные белорусы. Термин в настоящее время приобрел пренебрежительный оттенок. — А. Г.), и отдельные не то приехавшие, не то долго живущие здесь, считающие, что белорусская земля — это часть, ну, как они говорят сейчас, Русского мира и чуть ли не России, — забудьте. Белоруссия — это современное и независимое государство...» [15]. Таким образом, белорусский лидер в одном от-

вете упомянул белорусов как русских людей, но отказал им в праве находиться внутри Русского Мира. Получилось, что термин «Русский Мир» был политизирован белорусским президентом и поставлен в противоположность к белорусской независимости. Хотя этот термин имеет не политическое, а духовно-культурное выражение. Политическим его делают противники России. Как это было хорошо заметно на Украине после 2014 г.

В апреле 2015 г. белорусский президент обратился к парламенту и народу со ставшим уже традиционным посланием, в котором также возникла тема Русского Мира. Послание интересно отсутствием какой-либо стройной системы в попытке отнести себя к Русскому Миру или абстрагироваться от него. А. Г. Лукашенко заявил: «Русский мир — это не про нас», но вслед за этим добавил: «Мы русские люди, но это не значит, что мы россияне. Мы — белорусы. Позвольте нам иметь свою точку зрения на мир» [16]. Далее белорусский президент заявил: «Мы приедем 8 мая в столицу нашей родины — нашей бывшей родины — Москву и продемонстрируем, что мы — русский мир» [16], но еще раз напомнив, что «белорусы и россияне — это один русский народ» [14]. Таким образом, А. Г. Лукашенко снова отказал «белорусской» части русского народа в присутствии внутри Русского Мира. И белорусы снова остались русскими то ли вне Русского Мира, то ли без Русского Мира. Однако, продолжая свое выступление, белорусский лидер вдруг заявил: «...мы — русский мир. Мы были вместе и будем всегда. Мы теснейшим образом связаны с российским народом, мы братья» [14]. В итоге, в одной и той же речи белорусского президента несколько раз прозвучали противоречащие друг другу утверждения, одни из которых полностью отрицали нахождение белорусов внутри Русского Мира, другие — опровергали это.

Ко второй половине года А. Г. Лукашенко всё же наконец определился с тем, что такое Русский Мир. Выступая перед журналистами, он сказал о Русском Мире: это «глупость, которую кто-то предложил пропаганде». И продолжил, «что российский президент Владимир Путин никогда не придерживался этой идеи» [17]. Интересно было бы узнать, откуда у белорусского лидера такая однозначная информация. Ведь именно его российский коллега В. В. Путин актуализировал термин «Русский Мир» в 2006 г. [20]. После активного упоминания Русского Мира в 2015 г. бело-

русский президент не поднимал эту тему несколько лет, но ее продолжили другие белорусские функционеры.

О том, что Белоруссия не входит в Русский Мир, в 2017 г. сообщил высокопоставленный белорусский военный — помощник министра обороны по идеологической работе в Вооруженных силах, начальник главного управления идеологической работы Министерства обороны генерал-майор А. Гура, который сказал: «На современном этапе острие раскола направлено на внедрение в сознание людей, прежде всего молодежи, примитивного понимания патриотизма, подаваемого либо под русофобией, либо под идеей псевдоимперских амбиций, облаченных в форму “русского мира”» [5]. Таким образом, для белорусского армейского идеолога Русский Мир оказался псевдоимперскими амбициями. Чем псевдоимперские амбиции отличаются от имперских, идеолог не пояснил, хотя подавляющее большинство белорусской оппозиции обвиняет Россию именно в имперских, а не псевдоимперских амбициях.

В марте 2019 г. А. Г. Лукашенко снова высказался о Русском Мире и снова взаимоисключающе. Так, рассуждая о недавно ставших актуальными понятиях, он сказал: «Знаете, появились понятия “Русский мир”, “Мягкая сила”, белорусизация и прочее. Мы с Президентом Путиным по моей инициативе так обсуждали с моими претензиями к нему эту тему. Я говорю, надо прекратить в России всякие эти разговоры. Что значит расширение русского мира за счет Беларуси? Слушайте, когда мы стали вне этого русского мира?» [4]. То есть А. Г. Лукашенко удивлен, что белорусы считают находящимися вне Русского Мира, следовательно, президент полагает, что они находятся в нем. Но тут же делает взаимоисключающее заявление: «У нас в православии 85–88 процентов людей. Мы разговариваем на русском языке. Мы думаем, как русские. Зачем навязывать Беларуси некий “русский мир”, чтобы взбаламутить людей?» [4]. В этой фразе уже не упоминается, что белорусы тоже русские, о чем говорил А. Г. Лукашенко несколько лет назад. Белорусы — не русские, они всего лишь думают, как русские, и говорят на русском языке. То есть от русских уже создается дистанция. Но белорусский президент указывает, что навязывание Русского Мира повлечет за собой опасность «взбаламутить людей». Однако, если люди находятся внутри Русского Мира, им нет смысла баламутиться, когда им предлагают Русский

Мир. Негативная реакция на такое предложение может исходить лишь при нежелании быть или стать частью Русского Мира.

Таким образом, официальная позиция белорусских властей в отношении Русского Мира остается двоякой.

Силы белорусской оппозиции относятся к Русскому Миру более однозначно. И это отношение сугубо негативное, калькирующее украинское националистическое отношение. Естественно, что радикализация термина «Русский Мир» в среде белорусской оппозиции началась с 2014 г., с появлением конфликта на Украине. Если проследить, что, по мнению белорусской оппозиции, является появлением Русского Мира, то получится очень показательная картина. Белорусский оппозиционный национализм относит к проявлениям Русского мира всё, что хочет. При этом логика таких действий более объяснима не рациональностью, а страхом, паникой или всплесками русофобии. В частности, установка памятника русскому православному святому великому князю Александру Невскому была оценена как «акт агрессии “русского мира” в отношении Беларуси». Причем оппозиционный публицист сам формулирует ложные причинно-следственные связи, к тому же показывая незнание истории. Установка памятника Александру Невскому видится ему тем, «что было в начале захвата Крыма, когда они (представители Русского Мира. — А.Г.) придумывали сказки, что здесь был какой-то русский князь» [8]. В Крыму действительно был князь Владимир, который штурмовал Корсунь. Поэтому никаких сказок о его присутствии на полуострове никто не придумывал, это реальность. Факты присутствия «какого-то русского князя» в Крыму и присутствия Александра Невского в Витебске на самом деле были. Видимо, памятник святому той Церкви, под влиянием которой находится подавляющее число белорусов, воспринимается как начало оккупации.

Александр Невский был женат на полоцкой княжне Александре Брячиславне, их сын некоторое время жил в Витебске, поэтому Витебск для Александра Невского не был чужим городом [21]. Стоит отметить, что изначально витебские власти решили поставить три памятника историческим персонажам, связанным с городом: православной святой княгине Ольге, православному святому князю Александру Невскому и литовскому князю Ольгерду. Однако белорусские националисты добились того, что был установлен единственный памятник литовскому князю Ольгерду.

В среде белорусского национализма этот этнический литовец рассматривается как белорусской герой, в том числе и потому, что он «ходил на Москву». То, что во времена Ольгерда белорусской идентичности не существовало, националистов не волнует. Но, если признавать истину, тогда полностью рассыпается националистический миф о древних белорусах. И всё же, несмотря на националистическое давление, через некоторое время витебские власти установили памятник Александру Невскому. Причем памятник состоит из трех фигур — самого князя, его жены и сына. Выступления против этого памятника со стороны белорусских националистов более интересны, если понимать, что в националистической мифологии (но не в реальности) полоцкая княжна Александра Брячиславна является белоруской, а ее сын в таком случае как минимум наполовину белорус. Кстати, памятник Ольге — легендарной основательнице Витебска — так и не поставили.

Страхи, связанные с проявлением Русского Мира, не заканчиваются памятниками православным святым. Например, к Русскому Миру отнесли наличие на прилавках магазинов в Гомеле школьных дневников, выпущенных в России. По словам самих продавцов, эти дневники не раскупаются, т.к. не подходят полностью под белорусские школьные требования, но оппозиция их наличия всё равно испугалась. В контексте борьбы с русскими дневниками националисты вспомнили и глобусы с российским Крымом. Видимо, националисты ощущают от дневников и глобусов (кстати, глобусы с российским Крымом были польского, а не российского производства) какую-то угрозу, потому что статья, посвященная данной теме, заканчивалась разделом, называвшимся «Как бороться с проявлениями “русского мира” в Беларуси?». Против Русского Мира предлагалось «бороться комплексно — писать жалобы в книгу замечаний и предложений, сообщать о таких случаях в медиа и даже устраивать общественные кампании» [2].

Еще одно достаточно странное проявление Русского Мира, найденное националистами, — это Рунет, названный «существенным инструментом в восстановлении российско-советской империи». К опасностям Русского Мира в Рунете относят не только расставляемые в российских новостях акценты, но и собственно русский язык сайтов. Более того, «Русский Мир приходит таким образом к белорусам в том числе через использование электронной почты с доменом *ru*» [1]. Белорусские националисты, опасаясь

Рунета, не учитывают, что на русском языке в Рунете публикуются и антироссийские тексты. Таким образом, по логике носителей «рунетофобии», эти антироссийские тексты тоже являются «существенным инструментом в восстановлении российско-советской империи».

Наличие в Белоруссии Русской православной церкви, естественно, с точки зрения националистов, представляет собой опасность. Для ее купирования один из белорусских оппозиционных экспертов предлагает Православной церкви «получить больше зависимости от Лукашенко и меньше зависимости от Путина». Помимо того, сложившуюся в Белоруссии практику официального отмечаия православных и католических праздников (Рождество, Пасха) националистический эксперт не только считает обозначением западного цивилизационного вектора, но и дополнительной защитой «от воронки агрессивного проекта “Русский мир”, в которую затянуло часть Украины» [13].

В белорусском медийном пространстве представлены и российские СМИ. Правда, в урезанном виде, когда российский контент перебивается белорусским. Это достаточно объективное положение вещей, т.к. качественного (и не только качественного) белорусского контента в таком количестве, чтобы иметь возможность полностью заполнить сетку вещания нескольких телеканалов, попросту не существует. Наличие российского контента в Белоруссии описывается белорусскими националистами формулой «“Русский мир” из каждого утюга». Итогом чему якобы является получение белорусской аудиторией российской картины мира. В качестве борьбы с этой картиной националисты предлагают либо ограничить российское вещание, либо включить украинские и польские каналы для нейтрализации российских. Но в первом случае белорусское телевидение столкнется с отсутствием необходимых объемов контента, а во втором — с резким спадом интереса к польским и украинским каналам, поскольку для того, чтобы их смотрели, они должны быть русскоязычными, что автоматически записывало бы их в сторонники Русского Мира. Помимо того, отсутствие привычного российского контента стимулирует его поиск в Интернете, где российские сайты пользуются огромной популярностью у белорусов [10]. То есть простые белорусы не видят опасности Русского Мира и с удовольствием потребляют русскоязычный информационный контент.

Сами оппозиционные политологи на примере Украины объясняют предпочтения тех или иных групп населения. Так, при исследовании информационных предпочтений жителей Львова и Харькова в 2015 г. было установлено, что «степень воздействия российской пропаганды <...> в Харькове в разы выше, чем во Львове». Российские каналы к тому времени уже были отключены, но люди могли смотреть трансляции в Интернете. И харьковчане заменяли отсутствующий российский телевизионный контент интернет-контентом [23]. Поэтому можно предположить, что сокращение российского контента в Белоруссии или его замена на польско-украинский не сделает из массы белорусов борцов с Русским Миром.

Опасность Русского Мира для белорусских националистов отчасти состоит и в том, что они воспринимают его как русский национализм. Когда большинство белорусов негативно оценили предложение создать белорусскоязычный университет, т.к. он автоматически станет «гнездом белорусских националистов», один из оппозиционных публицистов задал вопрос, не смущает ли белорусов «гнездование сторонников русского мира в системе образования?» [3]. Таким образом, белорусские националисты видят возможность сравнивать, с одной стороны, белорусский национализм, а с другой — Русский Мир. Но Русский Мир является синонимом русского национализма лишь для белорусских националистов. А «гнездование» сторонников Русского Мира в белорусской системе образования относительно спорно, поскольку ряд утверждений из белорусских школьных учебников истории можно отнести к проявлению именно белорусского национализма, а не Русского Мира.

Нельзя рассматривать угрозу Русского Мира и через наличие русского, а не автокефального белорусского православия. Православные белорусы не рассматривают Русскую православную церковь как угрозу. В качестве примера можно привести слова одной молодой православной прихожанки: «У меня есть национальная идентичность, я белоруска. В то же время, родилась я в России, часть моих родственников живет в России, и я чувствую себя частью и того мира тоже. Влияние Православной церкви чувствуется в наших традициях, нашей культуре, а центр этой культуры — там. Я люблю Россию, как люблю и Запад» [19]. Угроза Русского Мира через православие конструируется белорусскими националистами.

Простое население Белоруссии, в отличие от власти и оппозиции, к Русскому Миру относится вполне спокойно. Оно не готово выступать против Русского Мира. Например, в начале 2017 г. в Белоруссии начались протесты против введения в действие так называемого декрета о тунеядцах. Протесты были стихийными акциями против действий властей, которые рассматривались людьми как направленные на лишение простого населения дополнительных источников доходов. Белорусская оппозиция попыталась оседлать протесты, но неудачно. Люди не пожелали выступать под руководством антироссийски настроенных сил. Причины этого достаточно однозначно описал белорусский журналист А. Шрайбман. Если оппозиция выдвинет свои традиционные лозунги: «Борьба с “русским миром”, за белорусский язык и “честные выборы”», то люди очень быстро сделают вывод, что оппозиция хочет их использовать. Протесты прекратятся, а белорусы «пойдут копить злость на кухню» [22].

В 2019 г. вышла монография белорусского социолога И. Лапшук «Социокультурный анализ современного белорусского общества» [11]. В ней был представлен соцопрос, в котором был вопрос: «Как часто вы чувствуете общность (единение) со следующими группами людей, о ком вы могли бы сказать: “Это — мы”?» Оказалось, что 50,7% белорусских студентов чувствуют единение с гражданами России, а 28,4% — «с теми, кого можно отнести к “русскому миру”» [7]. Белорусские оппозиционные СМИ сразу же обвинили в этом А. Лукашенко, заявив, что «половина белорусских студентов отождествляют себя с гражданами России», преподав это как итог 25-летнего правления бессменного белорусского лидера [9]. Нужно отметить, что опрашивались в основном студенты-гуманитарии, а не все студенты. Поэтому, как указывает одно из оппозиционных СМИ, «в целом по стране этот показатель, увы, был бы гораздо выше» [9]. С этим выводом можно согласиться. Студенты технических специальностей менее подвержены влиянию националистической пропаганды как минимум потому, что сфера их интересов лежит не в плоскости идеологии. Поэтому отношение к России и Русскому Миру у них более спокойное. Также стоит обратить внимание, что данное исследование проводилось в 2017 г. [11], т. е. в то время, когда термин «Русский Мир» обладал в белорусском информационном пространстве в основном негативными коннотациями. Более того, автор исследования заявила оппозиционному

сайту, что «идентификация белорусских студентов с гражданами России не связана с влиянием российских СМИ, так как у белорусской молодежи более популярны белорусские медиа» [7]. То есть чувство общности с гражданами России и с Русским Миром не связано с российской информационной пропагандой, как любят утверждать белорусские националисты. Скорее, это достаточно естественное ощущение себя и своего единения с гражданами самой близкой по культуре и менталитету страны.

В целом, после украинских событий 2014 г. в Белоруссии отношение к Русскому Миру изменилось лишь у официальных властей. Оппозиция как считала Русский Мир ранее угрозой для Белоруссии, так и осталась на тех же позициях. Обычные граждане, даже молодежь, которую постоянно имеют в виду, когда говорят о поколении, не знавшем жизни в едином государстве, относятся к Русскому Миру спокойно и даже положительно, показывая свое единство с россиянами. А официальные власти так и не смогли окончательно определиться, как им оценивать Русский Мир. Однако негативные оценки Русского Мира, исходящие от белорусских властей, более эмоциональны, а значит, более заметны на фоне других высказываний.

Список литературы

1. Алексей Криволап: «Русский мир» пользуется электронной почтой на yandex.ru и mail.ru // Белсат TV. URL: <http://belsat.eu/ru/programs/aleksej-krivolap-russkij-mir-polzuetsya-elektronnoj-pochtoj-na-yandex-ru-i-mail-ru/> (дата обращения: 12.11.2019).
2. Бабин В. «Русский мир» запрещают в белорусских школах // Белсат TV. URL: <http://belsat.eu/ru/in-focus/russkij-mir-zapreshhayut-v-belorusskih-shkolah/> (дата обращения: 12.11.2019).
3. Виктор Мартинович. Почему государству нужен университет с белорусским языком обучения // Наша ніва. URL: <https://nn.by/?c=ar&i=203620&lang=ru> (дата обращения: 12.11.2019).
4. Встреча с представителями общественности и экспертного сообщества, белорусских и зарубежных СМИ «Большой разговор с Президентом» // Президент Республики Беларусь : официальный сайт. URL: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/vstrecha-s-predstaviteljami-obschestvennosti-i-ekspertnogo-soobschestva-belorusskix-i-zarubezhnyx-smi-20590/ (дата обращения: 11.11.2019).

5. Главный идеолог Минобороны осудил русофобию и «псевдоимперские амбиции» радикалов из России // TUT.by. URL: <https://news.tut.by/economics/558074.html> (дата обращения: 11.11.2019).
6. Гронский А.Д. Русский Мир в поисках содержания // Россия в глобальной политике. 2017. Сентябрь. Спецвыпуск: Атлас общественной дипломатии. С. 149–164.
7. Дашчынскі А. Палова беларускіх студэнтаў атаясамліваюць сябе з грамадзянамі Расеі, — дзяржаўнае дасьледаваньне // Радыё Свабода. URL: <https://www.svaboda.org/a/29968092.html> (дата обращения: 12.11.2019).
8. Дорофейчук И. «Русский мир» в Витебске: страсти вокруг памятника Александру Невскому // Белсат TV. URL: <http://belsat.eu/ru/news/russkij-mir-v-vitebske-strasti-vokrug-pamyatnika-aleksandru-nevskomu/> (дата обращения: 12.11.2019).
9. Итог 25-летнего правления Лукашенко: половина белорусских студентов отождествляют себя с гражданами России // UDF.by. URL: https://udf.by/news/main_news/193227-itog-25-letnego-pravlenija-lukashenko-polovina-belorusskih-studentov-otozhdestvlyajut-sebja-s-grazhdanami-rossii.html (дата обращения: 12.11.2019).
10. Класковский А. Дело авторов Регнума. Белорусские власти между двух огней // Навіны.by URL: <http://naviny.by/article/20171218/1513615809-delo-avtorov-regnuma-belorusskie-vlasti-mezhdu-dvuh-ogneu> (дата обращения: 12.11.2019).
11. Лашук И. Социокультурный анализ современного белорусского общества. Минск : Беларуская навука, 2019. 267 с.
12. Лукашенко А.Г. Выступление на пленарном заседании XV Всемирного конгресса русской прессы // Президент Республики Беларусь : официальный сайт. URL: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/vystuplenie-prezidenta-respubliki-belarus-aglukashenko-na-plenarnom-zasedanii-xvvsemirnogo-kongressa-russkoj-6327/ (дата обращения: 11.11.2019).
13. Лукашенко, «Русский мир» и Белорусская Православная Церковь // Вне строк. Информационно-аналитические публикации. URL: <http://vstrokax.net/mezhdunarodnaya-panorama/lukashenko-russkiy-mir/> (дата обращения: 11.11.2019).
14. Лукашенко: «Мы — русский мир» // Хартия'97. URL: <https://charter97.org/ru/news/2015/4/29/149501/> (дата обращения: 11.11.2019).
15. Лукашенко: «Считающие, что Белоруссия — часть Русского мира, — забудьте». // Информационное агентство REGNUM.

- URL: <https://regnum.ru/news/polit/1889647.html> (дата обращения: 11.11.2019).
16. Мельничук Т. Лукашенко: Белоруссия может противостоять любым замыслам // BBC. Русская служба. URL: http://www.bbc.com/russian/international/2015/04/150429_lukashenko_address (дата обращения: 11.11.2019).
 17. Мельничук Т. Лукашенко: русский мир — пропагандистская глупость // ИноСМИ. URL: <http://inosmi.ru/sngbaltia/20150804/229437278.html> (дата обращения: 12.11.2019).
 18. Назаренко А. В. «Слово на обновление Десятиной церкви», или К истории почитания святителя Климента Римского в Древней Руси. Москва — Брюссель : Conférence Sainte Trinité du Patriarcate de Moscou ASBL : Свято-Екатерининский мужской монастырь, 2013. 224 с.
 19. Павлюкевич О. «Насильно в церковь никого не затанешь»: как живет молодая христианка в миру // TUT.by. URL: <https://lady.tut.by/news/life/537900.html> (дата обращения: 12.11.2019).
 20. Подоляка Ю. «Русский мир» как один из центров будущей мировой цивилизации // Политика сегодня. URL: <https://polit.info/427659-russkii-mir-kak-odin-iz-centrov-budushei-mirovoi-civilizacii> (дата обращения: 12.11.2019).
 21. Почему в Витебске поставили памятник Александру Невскому? // Общественно-политический интернет-журнал «Чеснок». URL: <https://4esnok.by/mneniya/pochemu-v-vitebske-postavili-pamyatnik-aleksandru-nevskomu/> (дата обращения: 12.11.2019).
 22. Шрайбман А. Злость народа, которую проморгали все // TUT.by. URL: <https://news.tut.by/economics/532103.html> (дата обращения: 12.11.2019).
 23. Юрий Дракохруст. Формула народной геополитики: за Россию и независимость // TUT.by. URL: <https://news.tut.by/economics/544223.html> (дата обращения: 12.11.2019).

ПРАВОСЛАВНАЯ ИКОНА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Аннотация. Икона — искусство, утверждающее приоритет духовного над телесным. Она противопостоит миру, в котором человек приравнивает себя к животному, и испытывает его агрессию. Закон о реституции церковных ценностей российские СМИ, поддерживающие идеологию потребления и трансгуманизма, использовали для подмены в общественном сознании русской средневековой истории и культуры на историю Православной церкви. Сокровища русского искусства таким образом были превращены в достояние узкого круга верующих и лишились общечеловеческой значимости. Это привело к социальному разделению, спровоцировало антихристианские настроения, сделало национальную культуру неинтересной для молодых россиян, стало причиной поисков альтернативной истории.

Ключевые слова: современная икона, общество потребления, церковная реституция, музеи и церковь, православная магия, суеверия, РПЦ, древнерусское искусство.

Губарева Оксана Витальевна, кандидат культурологии, старший научный сотрудник Российского института истории искусств, Санкт-Петербург. E-mail: oxania@list.ru

Gubareva O. V.

ORTHODOX ICON IN THE MODERN WORLD

Abstract. The icon is an art that affirms the priority of the spiritual over the bodily. Orthodox icons are opposed to a world where a person equates himself with an animal, and it experiences the aggression of such a world. The law on the restitution of church values by the Russian media, supporting the ideology of consumption and transhumanism, was used to replace in the public mind Russian medieval history and culture with the history of the Orthodox Church. The treasures of Russian art were thus turned into the property of a narrow circle of believers and lost its universal significance. This led to social separation, provoked anti-Christian sentiments, made the national culture uninteresting for young Russians, and led them to the search for an alternative story.

Keywords: modern icon, consumer society, church restitution, museums and the church, Orthodox magic, superstition, Russian Orthodox Church, ancient Russian art.

Gubareva Oksana Vitalievna, candidate of Cultural Studies, senior researcher at the Russian Institute of Art History, St. Petersburg. E-mail: oxania@list.ru

В то время как развитие цивилизации, по мнению некоторых ученых¹, подошло к сингулярному рубежу, за которым маячит неясный образ постчеловечества, на фоне нового атропологического кризиса и ожиданий техногенного апокалипсиса искусство православной иконы удивляет своей персистентностью. Оно существует в том виде, в каком существовало в Средние века, — с той же смысловой нагрузкой, функциями, эстетикой. Несмотря на общий религиозный кризис, так же, как и тысячу лет назад, икона свидетельствует о Христе и утверждает человека как духовное существо.

В современном мире икону невозможно сравнить ни с каким другим культовым религиозным изображением, — это по-настоящему живое явление, которое никогда не прекращало своего существования. Иконопись всегда была и остается неотъемлемой частью визуального ландшафта православных стран и, кроме литургической, выполняет важную функцию национальной, этноконфессиональной и культурной самоидентичности православных народов.

Несмотря на общий для всех иконографический канон, у каждого народа сформировался свой эстетический идеал в иконописи. Русские, греки, румыны, болгары, грузины, сирийцы, японцы... — все пишут иконы по-разному. Лица святых, цвета одежд, детали пейзажа, характер орнамента, особенности стиля и композиции в иконах всегда связывались с традициями, образами и вкусами той страны, где они создавались, и всегда были современны своей эпохе. За всю историю существования иконописи ни одна икона не была написана как абстрактный литургический образ, ни одна не существовала «вне времени и пространства». Любая древняя икона когда-то была написана художником для живых людей, для соотечественников и современников. Такая индиви-

¹ Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция / под ред. проф. Д. И. Дубровского. М. : Изд-во МБА, 2013. 272 с.

дуализация литургического искусства связана с православным пониманием Богообщения как духовного диалога личного Бога и личного человека. Икона является художественным образом, который говорит о Боге, но одновременно утверждает высокий статус самого человека, ибо Бог изображается на иконах как человек и обращен к человеку. Человек же, созданный Богом по своему образу и подобию, черпает представление о Боге из самого себя.

Церкви всегда было важно, чтобы ее искусство находило отклик в душе верующего, было ему близким и понятным. Отсюда — этнографическое разнообразие литургического искусства, практика перевода литургии на национальные языки. Но иконы нельзя рассматривать только как художественную форму национальной рефлексии. В этом сложность и особенность такого вида искусства: с одной стороны, канон и богословие, с другой — интересы народа, его эстетические идеалы, духовная самобытность. И здесь важную роль играет личность иконописца. Как заметил Гоголь, поэт смотрит на мир глазами своей национальной стихии, глазами всего народа. Если Церковь хранит канон, то иконописец привносит в него живую душу своих современников.

Икона — это образ Бога в человеке. Она утверждает приоритет духовного над телесным и всегда противопоставлена миру, в котором человек приравнивает себя к животному: будь то мир языческой архаики или современного трансгуманизма. Иконописный образ создается на стыке духовно-мистического и художественно-эстетического и испокон веков востребован не только в Церкви. Особенно ярко это всегда появлялось в культуре России.

Для Древней Руси иконы правильнее определять не как церковное искусство, а как часть средовой культуры. В церкви, в доме, амбаре, трактире, в бане, на улице, дороге, на войне и базаре — где бы человек ни находился, иконы всегда были у него перед глазами. Их возили с собой, носили на себе, они сопровождали русского человека постоянно, а русские города возводились как иконы Небесного Иерусалима и «дома» Христа, Богородицы и святых. Даже в секуляризованном XIX в., когда активно развивалась светская живопись, икон писалось в сотни, а может быть, в тысячи раз больше, чем картин². Иконы, созданные в России за

² Тарасов О. Ю. Икона и благочестие : очерки иконного дела в императорской России. М. : Прогресс-Культура : Традиция, 1995. 496 с.

всё время существования в ней православия, несопоставимы ни с каким другим искусством и ни с каким другим православным государством.

О роли иконописи в русской культуре сказано и написано много. М. Алпатов, Д. Сарабьянов, В. Бычков, М. Цветаева и другие ученые, соединяющие в своих исследованиях искусствоведческие и культурологические подходы, определяют ее как ключевой элемент отечественной цивилизации, имеющий в ней системное значение. В их работах обозначены различные аспекты творческой преемственности эстетических основ русской средневековой культуры в культуре Нового и Новейшего времени. Д. В. Сарабьянов³ говорит об энергиях русской духовной традиции, которые пронизывают всё отечественное искусство, даже тогда, когда это не выявляется напрямую, когда, например, автор нарочито отказывается от преемственных эстетических принципов, утверждая революционные идеалы. О духовном, анагогическом характере созерцания красоты икон, повлиявшем на сложение особенной русской визуальной культуры и русской ментальности, мы находим размышления во многих работах М. В. Алпатова, в лекциях и фильмах С. С. Аверинцева⁴. М. Н. Цветаева выводит из искусства иконописи фундаментальный принцип «философско-эстетического толкования русского искусства»⁵ — «духовно-телесную целостность» — и рассматривает русскую художественную культуру через иконописный образ в динамике ее духовно-нравственного и историко-эстетического развития⁶.

Делая широкие обобщения, теоретические выводы, исследователи русского искусства видят в иконе вершину национального

³ *Сарабьянов Д. В.* Русская живопись. Пробуждение памяти. М., 1998. 432 с.

⁴ См., например, документальный фильм «Свидетельство красотой», 1990 г.

⁵ *Цветаева М. Н.* Статус искусства в контексте христианской гносеологии // Вестник РХГА. 2008. №1. С. 218–224. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/status-iskusstva-v-kontekste-hristianskoy-gnoseologii> (дата обращения: 21.12.2018) ; *Цветаева М. Н.* Христианский взгляд на русское искусство: от иконы до авангарда. СПб. : Изд. РХГА, 2012. 304 с.

⁶ Там же.

творческого духа, раскрывая ее в трихотомическом единстве, как мистический образ, высокое богословие и совершенное искусство. Иконы, будучи литургическим предметом, многие века выполняли и все социальные функции искусства: они формировали эстетический вкус человека, воспитывали его эмоционально, играли важнейшую этическую и интеллектуальную роль, были образцом творческого мастерства. Для русского человека икона была символическим образом Божественного Космоса, образом национально-го космоса и, одновременно, живой составляющей их обоих.

В XX в. в СССР была предпринята попытка полного искоренения искусства иконописи, выведения его из актуального культурного поля России через тотальное уничтожение памятников, иконописных мастерских, художников, через придание оставшимся образцам археологического статуса. Это была продуманная идеологическая политика, которая последовательно реализовывалась не одно десятилетие. Показателен диалог А. И. Анисимова и М. Н. Мандельштама-Лядова, видного советского функционера, изложенный Анисимовым в одном из своих писем: «...Все церкви будут уничтожены (sic!). Лет через 50, когда материализм окончательно укрепится в народном сознании, можно будет безвредно для дела приступить к инвентаризации и даже научному исследованию памятников религиозного быта. Пока же отдел религиозного быта недопустим в той системе народного воспитания, которой должен служить Исторический музей, как один из органов просвещения масс. Объективной науки нет. Есть только классовая борьба: пролетарская или буржуазная. Изучение религиозных памятников, если оно не преследует антирелигиозных целей, есть наука буржуазная, служащая интересам враждебного класса»⁷. Но в полной мере воплотить это не удалось. Тридцать лет назад, когда были сняты все запреты, икона вернулась в русский мир и заняла в нем соответствующее ей место. Казалось, что еще немного — и традиция оживет. Но этого не случилось. Изменился сам человек: он потребовал адаптации христианства к ценностям общества потребления. Материализм и коммунистические идеи, органично соединившись с философией общества потребления,

⁷ Из письма А. И. Анисимова Н. М. Беляеву 28 февр. 1929 г. // Александр Иванович Анисимов (1877–1937) / И. Л. Кызласова. М., 2000. С. 48–56.

повлияли на смену антропологического самосознания, представление о целях и смысле жизни. В 90-е, когда в России новые идеалы только начали распространяться, икона одна из всех визуальных искусств сразу отчетливо противопоставила себя этому. В ее образах духовно и эстетически Богочеловек стал свидетельствовать о происходящем расчеловечивании культуры и разрушении традиционных христианских ценностей. Это предопределило изменение отношения к ней в обществе и повлияло на перспективы ее развития. Икона, с ее визуализацией эстетических и этических идеалов христианства в их бескомпромиссной чистоте, стала неуютной для многих. Началось сперва скрытое⁸, а потом и откровенное иконоборчество, истоки которого надо искать внутри Церкви.

В ранних 1990-х, когда художники только начали работать в храмах, в искусстве иконописи наблюдался мощный творческий подъем. Иконописцы уходили в монастыри, стремились проникнуть в смысл древних образов, вдохновенно осваивали художественные приемы великих иконописцев, дискутировали об образе современной иконы, набирали в мастерстве. Но если иконописцы были готовы к творческим изменениям, к возрастанию в своем искусстве к Пресущественно Прекрасному, то пришедший в Церковь массовый верующий искал в иконах совсем другого и не готов был поддерживать художника в его поисках. Для него икона была, в первую очередь, предметом потребления, как бы ужасно это ни звучало, т.е. икона должна была обладать определенным набором качеств, далеких от идеи художественности. И для заказчиков церковного убранства мнение этой массы стало приоритетным: потребляющий верующий сам сделался объектом потребления и прибыли. Один из основополагающих законов общества потребления — всё является объектом потребления, в том числе и люди, — начал проникать внутрь церковной ограды.

На Западе христианство уже давно стало терять свою нравственную роль, и к XXI в. идеология потребительства проделала там большой путь. Западный мир перестал быть христианским, человек-потребитель стал превращаться в человека-животное, и это, вместе с другими европейскими ценностями, естественным

⁸ *Губарева О.В.* Формы скрытого иконоборчества в современной Церкви // Церковный вестник. № 4 (353), февраль 2007 / 20 февраля 2007 г.

образом вошло в культуру современной России. Потребительское отношение к вере стало основой скрытого иконоборчества внутри Церкви.

Начало открытого иконоборчества и информационной войны против Церкви связано с законом 2010 г. «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности». Именно с него началось разделение между православной и светской культурой России. Закон, по существу, оказался иезуитским.

Обнадеженное чиновниками священноначалие потребовало вернуть Церкви все храмы, приходские здания и изъять из музеев предметы, имеющие церковное назначение. Началось широкое обсуждение этих требований в СМИ, в ходе которых были разрушены отношения между светским и религиозным обществом, музеями и Церковью. Даже сами верующие оказались разделенными на левых и правых. Особенно сильный удар по духовному состоянию общества нанесло противостояние музеев и Церкви. Музейные работники прежде сами искали диалога с Церковью, видя в ней союзника в сохранении древнерусских памятников, в достижении единой цели — духовного просвещения и сохранения христианских ценностных ориентиров в российском обществе. Категорично озвученные имущественные претензии, грозящие разрушением музейных коллекций, первые примеры потребительского отношения и нанесение непоправимого ущерба древним памятникам, переданным в храмы (например, в Боголюбово), превратили бывших друзей во врагов, и это больно ударило не только по репутации Церкви, но, как ни странно, по отношению к древнерусскому наследию в целом.

Что такое художественный музей в современном культурном ландшафте? Это место, придя куда, человек рассчитывает увидеть шедевры мировой культуры и искусства, восхититься гением своих предков, ощутить гордость наследника. Место, которое пока что себя еще не дискредитировало; которое в массовом сознании является безусловным культурным авторитетом. Для обычного человека — музей и есть культура. И церковные иерархи, согласившись на закон о реституции, противопоставили себя ей.

Через стремление восстановить историческую справедливость, на фоне переживания обществом отсутствия социальной справедливости вообще, был запущен процесс разделения и вы-

талкивания верующих в обособленную общественную группу. Со стороны православных начался ответный процесс самоизоляции, зазвучали слова: «Отдайте нам *наши* церкви (иконы)», «*Вы* (?) нас убивали, верните награбленное». И это разделение было сразу многократно усилено информационными вбросами, подхвачено теми, кто желал бы дискредитировать русскую культуру, представить русское средневековое искусство принадлежащим небольшой группе «церковников», чужим для всех остальных граждан страны. Рассказы об иконах, выставки икон, древнерусское искусство в целом стали исчезать из медийного пространства. Иконописное наследие, еще недавно столь привлекавшее русских, стало представляться скучным, ненужным, лишенным художественной значимости. И это понятно: если правительство решило, что иконы можно отдать из музеев, значит, они не столь ценны, как казалось: Мадонну Леонардо да Винчи не отдали бы на хранение свечницам.

Процесс изъятия шедевров древнерусского искусства из-под государственной музейной охраны, несмотря на то что он не стал тотальным, как предполагалось изначально, был использован на информационном поле битвы в полной мере. Он оказался процессом изъятия древнерусского искусства вообще из сферы культуры, возвращения к тому времени, когда отсчет русской истории начинался с Петра I. Ведь если иконы не искусство, то русского искусства до Петра не было вообще, поскольку ничего другого, кроме икон, в то время не писалось. Это сказалось на сокращении экспозиций икон в стране, которая осталась незамеченной в обществе.

В Русском музее в Петербурге иконы в советское время были представлены всего в четырех небольших залах — это примерно 1% от крупнейшей, собранной в основном до 1917 г. коллекции древнерусского искусства в стране. В связи с закрытием некоторых икон климатическими боксами, съедающими экспозиционное пространство, их количество в последние годы еще сократилось. При этом уже много лет существует разработанный проект новой большой экспозиции для залов первого этажа Михайловского дворца. Он предполагает экспонирование не только икон, но и произведений прикладного искусства, книжности, скульптуры, которые в настоящее время можно увидеть только на временных выставках. Экспозиция создавалась в связи с передачей музею новых дворцовых зданий. Но проект остался на бумаге, можно

предположить, что в связи с падением интереса к древнерусским памятникам. В Государственном Русском музее России, который уже в своем названии претендует на всесторонность освящения русского искусства от его истоков, полноценный и подробный рассказ о нем начинается только с XVIII в.

В Москве после передачи церкви ряда храмовых ансамблей сократилось количество экспозиций, представляющих полностью воссозданные древние интерьеры: размещенные в них иконы и предметы декоративно-прикладного искусства были убраны в запасники (например, храм Покрова Пресвятой Богородицы в Филях, Новодевичий монастырь). И на этом процесс не останавливается. Музей икон имени Андрея Рублёва уже год как пытаются выселить из Свято-Андроникова монастыря, что означает закрытие его экспозиции на несколько лет и вывод из общекультурного дискурса знакового для русской средневековой истории пространства в центре Москвы. Церковь в настоящее время претендует даже на Музей Ростовского кремля, который не может подлежать реституции, т. к. существует как музей с 1883 г. Но государственное финансирование музея недавно было заметно сокращено, что вызывает опасения у музейного сообщества.

На Севере горят и гниют деревянные церкви, повсеместно гибнут фресковые ансамбли от свечей, протечек и сквозняков, в переданных церкви монастырях делаются евроремонты, древние переплеты окон заменяются на стеклопакеты, уничтожающие аутентичные интерьеры... Но это всё волнует очень небольшую группу энтузиастов и совершенно не освящается в СМИ. Проблемы экологии природы трогают людей гораздо больше, чем экология собственной культуры. Убираясь из экспозиций музеев, иконы стали изыматься из активного сознания миллионов российских граждан как национальная культурная составляющая. Тысячелетняя история средневекового русского искусства в медийном пространстве за короткий срок была искусно подменена историей искусства Церкви и представлена принадлежностью узкого круга верующих. Это привело к тому, что большая часть россиян вдруг начала осознавать себя гражданами страны с убогим прошлым, эпигонской по отношению к Западу культурой, страны, у которой нет ничего, что могло бы объединить, вызвать патриотическую гордость, кроме победы в Великой Отечественной войне. На этой почве стали развиваться многочисленные социальные комплексы: от чаадаевского

стыда за Родину до поиска истоков в альтернативной реальности славянских вед — заметные уже общественные разломы.

Но больше всего пострадало духовенство и верующие. Интернет-буллинг патриарха и священников за последние несколько лет приобрел невиданный размах. Главное обвинение — алчность, основная цель — отмежеваться от всего, что имеет отношение к Церкви. Вера Христова снова стала предметом поругания, и никакие объективные доводы, глубокие статьи, подлинные примеры добродетели сломить этого не могут. Нападения ведутся не только на ныне живущих священников, но и на русских святых. И к сожалению, одна проповедь не может переломить ситуацию без визуальной поддержки, без изменения визуального образа, который сложился у современной Православной церкви в культурном пространстве нынешней России — реальном и виртуальном.

С тех пор как в 2007 г. был изобретен планшет, общество прошло большой путь и стало тотально визуальным. Зрительные способы восприятия информации практически полностью сменили вербальные. Но, к сожалению, Русская церковь, само появление которой предание связывает с визуальной проповедью и храмовым искусством, забыла свои уроки и не пытается осмысленно работать над визуальным языком (речь идет не только о литургическом искусстве).

В конце XIX в. складывалась похожая ситуация. Визуальные искусства, такие как театр, кинематограф, фотография, стали выходить на первый план по сравнению с литературой. Это был первый этап зарождения новой визуальной культуры с ее перцептивным способом восприятия действительности. Новые искусства, использованные в политических целях, оказали огромное влияние на создание негативного образа загнивающей России, которой надлежит рухнуть как можно скорее. Николай II, культурная и церковная интеллигенция пытались изменить ситуацию, повысив национальное самосознание народа через популяризацию древнерусского искусства. Царская семья начала поддерживать всевозможные общества ревнителей русских древностей, благословляла открытие ризниц древнейших монастырей, создание музеев церковного искусства. Но успеть было уже невозможно. Небрежение к собственной культуре и восхищение чужой привело к катастрофе, в ходе которой русские древности стали нещадно уничтожаться самим «народом-богоносцем». Тогда часть

их была спасена музейными интеллигентами. И в дальнейшем именно в музеях была воссоздана по крупицам и реабилитирована, утверждена как высочайшее достижение мировой культуры, древнерусская культура. Были написаны книги, выпущены альбомы, сняты фильмы. Русский народ и весь мир узнал о феномене русской иконы благодаря выставкам, которые объездили весь мир и повлияли на развитие искусства всего XX в. Музей стал местом, откуда было провозглашено величие русской нации, сумевшей создать мировые шедевры.

И сейчас, вместо того чтобы стать основой для культурной консолидации общества, искусство Русской церкви снова превратилось в образец средневекового варварства и суеверий.

Следует признать, что в сложившейся ситуации вокруг русского средневекового искусства есть доля вины самого научного сообщества, в определенный момент отказавшегося от эстетического подхода к его изучению. Интерес к исследованию иконы как обрядового, выполняющего литургические функции предмета появился в конце 70-х гг., в годы ослабления идеологического давления, и в 90-е гг. стал основным. Долгие годы до этого иконопись было возможно изучать исключительно с эстетической и историко-атрибуционной точки зрения, отдельно от ее сущностных смыслов. Открыв для себя богословие, литургику, церковную археологию, исследователи настолько увлеклись этим, что допустили перекося. Икона стала изучаться в отрыве от ее эстетики и, в конце концов, была выведена за рамки высокой художественной культуры. Русская икона предстала как историко-религиозно-каноническое явление, лишенное авторского осмысления ремесло, столетиями воспроизводящее одни и те же заимствованные византийские иконографии. И сейчас изучение икон как проявлений творческого духа создававших их людей, как диалог свободной творческой личности с личным Богом лежит вне сферы интересов научного сообщества. Более того, всё, что сделано было советским искусствоведением, представляется ненаучным, а любые образно-стилистические интерпретации — безосновательными фантазиями⁹.

⁹ *Губарева О.В.* Михаил Алпатов об искусстве иконы: особенности метода // Временник Зубовского института. 2019. Вып. 1 (24). С. 83–98.

Церковь всегда внимательно следила за научными открытиями, касающимися древнерусского искусства. И доводы ее представителей, требующих отдать из музеев предметы литургического назначения, опираются на последние научные достижения, из которых следует, что церковные древности представляют только богословский и археологический интерес, лишены художественности, а значит, они могут быть безболезненно изъяты из экспозиций художественных музеев. Иконы создавались для храмов, для восприятия в мерцающем свете свечей, в музее они «не живут» — вот набор доводов, которыми оперируют сторонники передачи икон из музеев в храмы и которые были почерпнуты ими из научных публикаций музейных сотрудников.

Но наибольший вред отношение к иконописи как искусству нанесло современному искусству Церкви. Труд иконописца обесценился, превратившись в благочестивое ремесло, и большие серьезные художники, работающие богословски осмысленно и творчески вдохновенно, стали мало востребованы. Их сменили артели, работающие под диктовку заказчика, который стал вмешиваться не только в богословскую программу росписей, но буквально во всё, указывая, какая ему нужна композиция, колорит, стиль. Из античной Греции сохранился анекдот о том, к чему приводит подобный контроль над художником: великий Пракситель однажды сделал две скульптуры — в одной он учел все пожелания заказчика, а другую сделал самостоятельно. Шедвром, как известно, оказалась вторая работа. Но, к сожалению, низкий уровень художественного образования у большинства настоятелей храмов, факультативное преподавание истории церковного искусства в духовных школах не позволит им увидеть собственных ошибок. Сложился стойкий стереотип церковного искусства — перегруженный деталями, блестящий от золота и стразов, переливающийся люрексом, насмешливо прозванный в СМИ «православным гламуром». Но именно он больше всего востребован верующими-потребителями.

Потребительское отношение к иконам время от времени возникало и прежде. Всем известны описанные в литературе случаи, когда в Средние века иконы «наказывали» за то, что они не выполняли просьб, или соскабливали с них краску для изготовления лекарства. Современный верующий, конечно, таких глупостей не делает. Как грамотный потребитель, он предъявляет требования

и диктует формирование оптимального потребительского качества икон церковным маркетологам. Конечно, фразы «маркетинговое исследование», «потребительский спрос», «соотношение цены — качества» никогда не прозвучат при заказе икон для храма. Скорее скажут: «это не канонично», «наши прихожане не поймут», «наш владыка любит больше золота». И закажут у того художника, который назовет самую низкую цену и короткие сроки. Владыка или настоятель поменяются — можно будет переписать фрески и иконостас на новый вкус. Общество потребления основано на одноразовости товаров: проще купить новую вещь, чем чинить старую. Это проецируется на всё. «Беда в том, что художники часто ограничены сроками, при этом нам сразу говорят, что мы делаем вещи не на века. То есть, представьте, большие храмы, которые мы расписываем, — абсолютно временная вещь. Но раньше, наоборот, так и говорили: делаем на века. А сейчас многие храмы, которые мы расписали, уже нуждаются в переделке, потому что это делается к празднику или юбилею, причем сроки назначаются абсолютно нечеловеческие. Как правило, на роспись самых больших храмов нам дают год, а общая тенденция — на всё убранство от полугода до года. И так не только в России, но и в Европе тоже. Но, согласно историческим свидетельствам, раньше храм могли расписывать около 10 лет. Например, мозаики петербургского Спаса на Крови создавались в течение 24 лет, причем художниками высокого уровня, — говорит иконописец Алексей Козлов. — Икона, росписи часто воспринимаются всего лишь как украшение храма, поэтому мы сами в своем профессиональном кругу договариваемся, что считать хорошим, а что плохим, где провести грань, за которой нет искусства»¹⁰.

Постепенно, как компромисс между маркетинговыми и историко-богословскими исследованиями, определился иконописный стиль, который был объявлен каноническим. Были сакрализированы две традиции: школа Андрея Рублёва и условно-византийская школа, сформировавшаяся в современных греческих монастырях.

¹⁰ *Иконописец, Алексей Козлов. «Икона — это не ремесло, а церковное произведение искусства» // Газетный мир (без интернет-версии). 19 июня 2018. URL: <http://yarcenr.ru/articles/religion/ikonopisets-aleksey-kozlov-ikona-eto-ne-remeslo-a-tserkovnoe-proizvedenie-iskusstva/> (дата обращения: 02.02.2020).*

В иконах, написанных в подобной стилистике, священным было объявлено всё: техника, краски, композиционная схема. В десятилетиях огромное количество храмов и иконостасов было расписано именно в этом стиле. Недавно возникла новая тенденция: прибавился интерес к церковному академизму второй половины XIX в. В росписях знаковых для современной Русской церкви — в соборе Новомучеников и Исповедников Церкви Русской Сретенского монастыря и в храме Христа Спасителя в Калининграде — вдруг появилось смешение стилей. Привычная иконописная манера в ликах и пейзаже, иногда продуманно, а иногда случайно (например, в написанных по фотографиям ликах новомучеников), стала заменяться академической живописью. Аналогичные процессы стали происходить и в церковной службе: во многих храмах большая часть богослужения идет на церковно-славянском языке, но отдельные слова или даже части вдруг зазвучали в синодальном переводе XIX в. Здесь видно желание духовенства приблизить искусство Церкви к верующим, сделать его понятнее для восприятия, адаптировать к современному человеку. Хотя трудно сказать, насколько верным является решение обратиться ко второй половине XIX в. Но, безусловно, включение в пространство иконописи живописного пейзажа визуально «приближает» евангельские образы к современному человеку и переводит иконопись в статус искусства. Иконописец как бы демонстрирует себя как художник, который может написать море — как Айвазовский, пшеничное поле — как Шишкин. Это сразу повышает его значимость, придает иконам в представлении верующих не только поклонную, но и художественную ценность. Но Церковь здесь не вышла за пределы традиции, допустив лишь небольшое послабление жестким рамкам, в которых работает художник-ремесленник.

18 апреля 2019 г. в Москве, в Православном Свято-Тихоновском гуманитарном университете (ПСТГУ), состоялась конференция «Христианский образ и сакральное пространство». Организаторами конференции выступили Межвузовский иконописный совет, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, МДАиС и Православный гуманитарный институт «Содействие». В резолюции конференции говорится: «Оценивая общую ситуацию, следует признать, что понимание церковного образа в иконописи давно ослаблено, православные храмы нередко заполняют изображения, недостаточно профессиональные и, главное, также нередко

лишенные подлинного благочестия. В коммерческом развитии “ремесла от церковного искусства” есть опасность как крайней модернизации церковных форм, так и штампа, китча и “ширпотреба”, не несущего в себе духовной глубины»¹¹. В резолюции конференции впервые за тридцать лет развития церковного искусства прозвучал, наконец, голос Церкви — мудрый, ясный, точный. Но действительность ушла уже очень далеко, вирус потребления въелся столь глубоко, что голос этот может быть не услышан даже внутри самой Церкви или подвергнут удобному переосмыслению.

Другим тяжелым иконоборческим процессом в России, являющимся одной из форм проявления потребительского отношения к иконописи, является распространение магии. СМИ систематически и целенаправленно в течение многих лет в массовом сознании подменяют мистическую суть иконопочитания языческими культами. Гадания, колдовские обряды, суеверия — всё перемешалось в медийной сфере и нашло благодатную почву в умах людей, ищущих в храме не Христа, а бытовой защиты и помощи в комфортном устройении жизни. Икона в представлении верующих и не верующих обрела свойства магического, волшебного характера и стала частью нового, магического, полужазыческого сознания, свойственного пантеистическим культам. Сейчас Интернет заполнен описанием различных колдовских ритуалов с использованием икон. В церквях прижилось почитание икон и святых по целевому действию: от болезни глаз, зубов, для помощи в родах, в торговле, для богатства, покупки квартиры... В околоцерковной среде развиваются и распространяются оккультные представления, связанные с почитанием не только икон, но и отдельных символов (амулетов). Обычными стали понятия «намоленная икона», «намоленное место», которых никогда прежде не существовало. Иконописный образ из образа откровения и таинственного явления Бога превратился в *гарант* его явления. Литургическую функцию икон магическое сознание, отобразив у Бога, полностью перенесло в материальный мир, делегировав ее человеку, ритуалу, священному «намоленному» артефакту. От-

¹¹ ОПУБЛИКОВАНА РЕЗОЛЮЦИЯ КОНФЕРЕНЦИИ «ХРИСТИАНСКИЙ ОБРАЗ И САКРАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО». Москва, 7 августа 2019 г. // Портал «Православие.Ru». URL: <https://pravoslavie.ru/122943.html>.

сюда же — сакрализация древности, вера в то, что икона «умирает» в музее без молитвы или не так «работает». Дух с точки зрения православной магии не дышит, где хочет, а нисходит туда, где Ему определено символическими кодами и где имеется «потребительский запрос» на чудо.

Магическое сознание, не укорененное в осмысленной вере, с готовностью принимает любые новые традиции и образы, в которых видит необходимый набор магических качеств. Они активно внедряются в церковную культуру через спекулятивное утверждение преемства «старому», «святоотеческому». К такой совершенно новой традиции можно отнести почитание скульптурных памятников святым. Отлитые из бронзы, выполненные в стиле академического или социалистического реализма, эти памятники устанавливаются не только рядом с церквями и на территориях монастырей, но и на городских площадях, в скверах, в парках и прогулочных зонах. Устанавливаются они не как объекты монументальной скульптуры, а как поклонные образы и освящаются по тому же чину. Поэтому несколько странным выглядит осуждение на конференции «Христианский образ и сакральное пространство» христианского стрит-арта¹² — проекта группы «После иконы» и игнорирование образов святых в стиле садово-парковой скульптуры позднего СССР¹³. Думается, что поддержание православного стрит-арта митрополитом Иларионом более последовательно. «Сами по себе изображения, которые я видел, в них ничего противоречащего учению Церкви я не усмотрел. Это, в общем-то, стилизация под православные иконы, это православные образы, и в том, чтобы они присутствовали в публичном пространстве, нет ничего плохого», — сказал митрополит Иларион в эфире программы «Церковь и мир» на телеканале «Россия 24». По его словам, важно, чтобы проповедь религиозных идеалов была в публичном пространстве, и это возможно, в том числе, через размещение священных изображений¹⁴.

¹² ОПУБЛИКОВАНА РЕЗОЛЮЦИЯ КОНФЕРЕНЦИИ «ХРИСТИАНСКИЙ ОБРАЗ И САКРАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО». Москва, 7 августа 2019 г. // Портал «Православие.Ru».

¹³ Например, в Александровском парке г. Бийска.

¹⁴ URL: <https://360tv.ru/news/kultura/rpts-podderzhala-risovanie-ikon-v-vide-graffiti/>.

Коммерциализация искусства иконописи превратила ее в предмет церковного обряда, объект магического поклонения, дискредитировала благочестивую русскую традицию иконопочитания, уронила тень на всю русскую культуру прошлого. Вся древнерусская история в современном культурном дискурсе вдруг представилась эпохой дикого варварства, невыгодно отличающей ее от западной истории с ее университетами, вагантами, рыцарскими кодексами, философией, изысканными готическими соборами и, конечно, культурой Ренессанса. Великая, исполненная тонкого интеллектуализма и духовных взлетов, самобытная допетровская культура России стала неинтересной молодым россиянам. Перестав быть искусством, икона сразу утратила свою миссионерскую функцию, т. к. в глазах многих оказалась принадлежностью массовой культуры ограниченного и замкнутого в себе сообщества — «корпорации РПЦ». Покрытые золотом, воспроизводящие одни и те же образцы, копирующие друг друга, лишенные эстетической ценности и творческой уникальности иконы лежат сейчас на прилавках сувенирных лавок, заняв низовые позиции в культуре. Если в советское время икону стремились (и довольно успешно) заместить в обобщенном культурном образе России матрешкой, то сейчас она сама стала сувенирной продукцией. Тем самым в сознании молодых людей расчищено элитарное место для другого искусства. Его агрессивный антихристианский образ успешно насаждается в музеях и выставочных пространствах, воспитывая и внедряя чуждые православию ценностные установки, подменяя образ Христа развращенной личностью художника. Об этом — проект молодых художников «После иконы» и их соответствующие духу времени провокационные выходы¹⁵.

Искусство уже давно стало политической ареной, на которой идет борьба за влияние в мире. Очевидно, что сильная Россия может быть только с великой и древней культурой, поэтому на разрушение ее образа, стирание его из мировой истории направлены мощные силы противников. Национальная русская культура, которую олицетворяет икона, находится сейчас в условиях не только внутреннего, но и внешнего прессинга. Русские иконы

¹⁵ Антон Беликов. Манифест к выставке «После иконы». URL: <http://cultobzor.ru/2019/01/anton-belikov-manifest-k-vystavke-posle-ikony/>.

в западной научной литературе всё чаще рассматриваются как провинциальный вариант византийского искусства, и само понятие «русская икона» заменяется более общим термином «византийская живопись»¹⁶. Как олицетворение всего враждебного для посткультурного общества православная икона является предметом агрессии различных арт-проектов, где представляется в кощунственном, вывернутом виде. И именно эти проекты находят медийную и финансовую поддержку на Западе. В России антихристианские проекты, подобные выставкам «Осторожно, религия!» и «Запретное искусство — 2006», встретили яростное сопротивление и стали веским поводом для принятия закона «Об оскорблении чувств верующих». Но в США и Европе, где не было такой традиции почитания икон, сложилось более толерантное отношение к антихристианскому искусству. В том мире работа Андреса Серрано «Христос в моче» (Piss Christ), сделанная в 1987 г., воспринимается как хрестоматийная классика контемпорари.

Среди верующих и иконописцев, выступающих против маркетизации религии, не желающих превращаться в потребителей «духовных ценностей», есть запрос на другое церковное искусство, который пока еще ясно не оформлен. Но очевидно, что его аскетичный строгий образ будет связан с древнейшей русской традицией. Это должен быть новый визуальный образ Церкви, творчески и художественно осмысленный, который будет работать на объединение российского общества.

В современных условиях, когда культура стала визуальной, когда зрительный образ очевидно доминирует над литературным, когда в галереях, театрах, музеях, на улицах, по телевизору, в Интернете и даже в детских книжках и мультфильмах визуализируется кошмар всех антиутопий на свете, на Церковь возлагаются большие надежды. Иконе, как изобразительному искусству, отводится особая миссионерская роль. Она не может больше позволить себе быть утешительной и декоративной, не может создаваться в угоду верующему-потребителю. Есть высокий запрос на образ сильный и мужественный, вдохновленный суровой эпохой святого Александра Невского.

¹⁶ Byzantium / modernism : the Byzantine as method in modernity / Edited by Roland Betancourt, Maria Taroutina / LEIDEN | BOSTON, 2015. 395 p.

ВОЙНА КАК ПРОБЛЕМА РУССКОЙ ИСТОРИОСОФИИ

Аннотация. Древнегреческий мудрец Гераклит утверждал, что всё в мире происходит через войну. История XX–XXI вв. подтверждает это. Две мировые войны (в сущности, это одна война с двадцатилетним перерывом) стали торжеством модерна как типа сознания и цивилизации. Обе войны были направлены против России / СССР как самостоятельного государства и его культуры. Классика, модерн и постмодерн как ключевые парадигмы цивилизации взаимодействуют у нас под эгидой классики, тогда как в Европе преобладает постмодерн. Россия не вписывается в постмодернистский «закат Европы».

Ключевые слова: война, Европа, Россия, цивилизация, модерн, постмодерн, смысл истории.

Казин Александр Леонидович, доктор философских наук, профессор, и. о. директора Российского института истории искусств, зав. кафедрой Санкт-Петербургского института кино и телевидения. E-mail: alkazin@yandex.ru

Kazin A.L.

WAR AS A PROBLEM OF RUSSIAN HISORIOSOPHY

Abstract. The ancient Greek sage Heraclitus claimed that everything in the world happens through war. The history of the 20th – 21st centuries confirms this. Two world wars (this is one war with a twenty-year break in essence) became the triumph of modernity as a type of consciousness and civilization. Both wars were directed against Russia / the USSR as an independent state and its culture. Classics, modern and postmodern as the key paradigms of civilization interact in Russia under the auspices of the classics, while postmodernity prevails in Europe. Russia does not fit into the post-modern “sunset of Europe”.

Keywords: war, Europe, Russia, civilization, modern, postmodern, the meaning of history.

Kazin Aleksandr L., DPhil. Professor, Acting Director of Russian Institute of Art History, Head Department of St. Petersburg State Institute of Cinema and Television. Saint Petersburg, Russia. E-mail: al-kazin@yandex.ru

1. Война против России. Русский двадцатый век начался, как известно, с японской войны и революции 1905 г. Либералы и японцы действовали в одном направлении — воевали против Православного Царства. Именно тогда многолетняя революционная пропаганда — от Радищева до анархистов — дала свои плоды: забастовки, убийства жандармов, восстания на флоте, бунты инородцев. Модернисты были последовательны: журнал «Золотое руно» вышел в 1905 г. в стилизованной японской обложке. Революцию 1905 г. не дал довести до конца простой русский народ, благословленный на это святым Иоанном Кронштадтским. В то же время «прогрессивное общество» рукоплескало террористам и посылало поздравления с победой в войне японскому микадо...

Конечно, в тогдашней России были и другие интеллектуальные силы, которые предупреждали либеральную интеллигенцию, что добром дело не кончится: тот же сборник «Вехи». Однако на них дружно накинута объединенный фронт «борцов за народное счастье», от Милюкова и Мережковского до Ленина. Предостережения веховцев были искусно дискредитированы, все «порядочные люди» с ума сходили от ненависти к «царизму», за что и были впоследствии жестоко наказаны.

1 августа 1914 г. России объявила войну Германия — сразу после того, как та заступилась за православную Сербию. Кстати, и в две предыдущие войны — Крымскую и Балканскую — Россия оказывалась втянутой по причинам религиозно-национального характера: освобождение святынь и братьев-славян. Не случайно президент Путин при открытии памятника героям этой войны в Москве на Поклонной горе 1 августа 2014 г. подчеркнул духовно справедливый ее характер, восходящий в отечественной традиции к известной формуле святого Филарета Московского: «Прощай врагов своих, сокрушай врагов Отечества, гнушайся врагами Божиими». Наиболее фундаментальную концепцию Первой мировой войны предложил Владимир Эрн, согласно которому на ее полях происходит сражение между православным Логосом и агрессивным духом германского феноменализма («От Канта к Крупну»).

Так или иначе, *Первая мировая явилась саморазоблачением модерна и началом перехода к постмодерну как типу сознания, т. е. началом конца западноевропейской цивилизации («заката Европы»).*

2. Война против государства. Первая мировая война ликвидировала остатки христианской государственности в Европе. Были уничтожены крупнейшие континентальные империи: Российская, Германская, Австро-Венгерская, а заодно и мусульманская Османская. По сути, их спровоцировали убить друг друга. К власти в Европе пришли в основном масонские ложи — «буржуазные республиканцы, рядящиеся в мистические одежды» (Т. Манн). Официальный масонский титул Керенского, например, звучал как «Генеральный секретарь Верховного совета» ложи. Остались, конечно, декоративные монархии вроде голландской или шведской, но реальной сверхдержавой в результате Первой мировой явился глобальный финансовый интернационал.

В России, однако, дело обстояло иначе. Вопреки сказанному относительно старой Европы, *Россия — и прежде всего русская государственность — не проделала (во всяком случае, не проделала до конца) подобного нисходящего движения от классики к модерну.* Вплоть до февраля 1917 г. у власти в России находился самодержавный (а не декоративный) христианский государь — случай для Европы немыслимый. Со времен старца Филофея с его Третьим Римом и Иоанна Грозного с его образом священного Царства русская мысль всё более утверждалась в том, что Россия — страна не европейская, существующая по другому принципу. «Россия никогда ничего не имела общего с остальной Европою; ее история требует другой мысли, другой формулы» (А. С. Пушкин). В основе отечественной цивилизации лежит устойчивая духовно-онтологическая структура, которая воспроизводит себя под разными знаменами на протяжении вот уже тысячи лет. Державная вертикаль в России — не выдумка или «отсталость», а основная форма социальной организации народа, преодолевающего рыночную парадигму в качестве единственно возможного финала истории. Государство на Руси (а государство вообще — это политически организованный народ) успешно действует лишь в той мере, в какой оно несет на себе священную харизму. Коль скоро оно эту харизму утрачивает, в стране начинаются смуты и революции. Великая война 1914 г. была направлена прежде всего против классического христианского государства в России.

3. Война и власть. Итогом этой войны во многом стал Февраль 1917 года. В сущности, февральская революция была хорошо подготовленным цивилизационным переворотом, которому был нужен только повод. На это и рассчитывали те, кто войну провоцировал. Прав был Лермонтов: «Настанет год, России черный год, когда царей корона упадет». Об опасности большой войны как «спусковом крючке» революции говорили императору Николаю Александровичу такие разные люди, как, например, министр внутренних дел П. Н. Дурново или Григорий Распутин. Но вошедший в силу российский атеистический либерализм жаждал своей социальной войны не меньше, чем тевтонский милитаризм — войны национальной. Внутренние и внешние противники русской монархии нашли друг друга в лице левых западников — интернационал-коммунистов, желавших поражения собственному правительству (совсем как издатели «Золотого руна» 1905 г.).

4. Война и революция. Как и следовало ожидать, за девять месяцев «демократической» власти Россия была доведена до полного развала. После падения монархии Милюков, Керенский и Ко попытались слепить парламентскую республику из распадающейся Евразии — но их власть на глазах сужалась. Начали эту «раскачку» планировавшие царевубийство декабристы, продолжили «шестидесятники», воспевавшие дарвиновскую обезьяну, а закончили респектабельные думцы — либералы и националисты. Разрушив традиционную и успешную для России монархическую государственность, либеральная власть оказалась полностью несостоятельной — одинаково в военном, экономическом и особенно в идейном плане. Интеллигентские утопии о правовом государстве в стиле французской республики в стране, привыкшей жить по вере и присяге, свидетельствовали о пропасти между ее «мозгом» (импортированным, в основном, из европейских университетов) и всем остальным составом нации. Вот характерные слова бывшего царского генерала — персонажа философского полилога С. Н. Булгакова «На пиру богов»: «Россия есть царство, или же ее вообще нет. Этому достаточно научило нас Смутное время. Этого не понимали только самодовольные “вожди” (интеллигенты-либералы. — А.К.), которые самоуверенно расположились после февраля в министерских креслах, как у себя дома. Но пришли другие люди, менее хитроумные (большевики. — А.К.), и без церемонии сказали: позвольте вам выйти вон. Ну, иных и помяли

при этом — без этого перевороты не обходятся. А я вам скажу — и отлично сделали. Уж очень отвратительна одна эта мысль об “окадеченной”, конституционно-демократической России. Нет, уж лучше большевики “style russe”, сарынь на кичку! Да из этого еще может и толк выйти, им за один разгон Учредительного собрания, этой пошлости всероссийской, памятник поставить надо. А вот из мертвой хватки господ кадетов России живою не выбраться б!» (Булгаков С. Н. На пиру богов // Из глубины. М., 1918. С. 159). Что верно, то верно.

5. Война и коммунизм. Конечно, интернационал-коммунистическая «ленинско-троцкистская гвардия» — это настоящие демоны революции («красная» русофобия). В конце 1930-х меч братоубийственной войны, который они подняли, обрушился на них самих. Вместе с тем, нравится это кому-либо или нет, именно большевики собрали рухнувшую Россию почти в прежних имперских границах. Вопреки собственному презрению к исторической России, Ленин и Троцкий ввели «отчалившую» Русь в жесткие дисциплинарные берега, выиграв Гражданскую войну. Кстати, за красных царских офицеров и генералов воевало не меньше, чем за белых. Однако подлинным создателем СССР был, конечно, Иосиф Сталин, построивший на основе национал-большевизма фактически новую сверхдержаву, взявшую в 1945 г. Берлин, овладевшую ядерным оружием и первой вышедшую в космос. Если бы этого не произошло, сейчас уже не было бы не только русского народа, но и многих других примкнувших к нему племен. Так или иначе, в мае и августе сорок пятого Россия в лице СССР взяла реванш за «похабный» Брестский мир и за Цусиму. Октябрьский переворот 1917 г. может рассматриваться как искупление антимонархического греха Февраля, а Великая Отечественная война — как искупление Октября.

6. Война цивилизаций. Сегодня, в 2020 г., мировой порядок снова под вопросом: идет фактическая война цивилизаций. И в этой войне у России есть свой фронт — прежде всего духовный и культурный. Вопреки всем антропоцентрическим идеологиям XX в., Россия сохранила в подсознании своего народа православное христианство — случай для XXI в. уникальный. Классика, модерн и постмодерн как ключевые парадигмы любой цивилизации взаимодействуют у нас под эгидой классики, тогда как в Европе постмодерн явно преобладает и в теории, и на практике. Это не

Путин единолично ссорится с Западом — это Россия не вписывается в постмодернистский «закат Европы». Потому нам и нужны «Арматы» и «Посейдоны». Не случайно, наверное, русская атомная бомба рождалась в «Арзамасе-16» — на самом деле, Сарове святого Серафима. Как писал поэт Юрий Кузнецов, «это снова небесные битвы отразились на русской земле».

Кокшенева К.А.

МЕЖДУ «ТРАВМОЙ» И «ЖЕРТВОЙ»:
СОВРЕМЕННЫЙ ТЕАТР ПАМЯТИ
И ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

Аннотация. Театральное искусство — одна из форм актуализации коллективной памяти и культурно-исторических смыслов, выходящих за пределы опыта отдельного человека. В современном «театре памяти» в данной статье рассматриваются некоторые спектакли, поставленные режиссерами России на отечественных сценах в последние пять лет, которые посвящены проблематике Великой Отечественной войны (1941–1945) и послевоенного времени. Спектакли рассматриваются в общекультурном и мировоззренческом контексте, который определяют два подхода: «жертвы» и «травмы».

Ключевые слова: Великая Отечественная война, современный театр, травма, «театр вины», «театр Победы», память, история.

Кокшенева Капитолина Антоновна, главный научный сотрудник, доктор филологических наук, руководитель Центра наследования русской культуры Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева.
E-mail: omega125@yandex.ru

Koksheneva K.A.

BETWEEN “TRAUMA” AND “VICTIM”:
THE MODERN THEATER OF MEMORY
AND THE GREAT PATRIOTIC WAR

Abstract. Theatrical art is one of the forms of actualization of collective memory and cultural and historical meanings that go beyond the experience of an individual. In the modern “theater of memory” this article discusses some of the performances staged by Russian Directors on domestic stages in the last five years, which are devoted to the problems of the great Patriotic war (1941–1945) and the postwar period. Performances are considered in the General cultural and ideological context, which is defined by two approaches: “victims” and “trauma”.

Keywords: World War II, modern theater, trauma, “guilt theater”, “Victory theater”, memory, history

Koksheneva K. A., Doctor of Philology, head of The center for inheritance of Russian culture Institute for Cultural and Natural Heritage (Institute of Heritage — Likhachev Institute), Moscow, Russia. E-mail: omega125@yandex.ru

В советское время, как мы сейчас понимаем, Великая Отечественная война была не просто представлена разножанровой литературой, но, пожалуй, именно та литература и драма оказались художественно-качественными. Абрамов, Астафьев, Носов, Распутин, Генатулин, Воробьев, Бондарев — это корпус мощной и сложной памяти о войне. Тут и генеральская, и офицерская, и солдатская правда. Тут и тяжкий труд на войне: ее будни, подвиги, фронтовые и тыловые радости. Но главное, в той литературе было одно: она, в лучших своих образцах, выходила за идеологические рамки советизма и сумела не порвать с классической культурной парадигмой, в центре которой был национальный человек.

В любой мировой войне, как говорил русский философ «века классиков» Н. Н. Страхов, опираясь на опыт наполеоновского нашествия, борются два принципа: принцип космополитизма (глобализма — можем уже добавить мы) и принцип национальности. «Французы, — писал он, — явились как представители космополитической идеи, способной, во имя общих начал, прибегать к насилию, к убийству народов; русские явились представителями идеи народной — с любовью, охраняющей дух и строй самобытной, органически сложившейся жизни. Вопрос о национальностях был поставлен на Бородинском поле, и русские решили его здесь в первый раз в пользу национальностей» [5, с. 286]. Философ и критик говорил об отечественной войне. Наша страшная война XX в. тоже была отечественной. В первом случае (1812 г.) народ стал «как один человек» благодаря не столько монархическому или конфессиональному духу, но в первую очередь именно духу национальному. Так и во второй войне 1941–1945 гг. не коммунистически-партийный, и не материалистический, а национально-жертвенный дух и сплотил, и позволил выиграть битву с фашизмом. За други своя, за Отечество свое, за землю свою. Но именно это качество (духовно-национальное) нашей трагической и героической войны XX в. сегодня оказывается самым проблематичным.

Современное культурное сознание характеризует глобальная денационализация, не позволяющая космополитам мыслить иначе, чем в категориях «рабства русской истории», «хождения русских по кругу», «тоталитарности государства», в котором «жертвы выбираются случайно» и регулярно проводятся «игры с гордостью граждан» [2]. «Жертва» и «травма» в культуре советского времени и в культуре современной имеют существенно разные акценты. В сознании современного художника «жертва» и «травма» часто синонимы. Из самой «жертвенности» как подвига личного изымается этическая сердцевина. Гуманитарные последствия изменения сознания наших современников в отношении безусловных событий истории сегодня, конечно, малоизучены.

Практики памяти, как их представляют ряд деятелей театра, тоже имеют свои особенности, если смотреть на нашу историю как на историю «интеллектуального и культурного рабства» [4]. В 2017 г. в библиотеке Достоевского Ирина Прохорова (президент НЛО) читала лекцию «Рабство как культурная память и интеллектуальное наследие» и представила спецномер журнала «Новое литературное обозрение», посвященный проблеме рабства в эпоху модерности. Докладчик говорила о том, как феномен рабства совмещается с модерностью, с ее установками на автономию личности от диктата государства; как наследие рабства влияет на формирование «этических, моральных норм, религиозных представлений, ритуальных и этикетных кодов», а также отметила, «какую роль в передаче интеллектуального наследия рабства играют практики памяти». Ну и, конечно, говорила о том, как рабство и связанные с ним явления находят отражение в коллективном сознании, в повседневном поведении, в обыденном обиходе, а также искусстве и средствах массовой информации. Тоталитаризм, проявления которого культур-либералы отслеживают во всей нашей истории, конечно, поддерживается на плаву и подпиральной его темой рабства, которое хоть и отменили в 1861 г. в России, но на *живую традицию* которого (тут и традиция не отрицается!) решено опираться как на «мощный механизм культурной памяти и социального взаимодействия» спустя не просто годы, а и столетия после его законодательной отмены [4].

При этом вопрос о том, что мощный механизм культурной памяти работает и взаимодействует с другими ее компонента-

ми, — так вопрос не ставится вообще. Не ставится потому, что с 90-х гг. у нас внедрены (скрыто или открыто) идеи, отработанные колонизаторами в колонизируемых странах, когда Российская Федерация, с одной стороны, в советской своей форме, была носителем колониального сознания (отсюда *концепция травмы*, тоталитаризма, приравненного к нацизму, искажение памяти о Великой Отечественной войне) и существовала как колониальная империя (внешняя точка зрения на Россию), а с другой стороны, после распада СССР сама стала рассматриваться «колонизируемой территорией» — колонизируемой Западом, который признавал советскую идеологию «пустой», Россию — малозаселенной и несправедливо обладающей такими богатствами — природными и территориальными. Не случайно ученые, пропагандирующие идеи Сороса в России, приняли деление мира на «развитые» и «развивающиеся страны» и отнесли свою страну к последним. Кроме того, успехи развитых стран они связывали «с традицией **критического мышления** и европейского рационализма в самом широком смысле слова, включая и его “неклассические” модификации, а отставание стран третьего мира объясняя господством иных типов менталитета — традиционного, мифологического». Кроме того, именно с типом мышления они связывают самоопределение нашей страны в мире, полагая, что сам тип мышления **«строится и выращается искусственно-технически**, а не просто наследуется, как тип *сознания*» [1]. Итак, критическое мышление становится главным инструментарием современности, а вопрос о сложной созидательной задаче как составной части лоббированием критики, к сожалению, ставится редко.

Под «театром исторической памяти», «театром истории», «театром памяти» мы понимаем корпус драматических произведений и спектаклей, для создателей которых важна и актуальна задача воспроизведения в художественно-образной форме идеи памяти, идеи прошлого, идеи истории.

Театральное искусство — это, безусловно, одна из форм актуализации культурно-исторических смыслов, выходящая за рамки опыта отдельного человека. Передаваясь из поколения в поколение, культурная историческая память удерживает наиболее значимое прошлое — информацию и образы, которые имеют ориентирующую, нормативную и конституирующую функции. Но именно эти функции в современном искусстве сцены оказались

поставлены под вопрос. Нормативность в понимании прошлого и коллективной памяти отнесена к советскому периоду, а в новом искусстве «нормативность» — это вообще категория неактуальная. Также нет никаких констант в культурной памяти для создателей современного спектакля, которые признавались бы как всеобщие.

Современность (модерн) и история в «театре исторической памяти» скорее резко противостоят друг другу. Они оппоненты. История интересна «театру исторической памяти» скорее своим **травматическим** опытом, своими экстремальными параметрами.

Всё началось с Владимира Сорокина. Его пьеса «Землянка» была написана в 1985 г. (и позже поставлена на сцене). Это была первая пьеса-провокация, посвященная Великой Отечественной войне. В «Землянке» пять героев: четыре русских солдата и один еврей (на это указывает автор). Сидят они все в землянке, а само действие происходит в перерыве между боями. Но это для нас война — Великая и Отечественная, а для Сорокина — просто место действия, выгодный фон для «клинического вскрытия человека». Те беседы, что ведут герои, напрочь опрокидывают всякое нормальное отношение к войне, к человеку, к русской истории. «Землянка» держится на «двух китах»: герои *просто разговаривают* (матерно и грязно, отчего нельзя пьесу процитировать) и еще *читают газету* — статьи-вставки нужны для того, чтобы автор смог выразить свою идеологию и эстетику. Таким образом, главный композиционный прием господина Сорокина — долбеж на двух нотах. Матерный разговор и чтение «газеты», снова матерный разговор и снова чтение «газеты» — и так до конца пьесы, пока бомба не попадет в землянку и перед публикой в финале не развернется картина огромной воронки со свежей землей. Заметим, что автор не настаивает на том, что героев землянки накрыла именно немецкая бомба. Может быть, и своя....

Границы отменены. Культурные. Национальные. Исторические. Моральные. Добро и зло равны. Тенденция к отмене культурных границ распространена и на историческую память, и на историю, в частности Великой Отечественной войны, которая все чаще интерпретируется как Вторая **мировая**. Мы будем употреблять такой термин, как «модуль войны». Почему я не говорю о больших темах, о главных тенденциях в репертуаре современных театров, но употребляю слово «модуль»? Но именно оно сейчас наиболее точно передает способы мыслить и отражать их в сим-

волической и художественной реальности современным драматургом и режиссером.

«Модуль войны» в современном театре¹ представлен драматическими произведениями: *«Война» Ларса Нурена* (пьеса современного шведского поэта, драматурга, сценариста и режиссера; спектакль поставлен А. Огаревым в Томском драматическом театре); *«Камень» Мариуса фон Майенбурга* (пьеса современного немецкого драматурга и режиссера; спектакль поставлен Д. Хуснияровым в петербургском «Театре на Васильевском острове»); *«Фронтовичка» А. Батуриной* (современный российский автор, принадлежащий к новодрамовскому направлению; спектакль поставлен С. Левицким на сцене Русского драматического театра имени Н. А. Бестужева Улад-Удэ); *«Последние свидетели»* (по документальной прозе Светланы Алексиевич; спектакль поставлен в Театре на Таганке); *«Крещённые крестами» Э. Кочергина* (автобиографическое повествование Э. Кочергина; спектакль поставлен В. Фильштинским в БДТ); *«Веселый солдат» В. Астафьева* (режиссер С. Безруков — Губернский театр, Москва), *«Живи и помни» В. Распутина* (режиссер Григорий Козлов — Петербургский драматический театр «Мастерская»), *«Саня, Ваня, с ними Римас» В. Гуркина* (режиссер Евгений Гельфонд — Новый художественный театр, Челябинск).

Остановимся на анализе двух пьес и спектаклей. Это — «Война» Ларса Нурена и «Фронтовичка» А. Батуриной.

Все мы являемся свидетелями того, как память о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. регулярно становится предметом идеологических манипуляций и спекуляций. Начиная с перестройки, с романов и повестей того же Виктора Петровича Астафьева, с «Проклятых и убитых» заметна стала тенденция борьбы с большим коллективным чувством. Чувством русского человека-победителя. Именно русский солдат победил фашизм (что ничуть не отрицает роли других народов в антифашистской борьбе). От официальной правды о войне мы шли к окопной, от генеральской — к солдатской, от истории победы — к истории жертв. Так примерно двигалась «память истории» в ближайшие 25 лет, двигалась, истончая и измельчая пафос величия, значительности, грандиозной победительности и героической жертвенности.

¹ Речь идет о спектаклях, поставленных в сезон 2015–2019 гг.

«Текущая актуальность», находящаяся за рамками собственно искусства, оказывала огромное воздействие на идею памяти и истории в культуре и драматургии в частности.

Общая история как общая судьба. Какая это ценность? Государственная? Да. Личная? Да. Это и есть наша концепция памяти истории, в которой личность связана тонкими и многими нитями с собственным народом и государством. Если либеральная концепция до сих пор все эти годы исходила из идеи травмированности общей историей, понуждая народы считать свои уруны от соседства с русскими, а театральная публика, критик М. Давыдова например, в майданном номере журнала «Театр» (№ 17 за 2014 г.) прямо об этом писала, — то наша концепция истории как общей важной и трудной судьбы ей противостоит.

Но в художественной практике скорее доминирует фрейдовско-колониальное «навязчивое повторение» и связанные с ним концепции травмы и посттравматических переживаний.

В советском театре существовал государственный заказ в культуре. Драматургия, литература, посвященная памяти о Великой Отечественной войне, породила богатую театральную деятельность. Конечно, так называемые датские пьесы и спектакли были самого разного качества, были идеологически цензурированы, но стоит признать, что сама *установка на возрастание* драматургов и спектаклей, связанных с памятью и историей, была важна, поскольку рождала и таланты. Сегодня такого заказа нет, и творческие деятели находятся в длительной оппозиции к возможности появления такого заказа даже в условиях государственного финансирования театров. Нет и современной драмы о войне, а потому не удивительно, что ставится западная драматургия, а наши редкие произведения здесь тоже следуют в фарватере западной тенденции.

«Человек возвращается с войны» — так бы я назвала доминирующую ситуацию обеих пьес. Война завершена. Уже не она сама по себе интересна. Уже всё меньше и меньше остается участников и свидетелей войны.

В пьесе Анны Батуриной уточняется: женщина возвращается с войны. Принято считать, что «собрать зал на столь непопулярную тему», т. е. тему войны, сегодня практически невозможно. Как невозможно говорить о войне в советском стиле, тогда как «новый сценический язык войны» еще не существует. Современный иссле-

дователь утверждает, что «новый сценический язык» все же есть и связан он с разделением его на «истории террора двух сюжетов: истории потерь и истории горя» [6, с. 98]. «История потерь» при этом имеет, с точки зрения другого исследователя, «восходящую природу», а «история горя» — «нисходящую»: «Первая повествует о массовых убийствах и одинокой смерти, вторая — о разделенном опыте и коллективном трауре» [8].

В пьесе «Фронтовичка» нет уподобления коллективно-му трауру, в ней нет и миметического горя². Автора интересует «тема Войны» как особенный (экстремальный, выпадающий из будней) момент национальной истории. Так говорит *модерность* в отечественном театре. А. Батурина никак не описывает военные события, не рассказывает о военном опыте своей героини и других героев, ее герои не склонны к «миметическому горю», т. е. ритуальному переживанию общих коллективных потерь в Отечественной войне. Война, кстати, нигде не называется и Отечественной.

Пьеса охватывает пять лет; следовательно, в начале истории сержанту Марии Небылице 24 года (мобилизована с фронта в 1946 г.), а в конце ее — 29 лет. Она родом с Украины, но домой не возвращается (все родные погибли), а едет на Урал. Мария в пьесе, говорит исследователь, окружена женщинами, и это «обозначает догму принадлежности героини к легитимному феминному поведению» [6, с. 99].

Но гораздо важнее, что Мария — это женщина, пришедшая с войны. Она неженственна. Не случайно герой, грубо за ней ухаживающий и получивший затрепину, констатирует: «Война выпотрошила из вас женщину, Мария!» Женщина, природу которой изменила война... Женщина огрубевшая. Женщина, испытания которой на войне — это экзистенциальные испытания на выживание и терпение. Именно всё это важно драматургу и театру, а отнюдь не те состояния, которые связаны с конкретной войной — Великой и Отечественной. Ни о каких подвигах не идет речь, ни о каком

² Мимесис (др.-греч. μίμησις — подобие, воспроизведение, подражание) — один из основных принципов эстетики, в самом общем смысле — подражание искусству действительности. Миметическое горе в ритуале и есть искреннее горе. Плакальщицы подражают или имитируют ритуал горя, а не его предмет.

героизме тоже, ни о сражении за Родину или вообще о чем-либо неличном. Личная память, конечно, тоже крайне важна, потому как всякая память имеет субъективный характер. Но тенденция говорить о войне вообще — эта тенденция отстранения присуща современному театру, который пытается говорить на эту тему. Война вообще — разрушительна. Война вообще — калечит не одно, а много поколений людей. «Финал спектакля С. Левицкого, — говорит критик, — показывает, что «никто никого не дождался в глобальном смысле, мир оказался подорван в своих основах на многие годы вперед». «Мне кажется, важно, что спектакль заставляет не только чувствовать, но и размышлять, проводить параллели с жизнью сегодняшней» [6, с. 98].

Пьеса «Война» написана Ларсом Нуреном (Lars Norén; род. 9 мая 1944 г., Стокгольм) — шведским поэтом, драматургом, сценаристом, театральным режиссером. Он руководил Королевским драматическим театром в Стокгольме (1999–2007). В 2009 г. возглавил Народный театр в Гетеборге. В 2007 г. опубликовал и поставил пьесу «Памяти Анны Политковской». «Новое литературное обозрение» И. Прохоровой выпустило русскоязычный сборник его шести пьес (написаны в период с 1978 по 2003 г.). В предисловии говорится, что пьесы «объединены смелым обращением со шведской традицией психологического реализма, **откровенной демонстрацией самых неприглядных глубин человеческого духа и тела**» [7].

Этого драматурга в принципе интересуют «разрушительные последствия» не важно какой именно войны: «Абсурд Нурена де-табуирует и окатывает брызгами крови, открывая зловещие, демонические дали и погружая в атмосферу разврата и ужаса, что может неприятно шокировать не избалованную “крюотическим театром” российскую аудиторию» [7].

Как только западная сцена предлагает нам образчики «чернухи, порнухи и бытовухи», говорит о тех, кто живет «на дне», то непременно его начинают прописывать по ведомству «униженных и оскорбленных» Ф.М. Достоевского. Среди персонажей Нурена — скинхеды, уголовники, алкоголики, грубияны и матерщинники, бомжи, наркоманы, безработные, проститутки и прочие умученные психозами и фрейдистскими комплексами. «Одиночество, непонимание окружающих, презрение к себе, безволие, бездуховность и немотивированность свойственны многим героям

Нурена. <...> “Иногда нужно оскверниться... Нужно как следует оскверниться, чтобы быть человеком”, — говорит его герой Томас (“Демоны”). <...> Над мифом о конечном и осмысленном созидании торжествует бесконечный и бессмысленный распад. В этом не только проклятие, но и надежда феноменологии Ларса Нурена, ее инфернальный восторг» [7]. «Оскверниться, чтобы быть человеком», «инфернальный восторг», подающий надежды — это всё, конечно, типично современное бессилье, не способное к пониманию себя. Разница между падшим героем Достоевского (хороший человек Раскольников взял и убил из идеи, разрешив себе «кровь по совести») и падшими героями Нурена очевидна: падший герой Достоевского проходит огромный личный внутренний путь избавления от власти искажающих его личность идей. И только такой путь, где самая трудная победа есть победа над собой, — и характерен для героя русской культуры.

В спектакле «Война» Томского драматического театра есть эпиграф: «О тех, кого не успели убить...» Поскольку спектакль играется «во глубине России» и именно мы чистили Европу от фашизма, то это мы «не успели убить» тех героев, которые выйдут на сцену. Не знаю, понимал ли режиссер зловещую и циничную уродливость такого эпиграфа?

История, рассказанная в спектакле по пьесе Нурена, довольно проста: муж (недобиток) возвращается с войны (он потерял зрение) и постепенно понимает, что жена его, пока он был на войне, живет с его братом; что одна дочь идет на панель, чтобы выжить; что мужчины-соседи насилуют обеих его дочек, а потом он и сам насилует собственную дочь... И снова ситуация: «человек возвращается с войны» и узнает, что те его близкие, кто были не на войне, оказываются больше его травмированы. Желания их были локальны: мать хотела бы освободиться от сожительства с братом; дочь хотела бы уехать в страну, где нет войны; другая дочь мечтала о поездке в Диснейленд. Но вернулся он — муж и отец, и оказалось, что «мирная жизнь» после войны с его возвращением стала еще большим адом. Лучше бы он и не возвращался с этой войны — вот о чем думает его жена... Спектакль идет в полутьме; сцена завалена гробами — в них спят; сценография в целом депрессивна, грязна и мрачна. Вот такой он, западноевропейский «Театр. History». «Театр вины» предстает перед нами, так сказать, в дистиллированном виде.

Задача выйти за пределы официального советского дискурса о Войне решается, как мы видим, весьма специфически: это больше не коллективная память (солидарность величия, в которой не просто переживается война, но война — Отечественная), но коллективная травма (солидарность отталкивания). Это и не личная память — личность задавлена, завалена хламом времени и не осознает самой себя. Без осознания себя, т.е. без культурно-исторического самосознания — и это константа русской культуры — говорить о личностном начале в театре истории довольно трудно, и даже невозможно. Современный театр пребывает в промежуточном и межеумочном состоянии.

«Солидарность величия» современный театр связывает вообще с имперским дискурсом в культуре. Носителем имперской идеологии, что и отразила, например, афиша XII Международного театрального фестиваля «Голоса истории» (Вологда), является непосредственно само государство: вопрос о том, является ли простой современный человек-гражданин носителем имперской идеологии, ставится только тогда, когда это выгодно по каким-либо ироническим причинам, например намекая на присоединение Крыма, как это было сделано в спектакле «Ромул Великий. Гибель империи» Вологодского ТЮЗа по пьесе Ф. Дюрренматта, в котором исторический период падения Константинополя рассматривается сквозь современные реалии; или еще в одном скучно-вымученном, занудном антиимперском спектакле «150 причин не защищать родину» в Театр.doc, показанном на фестивале.

Между имперскими качествами советской страны (СССР) и современной Россией часто ставится знак равенства. И там, и там режиссеры видят одни и те же угрозы: якобы потерю каких-то необыкновенных свобод, привилегий творческой деятельности (при требовании полного невмешательства государства); якобы тотальное подчинение личности интересам государства; якобы подавление большинством меньшинства; якобы требование от всех исключительно лживого патриотизма; якобы насильственное пропагандирование величия истории, величия русской культуры, государственного военного пафоса.

Либеральный проект в культуре, и в театре в частности, борется (именно борется, а не сосуществует, не дополняет) с нашей «общей историей» (историей качественного большинства — историей народа) через микроисторию и микропамять. Этот проект

микроистории (локальной истории частного человека) был запущен сразу с началом перестройки. Так появилась история частной жизни, написанная (рассказанная) отдельным лицом («Дневник Анны Франк», например); локальная история (на фестивале — это спектакли «Вятлаг», «Время женщин», но при этом не было ни одного спектакля); история повседневности войны — частного человека («Вагончик мой дальний» по повести А. Приставкина). Проблема в том, что история «приватная» совершенно не хочет знать об истории большого (страны, народа), даже если она рассказывает о событиях 1942 и 1943 гг., когда вся наша страна вела с огромными человеческими жертвами войну с нацизмом. А критики о таких спектаклях говорят в таком духе, что, мол, целые поколения людей были выброшены в топку истории и сгорели *«ни за что, ни про что»* (речь о героях спектакля «Вагончик мой дальний», действие которого происходит в 1943 г.!).

Приватный человек является тем «принципом» и «та-раном», с помощью которого ведется сегодня война с памятью о Войне и «театром Победы». Делается всё, чтобы субъект истории — народ — не находился в центре исторических процессов, как их отражает современный театр. (Народ, отмечу, есть и образ библейский.) Народ (русский) компрометируется чисто театральными приемами (обычно народ представляют полупьяные бабы и пьяные мужики, с дурными манерами, диковатого и агрессивного типа поведения, способные просто так убить или предать — «Вагончик мой дальний»). В 2014 г. публика смотрела спектакль «Вятлаг» (Драматическая лаборатория — Киров, Санкт-Петербург, Театр.doc, Москва), который начинается с рассказа о жертве Болотного дела — некоем актере-журналисте из Кирова, который отсидел в следственном изоляторе полтора года и отпущен на свободу, а вот театр и его (сидельца) жена-актриса перед залом читают дневник латышского заключенного в Вятлаге, посвящая спектакль всем жертвам Болотной.

Сами записки латыша носят скучный бытовой характер. Но соль — в другом. Например, писатель Л. Бородин (1938–2011) отсидел в советских лагерях 11 лет, И. В. Огурцов отсидел в лагерях 20 лет и до сих пор не реабилитирован — оба они, сохранившие в себе идеологию государственников, не интересны современному театру, а режиссер из Петербурга даже никогда не слышал об Игоре Огурцове. Почему не ставят в отечественном театре Леонида

Бородина, качество литературы и мысли которого несравненно выше всего, показанного на фестивале? А потому что, отсидев в советской тюрьме как политический заключенный, он оставался русским государственным (об опасности «русизма» в их лице говорил в свое время Ю. Андропов, руководивший советским КГБ).

Действие «Вятлага» происходит в 1942 г. — тысячи русских и российских людей гибнут... Ну и что?! А тут, в страданиях латыша, один раз упоминается, что где-то, мол, идет война... Будто в 1942 г. наши бабушки не ели крапиву с лебедой и не жили хуже этого латыша. Актриса поет песни на латышском языке. Поет весьма проникновенно. Одну песню исполнила на русском, но в такой агрессивной и злобной манере, что как эта русская народная песня, данная с гримасой зла, так и дважды упоминаемые русские — всё создает негативный контекст (только один раз в записках появляется некое доброе слово о русском ээке). Да, вот так и сбивается исторический фокус. Заодно и сшибается пафос. Пафос Победы... Картину истории до требуемой либералами «ужасной некрасоты совка» дополнил Березниковский драматический театр. Режиссер Денис Кожевников предложил зрителям вслед за автором уткнуться носом в маленькую тему (якобы тем самым демонстрируя свою *общечеловечность*). Действие происходит снова во время войны — в 1943 г. Но это для создателей и автора не имеет никакого значения. Герои — беспризорники и детдомовцы, которых отправляют в Сибирь, где они почему-то сразу (так показывает театр) ненавидят всех представителей государства. Понять, что это — детский дом или концентрационный лагерь для детей? — понять довольно трудно... Создателям спектакля явно ближе вторая идея. Почему-то там, в этом сибирском захолустье, находится Штаб Армии, и штабисты все время жрут водку и все время насилуют девочек из детдома... Ну и еще продают детей на тяжелые работы окрестным кулакам. И это в 1943 году! Охраняет детей мерзкая тварь и гнида с ружьем — тоже представитель власти.

Как в «Вятлаге» создан позитивный образ латыша, так в этом спектакле создается позитивный *миленький* образ немцев. Заметим, что ненависти к немцам в современной России нет. Так зачем это нужно будировать в спектакле? Колония немцев, тоже пригнанных в Сибирь, — это фантастически добрые немцы, они поют на немецком языке песню о красной розе, они учат русского

мальчика немецкому, они жалеют и скрывают беглецов, а в конце концов один из них даже жертвует своей жизнью, защищая детдомовца от бездушной государственной репрессивной системы (мальчик при этом убил ту самую «гниду», что их охраняла, защищая честь девочки).

Зато русские бабы выдали детей-беглецов (сбежала влюбленная пара, которая нужна для того, чтобы показать, как всё вокруг душит любовь). Русские деревенские бабы в 1943 г. (!) сплошь пьяные, потому как весело отмечают престольный праздник. Таким образом, их христианская вера запросто соединяется с их подлым предательством, к тому же на почве похоти (одна из них захотела подростка-беглеца — мужиков-то нет!) Конечно, о чем еще думать, кроме как о мужиках, в 1943 г. русским изработавшимся женщинам...³

В конце спектакля апофеоз: все герои поют на русском языке немецкую песенку о красной розе...

«Вагончик...» — злой спектакль, с озлобленными и ненавидящими свое государство детьми. Спектакль про плохое русское государство и великую силу всечеловеческих (с немецким акцентом) ценностей.

Странное и очень выборочное милосердие продемонстрировал театр (к «немецкому») и такое открытое отвращение к «своему» в год страшной, но ведь Отечественной войны.

Конкурентная борьба памяти всегда актуальна.

Итак, символический и ценностный порядок, предъявленный в рассмотренных спектаклях, символы коллективной идентичности современной России представляются современной режиссуре «опасными», ведь государство и патернализм с середины 80-х гг. прошлого века противостоят, по мнению либерально-театральной среды, индивидуализму, который ими выбран как символ свобод и прав человека. Государство — Левиафан, и оно просто за все свои исторические грехи навсегда остается должным либеральной интеллигенции — должным за все прежние прегрешения

³ Собственно, с подобной мизансценой мы уже сталкивались в спектакле Л. А. Додина «Братья и сестры» по роману Ф. Абрамова — с его перестроечными акцентами в понимании нашей крестьянской жизни. Там тоже, в самом начале спектакля, русские бабы очень озабочены отсутствием мужчин (овладеваемые похотью).

(несвободы) всех прежних веков государственности. Получается этакая **вина государства навсегда — устойчивая виноватость как доминанта русской государственности**. Но вот русский народ, который *не* способен в силу психотипа своей крестьянско-христианской культуры веками и столетиями «посыпать голову пеплом», т. е. всё время помнить о вине государства перед собой, т. к. он и есть «тело» и «соль» государства, — русский народ тоже все эти годы подвергался (и подвергается до сих пор) идеологической обработке: ему внушается, что память истории и память Войны — это есть память о зле, вине перед другими, нерусскими народами и всем миром.

«Корни России» при этом могут находиться и в Древней Руси, и в христианском средневековье, и во времени петровской «новой модерности» — для нашей культурной идентичности всегда принципиально важными были *«идея прошлого»* («пути памяти», «дороги памяти»), *культура истории* (не случайно борьба за понимание истории в России никогда не прекращалась: славянофилы боролись «против Петра», все вместе — против Николая I; революционеры — убили святого мученика Николая II; либералы нынешние встраивают в матрицу идентичности жесткую схему: Грозный — Сталин — Путин). *Культура истории* (как культура *понимания истории*, как культура *критики истории*, как культура *интерпретации истории*) у нас всё время пребывает в состоянии неустойчивого равновесия (в отличие от западной традиции, где никогда не было такого *длительного и переменчивого суда* над Высшей властью, как в России). Великая французская революция и наша революция 1917 года имеют разный современный резонанс. Возможно, и потому, что мы хотим слышать и принять *один* исторический ответ там, где таковой невозможен.

К сожалению, все эти представления о нашей историко-культурной идентичности часто не работают, а остаются в потенции для большого количества тех, кто создает современную культуру. Мыслить о них не принято (а часто вообще считается дурным тоном). Наша культурная идентичность не содержит постоянного *самоконституирующего усилия*.

Некоторые ученые считают, что можно говорить о негативно и позитивно консолидированном обществе [3]. Для первого типа характерна «консолидация отталкивания» («театра вины»), для второго — «солидарность величия и значимости» («театр Побе-

ды»). То и другое одновременно живет и борется в современном культурном (и шире — гуманитарном) пространстве. Однако современная сцена явно отдает предпочтение солидарности отталкивания, обращаясь к зарубежной драматургии. Корпус современных отечественных пьес о Великой Отечественной войне крайне мал. И всё же тоска по общему пространству и общей памяти всё отчетливее проявляется в том, что театры обращаются к пьесам и произведениям лучших писателей XX в. (а реже — начала XXI в., как в случае с Вл. Гуркиным и его драмой «Саня, Ваня, с ними Римас») — для тех писателей народ был реальной действующей силой истории. И это бодрит.

Список литературы

1. Карнозова Л., Рац М. Читая Сороса : (К характеристике культурно-исторической ситуации. Основной вопрос философии. Типология общественных систем. Эволюция и развитие. К самоопределению в современной культурно-исторической ситуации). URL: <http://www.fondgp.ru/lib/journals/vm/1992/1-2/v921krz0>.
2. Кононов Николай В. О «Восстании», скелетах в шкафу и изучении смерти: «В тоталитарном государстве жертвы выбираются случайно». URL: <https://bmjournal.ru/kononov>.
3. Консолидация общества : материалы конференции «Консолидация общества — залог безопасности государства». URL: <https://svgbdvr.ru/bezopasnost/konsolidatsiya-obshchestva>.
4. Прохорова И. Рабство как культурная память и интеллектуальное наследие. URL: <http://www.nlobooks.ru/node/7683#sthash.LweEvBhR.dpuf>.
5. Страхов Н.Н. Литературная критика / [вступ. ст. Н.Н. Скатова]. М. : Современник, 1984. 431 с.
6. Улюра Г. Границы экстремального опыта : «Фронтовичка» Анны Батуриной / Ганна Улюра. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/granitsy-ekstremalnogo-opyta-frontovichka-anny-baturinoy>.
7. Цилурик Д. Иногда нужно оскверниться // Независимая газета. 2011.08. авг. URL: http://www.ng.ru/ng_exlibris/2011-09-08/7_defiled.html.
8. Эткинд А. Работа горя и утехи меланхолии // Неприкосновенный запас. 2013. № 3 (89). URL: <http://www.zhzh.ru/nz/2013/3/16e.html>.

ИДЕОЛОГИЯ БУДУЩЕГО БОЛЬШОЙ ЕВРАЗИИ:
«ПРЕКРАСНАЯ РОССИЯ БУДУЩЕГО»
НЕОЛИБЕРАЛОВ ИЛИ «РУССКИЙ
ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ НЕОИНДУСТРИАЛИЗМ»
ФУТУРОТРАДИЦИОНАЛИСТОВ

Аннотация: Устойчивое развитие как всеобщий проект будущего, принятый на конференции ООН «Рио-92», строилось на неомальтузианских работах Римского клуба и предполагало переход к постиндустриализму. Этот проект не выдержал испытания временем, и ныне Россия как «отдельная цивилизация» — по определению ее президента — стоит перед задачей прорыва к неоиндустриализму и к сверхиндустриализму. В контексте неоиндустриализма и исторической «русской мечты» бессмысленные в постиндустриализме словосочетания «зеленой экономики», «цифрового общества» станут полезными в выработке новой формы исторического проекта России как Ноева ковчега цивилизаций мира.

Для формирования новой доктрины, состоящей из идей, должны быть заданы русские вопросы: «Кто виноват? Что делать? Судьи кто? С чего начать?» Г. Гегель показывает три формы познания: религия, искусство и наука. Высшее из них понятийное познание, т. е. научное. А наука в буржуазном обществе дает два понимания истории: исторический материализм и исторический идеализм. Выражение «Большая Евразия» соединяет формационный и цивилизационный подходы. Большая Евразия и есть идеология — форма есть содержание, говорящее о русском мире, который проходит фазу социалистической индустриализации и кооперации стран в Евразийском экономическом союзе.

Научной основой идеологии становится предлагаемое интегративное научное направление в области социальной философии и гуманитарных наук «Цивилизационный неоиндустриализм — пятая мировая теория». Оно исходит из опасности социальной гибридации как следствия навязанности элитам и народам цивилизационного выбора под влиянием эклектического смешения идеологий и ведущих мировых теорий либерализма, фашизма, коммунизма, консерватизма. Критика существующего капитализма ради хорошего капитализма — это «прекрасная Россия будущего», сформулированная неолибера-

лами. На самом деле прогресс — это «русский цивилизационный неоиндустриализм» футуротрадиционалистов как идеология археомодерна, т.е. Большая Евразия, распространенная на весь мир как его прогрессивный полюс.

Ключевые слова: устойчивое развитие, отдельная цивилизация, идеология будущего, Большая Евразия, русская мечта, русские вопросы, формационный и цивилизационный подходы, цивилизационный неоиндустриализм, пятая мировая теория, неолиберализм, археомодерн, футуротрадиционализм.

Некрасов Станислав Николаевич, профессор, доктор философских наук, УрФУ. E-mail: nekrasov-ural@yandex.ru

Nekrasov S.N.

IDEOLOGY OF THE FUTURE OF GREATER EURASIA:
“BEAUTIFUL RUSSIA OF THE FUTURE”
BY NEOLIBERALS OR “RUSSIAN CIVILIZATIONAL
NEO-INDUSTRIALISM” BY FUTUROTRADITIONALISTS

Abstract. Sustainable development as a universal project of the future, adopted at the UN conference “Rio 92”, was based on the neo-Malthusian works of the Club of Rome and assumed a transition to post-industrialism. This project has not stood the test of time and now Russia as a “separate civilization” — as defined by its President — faces the task of breaking through to neo-industrialism and super-industrialism. In the context of neo-industrialism and the historical “Russian dream”, the meaningless phrases of “green economy, digital society” in post-industrialism will be useful in developing a new form of the historical project of Russia as the Noah’s ark of the world’s civilizations.

To form a new doctrine consisting of ideas, must be asked the so called Russian questions: Who is to blame? What to do? Who are the judges? Where to start? G. Hegel shows three forms of knowledge: religion, art, and science. The highest of them is conceptual knowledge, that is, scientific knowledge. And science in bourgeois society gives two understandings of history: historical materialism and historical idealism. The expression Greater Eurasia combines the formational and civilizational approaches. Greater Eurasia is the ideology — the form is the content that speaks of the Russian world, which is undergoing a phase of socialist industrialization and cooperation of countries in the Eurasian Economic Union.

The scientific basis of the ideology is the proposed integrative scientific direction in the field of social philosophy and the Humanities “Civilizational neo-industrialism-the fifth world theory”. It proceeds from the danger of social hybridization as a consequence of the imposition of civilizational choice on elites and peoples under the influence of an eclectic mix of ideologies and the world's leading theories of liberalism, fascism, communism, and conservatism. Criticism of existing capitalism for the sake of good capitalism produces “the beautiful Russia of the future”, formulated by neoliberals. In fact, progress is the “Russian civilizational neo-industrialism” of the futurotraditionalists as the ideology of the archeomodern, i. e., Greater Eurasia, spread throughout the world as its progressive pole.

Keywords: sustainable development, a separate civilization, an ideology of the future, Greater Eurasia, Russian dream, Russian issues, formational and civilizational approaches, civilizational neo-industrialism, fifth world theory, neoliberalism, archeomodernism, futurotraditionalism.

Nekrasov S. N., Professor, Ph. D., chief research officer, Yekaterinburg, Urfu, Usau. E-mail: nekrasov-ural@yandex.ru

В 90-е гг. прошлого столетия об устойчивом развитии как всеобщем проекте будущего не говорил только ленивый ученый и политик. Все знали словосочетание «Рио-92», или Конференцию ООН и ЮНЕСКО в Рио-де-Жанейро, на которой была официально принята доктрина устойчивого развития для глобального мира и стран третьего мира. Через 10 лет в Йоханнесбурге прошла конференция, которая вошла в историю как «Рио+10». Считалось, что человечество вынужденно и с необходимостью придет в такое будущее. Напоминало хрущевские лозунги о неизбежности победы коммунизма и призывы к партии и советскому народу после победы социализма отдохнуть на этом пути. Поскольку всё это не давало мобилизации, не создавало проект общего дела, атомизировало общество, разоружало его и не гарантировало счастья современникам в их борьбе за светлое будущее.

Доктрина вытекала из неомальтузианских работ Римского клуба, однако мало кто это тогда знал, а министерства РФ и органы власти в субъектах федерации были переведены на доктрину. Через 20 лет после «Рио+10» доктрина была встроена в результате вакуума идеологии в систему образов русского космизма, и, когда традиционно мыслящая профессура увидела в доктрине концептуальные основания догматики Римского клуба, партия «Единая

Россия» подстраховалась и, обратившись к работам петербургских философов, вписала устойчивое развитие в ноосферизм В. И. Вернадского.

На вопрос о том, зачем пользоваться постиндустриалистской терминологией и идеологией глобализаторов устойчивого развития, обычно отвечают, что В. С. Степин и А. С. Панарин склонялись к переработке западной терминологии в духе и стиле российской интеллектуальной традиции. Заметим, что президент РФ зовет нас не к тупику и ловушке постиндустриализма, а к прорыву — и более того, к неоиндустриализму или даже к сверхиндустриализму.

Противоречие между либеральным духом идеи устойчивого развития и патриотическими целями национальных проектов решается за счет привлечения концепции академика Н. Н. Моисеева. Условно можно принять такую интерпретацию синтеза русского космизма и идеи КУР (как ее тогда называли — концепция устойчивого развития).

Русская мечта и новый индустриализм

Опыт истории показывает, что любое развитие, а тем более устойчивое развитие, невозможно без культуры, без борьбы нового со старым, победы прогрессивных тенденций в единстве возникновения и прехождения. 30 лет назад автор организовал первую на Урале кафедру культурологии в тогдашнем Уральском политехническом институте имени С. М. Кирова. С тех пор кафедра выпускает сборники трудов и проводит «Культурологические чтения» уже в Уральском федеральном университете имени первого президента России Б. Н. Ельцина. Нами за эти десятилетия жизни в новой России была показана необходимость культурологической реформы высшей школы, поскольку сегодня теория и история культуры фактически исчезли из системы высшего образования вплоть до того, что креативный класс собирается открывать свои культурологические курсы, университеты и давать свое образование, альтернативное государственному образованию.

Поскольку мы отстаиваем ценности государственной политики в культуре, мы и предлагаем такую реформу. Нами обращено внимание на необходимость идеологии и национальной идеи: мы указали на Академию русской мечты, которая по инициативе

А. А. Проханова работает в Екатеринбурге на базе музея «Россия — моя история».

В сущности, наша организация РОО «Знание — народу» (а до того автор 20 лет исполнял обязанности председателя правления Свердловской областной организации общества «Знание» России) активно занимается просветительской культурной работой и является субъектом формирования новых и вместе с тем традиционных людей нашей цивилизации — романтиков, мечтателей. Сегодня важно поставить также вопрос о необходимости культурологической экспертизы идей и проектов с тем, чтобы сохранить мировоззренческую составляющую тех мероприятий культуры, которые проводятся то в форме «музыкальная ночь», то в форме ночных гуляний по музеям и библиотекам.

Когда смотришь видео с этих массовых мероприятий креативщиков, получающих на них огромные средства от государства, вспоминаются сцены из «Часа быка» И. А. Ефремова, где КЖИ (коротко живущие) прожигают короткую жизнь под воздействием наркотиков, или из «Аэлиты» А. Н. Толстого, где плебеи-марсиане опьяняются на площадях горшками с дымящейся хаврой.

Вывод ясен — без национальной идеи национальные проекты нереализуемы, поскольку пока нет нации и нет идеи. А есть единая партия с партхозактивом, и пока ее проекты, названные национальными, заменяют социалистическое планирование и при неисполнении могут быть использованы только для замены исполнительного аппарата чиновников.

Понятийно-концептуальный комплекс «устойчивое развитие» сомнителен, но оказался инкрустирован в теоретическую рамку осмысления заката либеральной глобализации. Возможно, и нынешние бессмысленные, но громко звучащие словосочетания вроде «зеленой экономики», «цифрового общества» и прочие привлекательные образы станут полезными в выработке новой формы исторического проекта России и мира.

Устойчивое развитие в России образно представляется на международных выставках, в частности на «Иннопроме» в Екатеринбурге. Возможно, эта выставка уже ушла в историю, но только этого никто не понял. Говорят, последняя фраза Л. И. Брежнева была: слон уже умер, но не понял этого, потому что большой. Он сказал это о СССР и умер. Автор посетил и изучил все десять выставок «Иннопром». Поражает отсутствие понимания пути разви-

тия и образа будущего для русской и комплиментарных ей цивилизаций. Химеричность мышления экспонентов. Неомифология четвертой промышленной революции и новое платье короля — цифровизация. А ведь все эти моменты как продукт изначального курса на постиндустриализм только сейчас расцвели; на это на прежних выставках нам довелось обращать внимание и многих спикеров, и официальных лиц. Однако спикеры говорили только о технологиях, но не об общественных отношениях. В результате по умолчанию такие отношения описываются образом постиндустриализма. Баронесса С. Гринфилд, участница выставки, в своих книгах пишет о «людях завтрашнего дня». В качестве основного она выносит на обложку вопрос: «как технологии XXI века изменяют способ того, как мы думаем и чувствуем»¹. То есть речь идет о технологиях, а технологии — это то, как нечто производится, но не при каких общественных отношениях это происходит.

Вывод: надо было курс на информационное общество и постиндустриализм выверять изначально. То есть в момент смены формаций. Когда пошла ускоренная деградация от человека к трансчеловеку. Но и здесь многие авторы полагают социализм с его жесткой идеологией не соответствующим уровню современного производства, а капитализм они объявляют загадочным, непостижимым и изменяющимся. Наш друг немецкий философ Я. Кемпбелл буквально пишет: «История доказала, что идеология социализма не соответствует уровню развития общества и потому никаких реальных результатов не может принести». И далее: «Капитализм одна из самых загадочных систем (если не самая загадочная) в истории человечества. Она гораздо интереснее, чем цивилизация Майя, цивилизации Древнего Китая и Египта. Капитализм — это система, постоянно меняющаяся, нетождественная самой себе и трудноуловимая»².

Однако основная масса экспонентов просто инстинктивно двигается на рынке и не испытывает потребности в метатеоретическом осмыслении процессов. Все выживают, торгуют и предлагают, не отдавая себе отчета, как бессмысленные рыночные

¹ *Greenfield S.* Tomorrow's People: How 21st Century Technology is Changing the Way we Think and Feel. London : Allen Lane, 2003. 304 p.

² *Campbell J.* Concent not needed. Prague : Atila Voros, 2016. P. 387–388.

муравьи, — а зачем? А зачем тогда «Иннопром» как презентация устойчивого и прорывного развития? Организаторы только решают вопросы количества машино-мест — 2, или 6 тысяч, или 8, контроль периметра. А какова идея всего? Каков эйдос?

Всё это говорит о том, что небольшие теоретические интервенции могут открыть новые возможности (по аналогии с тем, что десять лет назад было придумано само словосочетание «Иннопром», которое сейчас никто из собеседников не смог расшифровать) и дать колоссальные дивиденды. Дивиденды по аналогии с прогнозом мегатрендов футурологов супругов Тоффлеров, две странички текста которых были оценены и до сих пор являются лоцманской картой для капитанов государственных корпораций Запада.

Сегодня вызрела необходимость перехода на новый уровень фундаментального синтеза гуманитарных, психологических наук на базе строго научной философской методологии. Кстати, этот курс, выросший исторически, теперь фактически подтвердился самой встречей президента РФ со студентами УрФУ, и наш президент, оказывается, ничего не забыл и четко проставил акценты относительно опасного сепаратистского проекта «Уральской республики». И это вдохновляет.

Такой общий взгляд на новейшую историю глубиной в десять лет подводит итоги практического воплощения: почти по Гегелю, когда сова Минервы вылетает в полночь и вся история завершается. Но, может, из искры размышления футурологов возгорится пламя проектов будущего — прекрасной всемирной России будущего? Эта страна станет родиной всех трудящихся и творцов Земли.

Пока по этой и другим выставкам как глобальным проектам будущего не понятно: причем здесь русский народ и русская мечта? Почему выставка, зачем выставка, от чьего имени выставка, и для кого, и в каких целях выставка? Каково основное противоречие нашей эпохи, какие силы меряются силами сегодня, каков субъект самосознания нашего народа? О каких бизнесах нам говорят организаторы выставки, которые как технологи знают, как варить суп (делать выставку), но не знают, для кого и сколько его варить, и вообще зачем это делать? В результате они как туземцы в карго-культе производят ритуальные действия и ждут результатов — самолетов и даров с неба. Говорят о засыхании инфляцион-

ных ожиданий и кривых Филиппа и ждут роста производительности труда и удвоения ВВП.

Какова вообще идеология выставки? И тут нам отвечают про выгоды, контакты и бизнесы, вспоминают некую локальную уральскую горнозаводскую цивилизацию и ручную работу с самоцветами. На вопрос о том, каковы результаты, созданы ли новые предприятия, отвечают: трудное таможенное законодательство, идут переговоры, но ничего пока не создано. В прошлом году партнером был Китай, и от нас стали поставлять куриные лапки. Нам они не нужны, а там востребованы. Это не ножки Буша, а уральские лапки³. Говорят, что в романовской империи нижегородских гусей пешком гнали в Петербург, и, чтобы лапки не стерлись по дороге, заставляли плясать в смоле, смешанной с древесными опилками. Одетые в такие сапожки гуси сами шли на столы имперской столицы. Может, стоит перенять опыт предков, это и будет русский ответ на вызовы времени. Всё это говорит о том, что нам нужна цель развития и инноваций, перемен и движения, нужен образ будущего, новый облик русской идеи и признание существования русского народа. Иначе вспоминается формула оппортуниста Э. Бернштейна: «Движение всё, конечная цель ничто».

Подготовка кадров для проекта будущего

Блуждание центра единого закономерного мирового процесса, утрата лидерства СССР и распад мировой системы социализма в Европе, естественно, привели к подготовке нужных кадров в другой лидирующей стране. Россия при возможной смене курса развития и выдавливании либерального поколения из системы управления также будет нуждаться в новых кадрах.

Сегодня популярность идей марксизма, трудов В.И. Ленина и свершений И.В. Сталина практически опровергают прогноз Ф. Фукуямы о конце истории и установлении глобальной капиталистической системы. Однако и прогноз И. Валлерстайна также перекрывается. В 2019 г. последний крупный традиционный марксист И. Валлерстайн скончался в Нью-Йорке, т.е. в «городе желтого дьявола», по выражению М. Горького. Р. Вахитов

³ Экспорт куриных лапок [Электронный ресурс]. URL: <http://экспорто.рф/proekty/eksport-kurinyih-lapok>.

написал о памяти И. Валлерстайна: «Валлерстайн, кстати, живо интересовался судьбой постсоветской России. Он предсказывал, что к 2050 году самым популярным национальным героем в России станет не кто иной, как Владимир Ильич Ленин. Потому что именно Ленин указал странам полупериферии и периферии путь к освобождению от пут мирового капитализма, в которые Россия попала во второй раз за свою историю. Ошибся Валлерстайн только в сроках — уже сейчас, на пороге 2020-х, популярность Ленина и Сталина среди простых россиян бьет все рекорды...»⁴

Реальная жизнь может обрушить любые прогнозы, поскольку эстафетная палочка мировой революции совершенно неожиданно передается от одной страны к другой. И не СССР лидер мирового революционного процесса, а есть новый лидер — КНР. И не 300 миллионов состоит в мировой системе социализма, СЭВ и Варшавском договоре, как было прежде, а уже полтора миллиарда человек, т.е. в пять раз больше. Если сравнить территории и экономическое могущество обновленной мировой системы социализма, то картина получается более впечатляющая: 1400 млн в КНР, 100 млн во Вьетнаме, 25 млн в КНДР, 11 млн на Кубе, 7 млн в Лаосе — вот и полтора миллиарда человек населения. Остальное трудовое человечество и демократические капиталистические страны стремятся в ШОС и БРИКС. И если предположить, что обновленная мировая система социализма выработает третью после Парижской коммуны и советской власти обновленную историческую модель социализма, то получится, что на планете не одна система капитализма господствует, а две системы борются: система социализма бурно развивается в новой форме, а система капитализма распадается и погибает.

Все помнят ленинский призыв на третьем съезде РКСМ: «Учиться, учиться и учиться». Имеется в виду — учиться коммунизму, поскольку коммунистом можно стать, лишь обогатив свою память знанием всех богатств, выработанных человечеством. И. В. Сталин на VIII съезде ВЛКСМ уточнял, что особенно важно учиться у врагов. Он говорил: «Чтобы строить, надо знать, надо овладеть наукой. А чтобы знать, надо учиться. Учиться упорно,

⁴ Вахитов Р. Читайте Валлерстайна! // Советская Россия : независимая народная газета. 5 сентября 2019. URL: <http://www.sovross.ru/articles/1888/45565>.

терпеливо. Учиться у всех — и у врагов, и у друзей, особенно у врагов. Учиться, стиснув зубы, не боясь, что враги будут смеяться над нами, над нашим невежеством, над нашей отсталостью»⁵. Далее им было сказано: «Перед нами стоит крепость. Называется она, эта крепость, наукой с ее многочисленными отраслями знаний. Эту крепость мы должны взять во что бы то ни стало. Эту крепость должна взять молодежь, если она хочет быть строителем новой жизни, если она хочет стать действительной сменой старой гвардии.

Нам нельзя теперь ограничиваться выработкой коммунистических кадров вообще, большевистских кадров вообще, умеющих поболтать обо всем понемножку. Дилетантство и всезнайство — теперь оковы для нас. Нам нужны теперь большевики-специалисты по металлу, по текстилю, по топливу, по химии, по сельскому хозяйству, по транспорту, по торговле, по бухгалтерии и т. д. и т. п. Нам нужны теперь целые группы, сотни и тысячи новых кадров из большевиков, могущих быть хозяевами дела в разнообразнейших отраслях знаний. Без этого нечего и говорить о быстром темпе социалистического строительства нашей страны. Без этого нечего и говорить о том, что мы сумеем догнать и перегнать передовые капиталистические страны»⁶. История, таким образом, повторяется: сегодня стоит вопрос о подготовке новых кадров для обновленной мировой системы социализма.

Иногда спрашивают: а коммунизм — это религия? Нет, это бытие, это момент становления и это идея. Теперь после обращения к наследию предшествующего исторического развития можно ответить на вопросы: как учиться, чему учиться и зачем учиться? И вот видный банкир требует от всех учиться и одновременно отменить травмирующие экзамены, а виднейшие политики Запада не говорят о необходимости учиться. Сегодня можно стать магистром марксизма. Университет Цзянсу предлагает платную трехлетнюю программу подготовки. Преподавать могут лишь идейные, убежденные марксисты, проверенные товарищами и социальной практикой на протяжении последней трети века.

⁵ *Сталин И.В.* Речь на VIII съезде ВЛКСМ // Соч. / *Сталин И.В.* Т. 11. С. 76.

⁶ URL: <https://www.china-admissions.com/.../masters/theories-mar-xism/>.

Такое образование дается на базе комсомольских проамериканских университетов. На этой же базе созданы независимые марксистские общества. Возможно, с позиции аутентичного марксизма это представляет новую опасность для международного коммунистического движения. Андрагоги — специалисты по образованию взрослых — пишут: «В Китае есть попытки создания независимых марксистских обществ на базе комсомольских проамериканских университетов, например Пекинского, есть кружки за истинный социализм, студенческие параллельные профсоюзы. Они пытаются “накачать” рабочее движение пропагандой о том, что крупные госкорпорации узурпировали основную массу дохода. При нормальном же социализме основной выгодополучатель — весь социум, прежде всего трудящиеся, поэтому параллельные профсоюзы готовят социалистическую революцию. Это так называемый социал-популизм, распространенный сейчас и в России, и в США — на базе Демократической партии»⁷. Сказанное свидетельствует: американский империализм спонсирует независимые марксистские кружки и марксистские университеты, в том числе под контролем «комсомольцев». Подготовка кадров для проектов новых мировых систем показывает, что старая геополитика ушла в прошлое, родилась новая геополитика 1.0 (по терминологии А.Г. Дугина) — геополитика однополярного мира и возникла необходимость новой реальной геополитики 2.0, или геополитики многополярного мира⁸.

*Прежде чем объединяться,
следует решительно размежеваться*

В сложнейшие моменты истории в России не раз происходит прорыв под знаменем великой мечты. Первым шагом новой русской мечты в современной России стало открытие А.А. Прохановым Академии русской мечты на Урале в 2019 г. Побеседовав

⁷ Вавилов Н., Перетолчин Д. Затаившийся дракон. О мифах и реалиях Китая / Завтра : газета. 7 августа 2019. URL: http://zavtra.ru/blogs/zataivshij_sya_drakon.

⁸ Дугин А.Г. Что такое геополитика 2.0? URL: <https://universe-tss.su/main/video/69825-aleksandr-dugin-chto-takoe-geopolitika-20.html>.

на открытии с видным публицистом, автор понял его замысел — нужна концептуализация мечты. Первоначально автор был встревожен, когда в диалоге с губернатором великий писатель земли Русской заменил «русскую идею» на «русскую мечту». Идею на мечту! 30 лет газета «Завтра» и вся ее команда твердили о русской идее — и вот поворот. И год в каждом номере статья о мечте, и будущий Всемирный русский народный собор будет о ней же. Идея существует там, где есть большие группы людей, сравнимые с обществом (классы, нации, народы), а мечта, грезы могут быть у индивида, человека, личности. Сведение идеи к мечте, философии к эстетике и художественному постижению мира в образах, социально-гуманитарных наук к социологическим опросам опасно для выстраивания траектории и плана развития российского общества. Конституционный запрет на официальную идеологию понизил уровень изучения идей в обществе. Сейчас даже аспиранты не знают, что такое идея. Спрашиваешь: «потолок белый — это идея?» Не понимают. «Иде — иде — идея я нахожусь» — на эти слова улыбаются, возникает ассоциация. «Есть идея — есть IKEA» — тут улыбка еще шире, понимают, что зовут купить.

Между тем мечта без идеи пуста, мечта с идеей — это проект, концептуально это уже доктрина. В балабановском фильме «Брат-2» нью-йоркский таксист кричит: «Русская идея, Достоевский, держава... А где твоя Родина, сынок?! Сдал Горбачёв твою Родину американцам, чтобы тусоваться красиво. А теперь твоя Родина две войны и Крым пр..рала! Русских людей в Прибалтике сдала, сербов на Балканах сдала, <...> Родина... Сегодня Родина там, где задница в тепле, и ты лучше меня это знаешь. За тем и приехал». Понятно, что русская идея ушла, по крайней мере, из сознания мигрантов в США, но вместо нее не должна возникнуть мифологема русской мечты.

Для формирования новой доктрины, состоящей из идей, должны быть заданы русские вопросы: «Кто виноват? Что делать? Судьи кто? С чего начать?» Они позволят создать не указы, но планы, те самые планы, которые контролируются и проверяются в масштабах отраслей и общества. Тем более что идеи и концепции могут быть научными или ненаучными, а мечта она и есть мечта — она вне науки. В «Феноменологии духа» Г. Гегель показывает три формы познания: религия, искусство и наука. Высшее из них понятийное познание, т. е. научное. А наука, как известно, продукт

классового общества, и в буржуазном обществе возможно два понимания этого общества: научное и ненаучное, исторический материализм и исторический идеализм. Надо выбирать. Среди коллег присутствует масса идеалистов, но они не признаются в том, что идеалисты, и говорят о том, что основной вопрос философии устарел и что мир надо познавать образами. Потом не забудем, что мечта, дневная греза, говоря словами З. Фрейда, также осуществляет свою работу, но это не совсем наука. К мечте сложно приложить научный труд. Можно, но сложно — примерно так, как трудно приложить труд к озимой пшенице зимой: производство под снегом идет, а труд не нужен. Поскольку А. А. Проханов не стоит на позициях классового понимания общества, он вынужден толковать о народной субъектности в истории. Народ — носитель мечты, а мечта не осмысляется как истина или ложь. Остается уповать на личность, а ведущая или типичная личность всегда ориентируется на образцы прошлого. Осталось только посмотреть, чьи портреты висят в кабинетах великих личностей истории. Всё сказанное означает, что пора договариваться о понятиях, создавать категориальную сетку, давать рекомендации, вывешивать наши разработки на сайте, издавать бюллетени и сборники. Говоря словами классика, прежде чем объединяться, следует решительно размежеваться.

Сказанное свидетельствует о том, что бинарная парадигма цивилизаций Востока и Запада не объясняет специфику и причины развития или торможения русской цивилизации. В Философском манифесте Московской антропологической школы первым пунктом фиксируется сложность отношений мышления и науки, науки и философии. Цифровые технологии в образовательном пространстве разрушают науку и образование, закрывают возможности мечте и философскому преодолению узкого горизонта бытия. Русский народ всегда грезил, а не конструировал искусственные идентичности, именно поэтому на крутых поворотах истории русская мечта всегда выводила его вперед в деле очищения космоса и человечества.

Новации в образовании средствами диалога культур и проектного обучения ставят задачу преодоления узкого горизонта наличного социального проектирования либо как рационалистической утопии прозрачного общества «царства разума» и прав абстрактного человека, либо как чувственной утопии консьюме-

ристского общества и радости потребления потребляющего неразумного человека. Теоретические аспекты и опыт практической реализации проблемного образования в форме конструирования ускоренного программного обучения выпускников показывают опасности утраты цивилизационной, национальной идентичности и отставания большой исторической России и всего русского мира в новой индустриальной гонке и диалоге цивилизаций.

Мечта не заменяет идеологию, поскольку для реализации мечты нужна политическая воля и интересы класса, который вырабатывает идеологию и пользуется ею как своим орудием, используя при этом партию. Мечта и идеологии создают и тиражируют при помощи государственных СМИ образ, привлекательный для масс образ будущего. Поскольку в РФ запрещена господствующая идеология и, как гласит статья 13 Конституции РФ, «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной», то можно создать идеологию общую, но не господствующую и обязательную для всех от имени государства. Чаще всего под идеологией понимается система общественно значимых идей и ценностей. Получается, что Конституция устанавливает запрет на ценности и идеи, принимаемые на уровне государства, ведь Конституцией признается «идеологическое многообразие». Если под идеологией понимать не политические идеи и проекты, то она возможна как государственная система идей; поскольку она уже не идеология и не политическая, то, как на референдуме 1991 г. о сохранении СССР, проводится подмена. Там было написано: «Вы за сохранение Союза как союза суверенных государств?» Люди голосовали за Союз, а на самом деле против — за независимые государства. И в случае с идеологией мы создаем идеологию, не называя ее идеологией. В самом деле, выражение «Большая Евразия» не идеологично, как выражение «Большой Урал»: так называлась гостиница 30-х гг. в Свердловске, но название относилось к эпохе индустриализации. Выражение соединяет формационный и цивилизационный подходы. Большая Евразия и есть идеология — форма есть содержание, *the medium is the message*. Как в выражении «диктатура пролетариата» ни диктатура, ни пролетариат не имеют отдельного обособленного смысла (не диктатура, а руководство массой, не пролетариат, а хозяин средств производства, взявшего власть), так и в выражении «Большая Евразия» — ни Евразия, ни Большая.

Это выражение, говорящее о русском мире, который проходит фазу социалистической индустриализации в рамках кооперации стран в Евразийском союзе.

Классическая геополитика утверждает, что государства — живые организмы, которые живут, движутся, расширяются и погибают. Государства деградируют и распадаются на обломки маленьких несамостоятельных псевдогосударств, которые получили название *failed states*. Движут государствами народы, а народами правят вожди. Вся эта схема в XXI в. оказалась под вопросом. Всем управляют настоящие специалисты или псевдоспециалисты, для разоблачения лжи которых требуется наука.

Народы ошибаются в своем выборе и делают это всё чаще и чаще. Номенклатура прежнего государства выдвигает из своих рядов вождей, вожди превращаются из популистов-демократов в тиранов, а затем в клоунов. Массы возбуждаются не от гибели своего обустроенного общественного состояния, но от несправедливости на песенных конкурсах. А поскольку народы всё чаще ошибаются, можно ли в этих условиях уважать торопливый и неумный выбор народов? Можно ли отнять у них право избирать глав государств? А может, одной главы и не должно быть? Народы всё чаще интересуются «тенью осла» — этот фразеологизм был широко известен в античном мире. По преданию, Демосфен с горечью замечал: басню о тени осла вы готовы слушать, а важное дело выслушать не желаете. Нечто подобное говорил афинянам Сократ, за что и был отравлен по суду: каждый из вас хитер, как лиса, а все вместе — вы стадо баранов. Вопрос, следовательно, стоит о подготовке и воспитании специалистов, которые не могут быть обмануты, способны разоблачить и поставить под вопрос глобальную ложь. Это значит, что нужна идеология, но будущего, а не настоящего (как нейтральная полоса — она наша). То есть общей идеологии сегодня нет — она будущее, и главное слово в дискурсе об идеологии — будущее. Идеология — явление надстроечное, и оно не возникает без создания базиса. Базисом и ядром базиса общей идеологии оказывается ШОС и БРИКС, ядром которых выступает мировая система социализма. Говоря словами Г. Гегеля, это есть или Бытие. А идеология — ничто, отрицание бытия.

Формации и цивилизации в идеологиях

Сегодня необходимо обратиться к исследованию многообразия цивилизаций в условиях, когда провозглашенная либеральной мифологией глобализация не просто завершилась, но через столетие после ленинской теории империализма оказалась теоретической пустышкой. Для «конца истории» либералов нет проблем локальных цивилизаций, поскольку есть единственная победившая глобальная товарная цивилизация. Поскольку большинство современных гуманитариев и культурологов уже не марксисты, не правые и не левые, а дюжинные консерваторы (по старому, обыватели, или филистеры в терминологии XIX в.), то они находят в теории цивилизации третий путь — между классовым подходом и цивилизационным всемирно-историческим, т.е. буржуазным подходом к истории. Путь понимания истории у них культурно-исторический и язык постмодернистский, как и вся терминология, но содержание приходит в противоречие с этой формой. Они не либералы: сегодня опасно быть либералом, поскольку, когда президент России в интервью 27 июня 2019 г. перед саммитом «двадцатки» сказал, что «либеральная идея себя изжила», эти слова были истолкованы как заявление о «смерти либерализма». Такая трактовка была подхвачена всем «коллективным Западом» — в ней услышали не то, что было сказано, а то, чего все напряженно ждали, как четверть века назад ждали объявления о смерти коммунизма, и тогда это заявление прозвучало от имени новой буржуазной России в Конгрессе США.

Любопытно, что ключевое понятие философского постмодерна как мировоззренческого основания либерализма — «деконструкция» означает не разрушение, но выявление частей, а точнее, моментов классических трудов по цивилизационистике, любых теорий цивилизации как неклассовых, а значит, и не совсем научных, моделей общественного развития. Почему не частей, да потому что части могут быть только у трупа, как выражался Ф. Энгельс, а вернее будет говорить о моментах возникновения и прехождения социального бытия. Ставится вопрос о реконструкции, т.е. восстановлении цивилизационного подхода, а значит, и восстановлении самих цивилизаций. Это говорит о том, что в принципе цивилизационный анализ можно поставить на современную научную основу и уйти от образного начала, превалирующего в по-

нимании цивилизаций, их сравнении, выделении миров, включая и «русский мир». Это то, что сделал Ф. Энгельс, когда выделял этапы развития: «дикость, варварство, цивилизация».

Однако наши мыслители, прорицая будущее, заняты исключительно языком и цивилизацией, сознательно сужая горизонт своего исследования. Обычно их интересуют некие локальные цивилизации в горизонте языка, где они усматривают игру метафоры и интенциональности. Поскольку ни К. Маркса, ни В. И. Ленина обычно не находим в списках литературы, проще всего было бы говорить об отсутствии интенций великих ученых, сформировавших современную науку об обществе, однако на деле все работы пронизаны незримым диалогом с марксизмом и гегельянством. Здесь как в Великой Отечественной войне, где столкнулись две школы гегельянцев — русских и немецких. Победила русская школа, инспирированная В. И. Лениным, настаивавшим в работе «О значении воинствующего материализма» на необходимости изучения гегелевской диалектики, что было реализовано сталинским первым зарубежным изданием Г. Гегеля в 1929 г.

Новый созидательный человек СССР столкнулся в войне с истерически-агрессивным врагом, возникшим, как весь Третий Рейх, из капиталистической депрессии и репрессии, побежденной в империалистической войне Германии. Авторы по умолчанию полагают, что марксистская парадигма относится к всемирно-исторической и сегодня совсем не подходит для рассмотрения локальных цивилизаций в целом. Уходя от постмодернизма и используя язык постмодерна, стремясь тем самым «оседлать тигра» этого постмодерна, и избегая общих постановок о способе производства и ставя перед собой частный вопрос о соотношении языка и цивилизации, можно остаться только в рамках идеализма, исторического идеализма. Это значит — не увидеть ни классовой борьбы, ни развития способов производства, оставлять за скобками своего рассмотрения ядро цивилизаций, рассматривая это ядро как вторичный экономический и политический цивилизационные горизонты. Ядром окажется язык, и хорошо, что это не столь популярный сегодня дискурс с набором симулякров. В этом поиске языковых оснований локальных цивилизаций обнаруживается оценочный характер аксиом, лежащих в основе цивилизационного подхода. Тут как в математике: при смене аксиом, изменении представления о точке, плоскости и прямой меняется сама наука.

Вместе с тем национальный язык не демиург ни цивилизации, ни культуры. Если посмотреть на письма М. В. Ломоносова, сохраненные в архиве Санкт-Петербургского филиала Архива РАН, которые показала моя сестра, врио директора, то обнаружим написанные на немецком тома, испещренные на полях пометками на греческом, итальянском, латыни. Сегодня нет переводчиков, способных подготовить эти материалы к печати. Спрашивается, какой язык управлял русской наукой в созданной Петром Великим Императорской Академии наук и художеств из набранных, по рекомендации Г. Лейбница, немецких академиков? Сама академия по составу стала этнически русской только через полтора века, когда русские и немцы уравнились в ее составе и примирились.

Поскольку Г. Гегель в «Феноменологии духа» выделял три способа человеческого постижения мира — религиозный, образный и понятийный, то можем согласиться с намерением средствами деконструкции понятийного ряда обращать внимание на образное постижение мира. Религию мы тут оставим в стороне как уходящую в историю форму познания.

Любопытно, что, провозглашая язык в духе культурологических прикладных исследований неким демиургом цивилизационного устройства, кроющим границы и демографические процессы, авторы консервативной ориентации воспроизводят гегелевскую абсолютную идею, становящуюся абсолютным духом (а что еще остается в борьбе с постмодернизмом, если не стоять на позициях марксизма?). Осталось только разработать категории абсолютного духа, управляющие понятийным рядом. Но тут поджидает новая опасность постмодерна — разработать и представить себе можно что угодно, но нужно работать с новым, с тем, что развивается от низшего к высшему, от простого к сложному, т.е. становиться на сторону прогрессивных тенденций. И здесь позиция умеренного консерватизма приходит в противоречие с направлением исторического развития. Обычно в духе расхожего мнения буржуазного общественного сознания говорят о крахе трехчленной модели: капитраны (или «свободный мир» в терминах западной социологии), соцстраны («коммунистический блок») и страны «третьего мира». На самом деле в мире сложилась биполярная модель: в ней нет тотального господства системы капитализма, сохранилась и развивалась мировая система социализма, к которой, уходя от импери-

алистических метрополий, как к ядру пришли капиталистические страны и создали ШОС и БРИКС.

Научной основой идеологии может стать предлагаемое нами интегративное научное направление в области социальной философии, современных гуманитарных наук и обществознания: «Цивилизационный неоиндустриализм — пятая мировая теория», исходит из опасности социальной гибридации как следствия неясности и навязанности элитам и народам цивилизационного выбора под влиянием эклектического смешения идеологий и ведущих мировых теорий. Поскольку три ведущие мировые теории — либерализм, фашизм и коммунизм — дополняются в последние годы четвертой теорией — консерватизмом, возникает новое искушение вычленения специфического социального субъекта современной эпохи. Либерализм закрепляет эту субъектную роль за личностью и ее модернизированной пульсацией в постиндустриальном конце истории. Фашизм следит за маршем преобразованной им из аморфной массы сплоченной зовом крови нацией. Коммунизм фиксирует эмансипаторскую миссию пролетариата и его диктатуры во всемирно-историческом масштабе или в слабом звене в цепи капиталистических стран. Возникающий из смешения трех мировых теорий консерватизм апеллирует к единому народу, которому не позволяют соскальживать «назад и вниз». В условиях недостаточности четырех мировых теорий возникает необходимость введения и обоснования неоиндустриального вектора развития выделенных исторических субъектов, в ходе которого диалектика столкновения противоречий обрекает на гибель постиндустриальный тупик глобального либерализма, расовый тоталитарный миф слияния государства и человека, сокрушает ошибочный курс на демонтаж диктатуры пролетариата и создание химеры общенародного государства. Наконец, гибель старого мира инферно позволит преодолеть и религиозные народнические авторитарные утопии, и духовные скрепы консерватизма.

Цивилизационный неоиндустриализм представляет собой концептуальный авангардный повышенной сложности интегративный дисциплинарный научный курс геополитики, политэкономии товара и знака современности, культурологии, социальной философии, эпистемологии, геополитики, новейшей истории философии. Цивилизационный неоиндустриализм действует на

оригинальном материале, ранее не введенном в научный оборот. Он может быть полезен аспирантам, преподавателям гуманитарных дисциплин, аналитикам государственных служб в качестве пособия для развития аналитического творческого мышления в области философского осмысления проблем ближайшего и отдаленного будущего нашей страны и всего мира.

Поскольку либерализм и его практическое воплощение — капитализм подвергаются всесторонней критике, остро встает вопрос о создании положительного социального идеала. Капитализм критикуется мелкой буржуазией, мечтающей стать крупной. Критикуется с позиций коррупции госаппарата, который не позволяет подняться мелкому бизнесу и обогащает чиновников. Не учитывается, что в условиях индустриального общества мелкий бизнес всегда проигрывает крупному производству, и подобная критика была у Прудона и идеологов рабочих базаров. Крупная буржуазия недовольна капитализмом, поскольку в нем непрерывно происходит приватизация частной собственности и буржуа ближе сословное общество с элементами рабовладения. Это критика существующего капитализма ради хорошего капитализма — мелкобуржуазного, «поповского», реакционного, феодального. Образы этой идеологии — «прекрасная Россия будущего», сформулированная А. А. Навальным.

На самом деле прогресс — это «русский цивилизационный неоиндустриализм» футуротрадиционалистов (т. е. пролетариев, у которых нет отечества). Футуротрадиционализм — это идеология археомодерна, т. е. Большая Евразия, распространенная на весь мир как его прогрессивный полюс. Образ «Большая Евразия» — это и есть археомодерн или бред с точки зрения модерна. А. Г. Дугин пишет в презентации этой идеи: «Представьте себе один и тот же компьютер с Windows, на котором запустили прямо на Windows операционную систему Macintosh. Будет ли он работать? Может быть, в нем будет что-то мелькать, но формально программа правильная одна, и вторая тоже правильная, и инсталляционный диск работает, и верные коды активации к обоим программам указаны на обложке, но они вместе на одном компьютере не идут. Что происходит на этом компьютере? Возникает такая зона неопределенности, где может происходить всё, что угодно. Одна система может победить другую, другая помешать первой, они могут выполнить какое-то задание,

а могут и не выполнить. Это приблизительно то, что мы имеем в археомодерне»⁹.

В этом многослойном бреде, как в матрешке, ядром выступает русский мир, что отсылает в качестве прошлого и будущего к коммунизму. Интеграция образа благодаря археомодерну сближает русский мир и пакс американа: песня «Прекрасное далеко», которая поражает американцев и близка им. Это и есть наша общая идеология — не мифическая «прекрасная Россия будущего» прожекторов, а директивно и планомерно достижимое «прекрасное далеко», или движение, которое снимает настоящее состояние. К. Маркс такое движение называл подлинной историей или коммунизмом.

Пятая мировая теория и цивилизаторская миссия неоиндустриализма

Социальная диалектика неоиндустриализма демонстрирует игру противоречий в предыстории человечества и начале подлинной истории. Цивилизационный неоиндустриализм в этих кризисных условиях спасает человечество от варварства, поскольку требует от здоровых цивилизаций осуществить свой цивилизационный мессианский выбор выхода в будущее, который доступен не для всех цивилизаций. Часть цивилизаций уже выбрала гибель в тупике постиндустриализма, ряд цивилизаций склоняются к обреченному на гибель региональному модерну, и только русская цивилизация, ориентированная на сверхмодерн, способна осуществить и повести за собой народы в русле неоиндустриального прорыва освоения природы и космоса микро- и мегамира.

Диалектика возникновения, вдохновленного Россией цивилизаторской миссии неоиндустриализма, показывает историческую исчерпанность и обреченность капитализма как социально-импутированной основы идеологии либерализма. Диалектика неоиндустриализма также объясняет историческую несостоятельность фашистских, национал-социалистических и корпоративистских или расистских моделей социального устройства развитого

⁹ Дугин А.Г. Археомодерн. Явление, которое должно встать в центре современного философского исторического политологического дискурса. URL: <http://zavtra.ru/blogs/arheomodern>.

общества как продукта кризисной мутации буржуазной демократии в условиях империалистического порождения фашистской идеологии. Диалектика неоиндустриализма практически обосновывает историческую ограниченность второй после Парижской коммуны героической попытки построения социалистического общества в одной или нескольких странах при установлении диктатуры номенклатуры как ложной социальной основы ревизионистских и оппортунистических извращений учения о социалистической революции, диктатуре пролетариата и двух фазах коммунизма.

Применительно к современной РФ разработка концепции неоиндустриальной системы уникального российского социума отвергает неолиберальный геноцид 90-х гг., преодолевает старую советскую индустриальную систему, отвергает технологический характер преобразования социума, при котором большинство населения в трансгуманистическом духе станет излишним после переобучения. Наиболее перспективны три типа неоиндустриальных проектов развития российской социальности в контексте динамики единого комплекса. Сейчас народы мира ждут спасения от катастрофы постиндустриального общества. Они нуждаются в избавлении от свободного рынка, информационной эры, от фетиша свободной торговли, глобализма и санкционного протекционизма. Здесь необходимо применить силу и политическую волю — вернуться средствами стратегического планирования к развитию сельского хозяйства и промышленности, улучшению качества образования и повышению жизненного уровня рабочей силы. Локомотивом такого глобального неоиндустриального развития в общее и безопасное будущее объединенного человечества может и должна стать Россия.

Неясность цивилизационного выбора и несформированность политического субъекта такого выбора, неопределенность классовых и исторических интересов приводит к гибридизации социальных институтов. Для многих современных институтов России характерна гибридизация советского содержания и новых форм, что сказывается на функционировании политических, социальных и экономических институтов. В РФ получился синтез худших черт капиталистических институтов постиндустриального типа и худших признаков институтов социалистического общества индустриального типа. Однако реальная ситуация с гибридизаци-

ей значительно хуже: произошла не просто конвергенция худших сторон социализма и капитализма, но сращивание советской социально-политической системы с реанимированным дореволюционным русским феодализмом. Возник, как утверждал А. А. Зиновьев, «рогатый заяц» — синтез «советского коммунизма, западнизма и фундаментализма дореволюционной России»¹⁰. Ярким доказательством такой гибридизации служит тот факт, что президент РФ приходит к власти не так, как генсек ЦК КПСС, и не так, как президент США. Он приходит к полноте власти скорее как монарх. Рассогласованность цивилизационных ориентаций социальных институтов и сегодня показывает картину, которую зафиксировал А. С. Пушкин, говоря о том, что «правительство — единственный европеец в России». Аналогичная ситуация исторически складывалась в Латинской Америке, где традиционное развитие сталкивалось с развитием, навязанным североамериканским либерализмом, рассматривающим Южную и Латинскую Америку как «задний двор США».

Мир подошел к рубежу, когда бездумная игра слов вокруг человека — мировая цивилизация, столбовой путь развития человечества, человеческий потенциал, человеческий фактор, человеческий капитал — становится опасной для человека, поскольку уводит его в утопию империалистического рыночного зеленого мира с зеленой экономикой, настаивает на желательности и преемственности дауншифтинга как бегства из культуры в экологию. Выясняется на практике, что противоположностью капитала является труд, а не антииндустриалистская языческая вера в землю и поклонение творческим способностям природы и абстрактного человека. Мы знаем, что буржуазная политэкономия любит «робинзонаду». Труд как источник богатств и развития коллективного, сгруппированного в прогрессивные классы человека является основой неиндустриального вектора развития человечества в направлении экологического социализма. Пятая мировая теория объединит самые разные народы и цивилизации в одном прогрессивном движении освоения природы и достижения свободы над социальной необходимостью. Нечто подобное уже произошло с русским коммунизмом в XX в., когда СССР

¹⁰ *Зиновьев А.А.* Русская судьба, исповедь отщепенца. М. : Центрполиграф, 2000. С. 298.

был родиной всех трудящихся Земли. Оказалось, что человек не может быть сведен к базовым потребностям А. Маслоу, человек должен быть понят как существо с ощущениями первого порядка (ощущения-точки), с ощущениями второго порядка (ощущения-цепочки), с ощущениями третьего порядка (ощущения-системы) и, наконец, с ощущениями четвертого порядка (ощущениями социальных чувственно-сверхчувственных предметов, вроде стоимости товаров). Представление об ощущениях социального существа и сложных социальных чувствах позволило нам развить концепцию цивилизационного неоиндустриализма как пятой мировой теории¹¹.

Поскольку К. Маркс создал в сфере научного знания целый Третий континент, подобно Ч. Дарвину, сумевшему превратить биологию в науку и найти закономерности в эволюции живой природы. Так же и К. Маркс положил конец взглядам на общество как на хаос сталкивающихся сил и волю и обнаружил объективные закономерности социального развития, вытекающие из материалистического понимания истории. Очередная попытка создания четвертого континента психологии была предпринята З. Фрейдом и оказалась сомнительной и научно-неверифицируемой вследствие того, что не могла быть приложена ко всем человеческим обществам, а потому осталась на грани терапии, экспериментального шаманизма и иногда сатанизма, поскольку обращалась к нижним сферам человеческой жизни. Выяснилось, что личность — не совсем зрелая научная конструкция, нехватка научного культурологического дискурса оставила теорию личности в состоянии незрелой идеологемы. Здесь и по сей день фигурирует нерешенная проблема качественных критериев в гуманитарных науках, которую мы ставили в наших публикациях¹². Постановка этой проблемы и ее решение позволяет практически

¹¹ Некрасов С.Н. Цивилизационный неоиндустриализм как пятая мировая теория : очерки концепции // Трансформации в культуре как следствие цивилизационного выбора: философско-мировоззренческие аспекты анализа. Усть-Каменогорск : Казахстанско-американский свободный университет, 2018. С. 43–50.

¹² Некрасов С.Н. Качественные критерии в философских и общественных науках: проблема человека и пятая мировая теория // Философская мысль. 2018. № 9. С. 11–26.

реализовать возвращение России в историю, а людей в социальную абстрактную теорию¹³.

К. Маркс за неимением времени перед необходимостью разработки научной концепции социальной революции пролетариата как универсального эмансипатора человечества был вынужден оставить для будущих исследователей перспективу разработки социально-психологической теории классов и культурологической теории личности, основы которой он заложил в своих ранних трудах. Эти труды были неизвестны ни В. И. Ленину, ни И. В. Сталину. С ними, этими трудами, был незнаком рано умерший А. Грамши и погибший в нацистской оккупации теоретик-коммунист Ж. Политцер. В поздних трудах К. Маркс переходит к изучению классов и аппаратов государства, создавая тем самым основы целостного научного понимания социального процесса.

Появление в СССР в результате передачи послевоенными германскими социал-демократами из ГДР (по сути, СЕПГ как социалистическая единая партия Германии была коммунистической партией Германской Демократической Республики) рукописей раннего Маркса совпало по времени с внезапным разоблачением культа личности Сталина на XX съезде КПСС. У нас, в СССР, работы молодого К. Маркса были изданы в 1956 г. — как раз к историческому съезду хрущевцев-десталинизаторов. Как известно, довоенная немецкая социал-демократия надолго спрятала в архивах труды ранних К. Маркса и Ф. Энгельса. Повторим: получилось так, что ни В. И. Ленин, ни И. В. Сталин не были знакомы с творческим наследием раннего К. Маркса. После разгрома германского фашизма рукописи К. Маркса передали в Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Перевод занял два года, и объемный том «Экономическо-философских рукописей 1844 г.» был издан к 1956 г., т.е. к историческому съезду партии, в последний день работы которого было принято в совершенно оккультной обстановке сценарно-организованное решение о выносе тела Сталина из Мавзолея. Понятно, что формулированная хрущевцами теоретическая проблематика культа личности и его разоблачение, равно как и практическая его критика, прямо вытекают из гуманистической тематики раннего марксизма.

¹³ Некрасов С.Н. Возвращение России в историю // Аграрное образование и наука : междунар. науч. журн. 2018. № 2.

Получается, что первая, ранняя форма марксизма К. Маркса — еще ненаучная и антропологическая концепция «Экономическо-философских рукописей 1844 г.» — построена по модели «ореха» (схема «Гегель в Фейербахе»). Она изобилует чуждой зрелому марксизму терминологией из области психологического анализа общественных отношений, вроде «отчуждение», «личность», «человек». После «эпистемологического разрыва 1848 г.» (термин Л. Альтюссера) марксизм стал пользоваться понятиями: «эксплуатация», «индивиды как суппорты социальных отношений», «классовые индивиды». Сама теория «товарного фетишизма» в первом томе «Капитала» стала остатком прежнего ненаучного антропологического крена, экивоком и заигрыванием с гегельянщиной. Второй формой марксизма — зрелого и научного, где отсутствует проблематика личности, — стали подготовительные рукописи к «Капиталу» и последующие труды К. Маркса и Ф. Энгельса. Встать на точку зрения признания марксизмом трудов раннего К. Маркса — значит стать последователем Р. Гароди, отвергнутого за ревизионизм Французской коммунистической партией еще в 1966 г. при секретарстве Ж. Дюкло. Уже в конце XX в. Р. Гароди завершил свою творческую духовную эволюцию в облики модернизированного мусульманина. Перестройка СССР и перестройка в СССР начиналась с крена в рассуждении об общечеловеческих ценностях, личности, ее новом мышлении и о правах человека, использованных западными спецслужбами и манипулируемыми ими диссидентскими группами.

Мысль о том, что классовая борьба рабочих приведет к свержению господства буржуазии и власть возьмет в руки пролетариат, потрясает мир до сих пор, а процесс формирования пролетариата в класс и завоевания им политической власти может стать смыслом жизни передовой интеллигенции. Западные — историческая, впоследствии еврокоммунистическая (А. Грамши) и структуралистская (группа Л. Альтюссера) — версии марксизма в XX в. настаивали на том, что диктатура осуществляется через гегемонию класса, через идеологические аппараты государства. Вспомним, что замена диктатуры пролетариата диктатурой номенклатуры, разоблачение культа личности и его последствий XX съездом КПСС поставили левых интеллектуалов Запада, особенно в Италии и Франции, в сложное положение: трудно было противостоять тогдашнему гуманистическому экзистенциалистскому «прибою» и иным формам штурма науки об обществе ненаучной идеологией.

Расторгужев В.Н.

ИСТОРИЧЕСКИЙ СИНХРОНИЗМ И УРОКИ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ВОЙН

Аннотация. Принцип исторического синхронизма позволяет открыть механизмы, связывающие предопределенность исторического развития и его стохастический характер, предсказать последствия возникновения и «наложения» во времени роковых событий. Иногда их синхронизация вызывает эффект «взрыва» и способна кардинально изменить ход истории. В статье говорится о том, как дополняют друг друга самые разные теории и школы, объясняющие логику истории и суть прогностического видения, — от кантовской теории роковых событий и концепции синхронизма роковых событий Н.Я. Данилевского и аналогичных идей других выдающихся мыслителей до современных теорий, выявляющих метаисторическое измерение истории. При этом роковые события одновременно выступают и как «реперные точки истории», и как содержание коллективной памяти поколений, и как своеобразная «интеллектуальная коллективная собственность наций». Особо отмечается роль вторичных событий, или «событий-дублеров», т.е. юбилейных дат, которые иногда играют не менее существенную роль в политической и культурной жизни народов, чем «события-оригиналы».

Ключевые слова: коллективная память, исторический синхронизм, реконструкция событий, войны, катастрофы, управление рисками, аберрация исторического зрения.

Расторгужев Валерий Николаевич, доктор философских наук, профессор кафедры философии политики и права философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: rv812@yandex.ru

Rastorguev V.N.

HISTORICAL SYNCHRONISM AND THE LESSONS OF CIVILIZATION WARS

Annotation. The principle of historical synchronism allows us to discover the mechanisms linking the predetermination of historical development and its stochastic nature, to predict the consequences of the

emergence and “imposition” of fateful events in time. Sometimes their synchronization causes the effect of an “explosion” and can radically change the course of history. The article discusses how the most diverse theories and schools complement each other, explaining the logic of history and the essence of prognostic vision — from the Kant theory of fateful events and the concept of synchronism of fateful events by N. Danilevsky and similar ideas of other prominent thinkers to modern theories that reveal the meta-historical measurement of history. Moreover, fatal events simultaneously act as “reference points of history”, and as the content of the collective memory of generations, and as a kind of “intellectual collective property of nations”. The role of secondary events or “double events”, that is, anniversary dates, which sometimes play no less significant role in the political and cultural life of peoples than the “original events”, is especially noted.

Keywords: collective memory, historical synchronism, reconstruction of events, war, catastrophe, risk management, aberration of historical vision.

Rastorguev Valery Nikolaevich, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy of Politics and Law, Faculty of Philosophy, Moscow State University Lomonosov. E-mail: rv1812@yandex.ru

В рамках заявленной темы выделяются три вопроса. Первый: в чем заключена идея исторического синхронизма и как она связана с нашими представлениями о логике исторического развития и возможностях политического планирования? Второй: как можно интерпретировать сам феномен, который называют роковыми событиями, с которыми приходится считаться тем, кто планирует политическую жизнь? И третий: о чем говорит «парад роковых событий» второго десятилетия второго тысячелетия, когда сама история наших народов дает своеобразный открытый урок каждому из нас?

1. Роковые события

Роковые события, среди которых наиболее значимыми были великие природные и социальные потрясения, а чаще всего войны между народами, — традиционный предмет повышенного интереса со стороны историков, философов и политологов, да и всех, кто пытается самостоятельно осмыслить прошлое и заглянуть за горизонт *своего* времени. Роковые события — это не просто события

в череде других, а поворотные пункты в истории мировых цивилизаций. Они явным, хотя и непостижимым образом изменяют судьбы государств и гражданских наций, этническое самосознание и коллективную память поколений. При этом именно внешние войны, как правило, становятся теми историческими вехами, которыми гражданские нации отмечают этапы своего становления или крушения, взлета или падения. Причина очевидна: о внутренних, братоубийственных конфликтах, не ставших летальными, грядущие поколения стараются, если возможно, забыть. А если время не стирает память о прежних потрясениях такого рода, то и в этом случае люди не хотят до бесконечности «посыпать солью» долго не заживающие раны.

Потомки враждовавших отцов давно живут в *собственном* мире — неразделенном Отечестве, а политические интриги или идеологии, породившие когда-то внутринациональную вражду, будучи по своей природе не вечными, чрезвычайно изменчивыми и конъюнктурными, не способны до бесконечности питать рознь потомков. Новые поколения принимают «внутрисемейные» войны как данность, как социальную болезнь, требующую излечения. Внешние войны, в отличие от прошедших гражданских войн и самых разрушительных природных катастроф (ответом на них может быть лишь смирение перед судьбой, «волей рока» или гневом Божиим), формируют в сознании миллионов не смирение, а чувство солидарности перед символом общей угрозы — устрашающим образом вполне реального врага. И только такой образ, как показывает жизнь, способен в течение многих десятилетий и даже столетий консолидировать самые разные этнические пласты и возрастные группы, классы и сословия, оживляя и восстанавливая межпоколенческую связь, коллективную память народов.

Этот вывод столь же применим для анализа современности, как и для понимания древней истории. К примеру, отправная точка в рассуждениях С. Хантингтона о причинах неизбежного столкновения цивилизаций наших дней — признание консолидирующей функции образа врага, цементирующего социум. Хантингтон открывает свою книгу «Столкновение цивилизаций» ссылкой на роман М. Дибдина «Мертвая лагуна», повторяя и полностью разделяя старую формулу, вложенную в уста одного из героев романа: «Не может быть настоящих друзей без настоящих врагов. Если мы не ненавидим того, кем мы не являемся, мы не можем любить того,

кем мы являемся. Это старые истины, которые мы с болью заново открываем после более чем столетия сентиментального лицемерия. Те, кто отрицает эти истины, отрицает свою семью, свое наследие, свое право по рождению, самое себя! И таких людей нельзя с легкостью простить». По мнению Хантингтона, «прискорбную правдивость этих старых истин не может отрицать ни ученый, ни политик. Для людей, которые ищут свои корни, важны враги, и наиболее потенциально опасная вражда всегда возникает вдоль “линий разлома” между основными мировыми цивилизациями»¹.

Коллективная память, вошедшая в сознание и подсознание людей после кровопролитных войн, обладает особой прочностью. Она — сплав, с одной стороны, самых низменных чувств и фобий, в том числе жажды кровной мести и концентрированной ненависти к обезличенным людям — живым и мертвым, вся вина которых в том, что они по крови принадлежат к стану врага, а с другой стороны, самых высоких проявлений человеческой природы. Война — школа бесчеловечности и ожесточения, но и жертвенности, героизма, взаимной поддержки, где наряду с ненавистью рождается способность прощать поверженного противника. Истории народов, *написанные* не только чернилами, но и кровью, до роковых событий и после них — разные истории.

Если войны и кончаются миром, то в любом случае это будет уже другой мир, с новым прошлым, ибо войны, а не летописцы и не ученые-историки каждый раз заново переписывают историю своих народов и государств. Летописцы и историки, политики и политиканы, журналисты и медиатехнологи, подлинные пророки и мелкие фальсификаторы лишь тогда «творят историю», когда их слово «узнается» коллективным сознанием, уже измененным войной. При этом неизбежно корректируется представление об исторической истине. Иногда после «тектонических событийных сдвигов» кардинально изменяется временной горизонт и вся историческая перспектива, а следовательно, и представление о масштабах явлений и событий. То, что казалось несущественным и почти незаметным, на фоне грандиозных поражений или побед выдвигается на первый план, а воистину великие свершения теряются, воспринимаются как «фоновые картинки» или даже как позорные страницы национальной истории.

¹ *Huntington S. Clash of Civilizations. Moscow, 2003. P. 14–15.*

Такие «абerrации исторического зрения» могут закрепляться в новых поколениях в течение сравнительно короткого времени. Причем временной горизонт подобной коррекции коллективного сознания (то, что Ж. Делез и Ф. Гваттари называют «длинной памятью» расы или цивилизации, социума или семьи) постоянно сокращается в «обществе тотального замещения». Именно так можно определить общество, в котором нормой становится постоянное замещение межличностных коммуникаций манипуляционными технологиями, которые, с одной стороны, опосредуются массмедиа, что облегчает процесс унификации постоянно обновляемого набора «потребительских» стереотипов массового сознания, а с другой стороны, разрушают единое культурное пространство, поскольку под постоянным прессингом событий размываются прямые межпоколенческие преемственные связи.

В результате национальная идентичность, к примеру, вытесняется либо психологией, характерной для «плавленного этнического котла», либо, по точному определению Н. С. Трубецкого, ложным национализмом («Об истинном и ложном национализме»). А это превращение, в свою очередь, провоцирует дальнейшие и всё более масштабные эксперименты по «конструированию» и «переконструированию» геополитического и цивилизационного пространства. Об эффективности подобных экспериментов свидетельствуют бесчисленные примеры нашего времени: и трагические уроки распада Югославии в центре Европы на фоне общеевропейской интеграции, и противоестественное разделение русского народа и ряда других этнических образований в процессе демонтажа СССР.

При этом правильнее было бы говорить не только об «измененном сознании» или фальсификации истории, но и о явлениях иного порядка — о фальсификации самого общества. К такому парадоксальному на первый взгляд выводу приходит, в частности, Г. Дебор в известной книге «Общество спектакля», где он объясняет возникновение этого феномена выходом социума «за пределы простого естественного цикла для того, чтобы стать ориентированной событийностью, последовательностью властных образований». При этом Дебор сравнивает общество спектакля с перманентной опиумной войной, акцентируя внимание на роли войн или «ложных примирений» в разрушении старых и возникновении новых коллективных иллюзий: «Теперь, когда Великий

Раскол классовой власти завершился полным примирением, нужно сказать, что упорядоченная практика интегрированной театрализации сегодня “изменила мир экономически”, *в то время* как он сам “по-полицейски изменил восприятие”. <...> Только потому, что подобное слияние произошло в экономико-политической реальности всего мира, мир, наконец, смог формально провозгласить себя единым. Но также и потому, что общая ситуация, в которой повсеместно возникало такое разделение власти, оказалась столь серьезной, миру необходимо было объединиться как можно скорее, чтобы единым блоком участвовать в одной и той же, основанной на консенсусе, организации мирового рынка, зрелищно *фальсифицированной* и обеспеченной. Но поэтому он, в конечном счете, так и не сможет объединиться». В результате, по мнению Дебора, мы можем лишь наблюдать, «как разрастается фальсификация, доходя до тривиальнейших вещей, словно липкий туман, сгустившийся над повседневностью»².

Кроме того, как подметил Блондель, не следует забывать о сосуществовании в процессе познания разных «аналитических плоскостей», связанных как с признанием либо непризнанием объективных закономерностей развития, так и с альтернативными подходами к пониманию роли личности в истории. В этом случае «обвинение в “фальсификации” истории» (не случайно само слово «фальсификация» Блондель берет в кавычки) следует понимать как строительство «непреодолимой преграды на пути любого выхода о значимости лидеров»³.

События, относимые к роковым, приковывают внимание и требуют объяснения, которое, как подметил И. Кант, только тогда приближает нас к истине, когда мы допускаем в сознание идею провидения, высшей силы, когда за преходящим и случайным удается увидеть неслучайное, непреходящее, инвариантное. В современной философии для обозначения этой «над-исторической» плоскости используется понятие «метаистория». А. С. Панарин в одной из своих последних лекций, прочитанных в Государственной академии славянской культуры, дал очень глубокое определение сути метаисторического измерения истории. По его словам,

² *Debord G.* Society of the Spectacle. Moscow, 1999. P. 2, 6.

³ *Blondel J.* Political Leadership: Political Leadership: Towards a General Analysis. Moscow, 1992. P. 24–25.

«если в логике пространства закономерно побеждают физически сильнейшие, то в логике метаисторического времени, открытой мировыми религиями, торжествуют униженные. Реальная политическая история прокладывается между этими полюсами»⁴.

Разумеется, отсылки на провидение чаще всего свидетельствуют всего лишь о нашей неспособности проникнуть в суть происходящего или о желании найти козла отпущения на случай неудач, как подметил Марк Твен в свойственной ему манере (его формула стала широко известным афоризмом). Подобные трактовки, «снижающие» статус проблемы роковых событий, возможно, вполне допустимы для сугубо профанной (чаще всего профанированной) публичной деятельности, в том числе и политической. Примером может служить предвыборная агитация, в рамках которой двоемыслие с характерной для этого способа мировосприятия подменой понятий — вполне эффективный, а потому и допустимый способ аргументации. Однако сознательное «занижение» темы непригодно для научного исследования, поскольку не только «опускает» тему, обесценивая ее, но и закрывает наиболее перспективные пути анализа. К роковым событиям следует относиться с учетом их «веса» в коллективной памяти и, соответственно, с должным уважением, даже если они и воспринимаются обезличено — не как судьба предков, современников и потомков, а всего лишь как предметная область...

Кантовская позиция может быть положена в основу анализа синхронизма роковых событий, поскольку в ней достаточно четко определяется перспективный путь к корректной постановке проблемы, которая может стать предметом общего философского, гуманитарного, естественно-научного и богословского осмысления только через допущение феномена предопределения (без этого «фермента» теория роковых событий «рассыпается» уже на зачаточных стадиях). Кроме того, как будет показано ниже, она вполне согласуется с наиболее ценными в эвристическом плане и конкурентоспособными концепциями синхронизма, предложенными рядом выдающихся мыслителей и, что особенно важно, включенными в научный оборот. По мнению Канта, в самом «механизме природы, к которой принадлежит человек (как чувственное суще-

⁴ *Panarin A. S. Political situation in Russia: Looking to the Future. Moscow, 2003. P. 15.*

ство), обнаруживается лежащая уже в основе ее существования форма, которую мы можем понять не иначе, как приписывая ей цель Творца мира, предопределяющего ее».

Предопределение Творца, по Канту, и следует понимать как Божественное провидение, а поскольку оно положено в начало мира, то и называть его должно основывающим. «Поскольку же оно в развитии природы поддерживает ее механизм по общим законам целесообразности, мы называем его распоряжающим провидением (*providentia gubernatrix*)». Развивая эту мысль применительно к «отдельным событиям как божественным целям», Кант подчеркивает, что в этом случае правильнее было бы говорить не о провидении, а о Персте Божьем: «Желание познать его, как таковой (так как он, действительно, указывает на чудо, хотя события так не называются), есть безрассудная дерзость человека, потому что заключать от отдельных событий к особому принципу действующей причины (заключать, что это событие есть цель, а не только естественно-механическое побочное следствие из другой, нам совершенно неизвестной цели) нелепо и основано на самомнении, как бы благочестиво и смиренно ни звучали речи об этом»⁵.

2. Тайна исторического синхронизма

Синхронизация роковых событий, или исторический синхронизм, — явление, достойное назваться «планированием свыше», поскольку здесь мы приближаемся к феномену, который, по мнению многих выдающихся мыслителей, пытавшихся его объяснить, свидетельствует о предопределенности в человеческой истории и тщетности попыток преувеличить роль политического планирования и программирования. Прошло 165 лет со дня первого издания книги Н. Я. Данилевского «Россия и Европа», где было предложено одно из наиболее продуктивных объяснений исторического синхронизма в развитии различных локальных цивилизаций (культурно-исторических типов). Эта идея позднее нашла своеобразное отражение во многих теориях, в том числе и в концепции осевого времени К. Ясперса.

По мнению Данилевского, наиболее ярким проявлением синхронизма были «открытие книгопечатания, взятие Констан-

⁵ *Kant I. Works in six volumes. Moscow, 1966. Vol. 6. P. 279–280.*

тинополя турками и открытие Америки, почти одновременно случившиеся». Эта синхронизация, по мнению Данилевского, в несчетное число раз усилила влияние каждого из указанных событий «на развитие просвещения, на расширение деятельности европейских народов», положив начало новому повороту в жизни Европы. Но Данилевский задает вопрос, не имеющий ответа: если следствию синхронизма событий можно найти удовлетворительное объяснение, то «чем объяснить их современность, которая, собственно, и составляет главное условие их образовательной силы?» Причины синхронистической связи столь разнородных событий, заключает Данилевский, «нельзя, конечно, надеяться отыскать ближе, чем в самом том плане миродержавного Промысла, по которому развивается историческая жизнь человечества»⁶.

В Божием Промысле видел суть синхронизации событий и русский мыслитель В. С. Соловьёв, хотя его система доказательств была совершенно иной. Такое отношение, впрочем, было свойственно не только русской религиозной мысли. Даже К. Г. Юнг склонялся к тому, чтобы признать за феноменом синхронизма событий *знамение* — особую связь, не имеющую причинно-следственного характера. По его мнению, эффект синхронистичности изменяет общую картину мира, делая ее объемной благодаря совмещению психического и физического измерений, пространства и времени.

Исторический синхронизм и сегодня остается столь же загадочным, как и столетия назад, и столь же притягательным для любителей мистического истолкования удивительных совпадений, как, к примеру, «парад планет», уже ставший грандиозным информационным шоу под кодовым названием «2012-й год — конец света».

Синхронизация событий — область, где труднее всего отличить образ и реальность, слово и дело, культуру и политику, открытие и технологию, точки бифуркации и предопределенность. К тому же эта область непрозрачна, «загрязнена», например, грязными технологиями, принудительной политической индоктринацией, информационными войнами. Поэтому механизмы синхронизации событий и эффект «повторной» синхронизации могут представлять интерес не только в рамках теоретического

⁶ *Danilevsky N. Russia and Europe. Moscow, 1995. P. 262–263.*

исследования, например, с позиций методологии исторической науки или политической лингвистики, но и с позиций политической прогностики и стратегического планирования.

Не останавливаясь на сопоставлении различных толкований синхронизации роковых событий, т.к. это потребовало бы обширного экскурса, обратим особое внимание на той «второй жизни», которую они обретают через годы и даже столетия, будучи встроены волею случая в новые «событийные ряды», связывающие эпохи и приоткрывающие скрытые прежде тенденции. Эта задача становится не слишком трудной именно в наши дни. Дело в том, что во втором десятилетии второго тысячелетия мы вступили в период, когда нас ожидает не менее величественное и поучительное зрелище, чем «парад планет». Речь идет о *«параде роковых событий мировой истории»*. Его трудно не заметить, но еще труднее объяснить. Речь в данном случае идет о «наложении во времени» информационных «двойников» событий разных эпох. Под «двойниками» понимаются юбилейные даты, ставшие вехами в отечественной и мировой истории.

Их совпадение, скорее всего, носит случайный характер, как и совпадения самих роковых событий, но и здесь за случайностью иногда обнаруживается внутренняя логика исторического процесса, которая описывается либо как цикличность или фатальность, либо как линейное поступательное развитие или линейная деградация социума. Поэтому к синхронизму великих дат не следует относиться только как к следам или отголоскам поворотных моментов истории (точек бифуркации). Значимые даты сами являются информационными событиями первой величины, а их «парад» оказывает ощутимое воздействие на жизнь миллионов людей.

Вопрос о природе роковых событий наиболее труден с методологической точки зрения, хотя и сформулирован предельно просто. Трудность заключается в том, что национальная история становится умопостигаемой, как убедительно доказал А. Тойнби, только в том случае, когда наиболее важные события рассматриваются в более широкой перспективе — в контексте мировой истории. А столь широкий горизонт обнажает массу противоречий, которые трудно заметить на «национальном поле», что, в свою очередь, стимулирует новый виток дискуссии. Выделим только семь оснований, порождающих споры (действительных оснований намного больше).

Во-первых, роковыми или судьбоносными событиями называют изменения в жизни общества, которые порождают цепь дальнейших исторических событий. К слову, по мнению многих культурологов и историков, в том числе самого Тойнби, исторические и цивилизационные пути Британии и России (это сопоставление особо ценно с учетом исторических противоречий между нашими странами) сближает тот факт, что они начинаются с важнейшего из всех событий прошлого и будущего — с крещения наших народов. Впрочем, в большинстве случаев каузальные связи такого рода могут оставаться неявными или непознанными, а иногда вполне доступными для изучения, но табуированными. Иногда их не видят, ибо не хотят видеть. Примером может служить хотя бы уже упомянутое крещение народов Британии и России, значимость которого исследователям зачастую приходится приносить в эпоху мультикультурализма в угоду принципу политкорректности, как и значимость исторической миссии христианских народов. Не всякую правду, если верить английской поговорке, следует произносить вслух (*All truths are not to be told*), а экстра-научные факторы, как видим, способны существенно повлиять на поиск научной истины.

Во-вторых, под роковыми событиями чаще всего понимают не сами события, а концептуальные схемы и теории, призванные их объяснить даже в том случае, когда те в принципе не поддаются объяснению (этому мешает тонкая грань между случайностью и закономерностью, фатальностью и Промыслом Божиим). Однако итогом наукообразного образования и подготовленного этим образованием восприятия мира стала доминирующая установка на поиск объяснения и обоснования как способов «снять» проблему, т.е. избавиться от нее. Но даже в случае, когда причинно-следственные связи между событиями открываются сознанию отдельных людей, достоверные знания о «событийных рядах» редко становятся общим достоянием. Это происходит из-за высокой конкуренции в сфере интеллектуального производства и потребления или из-за того, что даже продуктивные идеи и теории быстро стираются из коллективной памяти.

Немногие теории становятся учениями или доктринами, а те, которым это удастся, растрачивают свой эвристический потенциал по мере распространения и популяризации, когда они овладевают умами миллионов. Профанация — цена адаптации

знаний, рассчитанных на профанов (о профанах говорится в самом уважительном понимании этого определения, поскольку его с полным правом можно приложить к любому человеку и, прежде всего, к узкому специалисту, не способному выйти за границы своей «делянки»). Это касается теорий, ставших обязательными для штудирования и запоминания: образовательные схемы и тесты учат, оглушая, но, оглушая, научают. Но в еще большей степени это характеризует политические идеи, «поднимающиеся» до уровня политических идеологий. На этой «высокой ступеньке» убогая прагматическая дихотомия: «эффективно или неэффективно» полностью вытесняет из сознания человека (политического человека) дилеммы истинности или ложности, добра или зла, над которыми ломали головы мыслители всех времен и народов.

Поэтому даже «умная политика», т.е. политика научно обоснованная на уровне подготовки решений, воспринимается интеллектуалами как «недалекая». Такой вывод усугубляется и узостью ее временных горизонтов (временной горизонт локальных цивилизаций — вечность, а так называемых демократических циклов с подгонкой программ от выборов до выборов — не более 5–7 лет), а также характерным для политической деятельности неизбежным дефицитом информации и компетентности при принятии стратегических решений. Фактором риска является и сама технология принятия политических доктрин, принципиально отличающаяся от признания и распространения научных учений. Собственно, по этим причинам политические решения так часто оборачиваются роковыми событиями.

В-третьих, реальные роковые события, иногда поддающиеся концептуальной исторической реконструкции, чаще всего до неузнаваемости видоизменяются в результате использования этого метода. Сам метод исторической реконструкции не только составляет основу исторической науки, но и способен повлиять на ход национальной и мировой истории. Благодаря реконструкции «привнесенная» человеком логика не столько дополняет «логику исторического развития», сколько вытесняет ее. Таким образом, исторический рассказ, а не история воспринимается как данность, как вызов времени, требующий ответа. Именно так происходит подмена вызова и ответа, информационного события и бытия.

В-четвертых, трудность состоит не только в том, что произвольную концептуальную реконструкцию роковых событий

трудно, а иногда невозможно отличить, «отслоить» от достоверного знания — от исторического факта. Ссылки на факты мало что меняют, поскольку под историческим фактом, как известно, понимают как сам «фрагмент реальности», который в данном случае почти не отличим от артефакта (ибо субъекты истории — люди и народы), так и знание об этой реальности, если оно признается достаточно достоверным.

В-пятых, анализ роковых событий сводится по преимуществу к изучению текстов. И действительно, если роковыми событиями именуют не только и не столько реальные судьбоносные изменения, сколько знания о них, то возникает искушение упростить проблему. А самый короткий, хотя и не самый простой путь — перевести ее в плоскость изучения тех текстов, письменных (по преимуществу) и устных, которые составляют своеобразную «книгу идентичности», стоящую на обязательной виртуальной «книжной полке» в доме у каждой нации или государства. В этой книге результаты реконструкции соединены с фактами общим «сюжетом» и логикой, привнесенными в историю как творцами исторических событий — вождями и героями, так и творцами исторических опусов, текстов (историками).

В-шестых, роковые события — не только коллективная память поколений, но и своеобразная *«интеллектуальная коллективная собственность наций»*. На ее страже стоит общественное мнение, национальное самосознание, т. е. людской суд, который далек от унифицированного представления об истинности и справедливости. По этой причине существует столько же самостоятельных «изданий» и вариантов «книги идентичности», сколько существует в мире языков и культур. Чтобы пояснить эту мысль, достаточно сослаться на одно из самых известных высказываний Бернарда Шоу: «Англия и Америка — две страны, разделенные одним языком». Такое разделение «удваивает», а точнее, «умножает» одну и ту же общую историю, если под ней понимать реальный ход столь же реальных событий. Кроме того, язык воссозданной истории, как и речь человека, куда чаще служит проводником идей, идеологий и групповых интересов, чем носителем истины. «Мысль изреченная есть ложь», как говорил русский поэт и дипломат Тютчев. Ему же принадлежат известные в России строки о двух роковых силах. В этих словах заключена мысль, которая дополняет наше представление о роковых событиях:

*«Две силы есть — две роковые силы,
Всю жизнь свою у них мы под рукой,
От колыбельных дней и до могилы, —
Одна есть Смерть, другая — Суд людской».*

В-седьмых, следует выделить класс *искусственно созданных* роковых событий, которые с полным основанием можно назвать не только артефактами, но и продуктами информационных технологий, а также, если учесть их регулятивные и манипулятивные функции, виртуальными событиями-технологиями. Среди роковых событий такого типа особого внимания заслуживают «информационные взрывы» и «волны», способные откорректировать, переписать, «смыть» или полностью подменить «книгу самоидентификации», т.е. качественно изменить идентичность людей и народов, подогнав ее под требования той или иной идеологии. Как гласит английская пословица, ложь порождает ложь (*A lie be gets a lie*).

Предложенная классификация толкований роковых событий не исчерпывает всех вариантов, в том числе и наиболее важных аспектов проблемы влияния роковых событий на выбор будущего. К примеру, к искусственно созданным, т.е. рукотворным, роковым событиям можно с полным правом отнести и значительную часть так называемых глобальных проблем, временами больше похожих на информационные волны и события-технологии, чем на реальные угрозы. Вместе с тем глобальные проблемы, а точнее, их «информационные клоны» на наших глазах изменяют общечеловеческую историю, требуя не только координации усилий со стороны всех стран — участников мирового процесса, но и организации единого центра управления, без которого координация неосуществима.

При этом глобальные проблемы всё чаще определяют не иначе, как объективные вызовы времени. Тем самым ответственность за антропо- и техногенные катастрофы переносится с политики и политиков на обезличенное время, хотя именно человеческая деятельность — главная фабрика по производству проблем, в том числе глобальных, требующих единого центра по координации усилий для их решения. Так, одним выстрелом, как говорят в России, убивают двух зайцев (английский аналог: *to kill two birds with one stone*). С одной стороны, виновником назначают ни в чем

не повинное время, а с другой стороны, легитимируется тенденция по сверхконцентрации власти.

По этой причине искусственное подогревание страхов перед глобальными вызовами провоцирует, по удачному определению Ж. Бодрийяра, реальное возникновение новой цепи роковых событий. Лучше всего об этом свидетельствует, по его мнению, великий сценарий ядерной угрозы и театральные переговоры по этому поводу, поскольку фантазии о смерти «притягивают роковые события»⁷.

3. Парад событий

После проведенной методологической пропедевтики можно перейти к заключительному вопросу — о параде великих дат и о том уроке, который человек может почерпнуть, пытаясь осмыслить это удивительное явление. Сегодня достаточно легко предсказать, о чем будут говорить все СМИ и, соответственно, о чем будут думать люди — от лидеров стран до рядовых обывателей — в следующем году, через год и через десятилетие. Причем предсказать характер и направленность дискурсов можно с точностью до месяца, до дня, ибо время циклично и само постоянно напоминает нам о роковых событиях прошлого. А СМИ привязаны к этим событиям, особенно к юбилейным датам, как привязаны животные к зонам кормления. Им всегда не хватает естественно-го корма, а юбилейные информационные события — надежный и качественный фураж.

Поэтому иногда юбилейные даты великих событий кажутся столь же весомыми, как и сами оригиналы. Но это не только кажимость. Даты не только овладевают вниманием масс, но и подчиняют себе волю лидеров ведущих стран мира, а это, в свою очередь, заставляет все крупные политические тела, а также их бесчисленные спутники (от публичных политиков и дипломатов среднего масштаба до рядовых политтехнологов) изменять «орбиты» своего движения в политическом пространстве. Таким образом, отражения событий правильнее было бы оценивать как их историческое продолжение, способное влиять не только на характер политического дискурса, но в ряде случаев и на выбор политического курса.

⁷ *Baudrillard J.* America. St. Petersburg, 2000. P. 112.

Всё это чрезвычайно важно учитывать в ходе политического планирования и стратегического прогнозирования. Совпадение великих дат влечет за собой последствия, иногда не менее важные, чем совпадение реальных исторических событий. Парад событий как бы нанизывает эпохи, срывает с событий покров привычности (хабитуализации) и тем самым приоткрывает логику истории.

Многие роковые события со страшной очевидностью повторяются из века в век, и каждый раз люди не воспринимают уроков, которые преподносит история. А уроки эти оплачиваются такой кровью и такими потерями, что, кажется, надо быть полностью лишенными души и памяти, чтобы не заметить этой исторической связи. Этнокультурная память народа и его национальная самоидентификация во многом сопряжены, как уже говорилось, с памятью о войнах: великих победах и страшных поражениях. О каких событиях, а точнее, *событийных рядах* идет речь?

Остановимся только на нескольких событийных рядах, непосредственно связанных с отношениями между Россией и Европой. Увы, по значимости, как уже говорилось в самом начале доклада, выделяются по преимуществу истории войн, побед и поражений... Самое прискорбное заключается в том, что воевали между собой христианские, а иногда и православные, славянские страны.

В недавние годы мы отмечали множество дат, связанных с этими событиями. И ***первый по значимости событийный ряд — 2010–2015 гг.*** 2010 г. — 65-летие победы над фашистской Германией, а 2011-й — 70-летие со дня начала Великой Отечественной войны. Эта война по праву называется в России Отечественной, т.к. она стала едва ли не главным основанием гражданской самоидентификации народов России, переживших до этого эпоху тотальной политической индоктринации, одной из целей которой было стирание многовековой коллективной памяти. И каждый день до 9 мая 2015 г. включительно нам вспоминалась хроника той войны, которая почти у каждой семьи в России отняла либо кормильца, либо других близких родственников, а также хроника освободительной европейской миссии России, где каждый день — воистину на вес золота. Россия ценою невиданных жертв позволила восстановить суверенитеты тех европейских народов и государств, которые сегодня сообща создают единую Европу. Если сторонники теории нарративации утверждают, что и в этом

случае перед нами не столько реальная история, сколько рассказ, то это не изменяет общей оценки. Пусть это рассказ среди рассказов, но, безусловно, самый правдивый и самый поучительный в моральном плане из всех рассказов о мировых войнах. Самый поучительный, прежде всего, для России и для Европы, ибо он не столько повествование о прошлом, сколько предупреждение.

На каких идеологических основах, на каких духовных принципах строится Европейский дом? Это очень важно понять, поскольку никому не известны конечные цели строительства этого огромного квазигосударства, а если называть вещи своими именами — сверхдержавы нового типа и даже новой империи, пока не достаточно устойчивой, но интенсивно срастающейся. Неизвестны цели строительства и самим европейцам, если, конечно, не сводить смысл объединения к созданию более комфортных условий для бизнеса и получения преимуществ в конкурентной борьбе на мировых рынках.

К сказанному можно добавить то, что для граждан России *2010 год — это еще и 90-летие со дня завершения горячей фазы Гражданской войны*, разделившей народ, как тогда казалось, навсегда. Гражданская война расколола даже саму Русскую православную церковь. На этом фоне особым историческим смыслом наполняются события последнего времени и, прежде всего, воссоединение Русской православной церкви. Духовное воссоединение Православной России — дополнительное свидетельство правоты вывода о том, что отгремевшие гражданские войны отцов воспринимаются их потомками как застарелая болезнь, требующая лечения.

Вслед за этим всем нам пришлось детально вспоминать о событиях иной давней войны, ибо ***второй событийный ряд — 2012–2014 гг. — двухсотлетие со дня «Нашествия двенадцати языков»***, как раньше называли Великую освободительную миссию России в начале XIX в., Отечественную войну 1812 года. Тогда точно так же русские войска платили своей кровью за освобождение европейских государств. Думается, это урок с повторением (две отечественные войны со столетним разрывом). Суть урока проста, но принимается с трудом: общими врагами и России, и Европы были силы, стремившиеся столкнуть Европу и Россию, как бы эти силы себя ни позиционировали тогда и ныне. Напомню слова Наполеона, которые он произнес в беседе

с одним из наших дипломатов уже после начала боевых действий: «...теперь, когда вся Европа идет вслед за мной, как вы сможете мне сопротивляться?»

Мы очень часто забываем, что почти вся Европа тогда легла под идею, или, как мы сказали бы теперь, под идеологию некоего европейского политического объединения, первая попытка создания которого и была предпринята Наполеоном. В силу многих обстоятельств и, прежде всего, политических интриг, нежелания учиться на собственных ошибках этот союз стал антироссийским и до сих пор сохраняет в себе эту губительную для самой Европы направленность. Уже при Наполеоне (во многом, кстати, против его воли) и после его падения Европа превратилась в анти-Россию, а Россия в глазах европейцев — в анти-Европу.

Были ли тогда у европейцев, в том числе французов и русских, другие пути и возможности выстроить мирные или хотя бы взаимопользные отношения между нашими цивилизациями? Возможно, что и были, хотя, как известно, у истории нет сослагательного наклонения. Впрочем, именно это наклонение и свойственно истории: многие упущенные когда-то исторические возможности как бы консервируются, сохраняются во времени. Главное — не наступать на те же грабли и вовремя, когда наступит схожая ситуация, выбрать разумную стратегию, выгодную России. Именно об этом писал Н. Я. Данилевский в книге с говорящим названием «Горе победителям». Он утверждал, что наша славная в военном, но не в политическом смысле борьба против Наполеона не принесла нам особой пользы, т. к. мы не приобрели ни одного истинного друга и союзника. По его мнению, мы заплатили своей кровью за европейские, но не за российские интересы. Чем не урок?

Третий событийный ряд — 2012–2013 гг. — столетие балканских войн, их хроника. История вновь и вновь давала нам уроки, свидетельствующие о пагубности междоусобиц и об особых рисках, связанных с противостоянием между православными государствами. Как известно, Первая Балканская война — война коалиции (Балканского союза) Сербии, Болгарии, Черногории и Греции против Турции. Эта война стала прелюдией ко Второй Балканской войне — столкновению коалиции и примкнувшим к ней Турции и Румынии уже против Болгарии. Отсюда вытекают тяжелейшие последствия и для Европы, и для России, обернувшиеся в итоге глобальной катастрофой — началом Первой

мировой войны, которая, как не без основания считают многие мыслители нашего времени, не закончилась и по сей день, усугубив разделение Европы и России. Многие исследователи приходят к выводу, что и Вторая мировая война — продолжение Первой в новом историческом контексте, с новыми геополитическими акторами, но на том же театре боевых действий и с еще более чудовищными, уже не поддающимися осмыслению невосполнимыми жертвами для европейцев и россиян.

На это наслаивается еще один **событийный ряд — это 2010–2012 гг. — период, когда мы отмечали 400-летие спасения России**, ключ к которому — национальное единство, обретенное на краю гибели.

И конечно, **событийный ряд, мимо которого нельзя пройти, — 2013–2017 гг.** Речь идет о столетии со дня взлета династии Романовых (в 1913 г. с невиданным размахом отмечался 300-летний юбилей Дома Романовых) и о трагическом пути династии к гибели, которая произошла на фоне мировой катастрофы и крушения основных европейских империй.

Мы не задумываемся, к чему привела Первая мировая война, тем самым не замечаем ее неявных причин и механизмов. А среди целей бойни — сознательное уничтожение самих цивилизационных основ «старого мира», превращение Европы и России в расчищенную «стройплощадку», пригодную для реализации геополитических проектов. Именно в это время ушли в небытие прежние гаранты стабильности — великие империи (Австро-Венгерская, Германская, Российская и Османская), а уже на их руинах стали осуществляться самые циничные за всю историю человечества эксперименты над людьми и народами. Говоря о событийных рядах, мы перечислили совсем немного из того, о чем стоило бы помнить. Но сам факт наложения этих культурных пластов в 2010–2015 гг. заставляет заново выстроить систему ценностей и приоритетов.

СОЛИДАРНОСТЬ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Аннотация. Солидарность — достаточно сложный концепт. Он подразумевает сотрудничество, но предполагает наличие «общего врага» или угрозы. Это относится и к солидарности локальных цивилизаций, понимаемой и как социальный идеал долгосрочного развития, и как потенциал развития, и как реальный проект и долгосрочная стратегия, не имеющей альтернатив в исторической перспективе. По этой причине солидарность цивилизаций, хотя разрабатывается в форме научных концепций и закрепляется в форме политических доктрин, не сводится ни к концепциям, ни к доктринам. Она нуждается в стратегическом планировании и сценарном прогнозировании, основанным на уважительном отношении ко всем цивилизационным теориям и школам, которые вошли в научный оборот, т. к. за каждой точкой зрения открываются новые грани цивилизационного синтеза.

Ключевые слова: солидарность, локальные цивилизации, стратегия, политическая доктрина, научная школа.

Расторгужев Валерий Николаевич, доктор философских наук, профессор кафедры философии политики и права философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: rv1812@yandex.ru

Rastorguev V.N.

SOLIDARITY OF CIVILIZATIONS

Annotation. Solidarity is a rather complicated concept. It implies cooperation, but implies the presence of a “common enemy” or threat. This applies to the solidarity of local civilizations, which is understood both as the social ideal of long-term development, and as a development potential, and as a real project and a long-term strategy that has no alternatives in a historical perspective. For this reason, the solidarity of civilizations, although it is being developed in the form of scientific concepts and fixed in the form of political doctrines, is not reduced to either concepts or doctrines. It needs strategic planning and scenario forecasting, based on

a respectful attitude to all civilizational theories and schools that have entered the scientific revolution, since new perspectives of civilizational synthesis are opened behind each point of view.

Keywords: solidarity, local civilizations, strategy, political doctrine, scientific school, civilizational conflicts.

Rastorguev Valery Nikolaevich, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy of Politics and Law, Faculty of Philosophy, Moscow State University Lomonosov. E-mail: rv1812@yandex.ru

1 ноября 2018 г. открылся XXII Всемирный русский народный собор, посвященный теме «25 лет по пути общественного диалога и цивилизационного развития России». Центральное место в выступлениях Президента России и Святейшего Патриарха занимал вопрос о специфике цивилизационного пути России и сохранении собственной идентичности и солидарности в мире цивилизаций, представляющим собой, по словам В. В. Путина, «...многоликую сложность, каждая грань которой дополняет и обогащает друг друга. <...> Сегодня понимание такой сложности развития цивилизаций служит фундаментальной основой для многополярного мира, для отстаивания принципов международного права»¹.

Предстоятель отметил также и роль Собора как центра внутренней солидарности и консолидации на основе цивилизационной идентичности, которая не имеет ничего общего с изоляционизмом или чувством превосходства: «Это, прежде всего, вопрос единства нашего цивилизационного пространства, во многом совпадающего с канонической территорией нашей Церкви, где живут представители различных государств, национальностей и вероисповеданий. Общность исторической судьбы, многовековой обмен культурными достижениями, опыт совместной борьбы с захватчиками сплотил людей на базе единых ценностей, вытекающих из нравственного учения Православной Церкви и других традиционных религий. Эти ценности определяют и социальный идеал, который был обозначен на Соборе как солидарное общество, то есть такое общество, которое основано на взаимопомощи,

¹ Выступление Президента России В. В. Путина на открытии XXII Всемирного русского народного собора. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5295161.html>.

на сотрудничестве, а не на жестокой конкуренции и “естественном отборе”»².

Но солидарность, понимаемая как социальный идеал долгосрочного развития нашей цивилизации, не сводится ни к политическим доктринам, ни к научным концепциям, которые не только объединяют людей, но и разделяют их, поскольку базируются на самых различных методологических и ценностных основаниях, а иногда и на взаимоисключающих представлениях о природе цивилизационного генезиса. Всё это требует тщательного научного осмысления и методологии, основанной на уважительном отношении ко всем цивилизационным теориям и школам, которые вошли в научный оборот, т.к. за каждой позицией и точкой зрения открываются новые грани цивилизационного синтеза. Именно этой задаче была посвящена коллективная монография, подготовленная к XXII Всемирному русскому народному собору по результатам многолетней программы «Цивилизационный путь России», которая осуществляется по инициативе Научного совета при Президиуме РАН и Экспертного совета ВРНС совместно с философским факультетом МГУ и Институтом Наследия³.

Цивилизационная идентичность многогранна и требует самопознания, но любой узкодисциплинарный подход позволяет раскрыть лишь один ее аспект, открыть взору одно из возможных цивилизационных измерений и в любом случае будет недостаточен. В мире науки, так же как в искусстве, ценятся и мастерство владения пером или инструментом (методологическим инструментарием), и уникальность авторского стиля, а также «эффект полифонии», который достигается только в «оркестре» — в рамках междисциплинарных программ, где особую роль играет «режиссер» (руководители программы). Для того чтобы получить этот эффект полифонического, или объемного, видения цивилизации с учетом ее русской идентичности, используются различные модели координации и синхронизации работы исследовательских групп над основными измерениями программы, каждое из которых

² Слово Святейшего Патриарха Кирилла на открытии XXII Всемирного Русского Народного Собора. URL: <https://vrns.ru/news/4978>.

³ Цивилизационное развитие России: наследие, потенциал, перспективы : коллективная монография / под общ. ред. В.А. Черешнева, В.Н. Расторгуева. М. : Издатель Воробьев А.В., 2018.

дополняет общую картину. Среди основных измерений цивилизационной идентичности следует выделить философско-методологическое и богословское, конфессиональное и этнокультурное, историческое и культурологическое, социологическое и лингвистическое (в том числе лингвострановедческое), художественное и эстетическое, территориально-средовое и ресурсное, экологическое, социально-экономическое и технологическое, а также геополитическое и военно-политическое.

Наша цивилизационная идентичность определяется, прежде всего, личностным измерением цивилизации. Личностное измерение — это творцы: светочи духовности и великие правители — «наместники Бога на земле», герои и властители дум, т. е. вся славная галерея великих русских писателей, поэтов и художников, ученых и мыслителей. Не случайно почти все теории, посвященные возникновению и развитию цивилизаций, основываются на простой метафоре, раскрывающей самую суть этого процесса, — они уподобляют генезис цивилизации рождению и развитию человека. И для такого сопоставления есть все основания:

Во-первых, человек раскрывает свою индивидуальность, осознает себя как личность, реализует свои таланты, открывает для себя личное призвание и миссию благодаря врожденному чувству солидарности, в тесном общении с другими людьми. Но и сама цивилизация есть не что иное, как высшая форма человеческой солидарности, наряду с родовыми, религиозными и экономическими общностями, народностями и нациями, профессиональными и возрастными группами. Всю историю цивилизации можно уподобить, по мнению одного из первых авторов, писавших на эту тему, Ф. Гизо, борьбе солидарности и эгоизма — «социальных, коллективных инстинктов с эгоистическими человеческими побуждениями»⁴. С этим взглядом согласуется и позиция Э. Дюркгейма, который ввел в оборот наиболее влиятельную в научном сообществе, но вместе с тем и предельно схематичную концепцию солидарности. В основе этой концепции лежит противопоставление механической солидарности (примитивной и принудительной), свойственной ранним стадиям цивилизационного развития, и солидарности органической, добровольной,

⁴ Гизо Ф. История цивилизации в Европе. Минск : БЭ, 2005. С. 7.

востребованной на высших ступенях цивилизации и требующей уважения к индивидуальным особенностям и суверенитету отдельной личности. Кроме того, многие цивилизационные учения, раскрывающие природу многоликости цивилизаций, прямо уподобляют их сложившимся личностям, каждая из которых имеет свой возраст и свою особую миссию, что предполагает признание ее прав на существование и самобытность.

Во-вторых, всякий человек нуждается в семье, в семейной атмосфере и родовой памяти, в особом отношении к родным и близким. «Общественная солидарность, неразрывность интересов элиты и народа, — говорил патриарх Кирилл на открытии XXI Всемирного русского народного собора, — обеспечит структуризацию общества по модели большой семьи. Вряд ли верно расхожее мнение о том, что общество состоит из индивидов или из так называемых “малых групп” (то есть соседи, коллеги на работе, друзья по увлечению). Нет. Общество опирается не на малые группы, а на семью. Семья — структурная единица стабильного, здорового социума, главный элемент солидарного общества. Сохранение народа, культуры, языка, государства — всё это осуществляется при посредстве семьи, поскольку именно с семьей связан механизм передачи опыта по цепи поколений. Если взглянуть на этот процесс со стороны, можно дать ему точное название: традиция. Не какая-то конкретная, а традиция как метод связи поколений в режиме общего делания»⁵.

Именно здесь зарождается чувство солидарности в его высших проявлениях и прежде всего как ощущение и осознание *соборности* (такое отношение к солидарности-соборности характерно для русской философской традиции).

С.Л. Франк писал, что подлинные брачные отношения, отношения между родителями и детьми, как и отношения кровной связи, и далее — как «всякое вообще сознание соборного единства есть мистическое чувство, выводящее человека из наружной, эмпирической обособленности его бытия в таинственные глубины космического и сверхкосмического единства. Так, религиозное чувство в самой глубокой и чистой форме есть чувство родства между человеком и Богом (Бог как Отец), и, с другой стороны,

⁵ Слово Святейшего Патриарха Кирилла на открытии XXI Всемирного русского народного собора. URL: www.patriarchia.ru/db/text/5052002.html.

почитание родителей, культ предков и семьи, домашний очаг, как алтарь, есть первичная форма религиозной веры»⁶. Говоря о существенном и очевидном различии между обществом и личностью, Франк отмечает, что различные формы соборности — это «не суть конкретные формы, которые могли бы существовать в отдельности; они суть лишь абстрактно-выделимые стороны или сферы соборности». При этом всякая соборная связь, по мысли Франка, *переживается* и «приводит к совместности жизни и судьбы и, с другой стороны, укрепляется ею»⁷.

А в тесном общении со своими соплеменниками и представителями других культур мы не только приобретаем бесценный опыт межэтнической и межкультурной солидарности, не только опыт уважительного отношения к иным верованиям и традициям, но и понимание собственной идентичности — основы внутренней цивилизационной солидарности. Точно так же и каждая состоявшаяся локальная цивилизация, даже самая замкнутая и «эгоцентричная», не может сохраниться без постоянных межкультурных контактов, без «наследственной памяти», далеко не всегда основанной, кстати, на бесконфликтном сотрудничестве, что формирует особый тип внутренней солидарности перед лицом внешних угроз. Только так закладывается в «гено-типе» цивилизации своеобразный иммунитет к обезличиванию и принудительному, чаще всего насильственному «иноземному цивилизаторству», равно губительному как для сохранения многообразия общечеловеческой цивилизации, так и для самих цивилизаторов, навязывающих представление о цивилизации-образце собственным народам, лишая их тем самым самобытности и иммунитета перед лицом миграционного нашествия.

Но именно на основе многовекового опыта потерь и приобретений, общих жертв, войн и примирений, союзов и коалиций формируется наивысшая форма человеческой солидарности — солидарности цивилизаций, что является условием их бытия или, точнее, со-бытия. Такая солидарность еще далека от институционализации на уровне международной политики, где пока абсолютно доминируют иные типы солидарности — прагматической и основанной на

⁶ Франк С. Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. С. 111.

⁷ Там же. С. 112–113.

совпадении интересов. Однако *со-бытие цивилизаций* уже существует как тенденция и пробивает себе дорогу в противостоянии с политизацией межкультурных конфликтов, которая хотя и получила свое обоснование в теории столкновения цивилизаций, но уже продемонстрировала свою ограниченность и ущербность.

В-третьих, люди нуждаются в вере, и эта потребность часто эксплуатируется псевдорелигиозными сектантскими учениями или политическими идеологиями. Идеологии эксплуатируют чувство негативной солидарности, направленное против общего врага — «мирового зла», либо персонифицированного в образе «врагов демократии и противников свободы», либо скрывающегося под категорией «эксплуататорских классов», либо в лице целых народов и цивилизаций, само существование которых представляет угрозу для «высшей расы» или «высшей цивилизации». Однако религиозная идентификация и языковая общность были и остаются важнейшими отличительными признаками, позволяющими выделять каждую цивилизацию. При этом религиозная самоидентификация человека, как уже говорилось, не тождественна степени его воцерковления, а основывается на признании личной причастности к коллективной памяти предков и на уважении к истории Отечества, нравственным идеалам и святыням собственного народа, что и служит фундаментом цивилизационной солидарности. Именно об этом говорилось в Слове Святейшего Патриарха Кирилла на открытии XVIII Всемирного русского народного собора: «Нам нужен великий синтез высоких духовных идеалов древней Руси, государственных и культурных достижений Российской империи, социальных императивов солидарности и коллективных усилий для достижения общих целей, определявших жизнь нашего общества большую часть века XX-го, справедливое стремление к осуществлению прав и свобод граждан в постсоветской России. Синтез, который лежит за пределами привычной дихотомии “правые-левые”. Синтез, который можно описать формулой “вера — справедливость — солидарность — достоинство — державность”»⁸.

Но распространение интуитивно ясных и сугубо позитивных представлений о солидарности осложнено чрезмерной теоре-

⁸ Слово Святейшего Патриарха Кирилла на открытии XVIII Всемирного русского народного собора. URL: www.patriarchia.ru/db/text/3367103.html.

тической эксплуатацией этого понятия, «перегруженного» взаимноисключающими смыслами. Дело в том, что с момента введения этого термина в научный оборот оно столь широко использовалось в конкурирующих научных школах и враждующих политических доктринах, что превратилось в политическое заклинание, посредством которого легко можно оправдать, легализовать любые учения и действия, служащие разделению людей и народов, сеющие рознь и ксенофобию.

В результате, как отмечает О. Ю. Бойцова в статье о «негативной солидарности» как о концепте политической философии, сам факт наличия солидарности в обществе, не говоря уже о политических отношениях, представляется далеко не бесспорным: «Задача выработки четкого определения солидарности, выявления ее чистых форм и способов “опознания” в реальных взаимодействиях далека от решения. Во многом сложности концептуализации объясняются исторической спецификой — особенностями разработки парадигмы в “эпоху солидаризма”, как иногда называют девятнадцатое столетие, когда идея солидарности пользовалась наивысшей популярностью. <...> Превращение “солидарности” в востребованный инструмент познания и основание легитимации политических проектов напрямую связано с социально-политической задачей, которой буквально “болел” девятнадцатый век, — решением так называемого социального вопроса. Многочисленные версии достижения единства и согласия, выстроенные с различных теоретических и идеологических позиций, были прямо ориентированы на практическое действие и содержали масштабные планы преобразования общества. <...> И хотя значительная доля подобных проектов так и осталась утопическими конструкциями, всё же многие из солидаристских планов были действительно реализованы. В частности, на их основе в политико-правовой сфере возникло и прочно укоренилось особое направление, впоследствии получившее название социальной политики, и сформировалась концепция социального государства, а консенсусные стратегии стали играть важную роль в общественной жизни и в реальной политике на государственном и международном уровне»⁹.

⁹ Бойцова О. Ю. К вопросу о «негативной солидарности» как концепта политической философии // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. № 4. С. 63, 61.

Солидарность в западном менталитете — как в теориях, так и в сменяющих друг друга социальных проектах — всё в большей степени отождествлялась с представлениями о демократии и стадиями ее эволюции, превращаясь в политический и политологический концепт, но утрачивая свой потаенный сакральный смысл. И это снижение высоких идей и понятий, сведение сакральных ценностей к прагматическим оценкам, которые выражаются в деньгах, целесообразности или эффективности — тенденция, характерная для современной Западной цивилизации.

Впрочем, нельзя недооценивать эти формы политической и гражданской солидарности, используемые как категориальный инструментарий в процессе строительства новых мировых отношений. В частности, выдающийся теоретик солидаризма Ю. Хабермас в своей работе с говорящим названием «Технократический гнев. Разобщенный Союз застревает у порога солидарности» вполне обоснованно утверждает, что дефицит солидарности является главным препятствием на пути устойчивого развития Европейского союза. При этом, как подмечает Н. В. Мотрошилова, анализируя эволюцию взглядов Хабермаса о солидарности, «морализирование и деполитизирование понятия солидарности» становится, по мнению немецкого философа, большим недочетом именно в последнее время, когда понятие солидарности потребовалось применить не к одним этическим, а к социально-политическим или «чисто» политическим сторонам человеческих действий и отношений¹⁰.

Хабермас с немецкой пунктуальностью типологизирует и прописывает все формы инструментальной солидарности, которые могут быть востребованы в процессе социального строительства с учетом уровня цивилизационного развития общества. Но особо он выделяет традиционные типы солидарности, и прежде всего — «солидарность тех, кто родился позже, с их предшественниками, со всеми, кто потерпел ущерб от руки человека в своей телесной или личностной целостности». По его определению, «эта солидарность утверждается и иницируется только посредством памятования. Сила воспоминания, несущая освобождение, должна означать (как это имело место от Гегеля до Фрейда) не избавление

¹⁰ Мотрошилова Н. В. Юрген Хабермас о кризисе Европейского Союза и понятии солидарности (2011–2013 гг.) // Вопросы философии. 2013. № 10. С. 25.

современности от власти прошлого, но снятие с современности ее вины перед прошлым», поскольку «именно невозвратный образ прошлого оказывается под угрозой исчезновения, когда появляется современность, не умеющая угадать себя в этом образе»¹¹. Однако и традиционное понятие солидарности, как показывает Хабермас, ссылаясь на «аристотелевскую традицию (вплоть до Ханны Арендт)», никогда не теряло тесной «связи с политическим концептом чувства солидарности»¹².

Нельзя не заметить, что секуляризированный инструментально-политический взгляд на солидарность, которая всё в большей степени отождествляется с совершенствованием институтов и процедур демократии и массовой вовлеченности граждан в политику, имеет одно слабое звено, связанное с неизбежной в этом случае десакрализацией солидарности и демократии. Об этом с удивительной проницательностью говорит Н. Хомский в очерке «Секулярное священство и опасности, которые таит демократия». В этой работе предлагается расширительное толкование термина «секулярное священство», введенного адептом идеальной демократии И. Берлиным для обозначения интеллектуалов-коммунистов, которые, по его мнению, превращали политическую идеологию в государственную религию. Хомский же считает, что этот термин не в меньшей мере подходит и для либеральных интеллектуалов, содействующих превращению западной демократии в ложную религию. Важным этапом в этом процессе стал, по его мнению, кризис 60-х гг. XX в., когда на политическую арену организованным образом стали выходить именно те группы населения, которые в норме бывают пассивны и апатичны: женщины, меньшинства, молодежь, пожилые люди и т. д., т. е. почти что всё население. Ну чем не подлинное народовластие и чем не истинная солидарность, если их интересы явно следует отличать от так называемых национальных интересов — оруэлловского термина, который, как напоминает Хомский, на практике относится к «постоянным интересам меньшинства преуспевающих»? На этот вопрос, который поставил бы сегодня в тупик многих политологов, Хомский отвечает предельно лаконично: «Наивные могут назвать это развитие

¹¹ Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М. : Весь Мир, 2003. С. 26–27.

¹² Там же. С. 354.

событий шагом к демократии, но более искушенные понимают, что это — “экссесс демократии”, кризис, который необходимо преодолеть путем возвращения “приведенного в замешательство стада” на подобающее ему место: зрителей, а не участников действия»¹³.

Однако в России солидарность, как уже отмечалось, всегда понималась иначе, а связь с ее сакральным началом, религиозным сознанием никогда не прерывалась — ни в массовом сознании, ни в русской философии, которую часто и не без основания называют русской религиозной философией. Это относится не только к русским мыслителям серебряного века, которые ввели в научный оборот целый набор идей о природе общечеловеческой солидарности, берущей начало в соборности, но и к современным авторам. Многие из них в последние годы активно работают по цивилизационной тематике, раскрывая специфику цивилизационного развития России через призму традиционно русского понимания солидарности, справедливости и соборности.

При сопоставлении соборности и солидарности в методологическом плане внимания заслуживают не процедуры по уточнению понятий и не сама дискуссия об их совместимости или несовместимости, хотя этот путь и кажется самым коротким и продуктивным: поспорили, договорились и разошлись. В действительности дальше споров такой диалог не продвинется, а лишь усугубит разделение позиций. И здесь мы сразу сталкиваемся с дилеммой: если для «демократического дискурса» такой результат может считаться не только ожидаемым, но вполне допустимым и даже желательным, то для поддержания духа соборности именно он совершенно противопоказан.

И действительно, с одной стороны, разделение позиций и конкуренция подходов — дополнительный аргумент в пользу политической солидарности, которая проявляется в незыблемости демократических институтов и гражданских свобод, что предполагает признание права и на свободную трактовку природы демократии вплоть до *вербального* отрицания ее базовых принципов (без посягательства на сами институты). С другой стороны, именно разделение людей и дробление сил, способных составить конкуренцию, было и всегда будет самым надежным инструментом политики — и тоталитарной, и демократической,

¹³ Хомский Н. О природе и языке. М. : КомКнига, 2005. С. 268.

и той реальной, для которой любые идеологемы и методы приемлемы, если способствуют достижению поставленных целей. Именно такая политика — реальная и потому цинично-прагматичная (власть хорошо организованного меньшинства над плохо организованным большинством) — давно вытеснила традиционные представления о ценностях демократии из сознания тех, кто ее конструирует и адаптирует с учетом «почвы и ландшафта». При этом «конструкторы демократии» избегают, разумеется, чрезмерно широкой популяризации своего опыта «лепки демократий»: сами граждане должны верить в неизменность демократических принципов. Избитое суждение о том, что цели оправдывают средства, многое объясняет в политике. Сам выбор и артикуляция целей в этой области деятельности зачастую предreshены уже имеющимся набором средств, ибо политика — всего-навсего искусство возможного...

Совершенно иное дело — опыт осмысления сути такого феномена, как соборность. Если переформулировать вышеназванное определение политики как искусства возможного, то соборность по контрасту выявляет себя как искусство невозможного, т. е. полного единения. Для достижения такого опыта духовной солидарности далеко не всегда могут быть полезны дискуссии и споры. Если они и помогают достичь желаемого согласия, то только в тех случаях, когда выявляют тех немногих, кто особо искусен, наделен, к примеру, пастырским и миссионерским даром. Но обычно сама суть предмета анализа ускользает сразу же, как только обнаруживается принципиальная несовместимость или конфликт интерпретаций, заложенный не только в политических дискурсах (за ним почти всегда стоит конфликт интересов или несовместимость идеологических проектов), но и в природе научного мышления. Если следовать логике П. Рикёра, с именем которого, как известно, связано теоретическое обоснование конфликта интерпретаций, то придется признать, что «только в конфликте соперничающих друг с другом герменевтик мы оказываемся способными выявлять те или иные грани интерпретированного бытия»¹⁴. При этом Рикёр указывает и на глубинный философский аспект поднятой им темы, когда говорит о том конфликте, который «возник между

¹⁴ Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М. : КАНОН-пресс-Ц : Кучково поле, 2002. С. 52.

несколькими герменевтиками, существующими в современной культуре, в частности между герменевтикой, направленной на демистификацию смыслов, и герменевтикой, говорящей о взаимосвязанности смыслов»¹⁵.

Соборность — это, прежде всего, особое состояние духа, соединяющего людей и во времени, которым измеряется жизнь народов и преемственная связь поколений, а также в том особом пространстве, которое называют конфессиональным. Для России это пространство Православного мира, на целостность которого сегодня покушаются злейшие враги христианства. Соборность как состояние духа трудно уживается с духом политики, которая почти полностью подчинена достижению целей (не обязательно низменных), но имеющих мало общего с целями духовного служения. Никто еще не отменял политической формулы «Разделяй и властвуй». Именно этой логике следует негласный «синклит» политических идеологий, хотя адепты каждой из них ни при каких условиях не признают этой скрытой логики — скрытой в том числе и для большинства самих адептов.

По этой причине ключевым принципом для всякого, кто пытается понять суть феномена соборности, должен быть старый и проверенный принцип — не навреди. Не навреди своей душе, не навреди ближнему и, что особенно важно, не навреди «единому соборному организму Богочеловечества, единому великому вселенскому Человеку» (перефразированное Франком известное суждение Паскаля).

Для того чтобы понять глубину отличий между соборностью и солидарностью, а точнее, между западным (или прозападным) и русским (или пророссийским) восприятием солидарности и солидаризма, зададимся элементарным вопросом: можно ли представить, к примеру, чтобы связи между соборностью и солидарностью, а также проблемы сопоставимости или несопоставимости этих социальных феноменов обсуждались в Лондонском университете или в университете Денвера? Можно, но только в двух случаях: либо на эту тему кто-то из профессоров читает спецкурс по русской философии, либо организаторами такой дискуссии будут русские, которые захотят обсудить с коллегами особенности русской истории и специфику православной цивилизации...

¹⁵ Там же. С. 101.

Во всех случаях чрезвычайно важна мотивация спорящих о солидарности и соборности. Поясню на примере этот тезис. Однажды пришлось присутствовать на публичной дискуссии двух уважаемых коллег — известных российских философов. Они горячо спорили на схожую тему — о том, следует или не следует вводить в российских университетах теологические факультеты. Один утверждал, что университеты без теологических факультетов — добрая российская традиция, идущая от Ломоносова, со времен основания первого отечественного университета до наших дней, и она должна быть сохранена, поскольку позволила защитить православие от экспансии католического богословия и воздействия секуляризированной науки, сохранив дух соборности в российском обществе. Другой оратор столь же убедительно доказывал, что отказ от европейской традиции, соединявшей светское и духовное образование, лишь углубил разрыв между духовной жизнью и светской, лишив светское образование высших смыслов и «замуровав» духовное образование в стенах духовных семинарий и академий. Именно это обстоятельство, по его мнению, привело к господству бездуховных начал в среде русской интеллигенции и к самоизоляции духовенства, а следовательно, к слабому развитию православной богословской традиции и «выветриванию» из массового сознания того духа соборности, который позволил четыре столетия назад всенародно избрать на трон первого царя из династии Романовых. Добавлю, что такое решение было на порядок более демократичным и солидарным, чем всё то, что может предложить нам современная демократия.

Каков же итог этого спора? Думается, его невозможно подвести на основе сопоставления аргументов. Дело в том, что многие противоречия в дискуссии о взаимодействии соборности и солидарности могут быть сняты, а внутренний смысл проблемы выявлен, если приоткрыть личную мотивацию спорящих, ибо солидарность и соборность начинается с личности. Если с позиции «чистого теоретизирования» взгляды основных участников дискуссии смотрелись как диаметрально противоположные, то с позиции глубинной мотивации всё обстоит с точностью до обратного. Дело в том, что мотивы оппонентов полностью, абсолютно совпадали. И тот, и другой искали пути к укреплению позиций православия, становлению и углублению самостоятельного и подлинно православного, незаимствованного, богословского дискурса,

к возвращению в народную жизнь духа соборности. А выбор методов и стратегий достижения общих целей в каждом конкретном случае подтверждается результатами совместной деятельности. Это относится не только к выбору образовательных стратегий, но и к определению общенациональной стратегии долгосрочного развития России.

Но вернемся к принципиально важному вопросу: как соединить, казалось бы, несоединимое — политические формы солидарности, «очищенные» от цивилизационного своеобразия и сакральности, которые зачастую механически переносятся на российскую почву, и солидарность, основанную на чувстве высшей справедливости и соборном восприятии мира, которая растворена в великой русской культуре на всех этапах становления Русской цивилизации? С этим вопросом, по сути, обратился недавно председатель Конституционного суда В.Д. Зорькин к гражданам России в статье «Буква и дух Конституции»¹⁶. Самая главная мысль содержится в конце статьи: «Сейчас нам нужно признать, что Россия еще не выработала такую стратегию развития, которая отвечала бы ожиданиям российского общества и его представлениям о справедливости, а также тому новому месту в мире, на которое претендует наша страна. Если попытаться сформулировать общие контуры подобной стратегии, то я бы сказал так. Надо суметь соединить присущий российскому народу коллективизм, сформированный — можно сказать, выкованный — суровой природой, бесчисленными оборонительными войнами, необходимостью объединить множество наций и народностей “общей судьбой на своей земле”, на основе конституционных принципов правового, демократического и социального государства, — с созданием конкурентной экономической и политической среды». Статья вышла, когда уже была поставлена последняя точка в нашей коллективной монографии. Но подходы, предложенные Зорькиным, показались настолько своевременными, что потребовали внести коррективы в уже завершённую книгу.

По мнению Зорькина, весь опыт работы Конституционного суда позволяет сделать вывод о том, что нам нужна существенная корректировка либерально-индивидуалистического подхо-

¹⁶ Зорькин В.Д. Буква и дух Конституции // Российская газета. № 7689 (226). 10.10.2018.

да к правопониманию, доминирующего в сегодняшней мировой теории и практике, которая привнесла бы в само понятие права идеи солидаризма: «То есть нужна правовая теория, синтезирующая в рамках понятия права идеи индивидуальной свободы и социальной солидарности. Такой подход к правопониманию в наибольшей степени соответствует ментальности российского народа, его правовому и нравственному сознанию». При этом автор, по сути, предлагает тот же вариант, что и мы, указывая на духовный поиск русской философии: «В этой связи хочу напомнить, что для русской философии конца XIX — начала XX веков (с ее учениями о соборности, всеединстве, всечеловечности и т. д.) было характерно стремление соединить идею абстрактного, обезличенного формально-правового равенства с идущей от раннего христианства идеей ответственности каждого не только за себя, но и за других».

Особую надежду он видит в формировании так называемой конституционной идентичности, которая должна, по его мнению, дополнить «религиозную, национальную или региональную (например, европейскую) идентичность, сохранять и укреплять традиционные ценности семьи, культуры, быта. А на уровне органов государственной власти это проявляется в стремлении предотвратить размывание национально-государственного суверенитета и утвердить конституционно-правовую идентичность государства».

Для достижения этой цели вовсе не обязательно «переписывать Конституцию» заново, как предлагается многими критиками действующей Конституции, которая, конечно, не лишена недостатков. Но их можно устранить путем точечных изменений. «А заложенный в конституционном тексте глубокий правовой смысл позволяет адаптировать этот текст к меняющимся социально-правовым реалиям в рамках принятой в мировой конституционной практике доктрины “живой Конституции”. Представления же о том, что путем радикальной конституционной реформы можно развернуть ход событий в каком-то более правильном направлении, — не просто поверхностны и недалекосвидны, но и опасны, поскольку чреваты резкой социально-политической дестабилизацией. Разговоры о том, что можно изменить структуру жизни с помощью одних лишь юридических решений, — это наивный идеализм, если не что-то худшее».

Конечно, и позиция Зорькина не представляется бесспорной, но эта статья стимулирует поиск самостоятельной стратегии, способной соединить конституционализм и соборность, политический инструментарий и неповрежденный, защищенный от внешнего манипулирования духовный уклад. Автору этих слов приходилось участвовать в дискуссиях о принципе конституционализма, в том числе и в самом Конституционном суде, открытом для работы с экспертами¹⁷.

На этой дискуссии, помнится, Зорькин сказал, что мы наблюдаем сегодня фантастически масштабный правовой поток, который охватывает всю планету. Речь идет о международном праве, укрепляющем свои позиции. Образ очень сильный, впечатляющий. Но он дает и понимание того, какова цена этого процесса, его оборотная сторона: если раньше этот мощный поток имел свое узкое, но глубокое русло, то теперь, растекаясь по всей поверхности Земли нашей, он, естественно, становится неглубоким, поверхностным. А это влечет за собой заметную потерю глубины мышления, что становится заметным, когда мы занимаемся аналитикой в области конституционного права, раскрывая, в частности, принцип конституционализма. Уровень обсуждения зачастую существенно уступает тому, который был, скажем, сто или двести лет тому назад. В качестве иллюстрации сошлюсь на интерпретацию конституционализма с позиций локально-цивилизационного подхода, предложенную Н.Я. Данилевским. Он подходил к проблеме с учетом политического, социокультурного и исторического контекстов, демонстрируя при этом методологический потенциал теории культурно-исторических типов. По мнению Данилевского, причина того, что «конституционализм на английский лад» выдается за явление общечеловеческое, как и религиозный индифферентизм или государственный атеизм, а монархический феодализм — за явление национальное (национально-германское), объясняется «неверностью исторического взгляда, смешивающего Европу с человечеством, а ступени развития — с культурно-исто-

¹⁷ *Расторгуев В.Н.* Идея конституционализма в философии политики и права // Философия права в начале столетия через призму конституционализма и конституционной экономики. Московско-Петербургский философский клуб. М. : Летний сад, 2010.

рическими типами»¹⁸. Согласитесь, столь тонкий анализ природы конституционализма редко встречается в современных работах, посвященных этой теме.

А причина снижения глубины исследований всё та же: свобода от серьезной философии оборачивается свободой от глубокого анализа. Для того чтобы это доказать, остановлюсь на нескольких тезисах. К примеру, сегодня многие, в том числе и достаточно серьезные политики, обсуждают вопрос о так называемом глобальном конституционализме, который подается как новая форма «глобальной солидарности», а следовательно, как способ укрощения власти или ее ограничения. Но в действительности всё обстоит совершенно иначе: правильнее было бы говорить не о самоограничении власти, а о весьма своеобразном «самоограничении», которое предполагает, что сильнейший и хитрейший устанавливает правила игры. Конституционные правила — это, конечно, ограничение для всех, но тот, кто их разрабатывает и диктует, лишь расширяет тем самым свои полномочия и возможности. Слишком очевидно сходство такой игры с казино, чтобы согласиться с позицией адептов теорий глобального конституционализма. Другими словами, это не самая чистая и не самая честная сфера политической и правовой жизни по определению.

Но даже если предположить, что политика лишена пороков, которые ей не без основания приписываются (с такой смелой посылки Шопенгауэр начинал свои рассуждения о причинах вырождения политики в политику силы), то сомнения остаются. Довод о благородстве политической деятельности, кстати, вполне может быть обоснован, поскольку именно в рамках большой политики только и возможно достижение высших целей — природосбережения и народосбережения (сбережения не только «человеческой массы», но и самих народов, этнокультурного многообразия). Можно ли назвать более высокие цели? Итак, политика — это служение, пусть и в идеале. Но и в этом случае, рассуждает Шопенгауэр, она сохраняет свою сущность, ибо политика — всегда борьба, а в борьбе побеждает сильный и ловкий. Поэтому сила и ловкость — суть права. А если это так, то «право сильного — это и есть высшее право». Данный вывод имеет прямое отношение

¹⁸ Данилевский Н. Я. Указ. соч. С. 146.

к вопросу о конституционализме, потому что Шопенгауэр имеет в виду как раз основу основ конституционной власти.

Сегодня доказывают, что расширение международного права и глобальный конституционализм как эффективное средство ограничения власти — это в значительной степени наиважнейшая гарантия для России, гарантия ее безопасности. С одной стороны, всё так и обстоит: хорошо было бы, если бы наши конкуренты и соперники на геополитической арене подчинялись общим правилам политического поведения. Но, во-первых, в исправление нравов в геополитике верится с трудом, а во-вторых, есть и другая сторона проблемы: цена подобного установления — необратимое повреждение национальных суверенитетов, а следовательно, и основ демократии, которая не мыслится без суверенитета как государственно-правового института.

Поэтому единственно правильный выбор — стратегия, основанная на укреплении цивилизационной идентичности России и на принципе солидарности мировых цивилизаций. А одним из шагов на этом пути могла бы стать разработка Социальной доктрины России, первый проект которой был подготовлен как продолжение Экологической доктрины Российской Федерации, поскольку у этих доктрин общая методологическая основа и концептуальная основа.

Романова Д.Я.

РОД И СЕМЬЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ КОНФЛИКТОВ

Аннотация. Автор статьи рассматривает наследование семейных традиций в контексте ценностного выбора человека. Преемственность государственного и общественного служения показана на примере рода Лопухиных, чьи нравственные и этические принципы наиболее ярко проявлялись в условиях глобальных цивилизационных конфликтов. Отдельное внимание уделяется военному служению, а также просветительской деятельности представителей рода в период эмиграции.

Ключевые слова: род, семья, наследие, ценности, государственное и общественное служение, цивилизационные конфликты.

Романова Дарья Яковлевна, кандидат культурологии, старший научный сотрудник Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва. E-mail: dariam1864@mail.ru

Romanova D. Ya.

GENUS AND FAMILY IN THE CONTEXT OF GLOBAL CIVILIZATIONAL CONFLICTS

Annotation. The author considers the inheritance of family traditions in the context of a person's value choice. The continuity of state and public service is shown by the example of the Lopukhins, whose moral and ethical principles were most clearly manifested in the conditions of global civilizational conflicts. Special attention is paid to military service, as well as educational activities of members of the family during the period of emigration.

Keywords: genus, family, heritage, values, state and public service, civilizational conflicts.

Romanova Daria Yakovlevna, candidate of Culturology, senior researcher Russian research Institute, cultural and natural heritage D.S. Likhachev. E-mail: dariam1864@mail.ru

Сбережение семейного и родового наследия, а также актуализация общезначимых ценностей и образов сословий России — одни из главных задач современности. Изучение феномена этого вида наследия необходимо для понимания многих исторических и социальных процессов. Репродуцирование традиционных ценностей важно для выбора нравственных ориентиров в личной семейной истории, а также их дальнейшей популяризации. В процессе наследования семейных традиций происходит ценностный выбор человека, когда он принимает и транслирует определенные наследственные характеристики в собственной жизни. Это касается и переломных событий как в жизни отдельно взятой семьи, так и в масштабах всего государства.

Развитие традиций преемственного служения неотделимо от изучения истории родов, представители которых участвовали во многих сферах жизни Отечества. О нравственно-этических и духовных принципах русского дворянства можно в полной мере говорить на примерах многогранного государственного и общественного служения представителей рода Лопухиных. Их всегда отличала благодарная память о своих предшественниках и ощущение своего предназначения в жизни, стремление в меру сил к совершенствованию, трудолюбие, справедливость, патриотизм, дипломатичность, а также верность в любви и дружбе. Они не были предателями ни в период утраты новгородской вольности, ни позднее, как и не были участниками опричнины. Честь рода была для них превыше всего. Служение Лопухиных началось с Киевской Руси, продолжилось в Великом Новгороде, где они были посадниками, а уже позднее, из утратившего вольность города, выехали в Москву, на службу к великому князю Ивану III. Лопухины были боярами, окольничими, воеводами, главами приказов, позднее — губернаторами практически всех центральных регионов страны, сенаторами, министрами, генералами и адмиралами. В Лопухиных чувствовали надежную опору, поддержку и защиту, что явилось одним из определяющих факторов при выборе государыней Натальей Кирилловной Нарышкиной невесты своему сыну. Царица Евдокия Лопухина стала одной из ключевых фигур государства Российского XVII–XVIII вв., когда происходил переход от Московского царства к империи.

Направления деятельности представителей рода являлись откликом на конкретные события, нужды и явления:

«Когда главным делом дворянства была защита России, присоединение к ней новых владений, Лопухины чаще всего были военными, когда России понадобились в первую очередь администраторы, Лопухины — многие десятки Лопухиных — стали воеводами, губернаторами, Государевыми наместниками. Настал золотой век русской культуры, Лопухины и здесь оказались не последними... они были современными людьми и ощущали направление развития общества, страны, государства. Род эволюционировал вместе с Россией» [1, с. 80].

Культурно-историческое наследие рода находило отображение, в частности, в памятниках архитектуры (храмах, усадьбах, просветительских учреждениях). Храмосодительство являлось одной из наиболее значимых форм благотворения и благочестия рода. Выдающийся пример — жизнь царицы Евдокии Федоровны, последней не иноземной царицы на русском престоле, на средства которой и других Лопухиных была построена церковь Архангела Михаила в Спасо-Андрониковом монастыре, ставшая родовой усыпальницей. На территории монастыря было похоронено более 50 представителей рода, внесших заметный вклад в историю России. Первым в 1672 г. был погребен известный государственный деятель и дипломат думный дворянин Илларион Дмитриевич, принимавший участие в подготовке и подписании в 1654 г. договора о воссоединении Украины с Россией. Еще в Смутное время он проявил мужество и храбрость во время осады Москвы польско-литовскими войсками, а позднее ведал многими приказами.

Военное поприще — особая страница в истории фамилии. Верная Отечеству служба отличала многих представителей этого рода на полях сражений практически всех войн. Вспомним лишь о двух генералах, разделенных полутора столетиями.

Речь идет о генерал-аншефе Василии Авраамовиче Лопухине — участнике решающего Гросс-Егерсдорфского сражения Семилетней войны. Отметим его чувство долга и самоотверженности, проявленное во время командования левым флангом русских войск, на который легла главная тяжесть битвы. О подвиге В. А. Лопухина свидетельствует фельдмаршал С. Ф. Апраксин. Он доносил государыне Елизавете Петровне следующее: «Главная наша потеря в том состоит, что командовавший нашим левым крылом храбрый генерал Василий Абрамович Лопухин убит, но своею неустрашимую храбростью много способствовал одержанию побе-

ды, толь славно жизнь свою скончал, что почтение к своим добродетелям тем ещё вяще умножил. Позвольте, Всемиловейшая Государыня, что я, упоминая о нём, не могу от слез воздержаться: он до последнего дыхания сохранил мужество и к службе Вашего Императорского Величества прямое усердие. Быв вдруг тремя пулями весьма тяжко ранен, однако же, сохраняя остатки жизни, спрашивал только: гонят ли неприятеля и здоров ли фельдмаршал? И как ему то и другое уверено, то последние его были слова: теперь умираю спокойно, отдав мой долг Всемиловейшей Государыне».

Яркий пример XX столетия — отец (командир лейб-гвардии Конно-гренадерского полка генерал-майор Дмитрий Александрович Лопухин, в свое время раненый под Ляояном в Русско-японской войне) и его сын — молодой корнет гвардии Георгий Дмитриевич, с честью выполнивший приказ и проведший контратаку на неприятеля, во время которой погиб на глазах отца в Каушенском сражении 6 августа 1914 г.

В книге Б. П. Краевского приводится выдержка из военных дневников генерал-лейтенанта А. Е. Снесарева, характеризующая стойкость и самоотверженность Дмитрия Александровича:

«У генерала Лопухина убивают единственного сына. Он ежится, крестится, а затем говорит: “Помолимся и погорюем потом, теперь надо продолжать дело”... боевой генерал, потеряв единственного сына, готов продолжать общее дело. Есть, значит, вера в это великое дело, и он не опозорит память погибшего».

Сам Дмитрий Александрович был тяжело ранен в бою под Петроковым и скончался от ран в военном лазарете Варшавы 24 ноября 1914 г.

Среди Лопухиных пятеро были участниками Великой Отечественной и Второй мировой войн. Среди них двое были удостоены ордена Славы III степени. Это сержант Александр Иванович и рядовой Георгий Викторович Лопухины.

Сестринское служение в военное время являлось неотъемлемой частью социального служения рода. В Российском государственном военно-историческом архиве хранится дело о назначении пенсии вдове упомянутого выше генерал-майора Дмитрия Александровича — Елизавете Михайловне Лопухиной [2]. Из документов следует, что она служила в Орловском подвижном лазарете Российского общества Красного Креста в качестве сестры милосердия.

В Гражданскую войну в Белой армии сестрами милосердия были Татьяна и Евгения Сергеевны, Глафира Ивановна Лопухины.

Верность присяге — совершенно особая тема. И здесь нельзя не упомянуть Михаила Сергеевича Лопухина — заслуженного воина Первой мировой войны, принявшего участие в попытке освободить семью государя Николая II и поплатившегося жизнью за неприятие предложения об отказе от борьбы с большевиками.

Мы не знаем примеров измены присяге и долгу среди Лопухиных.

Позднее, даже в эмиграции духовная составляющая служения рода сохраняется и получает свое развитие. Примером тому — Петр Сергеевич Лопухин, ставший одним из помощников председателя Архиерейского синода Русской православной церкви за границей митрополита Антония Храповицкого и создавший книги «Мысли митрополита Антония», «Беседы с епископом Гавриилом», «О православном человеке», «Преподобный Серафим и пути России», «Святая Русь и Русское государство» и др. Также он занимался организацией помощи русским монахам и монахиням в Святой земле, издавал журналы.

Его сестра, Мария Сергеевна, вышивала иконы, которые и сейчас находятся в православных храмах Европы и США, занималась переводами, писала стихи. Надо сказать, что в XX в. на поэтическом поприще зарекомендовали себя также Иван Николаевич и Сергей Алексеевич Лопухины, а их более известным предтечей в начале XIX в. был Авраам Васильевич Лопухин — популярный поэт и переводчик своего времени.

А племянница Петра Сергеевича — Елена Алексеевна вместе с супругом протоиереем Серафимом Слободским многое сделали для духовного окормления русских людей в Америке. Ими были изданы учебные пособия для приходских школ, что в значительной мере способствовало сохранению православия и русского языка среди детей эмигрантов, одной из которых, при Толстовском фонде в США, до сих пор руководит ее сестра Татьяна Алексеевна Лопухина — автор известного труда «Духовные основы творчества Солженицына», изданного в 1974 г.

Попечение о православных святынях и о человеческих нуждах было неотъемлемой частью государственного и общественного служения Лопухиных в мирное и военное время. Глубинные характеристики рода сохранялись всегда. Привер-

женность определенным принципам одинаково проявлялась и во внутренних конфликтах, и при внешних угрозах. Многообразие дарованных талантов, обычно, направлялось ими на служение Богу и Отечеству.

Таким образом, можно заключить, что ценностное «древо» фамилии, включающее принципы служения, нравственные, этические и духовные предпочтения, деловые качества и характеристики, формировавшиеся на протяжении многих поколений, позволяет выявить символический культурный код рода, который наиболее ярко проявляется в условиях глобальных цивилизационных конфликтов.

Список литературы

1. *Краевский Б.П.* Лопухины в истории Отечества. М. : Центрполиграф, 2001. 861 с.
2. РГВИА. Ф. 400. Оп. № 197. Д. 1702. О назначении пенсии вдове генерал-майора Лопухиной.

Скоробогачева Е.А.

ИСТОРИЧЕСКИЕ УРОКИ И ДУХОВНЫЕ СМЫСЛЫ РАСКОЛА РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ НА ПРИМЕРЕ СТАРООБРЯДЧЕСТВА РУССКОГО СЕВЕРА

Аннотация. Старообрядчество Русского Севера представляет собой уникальное духовно-художественное, религиозно-философское, историко-этическое явление в масштабах России. В процессе исследования нами установлено, что сохранение древних традиций, обретение их сложного синтеза, благодаря многовекторности воздействий в сфере искусства, обусловили самобытность старообрядческого искусства Русского Севера, вневременное значение духовно-художественных устоев края, в чем и заключаются исторические уроки и духовные смыслы старообрядчества как уникального явления отечественной религиозной сферы.

Ключевые слова: раскол, русская православная церковь, старообрядчество, Русский Север, традиционность культуры, сохранение древних традиций, многовекторность воздействий в сфере искусства, значение духовно-художественных устоев староверов.

Скоробогачева Екатерина Александровна, доктор искусствоведения, Российская академия живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова, директор музея, профессор кафедры всеобщей истории искусств, и. о. проректора по научной работе. E-mail: skorobogacheva@mail.ru

Skorobogacheva E.A.

HISTORICAL LESSONS AND SPIRITUAL MEANINGS OF THE SPLIT OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH ON THE EXAMPLE OF THE OLD BELIEVERS OF THE RUSSIAN NORTH

Abstract. The old believers of the Russian North represent a unique spiritual and artistic, religious and philosophical, historical and ethical phenomenon on the scale of Russia. In the research process, we found that the preservation of ancient traditions, finding their complex synthesis due to the multi-vector impact in the arts, led to the originality

of the old believers' art of the Russian North, the timeless significance, of spiritual and artistic foundations of this area, what are the historical lessons and spiritual meanings of the old believers as a unique phenomenon of domestic religious sphere.

Keywords: split, the Russian Orthodox Church, old believers, Russian North, traditional culture, preserving ancient traditions, multi-vector impact in the arts, the value of spiritual and artistic foundations of the old believers.

Skorobogacheva Ekaterina Aleksandrovna, Dr. of Art Science, Ilya Glazunov Russian Academy of Painting, Sculpture and Architecture, Director of the Museum, Professor of the Department of General History of Art, acting Vice-rector for scientific work. E-mail: skorobogacheva@mail.ru

Старообрядчество Русского Севера представляет собой уникальное духовно-художественное, религиозно-философское, историко-этическое явление в масштабах России.

К исследованию истории, культуры, искусства староверов, сыгравших заметную роль в общественной, духовной жизни нашей страны, обращается ряд авторов с конца XIX в. по настоящее время. Выделим труды авторов XIX в.: П. И. Мельникова-Печерского [5] (образы повседневной жизни, психологические «портреты» староверов); А. С. Пругавина [14] (распространение старообрядцев по России, взаимодействие староверческих согласий); Л. С. Смирнова [16] (основные духовно-художественные тенденции, проявляющиеся в доминирующих миграционных потоках староверов); А. П. Щапова [20] (становление, развитие, угасание Выговской пустыни).

Обозначим важнейшие исследования современных авторов, обращавшихся к изучению истории, культуры, искусства «ревнителю древнего благочестия». В отношении оценки феномена старообрядчества в отечественной истории особенно характерны труды В. А. Рябцевой [15] (миграционные потоки старообрядцев в Западной Сибири), К. Я. Кожурина [3] (обращение к малоизвестным фактам, касающимся староверчества), И. С. Наградова [6] (специфика историко-культурных традиций костромского старообрядчества), Н. Н. Покровского [10, 11] (корреляция историко-литературных памятников северных и урало-сибирских «ревнителю древнего благочестия»), Е. М. Юхименко [21, 22] (духовная

жизнь, литература, изобразительное искусство Выговской пустыни) и др.

Остаются нерешенными вопросы относительно атрибуции памятников, объективной оценки художественного уровня исполнения произведений, значимости сохранения древних устоев староверами, старообрядческих художественных традиций в эволюции национальной культуры. Обращаясь к данной направленности, опираемся на работы Ю. М. Лотмана [4] (о центре и периферии в культуре, о культуре канонического типа).

В концептуально новом исследовании духовно-культурных взаимосвязей в староверческом декоративно-прикладном искусстве выделим работы В. В. Кашириной [2] (специфика поморского орнамента), М. В. Сурова [19] (особенности образцов вышивки, прошив, лестовок), Е. М. Юхименко [21, 22] (атрибуция медного литья, рисованных листов Выговской пустыни); в церковно-певческом искусстве — труды Ф. В. Панченко [8], И. В. Полозовой [12, 13] и др. Не со всеми выводами обозначенных исследований мы можем согласиться. Так, нам представляются дискуссионными оценки «консервативности» старообрядческого искусства, заметной роли западноевропейских воздействий в их среде.

Образцы северной культуры можно рассматривать через специфику староверческого искусства, что позволяет обоснованно трактовать такие характеристики Русского Севера, как многовекторность художественных влияний, устойчивость духовно-художественных традиций, их многовариантность, обосновать их с помощью анализа произведений, а также исторических фактов и религиозно-философских тенденций в старообрядческой сфере. Основные векторы духовно-художественных воздействий: влияния на Север из вне — в основном из Москвы, взаимодействия между северными центрами, векторы, обозначающие духовно-художественные влияния с Русского Севера по России. Искусство старообрядцев Русского Севера, периферийное по своей сути, как и северная культура в целом, во многом было связано с фольклором. Ю. М. Лотман, признававший особую значимость периферийного творчества («деление культуры на ядро и периферию»), считал: «Фольклорный мир искусства задает совершенно особую позицию аудитории. В рамках письменной культуры аудитория “потребляет” текст (слушает или читает, смотрит). В атмосфере фольклорности аудитория играет с текстом и в текст» [4, с. 322],

т.е. переживает и воссоздает его, что применимо к духовно-художественным традициям староверческой среды окраинных земель (произведения вышивки, резьбы, песенная традиция, отчасти иконы и рисованные листы).

В настоящее время проблемы, связанные с историей и культурой староверов, с понятиями устойчивости и обновления традиций в их среде, остаются недостаточно исследованными. В частности, С. М. Соловьёв заключал, что старообрядчество — это особое учение о церкви, стремящееся к достижению религиозной истины, незаслуженно малоизученное как ответвление православия, малоинтересное отечественной интеллигенции [17, с. 351]. Соглашаясь с данным положением в целом, признавая его актуальность, обратимся к научным заключениям в работах Е. В. Быковой [1], Н. Н. Покровского [10, 11], Ф. В. Панченко [8], И. В. Полозовой [12, 13], А. С. Пругавина [14], Е. М. Юхименко [21, 22] и других исследователей, изучавших архивные материалы, закономерности сохранения и эволюции староверческих традиций, приводивших редкие факты из истории старообрядчества, их культуры, обращавшихся к анализу художественных произведений. Так, например, А. С. Пругавин называл староверчество «колоссальнейшим явлением русской народной жизни» [14, с. 90]. Современные исследователи также уделяют пристальное внимание вопросам старообрядческой истории и культуры, в том числе проблемам обновления традиций в их среде. И. В. Полозова пишет: «Старообрядческая культура, имеющая глубокие корни в догматах и практике православного богослужения, предстает как органичная и развивающаяся система» [12, с. 263].

В эпоху второй половины XVII–XIX вв. старообрядчество являлось одним из важнейших факторов, определивших специфику национального искусства Севера, во многом всего Отечества. Е. В. Быкова и М. П. Наговицына в своей монографии отмечают: «Судьба России — своего рода отражение судьбы старообрядчества. А. Ф. Писемский в XIX в. заключал: “Кто не знает раскола в России, тот не знает совсем народа нашего”» [1, с. 7]. Данное положение подтверждают историко-социальные, географические факторы, религиозно-философские, эстетические тенденции, способствующие формированию на Севере единого духовно-художественного пространства староверческих центров. С одной стороны, нарастали внешние воздействия — гонения на «ревнителей древ-

лого благочестия», начиная с 1651 г. и до начала XX в. С другой стороны, значимы внутренние особенности их среды: бескомпромиссность, замкнутость жизни, нерасторжимое объединение в их религиозном сознании обрядовости и сути православного учения. Труднодоступность северных территорий из-за сурового климата также способствовала формированию в крае центров последователей протопопа Аввакума.

Подчеркнем значимость обращения к понятию «обрядовость» в контексте изучения духовно-художественных традиций старообрядчества. В трудах идеологов «древлей веры» и представителей официального православия отсутствуют идейные расхождения, конкретные положения, свидетельствующие о противоречиях в отношении к догмам православия. Вместе с тем, подчеркнем, что именно различия в обрядовости приобрели идейный смысл. Этим во многом объясняется непримиримость староверов и представителей новой веры, о чем позволяет судить сочинение протопопа Аввакума «Обличение на отступников правя веры», где он говорит о недопустимости новых обрядов и заключает: «И тако же разруши догматы...» [7, с. 323]. Так Аввакум и его сторонники провозглашали свою преданную приверженность постановлениям Стоглавого собора 1551 г.

Даже наиболее резкие проявления следования традициям староверами, порой принимающие драматические, трагические формы, как, например, самосожжения и запощевания «ревнителей древнего благочестия», всё же были осознанны ими. Они основаны на реализации идеи сохранения древних устоев и выражения протеста против церковных нововведений, т.е. против конкретных исторических событий и личностей, а именно против реформы 1651 г. и позиции патриарха Никона — олицетворения Антихриста для приверженцев прежних канонов. При этом «гари» (самосожжения) воспринимались как духовное очищение, а принятие «веры антихристовой» — как скверна. Очевидна «консервативность» старообрядческой среды, соответствующая специфике искусства Севера в целом — прежде всего, его традиционности, сознательному сохранению традиций, т.е. малейшие детали обрядов наделялись глубинным духовным, историческим, религиозно-философским смыслом, который недопустимо было менять. Кроме того, некоторые бытовые детали у староверов приобретали символическую трактовку, связанную, например, с древним по-

ниманием огня и воды как созидающего и очищающего начала, как знака принадлежности к высшему небесному миру. Отсюда происходили «гари», как правило имевшие трагические последствия. Старообрядческая посуда, очищенная водой, должна была быть обязательно накрыта, неважно чем и как, т. е. защищена от скверны. Так, в старообрядческих домах нередко можно было видеть ведро воды, поперек которого лежала всего одна лучина в качестве покрытия. По той же причине недопустимо для приверженцев протопопа Аввакума начинать день или принимать пищу, не умывшись. При этом умывание могло быть имитировано [18, с. 80].

Изучение северного староверческого искусства значительно затрудняет утрата многочисленных артефактов, которые были уничтожены не только временем, но и властями, а также погибли в «гарях». В период XVIII — начала XX в. многие памятники приверженцев Аввакума были утрачены в результате гонений. Так, И. В. Евдокимов писал о том, что закрывались скиты, раскольников разгоняли, нередко избивали, по государственным приказам уничтожали хранителей старых художественных традиций, разрушали уникальные архитектурные образцы [18, с. 22]. Эти скорбные события особенно показательны для истории северного старообрядчества второй половины XVII–XVIII вв., о чем свидетельствует, например, такой немаловажный памятник староверческой литературы, как «“Жалобница” поморских старцев против самосожжений (1691)» [7, с. 139–149]. «Жалобница» содержит перечень местностей России, в том числе многочисленных в северном крае, пострадавших от «гарей». Эта крайняя форма протеста была распространена, например, у филипповцев — ответвления поморского беспоповского согласия, образованного в 1737 г. Они, со свойственным им фанатизмом, выступали за строгое следование решениям новгородских соборов конца XVII в. И в следующие столетия поморское согласие не теряло своего духовного влияния, которое распространялось далеко за пределы окраинных земель — крупнейшие среди поморских общин находятся в Москве, Риге (Гребенщиковская община — РГСО), Вильне (Вильно, современный Вильнюс). Крепкие старообрядческие поморские общины существовали также в Санкт-Петербурге и Великом Новгороде.

К основным характеристикам староверческой среды, ее духовно-художественных смыслов приложимы понятия: «устой-

чивость традиций», отчасти «обновление традиций», сочетание данных понятий, обусловленное онтологической спецификой старообрядчества, что нашло конкретное выражение в ряде памятников.

На территории Русского Севера находились крупные старообрядческие поселения, общежительства, «общие жития», среди которых крупнейшим и наиболее значительным в духовно-художественной сфере являлся Выговский монастырь. В формировании самобытного старообрядческого искусства также немаловажна роль Соловецкого монастыря периода «соловецкого сидения» 1668–1676 гг. — осады монастыря и вооруженного сопротивления его монахов нововведениям патриарха Никона, официальной Церкви. Именно в данное время Соловецкую обитель можно трактовать как центр, ставший одной из основ для развития духовно-художественных традиций старообрядчества.

После падения старой веры в Московском государстве Соловецкий монастырь не стал сосредоточением старообрядчества, но явился главным оплотом благочестия — Новым Иерусалимом. Соловецкий «почерк» в искусстве и письменности особенно чтится. Например, образцы староверческой иконописи, выполняемые согласно древнерусским традициям, составляют недостаточно изученное направление станковой живописи XVII — начала XX в. В соловецком иконописании следовали канонам древнерусской живописи (условное решение формы и пространства, отсутствие «живоподобия», введение обратной перспективы, двуперстное сложение), что соответствовало религиозно-философским убеждениям: «И после себя заповеди святые и общежительныя чины и уставы... детям своим, предали...» [7, с. 66]. Таким образом, очевидно превалирование концепта устойчивости традиций.

Итак, в доминировании устойчивости при минимуме обновления традиций Севера исключительна роль старообрядцев, культура которых представляет собой единую духовно-художественную систему. На основании проведенных исследований предлагается пирамидальная теоретическая модель структуры развития старообрядческой художественной культуры: основание данной пирамиды — устойчивые традиции; следующий уровень — их локальная интерпретация в различных местностях Севера и пограничья края; вершина построения — трактовка локальной художественной специфики в конкретных произведениях.

Подтвердим данную модель конкретным примером отображения символического образа Процветшего креста. В данном случае основанием пирамиды является изобразительный символический образ — Процветший крест как напоминание о Воскресении Спасителя и обращение к вечной жизни, к обновлению земного бытия и торжеству светлых начал, в более обобщенной трактовке — воплощение веры и созидания, духовного «горения», неотрывных от жизни народа. Следующим уровнем теоретической структуры назовем интерпретацию Процветшего креста в Выгореции: в рисованных листах, иконах, росписях, резьбе, вышивке и т. д., отметим повышенное внимание к данному иносказательному образу. Как вершину пирамиды обозначим самобытную трактовку Процветшего креста в рисованном листе Выга «Птицы Сирины». Данное графическое произведение, на наш взгляд, отличается наиболее сложным синтезом множества художественных традиций: влиянием культур Древнего мира — Египта, Финикии и др. (в образном решении Сиринов), языка иконописи (в изображении их ликов и жестов), оформления выговских книг (в полууставном шрифте заглавия листа «Птицы Сирины»), поморского орнамента (в линейных ритмах Древа — Процветшего креста), северных крестьянских росписей (в изображении цветов, плодов и «кутушек»), вышивки северян (в решении поэма). Графическому листу «Птицы Сирины» присуща и особенная многогранность иносказательных смыслов: воплощение преданий мировой культуры о птице Сиринов, интерпретации ее образа в русском фольклоре, отображение Древа — Процветшего креста как символа Райского сада, небесной сферы, вечной жизни, т. е. обращение к православному, и шире, к христианскому учению и его глубинным общечеловеческим смыслам, преломленным в среде старообрядцев, северян, русского крестьянства, народа России в целом.

Таким образом, в процессе исследования нами установлено, что традиционность, сохранение древних традиций, обретение их сложного синтеза, благодаря многовекторности воздействий в сфере искусства, во многом обусловили самобытность старообрядческого искусства Русского Севера, вневременное значение духовно-художественных устоев края, в чем и заключаются исторические уроки и духовные смыслы старообрядчества как уникального явления отечественной религиозной сферы.

Список литературы

1. *Быкова Е. В.* Старообрядческое искусство в Волго-Вятском регионе / Е. В. Быкова, М. П. Наговицына. Киров : РГНФ, 2016. 240 с.
2. *Каширина В. В.* Орнамент старообрядческих рукописей. Поморье. Гуслицы. М. : Зетапринт, 2015. 55 с.
3. *Кожурин К. Я.* Повседневная жизнь старообрядцев. М. : Молодая гвардия, 2014. 555 с.
4. *Лотман Ю. М.* Об искусстве. Структура художественного текста. Семиотика кино и проблемы киноэстетики : Статьи. Заметки. Выступления. СПб. : Искусство-СПб., 2005. 704 с.
5. *Мельников-Печерский П. А.* В лесах. М. : Эксмо, 2006. 943 с.
6. *Наградов И. С.* Костромское старообрядчество // Мир музея. 2011. № 12. С. 36–38.
7. Памятники старообрядческой письменности / под общ. ред. Н. Ю. Бубнова. СПб. : Изд-во Русского христианского гуманитарного института, 2000. 416 с.
8. *Панченко Ф. В.* Рукописное наследие выговских мастеровпевцев: история, традиция, творчество : автореф. дис. ... канд. искусств : 17.00.02 / Панченко Флорентина Викторовна. СПб., 2002. 31 с.
9. *Покровский Н. Н.* «Послание В. В. к Б. И.» 1731/1732 г. — первый полемический трактат урало-сибирских староверов-софонтиевцев // Гуманитарные науки в Сибири. 2000. № 2. С. 24–29.
10. *Покровский Н. Н.* Соборные постановления старообрядцев-часовенных востока России XVIII–XX вв. как исторический источник [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zaimka.ru> > Архив 1998-2011 гг. > Религия и люди.
11. *Покровский Н. Н.* Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки / Н. Н. Покровский, Р. Моррис. Новосибирск : Наука, 1992. 324 с.
12. *Полозова И. В.* О соотношении концептов «старообрядческая культура» и «эволюция» // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6. [Электронный ресурс]. URL: <http://CyberLeninka.ru>article...sootnoshenii...i-evolyutsiya>.
13. *Полозова И. В.* Церковно-певческая культура саратовских старообрядцев: формы бытования в исторической перспективе / Федеральное агентство по культуре и кинематографии ; Саратовская государственная консерватория имени Л. В. Собинова. Саратов : Саратовская государственная консерватория имени Л. В. Собинова, 2009. 336 с.

14. *Пругавин А.С.* Старообрядчество во второй половине XIX в. М. : Отдел типографии Товарищества И.Д. Сытина, 1904. 281 с.
15. *Рябцева В.А.* Миграционные потоки старообрядцев в Западной Сибири // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2013. № 24. С. 63–71.
16. *Смирнов Л.С.* История русского раскола старообрядцев. СПб. : типография главного управления уделов, 1895. 275 с.
17. *Соловьёв С.М.* История России с древнейших времен. М. : Эксмо, 2009. 1024 с.
18. Старообрядчество. История, культура, современность : материалы VI науч.-практ. конф. М. : Музей истории и культуры старообрядчества ; Боровский историко-краеведческий музей, 2002. 542 с.
19. *Суков М.В.* Вологодчина: не востребованная древность. Вологда : Вологда, 2001. 432 с.
20. *Щапов А.П.* Русский раскол старообрядчества, рассматриваемый в связи с внутренним состоянием русской церкви и гражданственности в XVII в. и в первой половине XVIII в. Казань : Издание книгопродавца Ивана Дубровина, 1859. 547 с.
21. *Юхименко Е.М.* Выговская старообрядческая пустынь : Духовная жизнь и литература. Т. 1. М. : Языки славянской культуры, 2002. 544 с.
22. *Юхименко Е.М.* Выговская старообрядческая пустынь : Духовная жизнь и литература. Т. 2. М. : Языки славянской культуры, 2002. 480 с.

Рис. 1. Современная карта территорий Русского Севера

***Рис. 2.** Карелия. Современная фотография*

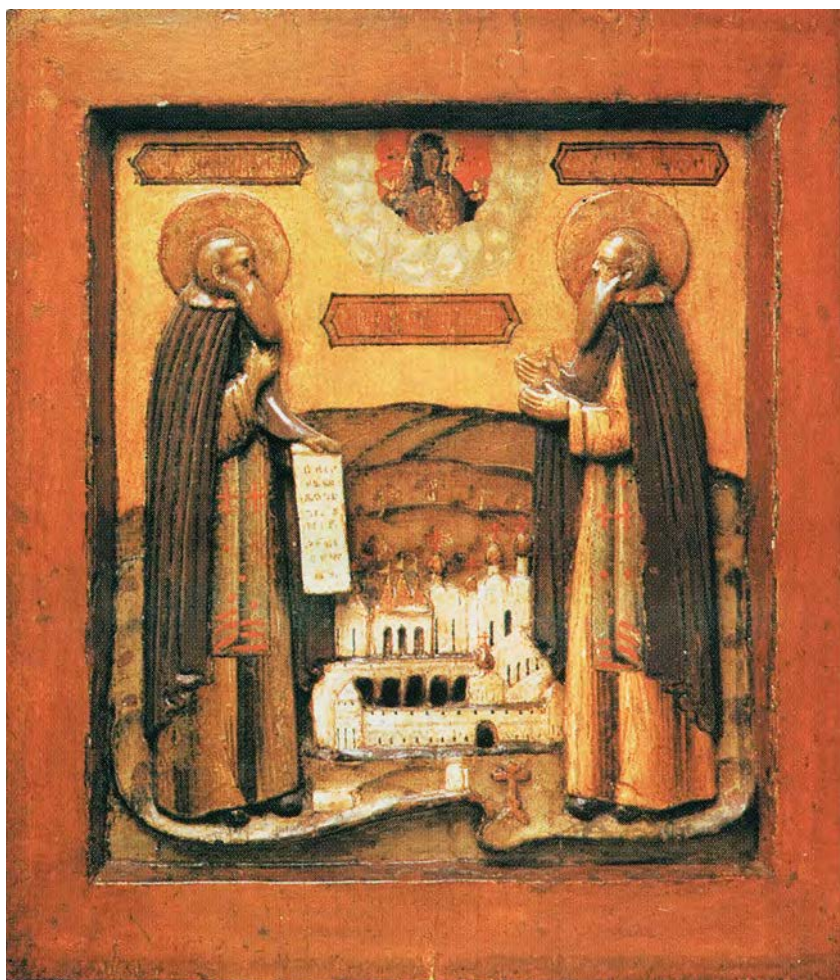

Рис. 3. Икона «Преподобные Зосима и Савватий Соловецкие с обителью». Соловецкий монастырь, вторая половина XVII в. Дерево, резьба, левкас, темпера. 31,5 x 28 x 3. Оружейная палата Московского Кремля

Рис. 4. Икона «Спас Благое Молчание». XIX в. Дерево, паволока, левкас, темпера. 35 x 30 x 3. Государственный Исторический музей

Рис. 5. Северная вышивка

Рис. 6. Вологодские и поморские прялки. Конец XIX — начало XX в.
Дерево, резьба, роспись. Частное собрание, Москва

Рис. 7. Подзор «Птицы Сирины и Алконосты». Олонецкая губерния,
середина XIX в. Полотно, вышивка. Государственный Исторический музей

Скотникова Г.В.

«БЛАГОСЛОВЕННО ВОИНСТВО НЕБЕСНОГО ЦАРЯ»:
РУССКАЯ ИДЕЯ ВОИНА

Аннотация. В статье раскрываются духовные корни русской идеи воина, преемственно воспринятой из православной Византии. Показывается различное отношение к войне в античном языческом и в христианском средневековом мире. Уникальный иконописный памятник «Благословенно воинство Небесного Царя» описывается как всеобъемлющее образное воплощение ключевых национальных архетипов, художественное выражение присущего русским людям ощущения-осознания сути воинской доблести, в основе своей духовной брани, — образ Богу служащей Родины.

Ключевые слова: идея воина, духовная брань, православие, самосознание народа, художественный образ, национальные архетипы, Родина.

Скотникова Галина Викторовна, профессор, доктор культурологии, профессор СПбГИК, Российский институт истории искусств (РИИИ), ведущий научный сотрудник. E-mail: galinaskotnikov@mail.ru

Skotnikova Galina V.

“THE BLESSED MILITARY OF HEAVENLY TSAR”:
RUSSIAN IDEA OF A WARRIOR

Abstract. The article reveals the spiritual roots of the Russian idea of a warrior, successively perceived from the Orthodox Byzantium. The unique icon-painting monument “Blessed be the host of the king of heaven” is described as a comprehensive figurative embodiment of key national archetypes. This icon is considered as an artistically perfect expression of the Russian feeling-awareness of military prowess, at the core of its spiritual warfare, as an image of God serving the Motherland.

Keywords: warrior idea, spiritual warfare, Orthodoxy, self-awareness of the people, artistic image, national archetypes, Homeland.

Skotnikova Galina V., Professor, Doctor of Cultural Studies, Saint-Petersburg State Institute of Culture (SPSGIC), Professor, Rus-

sian Institute of Art History (RIAH), Leading Researcher. E-mail: galina-skotnikov@mail.ru

Русская идея война имеет религиозный корень. Осмысление ее возникновения и содержания составляет основную цель данной работы.

Византия, открыв духовные очи Руси, став Одигитрией в горний мир, научила нас тому, что священная цель жизни — верность Православию. «Душа всего дороже, ей полнота, цельность и глубина внутреннего мира. Таков основной мотив и Православия, и Самодержавия, и народности нашей», — говорит во второй половине XIX в. классик русский философии, представитель ее магистрального направления, метафизического персонализма¹, П. Е. Астафьев (1846–1893) [1, с. 24], формулируя наш национальный идеал.

И в Византии, и в России защита государства была неотъемлема от идеи защиты Православия [8, с. 119–132]. Представление о войне, о воинской доблести живет в глубине русского *чувства Родины*. Истоки этого представления неразрывно связаны с ощущением *неслиянно-нераздельного* единения с Россией как *чашей Благодати*. Защита Отечества — это защита родной земли, веры, исконных идеалов русского духа.

Россия для русского — высшая ценность, питающая душу. Вспомним удивительно прозорливые, по сути, пророческие слова Н. В. Гоголя: «А не полюбивши России, не полюбить вам своих братьев, а не полюбивши своих братьев, не обратиться вам душою к Богу, а не обратившись душою к Богу, не спастись вам» [3, с. 296]. Именно эта любовь порождает духовную отвагу, столь высоко художественно выраженную в искусстве, например Н. А. Римским-Корсаковым в «Сече при Керженце» в «Сказании о невидимом граде Китеже и девице Февронии», где *сокровенной сердцевиной* батальной сцены становится *народная песня*. «В ней и плач сердца, и жалость к мукам народа, страдающая, милующая и действенная любовь. Но одновременно здесь и высший взлет мужества, кипение духовной отваги, самоотречение до

¹ Ильин Н.П. Трагедия русской философии. М. : Айрис-Пресс, 2006. 608 с.

смерти. Только любовь и дает мужество и презрение к смерти, вдохновенную летучую радость»².

Присущее русским людям ощущение-осознание сути воинской доблести получило *всеобъемлющее, совершенное* образно-художественное выражение в Московской Руси времени Ивана Грозного. Речь идет о выдающихся памятниках XVI в., воплотивших сущность сформировавшихся в веках национальных идеалов, *духовных архетипов*, откристаллизовавшихся к середине XVI в., — иконе «Благословенно воинство Небесного Царя...» и Покровском соборе на Рву, *храме* Василия Блаженного. Написана икона по заказу царя Ивана Грозного в память о Казанском походе 1552 г. Точная дата создания неизвестна, предположительно 1555 г. Создателем иконы считается протопоп Благовещенского собора Московского Кремля, царский духовник о. Андрей, с 1564 г. Афанасий³, митрополит Московский и всяя Руси (1564–1566).

Икона «Благословенно воинство Небесного Царя» является *памятником уникальным* — в самом точном и полном значении этого слова. В ней всё необычно: и огромный размер (144 × 396 см), и горизонтальный формат, и — содержание. Именно содержание и станет предметом нашего внимания. Не претендуя на исчерпывающее истолкование (думаю, что само по себе это и невозможно по отношению к высокохудожественному явлению), акцентируем тот смысловой пласт, который наиболее созвучен вопрошанию нашего современника. Как известно, икона настолько открыта предстоящему, насколько он сам открыт ей, готов воспринять ее образно-духовную реальность.

Необходимо отметить, что в течение истории в общественном сознании происходило постепенное угасание, забвение смысловой емкости, многосложной стратиграфии образного строя этого памятника. Духовная суть иконы словно «засыпала» под флером

² Цель музыки : беседа с профессором Московской консерватории Вячеславом Вячеславовичем Медушевским. URL: rusvera.mrezha.ru (дата обращения: 03.02.2020).

³ См.: *Макарий (Веретенников)*, архимандрит. Митрополиты Древней Руси (X–XVI века). М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2016. 1256 с. ; *Макарий (Веретенников)*, архимандрит. **Московские митрополиты XVI века. Сергиев Посад. М. : Учебный комитет Русской Православной Церкви, 2010. 351 с**

влекущих новизной, вновь утверждающихся мировоззренческих доминант. Это означает, что фундаментальные опоры русского самосознания слабели и оно теряло свою зоркость. Национальный творческий акт не получал (и не получает сегодня) необходимого питания для своего развития и полноценного восприятия завещанных предками духовных первооснов бытия.

Например, об этом с очевидностью говорит феномен различных наименований иконы и изменения места ее расположения.

Имя, выражая суть самого явления, свидетельствует о конкретном понимании его сути. Первоначальное название иконы *«Благословенно воинство Небесного Царя»* — цитата из мученична стиховной стихиры утрени понедельника пятого гласа⁴. Иконографическая программа иконы раскрывает богословское содержание литургических текстов, в которых мученики и преподобные уподобляются воинам, ведущим духовную брань и побеждающим Крестом [5, с. 324–325].

Икона уже в 1627 г. именуется *«Образ пречистыя Богородицы и Грозного Воеводы»*, а в 1701 г. — *«Образ Пресвятыя Богородицы да Архангела Михаила с лики святых»*. В советское время ее предпочитают называть *«Церковь воинствующая»*, в постсоветское — *«Торжество Православия»*.

Первоначально икона находилась в Успенском кафедральном соборе Московского Кремля у южных врат, возле царского места. Вместе с молебным местом царя, которое было украшено рельефами, иллюстрирующими *«Сказание о князьях Владимирских»*, икона выражала идею преемственности власти московских царей, имеющей религиозный смысл и основу, преемственной по отношению к великим князьям киевским и владимирским.

⁴ «Благословено воинство Небеснаго Царя: аще бо иземнородни беша Стратотерпцы, но Ангельское достоинство потщашеся достигнути, о телесехъ нерадиша, и страданиями безплотныхъ сподобишася чести. Тем же молитвами ихъ Господи, низпосли намъ велію милость». На этот факт впервые указала В.И. Антонова на основании описи Успенского собора Московского Кремля (Антонова В. И., Мнева Н.Е. Каталог древнерусской живописи XI — начала XVIII вв. : Опыт ист.-худож. классификации : в 2 т. / Гос. Третьяковская галерея. М. : Искусство, 1963. Т. 2. С. 128–134).

В начале XX в. икона находилась в мироваренной палате Кремля.

В 1919 г. поступила в собрание Государственной Третьяковской галереи.

Но краски чуждые, с летами,
Спадают ветхой чешуей;
Созданье гения пред нами
Выходит с прежней красотой.
Так исчезают заблужденья
С измученной души моей,
И возникают в ней виденья
Первоначальных, чистых дней.

А. С. Пушкин

Сохранение духовных родников, фундаментальных опор отечественной культуры — путь развития нашего национального самосознания.

В православной культуре постепенно выработалось иное, по сравнению с языческим, отношение к войне. В античном языческом мире война прославлялась, успехи в ней воспринимались как проявление благоволения богов, военные убийства не только не воспринимались как что-то аномальное, но, напротив, возвеличивались и прославлялись. Римские легионы, как безукоризненный военный инструмент, создали империи ее богатство и мощь, завоевав громадные территории. Византия (*Βασιλεία των ρωμαίων* — Царство ромеев), первая христианская империя, явила собой принципиально иной тип культуры, в котором Православие, Новый Завет становятся основой всей государственной системы. «Государство есть ограда Церкви», — провозглашает в своем заключительном слове на первом Вселенском соборе 325 г. в Никее император Константин Великий, установивший союз священства и царства Миланским эдиктом еще в 313 г., определив формообразующий принцип культуры Византии и, соответственно, всей православной цивилизации, включающей разные государства. В византийскую эпоху меняется главная идея войны. Уходит элемент захватнический, исчезает оправдание грабежа. Война теперь понимается либо как оборонительная, либо, если она связана с возвращением захваченных территорий, как справедливая. В целом теперь война видится как аномалия, отступление от Божественных

заповедей, поскольку она связана с убийством. Но вместе с тем воинская служба предполагает жертвенность, поскольку человек, защищающий своих ближних, исполняет главную заповедь Господа: полагает душу свою за други своя: «Нет больше той любви, аще кто положит душу свою за други своя» (Ин. 15.13). Но даже жертвенное служение, приводящее к убийствам, рассматривается церковью как вид греха⁵. Идея воина прежде всего как духовного воителя воплощена в древнерусской иконописи в образе святого Георгия Победоносца, побеждающего не столько благодаря физической силе, сколько внутренней силе духа, верностью православной Истине⁶.

Именно этот духовный архетип воина оказался востребованным, глубоко осмысленным русским самосознанием в период катастрофического слома отечественной культуры. В книге «О сопротивлении злу силою», написанной в 1925 г., русский мыслитель Иван Александрович Ильин писал, говоря о пережитой Россией трагедии: «И первое, что возродится в нас через это, — будет религиозная мудрость восточного Православия и особенно русского Православия. Как обновившаяся икона являет царственные лики древнего письма, утраченные и забытые нами, но незримо присутствовавшие и не покидавшие нас, так в нашем новом видении и волеии да проглянет древняя мудрость и сила, которая вела наших предков и страну нашу святую Русь!» [4, с. 33]. Труд был написан с целью осознать и укрепить глубинные русские силы в борьбе с разраставшимся злом, в противостоянии получившему большое влияние учению Л. Н. Толстого о «непротивлении злу насилием». И. А. Ильин видел в идее Л. Н. Толстого разновидность государственного и патриотического нигилизма.

Строгий мыслитель И. А. Ильин отчетливо определяет исследовательский вопрос и задачу: «Может ли человек, стремящийся к нравственному совершенству, сопротивляться злу мечом и силою? Может ли человек, верующий в Бога, приемлющий Его

⁵ Кузенков П.В. Византия и воинство. URL: [youtube.com>watch?v=axFp_4pr5yg](https://youtube.com/watch?v=axFp_4pr5yg).

⁶ Вспомним фреску диаконника церкви Св. Георгия в Старой Ладоге последней четверти XII в. или удивительную икону XV в. «Чудо Св. Георгия о змие» из Русского музея.

мироздание и свое место в мире, не сопротивляться злу мечом и силою? Вот двуединый вопрос, требующий ныне новой постановки и нового разрешения» [4, с. 34]. «Этот вопрос надо поставить и разрешить философически, как вопрос, требующий зрелого духовного опыта, продуманной постановки и беспристрастного решения» [4, с. 35].

В русской эмиграции книга вызвала «ожесточенную и злобную полемику», которая велась, как отметил впоследствии Н. П. Полторацкий, отнюдь «не на уровне» труда И. А. Ильина. Это сочинение представители религиозного модернизма (Н. А. Бердяев, З. Н. Гиппиус) называли «кошмар злого добра», «небесный ЧК»⁷. Определяя свой путь, И. А. Ильин подчеркивал, что его философия противостоит философии Бердяева — Мережковского — Булгакова — Карсавина — Розанова. Разрешение вопроса, выработанное И. А. Ильиным (вынужденно использовавший меч не праведен, но прав), подвергается критическому неприятию и в современном русском философском дискурсе⁸.

И. А. Ильина поддерживали иерархи Православной церкви: епископ Берлинский и Германский Тихон (Лященко), митрополит Антоний (Храповицкий), архиепископ Иерусалимский Анастасий (Грибановский) (впоследствии митрополит, Глава Русской зарубежной церкви). И. А. Ильин сообщал: «Епископ Берлинский Тихон и митрополит Антоний считают мою книгу *подлинным и точным выражением православного воззрения*»⁹ (курсив Г. С.)

Именно смысл духовного воительства выражен в иконе «Благословенно воинство Небесного Царя» как вневременный смысл бытия России, глубинное созвучие с которым хранит в себе русское сердце.

⁷ Полемика, вызванная идеями И. А. Ильина, выраженными в книге «О сопротивлении злу силою», представлена в обширном разделе т. 5 собрания сочинений философа, подготовленного Ю. Т. Лисицей: *Ильин И. А. Собрание сочинений* : в 10 т. Т. 5. М. : Русская книга, 1996. С. 221–556.

⁸ См. дискуссию в программе А. Архангельского «Тем временем. Смыслы: Непротивление vs Сопротивление». URL: tvcultura.ru 17 ноября 2019.

⁹ Письмо И. А. Ильина к П. Б. Струве от 9 июля 1925 г. URL: russianorthodox.narod.ru (дата обращения: 03.02.2020).

Рис. 1. Благословенно воинство Небесного Царя. XVI в.

Необычная иконография иконы вызвала много попыток ее истолкования (П. П. Муратов, Д. В. Айналов, М. К. Каргер, А. Е. Пресняков, В. И. Антонова, А. Зотов, О. И. Подобедова, Н. В. Квливидзе, И. А. Кочетков, В. В. Морозов, С. Фаизов, В. М. Сорокатый, С. В. Перевезенцев). Исследователи обращаются к различным аспектам, например: к рассмотрению вопроса, отражена ли в памятнике историческая победа над Казанью или написание иконы предшествовало этому событию; к раскрытию многосложной проблемы персонификации фигур, изображенных на иконе; к стратиграфии смыслов, связанных с нумерологией; наконец, к метафизическому замыслу, главной всепоглощающей идее памятника. Так, С. В. Перевезенцев пишет, что в иконе «символически представлен религиозно-мистический и всемирно-исторический смысл бытия России на земле, тот великий духовный смысл, который придавали бытию России русские книжники: Россия мыслилась как один из главных участников борьбы с антихристом»¹⁰. При митрополите Макарии и царе Иване Васильевиче в России были созданы зримые символы ее величайшей духовной миссии: Покровский собор на Красной площади и икона «Благословенно воинство Небесного царя».

¹⁰ Перевезенцев С. В. Роль русского государя в устройении «Святой Руси». На основании свидетельств духовно-политических источников середины — второй половины XVI века. URL: cyberleninka.ru (дата обращения: 03.02.2020).

Любовь к России, являющая собой путь к Богу, порождает присущее русским людям осознание-ощущение воинской доблести, в основе которой духовная брань.

Изображенное на иконе воинство, конное и пешее, движется тремя колоннами от города, охваченного пламенем, к городу, стоящему на горе, в котором Богородица с Младенцем встречает идущих, посылая навстречу им ангелов с венцами в руках. Впереди войска скачет на крылатом коне Архангел Михаил, предводитель Небесного воинства, покровитель Руси-России. В средней колонне воинов, в центре всей иконописной композиции, выделяется окруженный пехотинцами царь на вороном коне, с Крестом в руках. Он изображен с нимбом, так же как и три всадника в княжеских одеждах, возглавляющие конную группу, идущую позади царя. Впереди всего войска скачет юный воин со знаменем в руках. В верхней и нижней колонне большинство воинов изображено с нимбами.

Православие учит духовной брани. Христианин — воин Христов. Почитание святых воинов возникает и развивается в Византии, ведшей нескончаемые оборонительные войны, только в X в. Особенно напряженный характер приобретает оборона империи в X в. Идея борьбы за родину окрашивается в религиозные тона. Император Никифор II Фока (963–969) требовал от патриарха Полиевкта (956–970), чтобы церковь почитала воинов, павших на поле боя, наравне со святыми мучениками [1, с. 157].

Мысль о святости павших на войне за истинную веру отчетливо выражена в трех посланиях митрополита Московского и Всея Руси Макария. На этом основании исследователи называют митрополита Макария и его ближайшее кружение создателями идейной программы иконы [6, с. 185–209].

Ключ к пониманию замысла иконы содержится во втором послании митрополита Макария от 13 июля 1552 г. в город Муром к царю Ивану IV, вновь выступившему в поход на Казань. Те, кто останется в живых, получают отпущение грехов всей их прежней жизни, а также здоровье и долголетие. Участникам похода, которые сложат свои головы в сражениях с неверными, Бог дарует венцы мучеников за христианство и место в Небесном Иерусалиме — в раю: «Если, о благочестивый царь, случится кому из православных христиан на той брани пострадать до крови за святые церкви, и за святую веру христианскую,

и за множество народа людей православных и потом остаться живым, — такие пролитием своей крови поистине очистят свои прежние грехи, которыми согрешили и осквернили себя после крещения, и не только получают прощение грехов от Бога за пролитие своей крови, но восприимут в нынешнем веке приложение лет и здравие животу, а в будущем веке восприимут сугубую мзду за пролитие своей крови. Если же случится ныне кому из православных христиан в том вашем царском ополчении не только кровь свою пролить, но и до смерти пострадать за святые церкви, и за православную веру христианскую, и за множество народа людей православных, которых Христос искупил от мучительства Своею Честною Кровию, и исполнить Его слово: *Больше сея любви никто же имеет, да кто положит душу за други своя*, такие восприимут второе, мученическое, крещение, и пролитием своей крови очистятся, и омыеют с души скверну своих согрешений, и восприимут от Господа Бога вместо тленного нетленное и небесное и вместо труда — наследие вышнего Иерусалима, а за оружие и благострадание телесное — вечные блага, за усечение мечом и прободение копьем — радость неизреченную с мучениками и ангелами...»¹¹

Третье, и последнее, послание митрополита царь Иван получил уже к концу сентября 1552 г., когда его войско находилось у самой Казани и готовилось, овладев стенами города, к решительной битве.

Митрополит Макарий стремится уподобить царя Ивана Васильевича мученикам. Царь, как известно, не пролил свою кровь в бою, но Макарий говорит: «И видел Владыка твою неотложную веру, чистоту, любовь нелицемерную, рассуждение благорассудное, храбрость, мужество, целомудрие и как ты не усомнился пострадать до крови, скажу более, предать душу свою и тело за святую, чистую и пречестнейшую нашу веру христианскую, и за святые церкви, и за порученную тебе паству православных христиан, расхищаемых в плен и томимых всякими бедами, и по вере твоей и великим неизреченным трудам даровал тебе Бог милосердие Свое, предал в руки твои царство Казанское, и воссияла на тебе

¹¹ Макарий, митр. История Русской Церкви. Том 3. Отдел 2. Глава 5, IV. URL: odinblago.ru (дата обращения: 06.04.2020).

благодать Его, как на прежних благочестивых царях, творивших волю Его...»¹²

Митрополит называет царя мучеником в переносном смысле. В христианской догматике это называется «мученик произволением»: царь заслужил венец мученика своей готовностью пострадать за веру.

Смысловой фундамент иконы «Благословенно воинство Небесного Царя» составляет двуединая идея *апофеоза победы и памяти о погибших*. Она же лежит в основе замысла уникального древнерусского архитектурного памятника XVI в. Покровского собора на Рву (храма Василия Блаженного).

Оплакивание погибших вошло неотъемлемой составной частью в торжество победы. Не случайно Иван IV назначает пир победителей на 40-й день после штурма: это одновременно были грандиозные поминки по погибшим.

Через земные реалии в иконе открываются вечные смыслы бытия России. Шествие трех колонн воинов — свободное, неспешное, в плавности своих линий стремящееся образовать круг, являет сущностное единство: единение и живых, и ушедших из земной жизни, и тех, кто еще только предполагает родиться, исполненное духовной силы и сердечной радости, преображенных внутренним светом райской благодати.

И сегодня Великая Победа 1945 г. празднуется нашей церковью и обществом как *религиозный праздник*, не только как победа идеологическая, военная, геополитическая.

«Это война и Победа — победа высших райских смыслов над смыслами ада. На это одоление Россия отдала тридцать миллионов лучших своих сынов и дочерей, которые, если их осмыслить религиозно, богословски, являются святомучениками» [7, с. 9].

Ощущение войны как «мистического одоления ада раем» осталось в народе, оно *«живет как ощущение, как предчувствие, как некая данность»* [7, с. 9].

Икона «Благословенно воинство Небесного Царя» и Покровский собор¹³ на Красной площади являют собой всеобъем-

¹² Макарий, митр. История Русской Церкви. Том 3. Отдел 2. Глава 5, IV. URL: odinblago.ru (дата обращения: 06.04.2020).

¹³ Брунов Н.И. Покровский собор на Рву. Храм Василия Блаженного. М.: Искусство, 1988. 255 с.

лющие древнерусские образы-идеалы земного государственного устройства, художественно совершенное воплощение идеи «Богу служащей и потому освященной Родины» (И. А. Ильин).

Список литературы

1. *Алпатов М.В.* Образ Георгия-воина в Византии и Древней Руси // Этюды по истории русского искусства / М.В. Алпатов. В 2 т. М. : Искусство, 1967. Т. 1. С. 157.
2. *Астафьев П.Е.* Национальность и общечеловеческие задачи. М., 1890.
3. *Гоголь Н.В.* Выбранные места из переписки с друзьями // Нужно любить Россию / Н.В. Гоголь ; сост., предисл. и коммент. В.А. Воропаева; отв. ред. О. Платонов. М. : Институт русской цивилизации, 2008. С. 296.
4. *Ильин И.А.* О сопротивлении злу силою // Собрание сочинений / И.А. Ильин. В 10 т. Т. 5. М. : Русская книга, 1996. С. 33.
5. *Квливидзе Н. В.* «Благословенно воинство Небесного Царя» // Православная энциклопедия. М. : Православная энциклопедия, 2000. Т. 5. С. 324–325.
6. *Кочетков И.А.* К истолкованию иконы «Церковь воинствующая» («Благословенно воинство небесного Царя») // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XXXVIII. Л. : Наука, 1985. С. 185–209.
7. *Проханов А.А.* Пятый Сталин. М. : Вече, 2019. С. 9.
8. *Скотникова Г.В.* Святой воин в византийско-русском духовном архетипе // Созвучие вечным смыслам бытия / Г.В. Скотникова. СПб. : Альфарет, 2012. С. 119–132.

Спивак Д.Л.

СЕВЕРНАЯ ВОЙНА В КУЛЬТУРНОМ НАСЛЕДИИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Аннотация. Очерк посвящен систематическому рассмотрению объектов материального культурного наследия Санкт-Петербурга и его ближних пригородов, посвященных памяти о событиях Северной войны 1700–1721 гг. В числе памятников культовой архитектуры особое внимание уделено Троицкому и Сампсониевскому соборам, Матфиевской и Пантелеймоновской церквям, среди памятников декоративно-монументальной скульптуры — резному панно на Петровских воротах Петропавловской крепости, обоим конным памятникам Петру I, а также петергофской статуе Самсона, раздирающего пасть льва. Сделан вывод о ценности и полноте данного комплекса памятников.

Ключевые слова: культурное наследие, храмовое зодчество, декоративно-монументальная скульптура, Северная война, культурная традиция Санкт-Петербурга.

Спивак Дмитрий Леонидович, доктор филологических наук, руководитель Центра фундаментальных исследований в сфере культуры Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва. E-mail: d.spivak@mail.ru

Spivak D.L.

NORTHERN WAR IN CULTURAL HERITAGE OF ST.PETERSBURG

Abstract. The essay is dedicated to systematic review of objects of tangible cultural heritage in St.Petersburg and its environs, related to Northern War (1700–1721). Holy Trinity cathedral, and the St. Sampson's one, as well as St. Mathew's church, and the St. Panteleimon's one, are cited as key objects of sacred architecture. As to the sculptural ones, carved panel at the St. Peter's gate to the Peter and Paul Forteress is regarded, along with both equestrian statues of Peter I, and the Peterhof statue of Samson tearing lion's jaws,. Conclusion is made concerning the level of value and integrity of the complex of objects.

Keywords: cultural heritage, sacred architecture, decorative monumental sculpture, Northern war, cultural tradition of St. Petersburg.

Spivak D. L., Dr/Sc. (Philology), Head, Centre of Fundamental Research in the Sphere of Culture, D.S. Likhachev Russian Scientific Research Institute of Cultural and Natural Heritage. E-mail: d.spivak@mail.ru

Великая Северная война 1700–1721 гг. представляла собой событие всемирно-исторического масштаба в силу того очевидного факта, что основные ее события разворачивались в Европе, которая была безусловным лидером тогдашнего мира [4]. Для Швеции речь шла об укреплении и расширении своего великодержавия, возведение которого велось весьма убедительно на протяжении всего предыдущего, XVII столетия. На восточном направлении это расширение подразумевало воплощение в жизнь положений «Великой Восточной программы», включавшей в себя, как известно, оттеснение Московского царства внутрь континента и отторжение в пользу Швеции его северо-западных земель¹.

Геополитическая стратегия московского государя была направлена прямо противоположным курсом: на северо-западном направлении она подразумевала возвращение приневских и приладожских (т.е., говоря языком того времени, ингерманландских и карельских) земель, утраченных по Столбовскому миру 1617 г. (а с ними и ряда ливонских владений, от Дерпта до Динабурга, которые не без оснований рассматривались у нас как старинные русские вотчины), утверждение на Балтике и вхождение в число ведущих европейских держав.

Война, как известно, окончилась для России победоносно, а основанный в самом ее начале (1703) Санкт-Петербург стал местом провозглашения новой мировой империи, приобрел статус ее столицы (1721) и стал средоточием целого потока инноваций, следы прохождения которого вполне ощутимы и в наши дни. В силу

¹ Этот термин, довольно нечеткий сам по себе, хотя и отражающий с удовлетворительной точностью интенции ряда шведских королей, был введен, как известно, постфактум финляндскими историками, осмыслявшими прошлое своих земель. Более подробное рассмотрение историко-политического контекста этой программы читатель найдет в нашей монографии [8, с. 201–203].

естественных причин «невская столица» стала ключевым «местом памяти» о триумфах Северной войны, нашедших себе воплощение в ряде цельных и сравнительно хорошо сохранившихся городских текстов — в первую очередь, архитектурных и монументальных, беглому обозрению которых посвящен настоящий очерк.

В соответствии с обычаями того времени, ключевое значение в увековечении определенного события принадлежало возведению храма и освящению его в честь святого, в день памяти которого была одержана соответствующая победа. Как следствие, первая убедительная победа русского оружия в Северной войне² — взятие Нарвы, произошедшее, как известно, в конце лета 1704 г., в день памяти святого апостола Матфея, было увековечено созданием в правобережной, наиболее заселенной и, в целом, более престижной тогда части города **Матфиевской церкви (1720)**³. С течением времени церковь была преобразована в импозантный, уже пятиглавый храм⁴, значение которого укреплялось в глазах

² Говоря о «первой победе», мы, разумеется, помним и об успешном штурме в 1702–1703 гг. шведских крепостей Нотебург и Нью-энсканс / Ниеншанц, расположенных, соответственно, близ истока и устья реки Невы, и об успешном взятии царскими войсками летом того же 1704 г. города Дорпат / Дерпт — но говорим так, поскольку укрепления «железной Нарвы» тогда не имели себе равных в наших краях, а также и потому, что у нас хорошо помнили о «нарвской конфузії» при первом, неудачном штурме этого города петровскими войсками поздней осенью 1700 г. и желали за него поквитаться.

³ Если говорить более точно, в 1720 г. было проведено освящение в честь апостола более раннего сооружения, перенесенного на Петроградскую сторону, в слободу Белозерского пехотного полка, непосредственно из Петропавловской крепости.

⁴ Православные петербургские храмы строились первоначально по типу одноглавой базилики, «в голландском вкусе». Древнее пятиглавие было возвращено в нашу церковную архитектуру несколько позднее, уже в елизаветинскую эпоху. Изображение первоначальной Матфиевской церкви легко можно найти в ряде изданий, к примеру на получившем известность среди краеведов интернет-портале «Энциклопедия Санкт-Петербурга» (2015) [1]. Общий вид каменного храма, построенного рядом со старой церковью и названного ее именем, также сохранился на ряде старых изображений, к примеру см.: [7, с. 78].

жителей Петербурга тем, что прихожанкой старой, еще деревянной Матфиевской церкви стала в свое время святая блаженная Ксения Петербургская⁵.

Генеральное сражение между шведскими захватчиками и русской армией произошло позже, 27 июня (по старому стилю) 1709 г., в шести верстах к северу от Полтавы, в силу чего и получило название Полтавской битвы. В окружении Петра I, впрочем, предпочитали говорить о «неслыханной виктории», начавшей эру «спасения и благополучия» России. Битва произошла в день памяти преподобного Сампсония Филоксена (Странноприимца, как у нас было принято переводить), в соответствии с чем осенью того же 1709 г. Петр I заложил **Сампсониевскую церковь** в Петербурге, но уже не на островах, а на территории правобережной Выборгской (Карельской) стороны города. Вскоре после смерти Петра на месте церкви решено было возвести каменный собор в стиле аннинского барокко, стоящий и по сию пору⁶.

Победам российского флота посвящен храм, построенный уже не на правом, а на левом берегу Невы, близ Летнего сада, и освященный во имя святого великомученика и целителя **Пантелеймона**. «Радуйся, неистовства мучителей изобличителю; радуйся, идольския прелести низложителю» — говорится в православном акафисте святому, но для людей того времени наиболее важным было то, что обе великие морские битвы Северной войны, принесшие славу российскому оружию, произошли в один и тот же день — 27 июля по старому стилю, который и был днем памяти святого Пантелеймона⁷. Как это часто случалось в старину, сначала на этом месте была построена часовня (1718), несколько

⁵ Сейчас почитание святой Ксении сосредоточено вокруг часовни ее имени, расположенной на Смоленском кладбище, т. е. на Васильевском острове.

⁶ Общее представление о теперешнем виде собора можно составить по фотографиям на его официальном сайте [9]. Более подробные сведения можно найти в обобщающем издании [2, с. 119–122].

⁷ Оба сражения произошли в один день, но в разные годы. Как мы помним, Гангутская победа была одержана в 1714 г. у полуострова Ханко в Финском заливе, Гренгамская — позже по времени (1720) и много дальше от Петербурга, близ остова Флиссё, входящего в состав Аландского архипелага.

позже — мазанковая церковь (1722) и, наконец, каменный храм, соответствовавший нарядному облику этой части столицы империи (он был освящен в 1739 г.).

Современники помнили, что Петр I принимал личное участие не только в Полтавской битве (где, по преданию, его шляпа была пробита пулей), но и в Гангутском сражении, за что был произведен в чин вице-адмирала (прежде того он участвовал в боевых действиях в чине шаутбенахта). По случаю этой победы в Петербурге прошли торжества, в ходе которых торжественная процессия прошла под триумфальными воротами, на которых был изображен орел, когтивший слона. Внизу была подпись: «Русский орел мух не ловит». Повод к такому изображению дал тот факт, что в результате победы был взят в плен флагман шведской эскадры — прам «Элефант», что, собственно, и означает «Слон». Шведский корабль, по приказу Петра, был приведен в Петербург и довольно долго потом стоял в Кронверском проливе за крепостью в назидание потомству. К концу 1730-х гг. сей объект материального культурного наследия сгнил и был разобран, что до сих пор вызывает сожаление военных историков. Что же касается девиза, то он заслуживает того, чтобы остаться в памяти благодарных россиян.

Особое положение в храмовом тексте города занимал **Троицкий** (собственно, Троице-Петровский) **собор**, расположенный в самом центре первоначального Петербурга. Собор (первоначально церковь) был поставлен на главной площади «новообретенного парадиза»⁸, рядом помещались практически все важные как для государства, так и для простых горожан институции: от Сената и Синода до рынка, гостиного двора и питейного заведения (трактира) «Австерия»⁹. В церковь постоянно заглядывал царь и с удовольствием подтягивал певчим, пройдя на клирос. Согласно его

⁸ Указ о закладке церкви на этом месте «в знак благодарения Триединому Божеству» последовал буквально через несколько месяцев после заложения крепости на Заячьем острове.

⁹ Примерный план площади с Троицкой церковью можно найти на ряде современных изображений. К примеру, см. анонимную немецкую гравированную ландкарту 1720 г. [6, с. 114], ср. [3, с. 25]. Общий вид площади с собором можно восстановить в памяти по известной гравюре А. Ростовцева (1716), приведенной в цитированной выше монографии А. П. Павлова [7, с. 11].

желанию, в церкви отмечались годовщины Полтавской битвы, здесь же прошла основная часть торжеств по поводу заключения Ништадтского мира (1721), в ходе которых Петру I были поднесены титулы Императора Всероссийского и Отца Отечества.

Как можно судить по названию собора, он не был прямо связан с какой-либо конкретной победой русского оружия в Северной войне. Напротив, это название говорило современникам в первую очередь об основании Санкт-Петербурга, в силу того очевидного и памятного им факта, что крепость на Заячьем острове была заложена в Троицын день, к которому у нас искони приурочивалось празднование Пятидесятницы. Вместе с тем основание и удержание Петербурга само по себе представляло собой важнейший итог Северной войны и зримое свидетельство всех одержанных побед. Поэтому стоит принять во внимание, что в убранстве храма было уделено должное место победам над шведами. К примеру, в 1713 г. на его колокольне был помещен большой колокол, захваченный после штурма города Або (теперешнего Турку), первенствовавшего в тогдашней Финляндии. Звук его был прекрасно знаком насельникам раннего Петербурга.

Список объектов петербургской храмовой архитектуры на том далеко не исчерпан, но общие закономерности его формирования выяснены с удовлетворительной полнотой, что позволяет нам перейти к гражданскому зодчеству. Среди объектов этого типа наше внимание привлекают в первую очередь **Петровские ворота**, поставленные на парадном входе в палладиум города — Петропавловскую крепость — со стороны Иоанновского моста, старейшего в Петербурге¹⁰ и, соответственно, Троицкой площади. Как помнят историки искусства, ворота представляют собой единственный сохранившийся в Петербурге образец триумфальных сооружений эпохи петровского барокко. Первоначальный вариант ворот, решенный в виде триумфальной арки, был поставлен на этом месте еще в 1708 г., когда исход Северной войны представлялся делом отнюдь не решенным. Как полагают историки, это сооружение могло в основных чертах следовать облику других триумфальных ворот, поставленных за несколько лет до того, осенью 1704 г., при подготовке торжеств по случаю взятия Нарвы. Подобно большин-

¹⁰ Мост был поставлен в 1703 г. и с тех пор неоднократно перестраивался.

ству сооружений этого типа, последние были разобраны после окончания празднеств.

В 1716–1717 гг. ворота были перестроены под руководством славного петербургского зодчего Д. Трезини, с сохранением их центрального элемента — массивного резного панно с изображением святого апостола Павла, низвергающего с небес Симона-волхва. Как гласило новозаветное предание (Деян. 8: 9–24), первый творил именем Божиим подлинные чудеса, второй же — поддельные. Таким образом, было осмыслено противостояние иного Петра — земного царя — с королем Швеции Карлом XII. Будущее, предсказанное резцом мастера, в целом сбылось: Карл XII потерпел поражение в Полтавской битве, бежал, а в итоге погиб, с большой вероятностью от руки собственных подчиненных (заключение Ништадтского мира выпало уже на долю его преемника — короля Фредрика I), Петр I же одержал славную победу.

В общих чертах той же схеме следовал и другой памятник, установленный в 1735 г. в ковше перед Большим каскадом Петергофа в ознаменование двадцать пятой годовщины Полтавской битвы, отмечавшейся незадолго прежде того. Памятник представляет собой мощную фигуру ветхозаветного силача **Самсона, раздирающего пасть льва**. Появление первого с некоторой натяжкой объяснимо, в силу созвучия имен библейского Шимшона, получившего в синодальном переводе имя Самсон, и преподобного Сампсония Странноприимца, в день памяти которого была, как мы помним, одержана полтавская победа.

Соответственно, молодой лев, живший у виноградников Фимнафских (Судей 14: 5–6), превратился в один из наиболее известных символов Швеции, а вся композиция обрела должную логичность в рамках пользовавшейся тогда великим уважением науки о «символах и емблематах». Образ, найденный Б. Растрелли, оказался вполне убедительным и, несомненно, понравился бы Петру I, хотя к его замыслу и не восходил: как известно, сам царь склонялся скорее к образу Геракла, расправлявшегося с Лернейской гидрой, что было бы для побежденных шведов не в пример обиднее.

Следуя логике материала, мы перешли, таким образом, к области, относимой в искусствоведении к декоративно-монументальной скульптуре. Прекрасным ее образцом является удивительно убедительная, мощная и одновременно изящная двухфигурная

композиция **«Победа и Мир»**, поставленная у северного фасада Летнего дворца Петра I в Летнем саду вскоре после заключения Ништадтского мира и в память о нем.

На памятнике представлены две богини, попирающие босыми ножками изрядно смущенного своим поражением шведского льва. Одна из них — это явно богиня победы Ника — венчает другую лавровым венком, держа в другой руке символ мира — пальмовую ветвь. Вторая — Россия — гасит факел войны, опустив его долу, в другой же руке держит рог изобилия. Лев держит своей сильной лапой картуш с поучительной надписью, замыкая тем самым всю композицию¹¹. Удивительным представляется то, что такой старинный и импозантный военный памятник, поставленный в самом центре Петербурга, так, что его хорошо видно и с набережной Невы, и с противоположного берега Фонтанки, привлекает мало внимания потомков.

Памятник Петру I на площади Коннетабля, у южного фасада Михайловского замка, был установлен достаточно поздно, в 1800 г. События Северной войны виделись тогда уже как далекое прошлое. На временную дистанцию указывала и знаменитая надпись на постаменте: «Прадеду — правнук». Более актуальной была очевидная тогда уже многим возможность столкновения с наполеоновской Францией. Приняв во внимание эти соображения, грех было бы забывать о том, что модель памятника была создана Б. Растрелли в двадцатых годах XVIII в. и восходила, с большой вероятностью, к планам самого Петра I. Отливка была произведена двадцатью годами позднее, немало времени ушло и на определение оптимального места для установки памятника.

Царь представлен на памятнике в образе римского императора, но еще более важны для нашей темы два внушительных барельефа, установленных на боковых сторонах постамента. Один из них представляет Полтавскую битву в виде сложной многофигурной композиции. Если присмотреться, в ее составе можно различить небольшие фигурки Петра I и раненого короля Карла XII, которого на носилках уносят с поля боя. Кажется, это един-

¹¹ Латинская надпись гласит: «'Magnus est qui dat et qui accipit sed maximus qui ambe haec dare potest», что означает: «Велик и дающий, и принимающий, но превыше всех — тот, кто может давать и то, и другое».

ственное у нас портретное изображение предводителя шведского нашествия, которого Петр, в соответствии с обычаем того времени, тем не менее неизменно называл в письмах своим «братом» (в наше время в употребление вошел, во всем спектре его значений, не менее выразительный термин «партнеры»). Второй барельеф представляет морское сражение при Гангуте. С неба за земными событиями внимательно наблюдают зодиакальные животные — лев и рак, — покровительствующие соответствующим месяцам¹².

Коротко рассказав о символике памятника Петру I у Михайловского замка, грех было бы не упомянуть о другом, несравненно более знаменитом конном памятнике императору, поставленном на Сенатской площади в конце лета 1782 г. и получившем у потомства славное имя **Медного всадника**. Память о Северной войне к тому времени уже ушла на второй план коллективной памяти россиян, ведь с ее окончания прошло к тому времени уже более полувека. К тому же художественные задачи памятника были сосредоточены на том, чтобы показать идеального государя — основателя мировой империи и гения-хранителя своего «парадиза», в силу чего историческим аллюзиям тут было не место.

Как следствие, явных отсылок к событиям Северной войны в облике данного памятника мы не обнаруживаем. Что же касается косвенных отсылок, то современники их находили, хотя чаще всего принимали желаемое за действительное. Так, в львиной шкуре, брошенной на спину коня, у нас иногда видели намек на льва, бывшего одним из обычных символов шведского великодержавия. С этим нельзя согласиться: достаточно обратиться к разъяснениям самого автора памятника, славного Э. Фальконе, чтобы узнать, что шкура, на которой помещена фигура Медного всадника, на самом деле принадлежит медведю, а толковать ее нужно как «...аллегорияцию нации, которую он (Петр I. — Д. С.) цивилизовал» (цит. по: [5, с. 92]).

В образе змея, которого попирают копыта коня, некоторые современники также пытались увидеть намек на побежденную Швецию. В общем и целом известные основания для такого подхода у них были. Как помнят историки, эмблематика шведских

¹² Нужно отметить, что смысл этой символики был в общем понятен современникам: к примеру, мы встречаем те же астрологические символы в лепном оформлении Белого зала Гатчинского дворца.

триумфальных процессий времен Северной войны могла включать образ Карла XII в облике Георгия Победоносца, попирающего российского змия. В свою очередь, в плане ответа на шведские притязания, в ходе наших военных триумфов стало активнее использоваться изображение царя Петра в облике того же святого Георгия, побеждающего шведского змия. Такая символика читалась современниками без всяких затруднений, в частности, в силу того факта, что у нас хорошо помнили, как выглядел старый московский герб с тем же Георгием Победоносцем. Вместе с тем петербургская публика, изрядно овладевшая ко временам Екатерины II символикой Просвещения, в массе своей видела в змее не более чем аллегорию «людской косности и неблагоприятия».

Надпись на постаменте памятника гласит, как мы помним: «Петру Перьвому Екатерина Вторая, лета 1782» (с другой стороны помещен ее перевод на латинский язык). Надпись произвела в свое время своим сдержанным благородством должное впечатление на всю Европу. Для нашей же цели важно, что Екатерина могла рассматривать себя второй по отношению к Петру, среди прочего, и в геополитическом аспекте. В числе очередных задач, стоявших перед Россией в начале XVIII в., было решение двух назревших вопросов — северного и южного. Первый предполагал схватку с Швецией и выход к Балтийскому морю, второй — войну с турками и выход к Черному морю.

Как мы знаем, Петр I по меньшей части дважды серьезно приступал к решению «южного вопроса», но в общем и целом не преуспел, зато на северном направлении одержал ряд блестящих побед. Напротив, Екатерина II направила силы на решение «южного вопроса» и добилась серьезных успехов, разве что не утвердила «крест на Босфоре». Как заметил в этой связи наш славный историк С.М. Соловьёв, «Петр Великий дал России Балтийское море, а Екатерина II — Черное». Таким образом, в надписи на каменном постаменте Медного всадника, при всей ее лаконичности, можно и нужно видеть скрытую отсылку к результатам Северной войны.

Нужно заметить, что предпринятый в настоящем очерке обзор памятников материального культурного наследия Санкт-Петербурга, посвященных памяти о событиях Северной войны, в первую очередь объектов культового и гражданского зодчества, а также декоративно-монументального творчества, весьма кра-

ток и фрагментарен. Иные из составляющих этого списка давно утрачены: так обстоит дело в особенности с православными храмами. Достаточно упомянуть о том, что в годы советской власти (а именно в 1930-х гг.) были снесены упомянутые нами выше Матфиевская церковь и Троицкий собор. Их отсутствие до сих пор зияет пробелом на культурной карте города на Неве. Другие объекты перестраивались или же создавались заново. Достаточно вспомнить о том, что фигура Самсона, раздирающего пасть льву, которой мы любуемся в наши дни, стоя у Большого петергофского каскада, — по сути дела, уже третья в ряду похожих друг на друга, однако отнюдь не идентичных скульптур, начатом Б. Растрелли и продолженным М. И. Козловским, примеры легко умножить. Все эти объекты как бы погружены в атмосферу современного мегаполиса и его ближних пригородов, связи между ними истончились и прослеживаются, а иногда и угадываются с трудом.

Вместе с тем проведение систематической мысленной реконструкции как бы высветляет эти связи и позволяет установить, что сеть памятников архитектурного и монументального искусства, хранящих память о событиях, казалось бы, давно прошедшей Северной войны, в сущности, сохранилась в достаточной целостности и полноте, а обращение к памятникам литературы, музыки, живописи позволяет наполнить ее звуками и красками. Комплекс памятников материального и нематериального наследия, посвященных событиям и результатам Северной войны, представляет собой ценную часть общероссийского культурного наследия, подлежащую всемерному сбережению, охране, а если получится, то и ревитализации.

Список литературы

1. Антонов В.В. Матфиевская церковь // Энциклопедия Санкт-Петербурга. 2015. URL: <http://www.ensspb.ru/object/2804010185?lc=ru>.
2. Антонов В. В., Кобак А. В. Святые Санкт-Петербурга : историко-церковная энциклопедия. СПб. : Изд-во Чернышева, 1994. Т. 1.
3. Заварихин С.П. Явление Санктъ-Питеръ-Бурха. СПб. : Стройиздат, 1996.
4. История Северной войны 1700–1721 гг. / отв. ред. И. И. Ростунов. М. : Наука. 1987.

5. *Каганович А.Л.* Медный всадник : История создания монумента. Л. : Искусство, 1975.
6. *Корх А. С.* Петр I. Северная война 1700–1723. М. : Внешторгиздат, 1990. С. 114.
7. *Павлов А.П.* Храмы Санкт-Петербурга : художественно-исторический очерк. СПб. : Лениздат, 1995.
8. *Спивак Д.Л.* Метафизика Петербурга : Начала и основания. СПб., Алетейя, 2003.
9. [Сампсониевский собор : официальный сайт]. URL: <http://sampsyny.ru/>.

Треушников И. А.

РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ФИЛОСОФИИ ВСЕЕДИНСТВА

Аннотация. Автор обращает внимание на актуальность вопроса об особенностях русской цивилизации. Обсуждение данного вопроса активизировалось в последний период времени. Это обусловлено как политическими обстоятельствами, так и логикой развития общественного сознания, что требует философского анализа. Обращение к философии всеединства позволяет сформировать представление об идеальных основах духовной культуры народа, которые обеспечивают своеобразие русской цивилизации.

Ключевые слова: культурно-цивилизационная идентичность России, русская религиозная философия, философия всеединства, философия истории, духовная культура, религия.

Треушников Илья Анатольевич, доктор философских наук, доцент, начальник кафедры философии Нижегородской академии МВД Российской Федерации. E-mail: treushnikovilya@mail.ru

Treushnikov I. A.

THE RUSSIAN CIVILIZATION THROUGH THE LENS OF THE ALL-UNITEDNESS PHILOSOPHY

Abstract. The author draws the readers' attention to the urgent issue of the unique features of the Russian civilization. The discussion of this question has become more active in the present period. It is caused by the political circumstances as well as by the logics of how develops the collective consciousness. Comprehension of the distinctive features of the Russian civilization requires a philosophical analysis. Turning to the philosophy of all-unitedness allows shaping understanding of ideal foundations of the spiritual culture of a people which provide the identity of the Russian civilization.

Keywords: cultural and civilization identity of Russia, Russian religious philosophy, philosophy of unitotality, philosophy of history, spiritual culture, religion, principal aspects.

Treushnikov I. A., PhD Associate Professor, Head of the Chair of Philosophy at Nizhny Novgorod Academy of Ministry of Foreign Affairs of Russia. E-mail: treushnikovilya@mail.ru

Дискуссия о русской цивилизации активизировалась в настоящий период времени под влиянием как политических процессов, связанных с нарастанием напряженности между основными игроками на международной арене, так и под влиянием возрастающего интереса к самобытным корням духовной культуры, противопоставляемых универсалистской западноориентированной модели. Современный период, характеризующийся возрастанием активности в сфере возрождения национальной культуры многих малых народов, ставит новые задачи и перед крупными социальными общностями, создавшими самобытные цивилизации, оказавшие и продолжающие оказывать существенное влияние на мировое развитие. На современном этапе наша страна в очередной раз попала в условия серьезного давления со стороны внешних сил, что актуализировало все аспекты обеспечения цивилизационной идентификации России. Обсуждение этих вопросов ведется в научном сообществе достаточно интенсивно (см., напр.: [10, 15]). Мы полагаем, что в центре общественной системы стоит человек с его интересами, способностями и всем духовно-культурным укладом. Так или иначе, проблема цивилизационной идентификации должна замыкаться на человеческой личности. Хотя следует признать то, что большинство исследователей обращают первостепенное внимание на институционализированные пролонгации человеческого бытия, выражающиеся, прежде всего, в социальных и политических системах. Одним из наиболее значимых элементов этих систем, конечно, выступает государственность, которая чаще всего представляется исследователями в качестве наиболее заметной манифестации национального интереса и цивилизационной определенности. Однако коль скоро цивилизация выступает социокультурным феноменом, мы должны уделить первостепенное внимание проблемам духовной культуры.

Ключевой вопрос для отечественного самосознания заключается, на наш взгляд, в формировании представлений об идеальных основах собственно русской цивилизации. Утверждение цивилизационной идентичности для России в современном глобальном мире требует философского обоснования. История России всегда

давала пищу для размышлений над проблемой соотношения универсальных и специфических начал в жизни народа и государства. В силу геополитических и культурно-цивилизационных особенностей развития нашей страны, постоянно воспроизводится возможность для философского дискурса проблемы цивилизационного выбора России, при этом, несмотря на изменение конкретно-исторических условий, актуальность ее не снимается и не снижается. Осмысление соотношения универсального и особенного в истории нашей страны выступает одной из важнейших проблем в рамках философии всеединства. Данная проблема носит историософский характер и выливается в рефлексирование соотношения европейской и русской духовных культур, что представляется одним из аспектов темы «Запад — Россия — Восток», вокруг которой во многом строится отечественная философия истории. По всей видимости, мысль С. Н. Булгакова, высказанная в 1912 г., звучит современно и в настоящий момент: «Нам приходится стоять перед лицом мощной западной культуры в полном ее расцвете, нам необходимо, кроме того, учиться у нее, известным образом усвоить ее. Но даже самое это усвоение не есть процесс только механический, а требует органической ассимиляции. <...> Перед нами опять стоит антиномия славянофильства и западничества, в новой лишь ее постановке» [1, с. 14].

Актуальным представляется, на наш взгляд, обращение к идеям представителей так называемой философии всеединства. Основоположителем ее считается В. С. Соловьёв. Его последователями являются П. А. Флоренский, С. Л. Франк, Л. П. Карсавин, Н. О. Лосский, С. Н. Булгаков. Взгляды С. Н. Трубецкого, Е. Н. Трубецкого, Лопатина, Эрн, С. А. Алексеева (Аскольдова), Лосева и многих других философов близки к философии всеединства. Представления о сущностном единстве мира, заложенные в основания их метафизических конструкций, определяют известную близость онтологических и гносеологических взглядов данных мыслителей. Идейными предшественниками философии всеединства можно считать А. С. Хомякова и И. В. Киреевского. Они развивали учение о соборности как гармоничном единстве во множественности, отнесенном к социальной и церковной сферам, и концепцию «живознания» (представление о синтетическом пути познания бытия «целостным духом», сливающим волю, веру, любовь, рассудок). В философской системе Соловьёва эти кон-

струкции развиваются в целостное всеохватывающее понятие «положительного всеединства», приобретающее космический статус. Антиномии играют большое значение в построениях философов школы всеединства. Прибегать к ним мыслители вынуждены в стремлении обосновать сущностное *единство* мира и его реальное *многообразие*. Следует полагать, что принципы всеединства оказали существенное влияние на формирование историософских взглядов представителей данной философской школы.

Интересно обратить внимание, вытекает ли из схожести базовых оснований философских систем близость историософских воззрений основателя и весьма типичных, на наш взгляд, представителей философской школы всеединства на проблему определения особенностей русской цивилизации. Для названных выше авторов Запад и Европа могут рассматриваться как идентичные понятия. Речь следует вести о соотношении духовно-религиозных особенностей названных культур, о влиянии европейской цивилизации на Россию; эти темы тесно связаны с представлением о месте в мировой истории нашей страны, православия и христианства в целом. В XIX в. полемика славянофилов и западников привела к выводу данной проблематики на концептуальный уровень. Содержание спора можно свести к вопросу о соотношении универсального и специфического в духовной культуре русского народа, что позволит определить особенности собственно русской цивилизации.

Идейный основатель философии всеединства в этой дискуссии занимал позицию, определяемую его универсалистскими установками. Убеждение в том, что «субъектом исторического процесса является *всё человечество*», высказанное мыслителем в обширном введении к статье «Философские начала цельного знания», по мнению В. В. Зеньковского, было всю жизнь присуще Соловьёву. Испытавший определенное влияние славянофильства, мыслитель настороженно относится к Западу, но, заявляя о негативном отношении к западной цивилизации, уже в «Чтениях о Богочеловечестве», появившихся на рубеже семидесятых — восьмидесятых годов девятнадцатого века, отмечает, что следует вдыхаться в «великий смысл отрицательного западного развития, великое назначение западной цивилизации». Очень скоро от этих осторожных замечаний Соловьёв перейдет к более серьезным расхождениям со славянофилами. Основным камнем преткновения

выступит оценка самой основы развития европейской цивилизации — католической религии, безоговорочно осуждавшейся «московскими мыслителями». В отличие от них, Соловьёв, стоя на позициях христианского универсализма, отказывается признать католицизм злом и, следовательно, рассматривать православие как единственно верное исповедание.

В основе своеобразного отношения Соловьёва к Европе лежат его представления о формировании общественного идеала и роли христианства в истории. В работе «Великий спор и христианская политика» мыслитель отмечает: «Основание восточной культуры — подчинение человека во всем сверхчеловеческой силе; основание культуры западной — самодеятельность человека» [7, с. 20]. Запад, таким образом, жил свободой, доходящей до произвола, основанной на культе совершенного человека, а Восток, не признавая совершенства в человеке, искал совершенного Бога. Однако человеческий произвол Запада, не имеющий нравственного содержания жизни, с необходимостью привел к идее соединить совершенного человека и совершенного Бога. С другой стороны, Восток в поисках совершенного Бога не смог найти его без идеи человека. Итак, с разных сторон Запад и Восток приходят к одной идее — к идее *Богочеловека*.

Возникает единство Запада и Востока в форме государственной в лице Римской империи, с одной стороны, и в форме религиозной в лице христианства — с другой. Христианство со своей стороны способствует перерождению государства, сообщая ему положительную цель в добровольном служении Богу и церкви. Раскол христианской церкви привел к противоестественной борьбе между частями католического единства, нарушению идеала христианско-универсалистской модели общественного развития, строящейся философом исходя из идеи положительного всеединства. Христианский мир ждет объединения свободного и духовного, а не «внешне-принудительного». Когда это произойдет, возникнет «вселенская богочеловеческая культура». Базой для нее должно явиться восстановление церковного единства христианского мира. «...Совершение Церкви, — восклицает Соловьёв, — есть *свободная теократия*» [7, с. 113]. Мыслитель не выступал сторонником повторения западного пути, им владела идея универсального богочеловеческого единения, от этого идеала отклонилось как западное, так и русское общество. Соловьёв утверждает

русский народ и Россию как силу мессианскую, способную снять противоречие между Востоком и Западом, являясь проводником истинной религиозности. Русская цивилизация в модели Соловьёва превращается в основание мировой цивилизации. Мыслитель в контексте своей историософии вполне логичен, но логика его не разделяется даже последователями.

В частности, Флоренский отмечал принципиальное отличие православной культуры от западной — католической и протестантской. Давая характеристику западному жизнепониманию, философ отмечал, что в его основании «лежит категория вечно-сти». Очевидно, что идеи соборности и личного духовного совершенствования, развиваемые Флоренским и признаваемые им в качестве положительных задач России, не позволяют философу разделить позицию Соловьёва, считавшего, что «зло русской жизни» — в недостатке европейского содержания, и сближают его с идеей славянофилов об особом историческом пути России. Между тем, и Соловьёв был далек от масштабного оправдания западной культуры. Прежде всего, он отделял религиозный период развития Европы от периода секуляризма. Основные негативные черты Запада проявились именно во второй период. Основные добродетели западного человека, по мнению Соловьёва, — «независимость и энергия; пороки — личная гордость, склонность к самоуправству и раздорам». Пороки были в некоторой степени купированы в ходе распространения христианства, но в период нового времени индивидуалистические черты вновь стали доминировать в Европе.

Таким образом, корни европейской цивилизации — христианские, и она сохраняет еще способность быть проводником вселенской истины. В статье «Славянский вопрос», направленной против славянофильствующих авторов, Соловьёв спрашивает: «Но какая же Европа гниет — христианская или анти-христианская?» По мнению мыслителя, Россия и славяне должны не сменить Европу, а *«исцелить»* ее. «Если западная цивилизация не закончила своего развития, и мы не знаем ее результатов и пределов, то на каком основании будем мы отнимать у нее общечеловеческий, вселенский характер?» — резонно спрашивает Соловьёв [9, с. 59]. По мнению мыслителя, это тем более актуально, что европейская христианская культура стала общечеловеческой, проникла даже в пределы восточных цивилизаций. В этих условиях

Россия, как страна христианская, просто обязана, отбросив свой национальный эгоизм, положить себя на алтарь христианского универсализма.

Вся история России, по мнению Соловьёва, доказывает, что акты национального самоотречения выступают факторами прогрессивного развития страны. Вся история взаимодействия Запада и России показывает, что, как только страна пыталась уйти с генерального пути развития общечеловеческой цивилизации, она оказывалась в кризисе, напротив, все самые блестящие подъемы России связаны с активным принятием универсальной культуры. В статьях «Национальный вопрос в России» Соловьёв раскрывает панораму исторических шагов русского народа, направленных на выбор позитивных исторических задач. Первым таким шагом было призвание варягов, в результате чего была создана русская государственность. Следующим шагом было принятие христианства — приобщившего Русь к универсальным ценностям. Междоусобица и монгольское завоевание вызвали великое дело национального освобождения и объединения, которое было проведено под руководством московских князей.

Страна совершила еще один исторический шаг, но опасность подстерегала Московскую Русь. Добившись национального самоопределения, великое княжество, а затем царство Московское выпало из общего процесса развития христианских стран. Идея совершенствования была утрачена и заменена идеей традиции, приводящей к застою. Государство приняло восточные черты. Духовный кризис не заставил себя ждать. Россия получила от Византии православие уже в X в. По мнению Соловьёва, византийское православие к этому времени сумело довольно далеко отойти от вселенской христианской истины, превращая «вселенское предание» в «предание *местной старины*». Тенденции церковной исключительности были генетически заложены в русском христианстве. После подпадения Константинополя под власть турок (XV в.) эти негативные тенденции усилились и укрепились. В результате Россия превращалась в восточную державу, повторяя пагубный путь Византии, ведущий к пропасти. Как видим, Соловьёв далек от идеализации Московской Руси, что было в значительной степени характерно для славянофилов. Он весьма резок в оценке попыток церковных реформ XVII в. и негативно относится как к «староверческой китайщине», так

и к политике Никона, этой, по словам Соловьёва, «пародии на средневековое папство».

Примечательно, что представление о духовном кризисе московского общества мы встречаем и у Флоренского. Говоря о разложении средневекового миропонимания, Флоренский был далек от мысли, что во всех бедах России виновато западное влияние, но он отмечает определенный параллелизм в этом процессе в Европе и в нашей стране. «Разложение онтологического миропонимания, называемое на Западе Возрождением, в несколько ослабленном виде и с некоторым запозданием происходило также у нас, — считает мыслитель. — Этот процесс чрезвычайно нагляден, <...> духовное вытесняется плотским, истина — домыслами, созерцание — рассудочностью, непосредственность святости — условностью» [12, с. 561].

Идеальным периодом в истории нашего государства, по мнению мыслителя, выступает время Преподобного Сергия и его живейшего влияния (XIV–XV вв.). В дальнейшем всё яснее становятся видны признаки духовного разложения, результат — события Смутного времени. После воцарения Романовых общество на некоторое время стабилизировалось, но, не остановив процесса разложения онтологического миропонимания, не смогло гарантировать себя от новых культурных катастроф. Процессы, происходящие в церковной организации в России во второй половине XVII в., философ характеризует как поверхностные попытки, с одной стороны, путем мелких реформ убрать некоторые противоречия в культе (сторонники Никона), а с другой стороны, законсервировать «церковную жизнь недавнего прошлого» (сторонники Аввакума).

Принципиальные расхождения между взглядами Соловьёва и Флоренского мы видим в оценке петровских реформ. В многочисленных работах Соловьёв восторженно отзываясь о преобразованиях Петра Великого как о необходимом акте национального самоотречения. Страна не утратила динамизма своего развития. «Идея совершенствования спасла Россию». Как видим, и в этом случае философ, по выражению А. Ф. Лосева, «...формулировал необходимость общественно-политического прогресса вместо византийского антихристианского застоя» [6, с. 21]. Реформы Петра I вновь развернули Россию в сторону общечеловеческой цивилизации. Идеи прогресса по-прежнему живы в России, со-

временной Соловьёву. Это доказывает отмена крепостного права и буржуазные реформы последней трети XIX в. Россия, пишет Соловьёв, «на деле признала то нравственное начало, которое обязывает к деятельному добру, к действительному исправлению и совершенствованию народной жизни» [8, с. 302]. Мыслитель поддерживает либеральные преобразования, обращение к благам европейской цивилизации — образованию и техническим усовершенствованиям.

Флоренский, напротив, полагает, что эпоха Петра I оказала сильнейшее разрушительное влияние на миропонимание народа. «Разорив православный быт, реформа Петра нанесла сильный удар православию, лишив его, по крайней мере в городах и образованном классе, его тела — быта», — пишет Флоренский в статье «Православие», отмечая, что в дальнейшем православный быт разрушается в ходе развития капитализма [13, с. 662]. Именно реформы способствовали массированному вторжению в русскую культуру западноевропейской. Этот процесс наложился на развитые настроения людей, стремящихся поставить вселенскую церковность на второстепенное место или не учитывать ее совсем, на первое место ставя себя, опираясь на веру в то, что русский народ «есть прирожденно-христианский народ, особенно близкий к Христу» [11, с. 544–545].

Обе эти тенденции проявились и слились в русской истории. С одной стороны, идея богоизбранности русского народа, с другой — идея новой западноевропейской культуры без Бога, взаимно переплетаясь, разрушили в народном сознании ценности православной культуры и привели к началу XX в. к общенациональному кризису и революциям, выступившими катализаторами этого процесса и в дальнейшем. Эти взгляды Флоренского явно противостоят воззрениям Соловьёва на характер духовного творчества русского народа. Творчество народа, по мысли основателя философии всеединства, не должно быть направлено внутрь, напротив, духовную активность русского общества необходимо развернуть в сторону общечеловеческих христианских начал, сохраняющихся в Европе. Россия не должна быть только Востоком, ее задача — интеграция духовных сил всего христианского мира. В иных исторических условиях Флоренский предложит иной путь выхода из духовного кризиса. В трактате «Предполагаемое государственное устройство в будущем» он отверг демократизм и пар-

ламентаризм европейского образца и предложил построить государство на принципах изоляционизма, «предоставляя Западу идти своим путем разложения». Даже принимая во внимание особые условия создания рассматриваемого трактата¹, можно отметить, что Флоренский достаточно логичен в рамках своей концепции. Коль скоро Запад не встает на путь духовного возрождения, то Россия может самостоятельно двигаться в направлении духовного совершенствования.

Пример поиска определенного баланса показывает нам Булгаков, выступая сторонником христианской религиозности и открытости для экуменического общения. Сама Европа, по мнению Булгакова, несмотря на успехи в техническом развитии, стоит на пороге кризиса, порождаемого духовным упадком. «Господство утилитаризма и упадок личности угрожают подорвать хозяйственное развитие, как этого начинают опасаться уже относительно Англии и еще более относительно Франции с ее хозяйственным застоем» [3, с. 363]. Однако Булгаков довольно часто повторяет, что европейские народы не утратили связи со своими религиозно-духовными корнями. Поэтому негативные тенденции, развивающиеся в Европе, не столь опасны, как те, что имеют место в России, которая, благодаря своей интеллигенции, перенимает худшие проявления европейской цивилизации. Российская интеллигенция, по мысли Булгакова, усваивает новейшие политические и социальные идеи Запада «в связи с наиболее крайними и резкими формами философии просветительства». Не улавливая корни европейской цивилизации, интеллигенция утрачивает

¹ Работа создавалась в специфических условиях. Она написана в 1933 г. в качестве следственных материалов по делу «национал-фашистского центра» и «партии возрождения России», руководство по которым инкриминировалось Флоренскому. Уже одно это заставляет относиться к трактату с некоторой осторожностью. Не исключена возможность того, что Флоренский сознательно пытался сблизить по форме положения своей концепции с политической реальностью СССР начала 30-х гг., с целью введения в заблуждение следователей. Современный исследователь игумен Андроник считает, что трактат отца Павла — полноценная научная работа, в которой автор, пользуясь последней полученной возможностью, изложил свои политико-правовые воззрения.

и свои. «Поэтому в борьбе за русскую культуру, — пишет Булгаков, — надо бороться, между прочим, даже и за более углубленное, исторически сознательное западничество» [14, с. 149].

Тема интеллигенции для мыслителя вообще является одной из самых актуальных, особенно до принятия им священства. Именно интеллигенция, по мысли Булгакова, выступает той силой, которая проводит в сознание русского народа чуждые ему идеалы, черпая их преимущественно в Европе. Философ считает, что «...судьбы Петровой России находятся в руках интеллигенции... Она есть то прорубленное Петром окно в Европу, через которое входит к нам западный воздух, одновременно и живительный, и ядовитый» [14, с. 140]. При этом образованный слой России религиозно преклоняется перед Западом, создавая себе утопическое представление о нем и даже не желая как следует узнать его.

Реальный Запад, по мнению Булгакова, при всем его хозяйственном и политическом могуществе, гибнет в пучине мещанства и бездуховности. Но при ближайшем рассмотрении Запад, считает Булгаков, «...во всяком случае сохраняет для нас значение школы, в особенности в области всего, что касается *техники* жизни... Но Запад не является уже для нас ни совершеннейшим, ни единственно возможным воплощением культуры» [2, с. 120]. Подобное взвешенное отношение к достижениям европейской цивилизации не характерно для большинства представителей российской интеллигенции.

Таким образом, мы видим, что представления о духовных основах русской цивилизации формируются у представителей философии всеединства в контексте модели культурного взаимодействия Запада и России. Соловьёв выступает за синтез культур на основе межконфессионального объединения. Булгаков — за ассимиляцию достижений западной культуры, что хорошо видно из выдержки, приведенной в начале статьи. Флоренский, выступая апологетом исторического православия, оказывается сторонником изоляционизма. Принадлежность к философии всеединства не предопределяет однозначного решения проблемы «Запад — Россия». Однако при детальном рассмотрении заметно, что представления указанных авторов растут из одних корней и тяготеют к одной цели. Отношение мыслителей к Западу определяется масштабом влияния религии на культуру Европы. Мыслители, несомненно, сходятся во мнении о негативных основаниях евро-

пейской культуры Нового времени. В данном контексте осмысление универсальности и специфичности духовной культуры России осуществляется с точки зрения соответствия идеалу вселенской истины.

В конечном итоге все исследуемые мыслители уповают на возрождение религиозной жизни. Соловьёв предвосхищает, Флоренский и Булгаков переживают катастрофические события начала XX в. и указывают одну из главных причин этих событий — понижение нравственности и упадок духовной активности. Их идеи представляются значимыми и в настоящее время, а попытка избежать крайностей славянофильства и западничества заслуживает глубокого изучения. Несмотря на различие в решении тех или иных проблем, мыслители в конечном итоге стремились показать пути совершенствования общества, актуальные и на современном этапе. Глубокий положительный смысл их интуиций заключается в том, что призвание русского народа состоит не в подавлении других народов и самовозвеличивании, но в актуализации идеала гармоничного единства во множестве, идеала соборности, идеала любви, идеала богочеловечества. Данный идеал, однако, рассмотренные выше мыслители понимали несколько ограниченно, с точки зрения современного момента. Упование на православную и даже христианскую религиозность с необходимостью сводило духовные основы русской цивилизации к конфессиональным границам. Это создавало бы известное напряжение при обосновании единства цивилизационного конгломерата, сформировавшегося на базе русской духовной культуры, но включающего в себя в качестве существенных и нехристианские элементы. В России, как известно, есть и свой «Восток». Осознание этого обстоятельства при рассмотрении вопроса об особенностях русской цивилизации сквозь призму философии всеединства вынуждает нас обратить внимание на творчество представителей данной школы, которые были близки к историософии евразийства.

Полагаем, что именно евразийская концепция позволяет обнаружить неплохой ресурс для поддержания идеи межнационального и межконфессионального единства как основы русской цивилизации. У истоков евразийства стояли Н. С. Трубецкой, П. Н. Савицкий, П. П. Сувчинский, Г. В. Флоровский. Последний достаточно быстро покинул ряды приверженцев движения и стал суровым критиком его доктрины. В разработке евразийской идео-

логии принимали творческое участие Н. Н. Алексеев, Г. В. Вернадский и др. В качестве идеолога к движению примыкал крупный философ, принадлежащий к философской школе всеединства, — Л. П. Карсавин. Оценки факта евразийского увлечения Карсавина часто весьма негативны (особенно это касается его сближения с левым крылом движения). Полагаем, что присоединение Карсавина к евразийскому движению, конечно, не было обусловлено исключительно случайными обстоятельствами. Особенности личности мыслителя теснейшим образом связаны с его философией и его судьбой. Следует заметить, что Карсавин первоначально был в числе скептически настроенных по отношению к евразийской концепции авторов.

Нам историософия евразийства особенно интересна в той ее собственно философской части, которая и была сформулирована Карсавиным — представителем значимого направления в истории русской философии, называемого философией всеединства. Поскольку история мыслится Карсавиным как развитие всеединого субъекта, постольку все его проявления обладают ценностью. В воззрениях мыслителя о специфике русской культуры большое значение имеет концепция симфонической личности. «Для нас Россия — Евразия не случайный продукт взаимной борьбы между нациями, социальными группами, индивидуумами, а живое, органически раскрывающееся целое. Как же может оно не обладать единой волей и единым мирозерцанием, не отвлеченно единым, не лично, а соборно-единым? Отрицать это — значит, отрицать истину...» — утверждал мыслитель [5, с. 137]. Культура, таким образом, — личное иерархическое многоединство. Однако в силу принципа совпадения противоположностей часть должна проявлять через себя черты целого. «Так, евразийская русская культура может обладать личным бытием своего субъекта только потому, что она своеобразно осуществляет человечество, “сама осуществляется в ряде своеобразных личностей или наций”» [5, с. 120].

В современной ситуации особое значение приобретает философский фундамент, на котором должно выстраиваться обоснование идеи межэтнического и межконфессионального мира, что позволит сформировать представление о единстве русской цивилизации в общественном сознании. Концептуальные установки философии всеединства достаточно продуктивны для решения обозначенной задачи. Особенно они актуальны для такого много-

единства, как Евразия. Народы России — Евразии оказываются не просто суммативной системой, объединенными лишь общей исторической судьбой, но и взаимосвязанными и даже взаимобусловленными частями целого. При этом связи между элементами многоединства опосредованы центром, и потому ценность каждого равнозначна.

Россия в евразийской модели предстала в качестве культурно-этнического единства, обладающего особыми самобытными качествами. Открыто проявилась тенденция к интеграции с восточными народами при сохранении достаточно четкой демаркации и неприязни по отношению к западной культуре. Особо следует подчеркнуть то, что евразийская философия истории позволяет рассматривать как гармоничный элемент русской цивилизации и восточные культуры, вовлеченные в отечественный историко-культурный контекст. Примат целого над частями, вообще характерный для философии всеединства, не приводит к нивелированию различий между культурами-личностями. Современному российскому общественному сознанию необходимо философское обоснование интегрированной идентификации для многоконфессионального и многонационального сообщества.

Не трудно заметить то, что и евразийцы и Карсавин выступают за обоснование особого, отличного от западного, пути развития России. Философское осмысление этого особого пути рассматривается как одно из генеральных направлений русской философии истории. «Как бы то ни было, — писал Карсавин в эссе «Без догмата», — развитие русской историософии пошло по пути, намеченному славянофилами; и мы затруднились бы найти в русской литературе какую-нибудь ценную историософскую концепцию, кроме славянофильской. <...> Русская историческая наука уклонилась от того задания, которое поставила перед нею устами славянофилов русское национальное самосознание» [4, с. 452–453]. В третьем десятилетии XX в. мыслитель обозначает новый уровень постановки проблемы исторического призвания России и новой трактовки антиномии «Запад — Россия». «Проблема “Россия — Европа” через проблему “Россия — Азия” расширяется в идею России — Евразии, как особого культурного мира и особого континента. А в связи с этим само национальное сознание получает новый смысл, уже не позволяющий сопоставлять это сознание с “ограниченным и местным национализмом Европы”».

Актуальность рассмотренной философской концепции иллюстрирует обращение к ней в последнее десятилетие со стороны значительного числа мыслителей и общественных деятелей. Решая собственные, прежде всего политические задачи, они не представляют собой сколько-нибудь согласованного движения и зачастую, как справедливо отмечают современные исследователи, «не столько развивают, сколько отрицают многие идеи классиков евразийства», вместе с тем сохраняя с ними «определенную духовную преемственность». Это обстоятельство определяет задачу более глубокого осмысления философского и философско-политического наследия евразийского движения, избегающего произвольных упрощений и ориентированного на формирование продуктивной философии истории, которая позволит последовательно обосновывать национальную целостность России и сформировать устойчивое представление об идеальной модели русской цивилизации как гармоничном единстве во множественности, как проекции актуального всеединства в историческую реальность.

Список литературы

1. *Булгаков С.Н.* Два Града. Исследование о природе общественных идеалов. СПб., 1997. 589 с.
2. *Булгаков С.Н.* Душевная драма Герцена // Сочинения : в 2 т. / вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. И.Б. Роднянской. М., 1993. Т. 2. С. 95–130.
3. *Булгаков С.Н.* Народное хозяйство и религиозная личность // Сочинения : в 2 т. / вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. И.Б. Роднянской. М., 1993. Т. 2. С. 343–367.
4. *Карсавин Л.П.* Без догмата // Сочинения / сост., вступ. ст. и прим. С.С. Хоружего. М. : Раритет, 1993. С. 443–458.
5. *Карсавин Л.П.* Основы политики // Мир России — Евразия : Антология / сост.: Л.И. Новикова, И.Н. Сиземская. М. : Высшая школа, 1995. С. 110–154.
6. *Лосев А.Ф.* Творческий путь Владимира Соловьёва // Сочинения : в 2 т. / В.С. Соловьёв. Т. 1 / сост., общ. ред. и вступ. ст. А.Ф. Лосева и А.В. Гулыги ; прим. С.Л. Кравца и др. М. : Мысль, 1988. С. 3–32.
7. *Соловьёв В.С.* Великий спор и христианская политика // Собрание сочинений : в 10 т. / под ред. и с прим. С.М. Соловьёва и Э.Л. Радлова. 2-е изд. СПб., 1911–1914. Т. 4. С. 3–114.

8. *Соловьёв В. С.* Византизм и Россия // Собрание сочинений : в 10 т. / под ред. и с прим. С. М. Соловьёва и Э. Л. Радлова. 2-е изд. СПб., 1911–1914. Т. 7. С. 285–325.
9. *Соловьёв В. С.* Национальный вопрос в России // Собрание сочинений : в 10 т. / под ред. и с прим. С. М. Соловьёва и Э. Л. Радлова. 2-е изд. СПб. : Просвещение, 1911–1914. Т. 5. С. 3–401.
10. *Треушников И. А.* Культурно-цивилизационная идентичность России: опыт обоснования в русской религиозно-философской традиции // Русская цивилизация в исторической ретроспективе и перспективе : материалы круглого стола на VI Санкт-Петербургском культурном форуме (ноябрь, 2017). М. : Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева, 2017. С. 123–131.
11. *Флоренский П. А.* Записка о православии // Сочинения : в 4 т. / сост. и общ. ред. игумена Андроника (А. С. Трубачева), П. В. Флоренского, М. С. Трубачевой. М., 1996. Т. 2. С. 537–546.
12. *Флоренский П. А.* Записка о старообрядчестве // Сочинения : в 4 т. / сост. и общ. ред. игумена Андроника (А. С. Трубачева), П. В. Флоренского, М. С. Трубачевой. М., 1996. Т. 2. С. 560–563.
13. *Флоренский П. А.* Православие // Сочинения : в 4 т. / сост. и общ. ред. игумена Андроника (А. С. Трубачева), П. В. Флоренского, М. С. Трубачевой. М., 1994. Т. 1. С. 638–662.
14. Христианский социализм (С. Н. Булгаков) : Споры о судьбах России / редактор-составитель, автор предисловия и комментариев В. Н. Акулинин. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1991. 350 с.
15. Цивилизационный суверенитет России: глобальные угрозы и стратегические перспективы : материалы всероссийского круглого стола // Философские исследования и современность. Москва, 2018. С. 223–244.

Царенко С.А.

ОБЩИЕ КУЛЬТУРНЫЕ ИСТОКИ
РУССКОЙ РАВНИНЫ И ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ РОССИИ.
К РАЗРЕШЕНИЮ ПРОБЛЕМЫ
КОНФРОНТАЦИОННОГО ПРИСВОЕНИЯ КУЛЬТУРЫ
РУСИ ЕЕ НАЦИОНАЛЬНЫМИ НАСЛЕДНИКАМИ

Аннотация. Страна Русь — территориальная система и *геодуховная* целостность национальных самобытностей Русской равнины и солидарных культур Материка под защитой Российской Федерации. Предназначение, т. е. призвание России, по определению В. С. Соловьёва, «религиозное в высшем смысле этого слова» — покровительство всем духовным самобытностям, спасительный покров для культур, их эстетическое восприятие, исповедальное единение и миродержавная интеграция национальных государств.

Ключевые слова: Русь, территориальная система, Русская равнина, традиционное государство, призвание, геодуховная целостность.

Царенко Сергей Александрович, кандидат архитектуры, Винницкий областной краеведческий музей, старший научный сотрудник. E-mail: tsarrost@gmail.com

Tsarenko S.A.

GENERAL CULTURAL SOURCES OF THE RUSSIAN PLAIN
AND THE MISSION OF RUSSIA.
TO THE RESOLUTION OF THE PROBLEM
OF CONFRONTATIONAL APPROPRIATION
OF THE RUS' CULTURE BY ITS NATIONAL HEIRS

Annotation. Country Rus — the territorial system and geospiritual integrity of the national identities of the Russian Plain and the solidarity cultures of the Mainland under the protection of the Russian Federation. Destination, vocation of Russia, as defined by V.S. Solovyov, “religious in the highest sense of the word” is the patronage of all spiritual identities, the saving cover for cultures, their

aesthetic perception, confessional unity, and the world-power integration of nation-states.

Keywords: Rus, territorial system, Russian plain, traditional state, vocation, geo-spiritual integrity.

Tsarenko Serhii Alexandrovich, PhD in Architecture, Vinnitsa Regional Museum of Local Lore, Senior Researcher. E-mail: tsarrost@gmail.com

Исследуя ареалы расселения и культурное наследие в соответствии со своей научной специализацией — историко-градостроительной и реставрационной, я убедился в важности исторического знания, адекватного прошлой или длящейся динамике и соответствующего исторической перспективе. В свое время Иван Ильин емко обозначил и вызовы прошлого, и перспективу, как он подчеркнул, «всенародного воспитания и культурного обновления». Наиболее полной картине освоения территорий соответствует предпринятый нами междисциплинарный синтез сведений из археологии, археографии подлинников, местной топонимики и символики, в особенности геральдической, как отображений и уточнений двух предыдущих блоков информации.

Архитектура, или *зодчество* (в восточнославянских языках), как искусство создания пространства жизнедеятельности (строительными и связанными средствами) и социально ориентированное профессиональное мировоззрение требует мыслить типологически, образно и системно. Пространство всегда — иерархичное целое. Его типология функциональна, образы духовны, все уровни взаимосвязаны. Касательно зодческой иерархии пространства один из «отцов-основателей» Музея архитектуры имени А. Щусева, выдающийся теоретик Александр Габричевский в статье «Архитектура» начала 20-х гг. XX в. выдвинул замечательный тезис: «Культурный человек окружен целой **системой** выразительных оболочек, располагающихся концентрически вокруг его тела как верховной ценности (начиная с одежды и кончая зданием, городом и т. п. вплоть до данного представления о **мироздании**)» [1, с. 4]. Конечно, не тело человека самоценно — такой атеистический эстетско-плотский гуманизм, или скорее крайний гедонизм, безбожен и бесперспективен, — и культурный человек может являться не «верховой ценностью», но одним из центров этой иерархии в совместном

творчестве с людьми и для людей, как одухотворенный зодчий мироздания, причастный Божественному Промыслу и призванный к *мирозданию*. Ведь относящееся к сотворению Мира «**призвание** в бытие вселенной или одного из миров ее» — это и есть мирозданье [2, с. 331], творческий процесс и зодческий результат созидания культурного пространства. В духовном отношении все люди независимо от профессионального призвания и, кстати, независимо от национальности — соратники созидательного творения Мира.

По Владимиру Далю, «мирозданный» — это относящийся к сотворению Мира; в этом смысле наш *мирозданный* отечественный удел — это иерархическое культурное пространство Русской равнины и сопредельных регионов Материка вокруг исторической Руси. Хотя сегодня на поляризованном националистическом фоне всё это не столь очевидно, именно за наследие Руси сражаются и в прямом, и в переносном смысле все нынешние восточнославянские националисты.

Своеобразное возрождение примитивно-рационалистического национального самосознания и создание наших национальных государств на постсоветском пространстве — на самом деле геополитический анахронизм, повтор славянских культурных состязаний XIX в., пусть и необходимый, верится, высшему Промыслу для кристаллизации духовных смыслов Руси, примеры которых мы рассмотрим. Однако весьма характерно, что это наследие, объективно общее и для белорусов, и для русских, и украинцев, и карпатских русинов, а также для представителей всех солидарных с ними национальностей материковой Страны, определяет сегодня местными историками и политиками, соответственно, как «старобелорусское», «древнерусское», «древнеукраинское» («давньоукраїнська» спадщина — українською мовою) или «русинское». Например, в Национальном историческом архиве Беларуси их старейший документ — пергамент 1391 г. из Подольской земли, подписанный в Смотриче, — аннотируют как написанный «старобеларускою мовою».

Эта националистическая конфронтация, начавшаяся, пожалуй, с появления в академических кабинетах странного, сугубо литературного и слишком условного термина «Киевская Русь», перешедшего в воображаемую «Русь-Украину», застилает собой реальную фактологию нашей общей территориальной системы.

А именно, общность географическую, экономическую, градостроительную и, главное, духовно-смысловую.

Заметим прежде всего, что этимологически и фактически *народ* как духовный фактор исторического расселения, как деятельное *народонаселение* — явление многонациональное. Хотя и консолидируемое вокруг наиболее универсального межнационального ядра, образно говоря, общего духовного стержня и душевного поля. Так, по-немецки душа — *Seele* [зѳлэ], как бы «жила», и, может быть, поэтому Вальтер Шубарт назвал Россию «душой Востока» [6]. В представленной «Князь-грамоте», как ее называли белорусские журналисты, языковые среды прошлого уже лексически синтезированы и оформлены кириллицей. Эти языковые среды, в которых происходило освоение Русской равнины, всегда были (и остаются) полиэтническими и многоконфессиональными. Тем не менее наше древнее традиционное государство — династическое до 1917 г. — изначально выстраивалось по принципу хозяйственного *наряда*, выдававшегося династом в интересах общего блага. В подольской «Князь-грамоте», кроме «князя-господаря», подписавшего этот, по сути, подтверждающий «привилей» от имени Литовского династического государства, упоминается и загадочная «княгиня Андриянова Винницкая», аутентично — «Веиницкая». И конечно, как бы ни хотелось считать современный украинский город *Вінниця* таковым именованием со времен энеолита, тоже у нас представленного археологически, от первоначального имени города и реки, образующей междуречье Южного Буга — древней реки Бог — Вѣнїчя, ныне р. Винничка. Одно из многих письменных свидетельств — в летописном Списке городов Руси. Динамика изменений этого древнего наименования вполне соответствует и этнокультурной динамике, и сменам этнополитического стержня в течение развития города, края, всей Страны. А общий для Русской равнины культурно-хозяйственный исток запечатлен в священных гидронимах и функциональных именовании сел, например принадлежавших княгине Винницкой, супруге Андрияна Мстиславича, внука св. Михаила Черниговского из так называемых «младших Ольговичей». Князь на Руси — зодчий народа и душа земли, сопрягающий свои усилия со всеми ее духовными смыслами.

Столь откровенно и просто сформулированная в летописном сообщении о **призвании**, подчеркнем, князей принципиальная

важность княжеского *наряда* для организации освоения территории — «земли великой и обильной» — проистекает не только и не столько из традиции единоначалия (притом при безусловно договорных, партнерских, демократических отношениях правителя с народом), сколько из священного значения династа. Как раз в качестве народного олицетворения того самого, по Владимиру Сергеевичу Соловьёву, познающего и организующего жизнь начала, синтезирующего «вдохновение, то есть действие высших идеальных существ на человеческий дух», «из одного мистического центра» [5, с. 321].

Понятие «наряд» как поручение сохраняется в русских армейских уставах и, до недавних пор, было в нашей строительной отрасли, как, например, в документе, связанном с последней княгиней Подольского края — хозяйкой Немирова Марией Григорьевной Щербатовой. Немиров, как и Винница, расположен в среде выдающейся священной топонимики.

На региональном уровне примеры из исторической Подольской земли, побывавшей в составе постордынской Брацлавии и так называемого литовского Подолья, затем Брацлавского и Подольского воеводств Речи Посполитой и в составе Подольской и Киевской губерний Российской империи, напрямую связаны с легендарным Русским Полем. Русское Поле — образ из «Слова о полку Игореве» и былинных текстов, впрочем имеющий конкретную территориальную привязку благодаря упомянутому Списку городов Руси XIV в. Этот документ, отражавший как раз права Православной церкви в лице митрополита Киприана, называет *роуьськыѣ грады* этой региональной группы *польскими*, т.е. находящимися на *Поле*. Название «Подолье», «Подольская земля», как и «Русь Дольная» — от дороги *Великий Дол*, вокруг которой возрождались *грады* Поля после Батыева погрома; интересно, что летописное Галицкое Понизье на Днестре с центром в Бакоте стало частью подольской территории. Разумеется, существуют объективные системообразующие параметры этого историко-географического и градостроительного региона. Из культовых центров Поля — Подолья привлекает внимание святилище, хронологически многослойное, на речке Бушанка, что западнее реки Русавы, в долине Мурафы. Над притоком последней — Бушанкой расположен известный и по-своему уникальный архитектурно-археологический объект — скальный храм с так называемым Бушанским рельефом.

Одноименное село Буша, ныне Ямпольского района Винницкой области, является бывшей крупнейшей крепостью украинского казачества; территория осваивалась с энеолита, большинство находок связаны с трипольской археологической культурой.

Зафиксированная археологами древняя резная надпись на песчанике, ныне выветрившаяся, когда после открытия (1883) скального храма В. Антоновичем объект в течение почти всего XX в. стоял под открытым небом, содержит «протокириллические» символы с явно выраженным слогом ОЛЪ или ОЛ. Этот памятник интерпретируют по-разному. Однако если иметь в виду наличие на рельефе «кельтического», так сказать, Бога-оленя, покровительственно ожидающего появления новой души над фигурой роженицы, что перед погибающим безлистным «деревом жизни» с петухом — славянским символом победы света над тьмою — предстоит с чашей «живой воды», готовой возродить увядшее дерево, то нельзя не обратить внимание на гидроним *Бушанка* — *Буша*. Ему соответствуют подольская *Ушица* — еще один приток Днестра западнее, набережная *Ушій* в альпийской Лозанне и река *Уша*, на которой стоит белорусский Несвиж — источник титула князя Фёдора Несвижского, отчича Винницкого, скорее всего, внука или внучатого племянника Винницкой княгини. Семантические соответствия Уши — наши Рша, она же Рось, Орша в Беларуси, белорусские же Гольшаны, или Альшаны, — родовые для Винницкой княгини, принцессы Ольшанской Елены Борисовны, или Оль-Гамантовны, судя по Никоновской летописи. Объединение в Бушанском памятнике образа Оля или Ольга-Вседержителя, который есть «всё» и собственно «Бог» для целой группы материковых языков, с образом послеведийской *Ушій*, связанной с ведийской Ушас — «Солнечной Водой Жизни», матерью богов, спутницей и как бы ипостасью ведийского владыки небес Вáруны, следует считать знаковым.

Во-первых, префиксации б- или д- с корнем «уш» свидетельствуют о рождении в древней материковой, условно «кельто-киммерийской» среде славянского слова «душа» (ударение чаще на первый слог, хотя по-русски, по-украински или по-белорусски устоялся как бы «романский» второй ударный слог). Во-вторых, вслед за киевским языковедом Виталием Скляренко необходимо понимать происхождение северных *руссов* или *руян*, по-немецки *ругов*, как происхождение «рутенское» кельто-западнославян-

ское, точнее, галльско-западнославянское, а их родственников южных россов (азовско-черноморских) или, по Иордану, «росо-монов» — галльско-алано-восточнославянское; балтийские же в́аряги — с ударением на первом слоге — собирательное название славяноязычной, вплоть до конца X в., сословной группы защитников балтийского славянства [4, с. 109, 113]. В-третьих, полянская «божественная русалка» *Кый-Вѣла или «Кыява» — женская ипостась *града Кыева* (что над ручьем *Кыянка*), соответствующая шумерской Кубабе или латинской Кибеле, явно соответствует и своей западной сопернице Варшаве — «матери городов» для Польши. Наконец, объединение этнокультурных исповеданий, осуществленное в Киевском «пантеоне» Владимира Великого в пору осмыслений и озарений восточнославянской речи в поляно-росо-аланской среде, князя не удовлетворило, и наиболее родственным для своего народа интегратором он воспринял Солнце Христа. Христианский крест и увенчал «богородичные» сармато-полянские княжеские знаки Руси, в особенности ставшие «знаменами» Святославичей-Ольговичей.

Призвания защитников — в Прибалтике В́АРЯГИ, КÓЛБЯГИ, а на юге Русской равнины КÓЗАКИ (защитник покомански, т. е. в тюркоязычной среде) — характерные *солнечные* образы Руси и России, ее политического и духовного наследия. Все упомянутые сословные группы были связаны с воинским призванием, главным образом — *защиты религиозного чувства*, и с различными промыслами за счет каботажного плавания, походного либо торгового, по рекам и вдоль морских побережий.

Если на местном уровне культовые гидронимы обеспечивали духовное осмысление и преемственность общины в освоении территории, то на уровне материковой Страны такими системообразователями духовного и, одновременно, экономического значения были крупные речные пути Руси. Наиболее важный пример — путь из В́аряг в Греки. Это подлинно Провиденциальная артерия, символизирующая наше духовное движение от ведийского В́аруны ко Христовому «Солнцу Любви» (образ у В. С. Соловьёва). Физически торговый путь, называемый отечественной летописью «из В́аряг в Греки», по свидетельству Адама Бременского, начинался в Старграде (Ольденбурге), проходил через Волин в дельте Одры, обходил Юго-Восточную Прибалтику и «через четырнадцать дней от Волина достигал **страны Русь**», где находилась «митрополия

Киев, соперник константинопольского скипетра, краса и слава Греции» [3].

Страна РОУСЬ как традиционная цивилизация, или преемственный *градострой*, — это территориальная система и *геодуховная* целостность национальных самобытностей Русской равнины и солидарных культур Материка под защитой Российской Федерации. Предназначение, т. е. призвание России, по определению В. С. Соловьёва, «религиозное в высшем смысле этого слова» [5, С. 238–239] — покровительство всем духовным самобытностям, спасительный покров для культур, их эстетическое восприятие, исповедальное единение и миродержавная интеграция национальных государств. Во времена Соловьёва — в имперские времена, — как и на вершине времен союзных, наша территориальная система включала всю летописную Русь. Это *светлое* имя по-прежнему священный символ и образный политоним, родной для всех наследников *русичей*.

Преодоление националистической розни и созидательная, *мирозданная* интеграция нашей объективно общей Страны как народнохозяйственной территориальной системы и целостности солидарных культур существенно зависят от адекватности терминологии и соответствующих публичных политических определений. И научная терминология, и публичная сфера нуждаются в исторической аутентичности, т. е. подлинной точности и коррекции, прежде всего, на основе этимологии русского и других славянских языков, в том числе и на основе лингвистического анализа наших взаимных заимствований в родственных языковых средах Материка, с разработкой недвусмысленного междисциплинарного понятийного аппарата. Он необходим и архитектурно-градостроительной деятельности, преемственно развивающейся только в системе исторического знания. Точность и общность научной терминологии — ключ к взаимопониманию мыслящих людей Отечества и культурному единению Страны.

Список литературы

1. *Габричевский А. Г.* Теория и история архитектуры : Избранные сочинения / под ред. А. А. Пучкова. К : Редакция журнала «Самватас», 1993. 302 с.
2. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. СПб., 1881. 779 с.

3. *Моця О.П.* Середньовічні порти Східної Європи: деякі відмінності на річках та морях // Археологія. 2015. № 2. С. 66–78.
4. *Скляренко В.Г.* Русь і варяги : Історико-етимологічне дослідження. Ін-т мовознавства ім. О.О. Потебні НАН України. Київ : Довіра, 2006. 119 с.
5. *Соловьёв В.С.* Три силы ; Философские начала цельного знания // Собрание сочинений ; в 10 т. 2-е изд. Т. 1. Спб., 1911. 407 с.
6. *Шубарт В.* Европа и душа Востока. М. : Русская идея, 2000. 446 с.

Цветаева М.Н.

РУССКАЯ КУЛЬТУРА НА ПЕРЕЛОМАХ ИСТОРИИ: ФИЛОСОФИЯ ТРАГИЧЕСКОГО

Аннотация. На настоящем этапе актуален глубокий анализ исторического и трагического опыта нации в контексте базовых категорий русской культуры, определяемых христианской онтологией и антропологией. В статье кратко анализируются следующие аспекты: сотериологическое, онтологическое, символическое, литургическое, психологическое, нравственное, анагогическое. Аскетическая практика и литература Святых Отцов Церкви утверждают основания и смысл бытия — свидетельствовать об Истине, Красоте и Благе. При этом особая роль отводится искусству, взаимодействию древнерусского и классического периода. На примере творчества И. Никитина и В. Сурикова раскрываются глубинные смыслы личности и истории, его духовно-нравственные основания. Всемирно-историческое значение русской художественной культуры заключено в ее пророческих образах.

Ключевые слова: Богопознание, богоборчество, философия трагического, онтология, духовно-нравственная проблематика, христианская методология и онтология, сотериология, И. Никитин, В. Суриков.

Цветаева Марина Николаевна, доктор культурологии, кандидат искусствоведения, профессор кафедры «Музейное дело и охрана памятников» Института философии Санкт-Петербургского государственного университета, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7. E-mail: mtsvetaeva@rambler.ru

Tsvetaeva M. N.

RUSSIAN CULTURE AT THE GREAT OF THE CHANGE HISTORY: PHILOSOPHY OF TRAGEDY

Abstract. A profound analysis of modern culture, in the context of its foundations and connection with the previous tradition defined by Christian ontology and anthropology, is very important for the time

being. These include soteriological, ontological, symbolical, liturgical, psychological, ethical, and anagogical aspects. Ascetic practices and patristic literature state that the basis and the meaning of culture are to witness the Truth, Beauty and Good. The important role is to the art and its interaction of old Russian and Classical period. On the examples of works I. Nikitin and V. Surikov reveal the deep senses of personality and History, and its spiritual problems. The historical meaning of Russian culture is in its prophetic images.

Keywords: the knowledge of God; apostasy; spirit and body integrity; spiritual problems; Christian methodology and ontology; soteriology; I. Nikitin; V. Surikov.

Tsvetaeva Marina Nicolaevna, PhD, associate professor, Philosophy Department, Saint Petersburg State University, 7 Universitetskaya embankment, Saint Petersburg, Russia. E-mail: mtsvetae-va@rambler.ru

На современном этапе для художественной культуры необходимо осмысление национальной истории и идентичности в контексте духовно-нравственной проблематики христианского мировоззрения, ценности и смыслы которого формировали нацию на протяжении тысячелетий. Эта традиция должна стать определяющей для идеологического, социально-политического и культурного развития.

Онтология русской художественной культуры определяется христианской гносеологией: фундаментальным значением духовно-нравственных ценностей. Центральное место в древнерусской культуре принадлежит душе, о которой сказано в Евангелии: «Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? или какой выкуп даст человек за душу свою?» (Мф. 16, 26), поэтому в русской культуре огромная роль принадлежит исповеди как форме национального самопознания и духовстроения.

Для отечественной культуры, переживающей как процессы обновления, так и кризисные явления, связанные с ослаблением духовно-нравственного миропонимания, размытостью национальных идей, актуально раскрытие духовно-нравственных традиций, консолидирующих многоэтничный и поликонфессиональный состав нации в единое духовно-историческое и культурное целое. Созидательный и трагический опыт русской истории, отраженный в образах культуры, дает возможность осознать процессы современности, ее деформации и кризисы.

Для современной культурологии и искусствоведения плодотворно сотрудничество искусства с философией, религией, богословскими науками. Этот междисциплинарный синтез помогает раскрыть национальную психологию, генезис духовных смыслов, читаемый в его образно-тематической, жанровой и формально-эстетической эволюции. Обращение к христианской антропологии и онтологии определяет важнейшие направления исследования светской культуры. К ним относятся — онтологический, сотериологический, символический, нравственный, психологический, литургический и анагогический планы.

Категории целостности и развоплощения, словоцентризм, райскость, логосность, софийность, как и их антитезы: хаос, абсурд, деструкция, лабиринт, — визуальные образы «Все» и «Ничто» являются не столько интеллектуально-теоретической и эстетической проблемой, системой богословского дискурса, сколько выстраданным содержанием духовной жизни.

Взаимодействия религиозного и светского мировосприятия позволяют расширить толкование исторического опыта. Онтология русской художественной культуры раскрывает зарождение, развитие и трансформацию ценностей христианства. При этом особый интерес представляют «узловые», кризисные и переломные эпохи, отражающие смену нравственных приоритетов.

Вне осознания таких черт, как соборность, культ святости, жертвенность, «всемирная отзывчивость», веротерпимость, сформированных православием, нам не понять подвиг новомучеников XX в. — века войн, революций, неизмеримых страданий людей, переживших муки ГУЛАГа, блокады. Не понять вопрос, актуальный для современников: что или кто помогал выжить человеку в нечеловеческих условиях? Не понять смысла истории, как искать согласия в обществе, соединив несоединимое — «палачей и жертв»? Примирить людей, существующих на разных мировоззренческих позициях? Для одних — Бог, для других — красота музыки Чайковского в лагерном репродукторе, соединение «и боли, и света, и крови, и смеха, и страсти» [1, с. 3], когда не было быта и надежды, а жизнь — была (К. М. Маркман).

В тропаре, посвященном Собору новомучеников и исповедников российских, поется: «Днесь радостно ликует Церковь Русская, яко мати прославляющи новомученицы и исповедницы свои: святители и иереи, царственные страстотерпцы, благовер-

ные князи и княгини, преподобные мужи и жены, и вся православная христианская, во дни гонения безбожного жизнь свою за веру во Христа положившая и кровью Истину соблюдшая. Тех предстательством Долготерпеливе Господи, страну нашу в Православии сохрани до скончания века».

Смысл личной и общественной истории в христианском миропонимании заключен в Богообщении и соборном единении с теми, кто устоял в Истине-Христе, сохранил веру. Как учит библейская история, трагизм бытия заложен в конфликте земного и небесного, временного и вечного. На переломах истории обнажается духовно-нравственное состояние человека, переход от горизонтально-земного к вертикальному плану бытия, встреча не с античным хаосом или роком, определяемым языческий трагизм, а с живым Богом.

Светотень русской истории, национального самопознания и духовно-душевного мира отражены в высказываниях людей, «которые пережили то, чего мы больше всего боимся» [1, с. 3] Несколько цитат из книги **«58-я. Неизъятые»** [1], посвященной судьбам людей, переживших ГУЛАГ. Одни из них сидели по политической 58-й статье, другие — охраняли, лечили, конвоировали. «Неизъятые» оказывается не только прошлое, его боль и груз, но и настоящее, требующее духовно-нравственного осмысления. «Отечественная история — это не какой-нибудь очередной “единый учебник”, не история абстрактных идей, царей, войн, бунтов, побед и поражений, а история реальных людей... Лишь такая история, заставляющая нас содрогаться, сопереживать, вглядываться в чужие лица, припоминать... может чему-то научить» (Лев Рубинштейн). «Мы продолжаем растить детей во лжи и забвении, в позорном разврате равнодушия — и почему-то полагаем, что кары не будет... Эта книга про страну-амнезию. Страну, которая так и не захотела посмотреть в глаза своим жертвам. Страну, где палачам хочется поговорить о своей работе с пионерами... Надо уходить из этого мира. В какое-то новое человеческое время или новое пространство... Но — оглянуться, непременно оглянуться, чтобы окаменеть от ужаса и стыда...» (Виктор Шендерович).

История ГУЛАГа хранит пронзительные исповеди людей, разнящихся в социальном, нравственно-психологическом, образовательном и духовном основании: были начальники, которым заключенные говорили «спасибо», врачи, которые «соревновались,

у кого на дежурстве никто не умрет» (с. 241). Очень часто заключенные существовали в постоянном абсурде. По свидетельству Е. А. Власовой, «был у нас как-то расстрел. А что за расстрел? Да просто увезли да расстреляли» (с. 157). Священники рассказывали, что «чувствовали Бога так, как если бы он был со мной в камере» (с. 161), или горькие слова В. А. Булгакова: «Свобода была только под землей» (с. 233); И. С. Вербловской: «...ощущение абсурда не проходило» (с. 315).

Чтобы понять историю XX в., ее революции и войны, репрессии и национальный геноцид, онтологию и психологию человеческой природы в ее бесконечности во зле и добре, необходимо заглянуть в прошлое. В контексте христианской онтологии и антропологии остановиться на пророческих образах русской культуры, культурно-религиозных смыслах, соединяющих древнерусскую и классическую культуру.

Гениальный художник XVIII в., петровский пенсионер Иван Никитин, сын священника, в портретном искусстве пророчествовал о русской истории, ее драматических переломах и антиномиях. В лучших работах («Портрет Петра I в круге», «Напольный гетман», «Портрет канцлера Г. И. Головкина») он старался проникнуть в невидимое, быть его молчаливым созерцателем, оставаться наедине с моделью. Его духовно-эстетическим манифестом стал «Портрет Петра I в круге» (нач. 1720-х гг., ГРМ).

Выбирая круг, Никитин помнил о его символических и композиционных особенностях, выраженных в иконописи. Круговая композиция отражала созвучие и единство, целостность и гармонию — «дыхания небес». В картине Никитина композиционный круг приобретает иные смысловые оттенки. Изображая Петра I, не торжественно и не велеречивого, без орденов и мантии, художник, может быть единственный в русском искусстве, увидел душевные раны императора, страдающую личность. За умом, волей, энергией Отца Отечества, Петра Великого, Императора Всероссийского, проглядывает двойственность, «раздор» души, одиночество и крестное бремя власти. Изображение лица на темном фоне обнаружило два онтологически противоположных понятия — свет и тьму. Как важнейшее средство психоанализа, светотень обнажила двойственность, трагическую противоречивость внутреннего мира. Пришедший на смену золоту иконописи, его светоносной силе и энергии, темный фон означал «падение с небес», сошествие

в земную юдоль. Связанный с жестокостью многих преобразований, черный цвет стал метафорой власти, о которой спорили западники и славянофилы. Лицо Петра, изображенное в круге, воплощало образ и мучителя, и преобразователя, и жертвы, и палача. Композиционный круг стал символом антиномий души, существованием двух природ — земной и небесной; символом разъединений — религиозных, социально-политических, нравственно-психологических, разделяющих общество и человека.

Онтология «черного» определяется зримыми глубинами, аффектами, тайнами подсознания, цветом пороков и страстей, обугливающих душу. Так данная «иконография» стала образом будущих революционных преобразований, олицетворяла слом корневой системы в пространстве личности и русской действительности XVIII–XX вв.

Опыт самопознания пролегал через опыт смут, расколов и войн, позволяя понять национальные типы духовности. На современном этапе необходимо по-новому осмыслить онтологические пласты древнерусской культуры, созидавшей на протяжении веков нацию, ее духоустроение, душевно-эстетические особенности, представления об Истине, Красоте и Благе.

В древнерусской культуре, творчестве великих иконописцев, преподобного Андрея Рублёва выразилась национальная молитва, вознесенная к Богу, пророческий талант, позволяющий понять смысл истории и страданий.

Осмысляя переломы истории и ее духовно-ключевые этапы, необходимо обратиться к эпохе преподобного Сергия Радонежского — времени созидания Руси, ее исторического государства, но и духовного преображения общества, начала нравственного возвышения нации, воплощенного в восточном христианстве и принципах исихазма. Какая эпоха окружала преподобного Сергия, что видел и чувствовал игумен Русской земли, молясь в лесной глуши? «Вблизи вой зверей да “стражи бесовские”, а издали, из мест, населенных людьми, доносится стон и плач земли, подневольной татарам. Люди, звери и бесы — всё тут сливается в хаотическое впечатление ада крошечного. Звери бродят стадами и иногда ходят по два, по три, окружая святого и обнюхивая его. Люди беснуются, а бесы, описываемые в житии, до ужаса похожи на людей. Они являются к святому в виде беспорядочного сборища, как “стадо бесчислено”, и разом кричат на разные голоса: “Уйди,

уйди из места сего! Чего ищешь в этой пустыне? Ужели ты не боишься умереть с голода либо от зверей или от разбойников душегубцев!» Но молитва, отгоняя бесов, укрощает хаос и, побеждая ад, восстанавливает на земле тот мир человека и твари, который предшествовал грехопадению». [7, с. 50–51].

Вертикальный формат истории учит соединять времена, эпохи, героев. В иконописи соединенные любовью к Богу и человеку святые, составляя собор, сосуществуют вне пространственно-временных, исторических и географических границ.

В древнерусской культуре показано, как в опыте жертвенной любви и молитве соединяются мученики и мучители. В иконах, посвященных страстотерпцам и великомученикам разных времен, мы видим, по крестной муки Христа, дар святости воздействовать и одухотворять мир. В последней клейме иконы «Георгий в житии» кровь святого Георгия падает на мучителя, соединяя «жертву и палача» в неразрывном единстве.

Митрополит Антоний приводит пример священника, попавшего в заключение совсем молодым и вышедшего на свободу разбитым человеком. Когда его спросили, что осталось от него, он ответил: «Ничего не осталось от меня, они вытравили буквально всё, осталась только любовь» [4, с. 18]. Или пример человека, вернувшегося из Бухенвальда, считавшего свои страдания ничто по сравнению с сокрушением о несчастных немецких юношах, которые могли быть так жестоки, и что он не находит покоя, думая о состоянии их душ. В архивах немецкого концентрационного лагеря найдена молитва, написанная заключенным евреем, молившимся за своих врагов, как молились за них мученики и страстотерпцы всех времен:

«Мир всем людям злой воли! Да престанет всякая месть, всякий призыв к наказанию и возмездию... Преступления переполнили чашу, человеческий разум не в силах больше вместить их. Неисчислимы сонмы мучеников... Поэтому не возлагай их страдания на весы Твоей справедливости. Господи, не обращай их против мучителей грозным обвинением, чтобы взыскать с них страшную расплату. Воздай им иначе! Положи на весы, в защиту палачей, доносчиков, предателей и всех людей злой воли, — мужество, духовную силу мучимых, их смирение, их высокое благородство, их постоянную внутреннюю борьбу и непобедимую надежду, осушавшую слезы, их любовь, их истерзанные, разби-

тые сердца, оставшиеся непреклонными и верными перед лицом самой смерти, даже в моменты предельной слабости... Положи всё это, Господи, перед Твоими очами в прощение грехов, как выкуп, ради торжества праведности, прими во внимание добро, а не зло! И пусть мы останемся в памяти наших врагов не как их жертвы, не как жуткий кошмар, не как неотступно преследующие их призраки, но как помощники в их борьбе за искоренение разгула их преступных страстей. Ничего большего мы не хотим от них. А когда всё это кончится, даруй нам жить как людям среди людей, и да возвратится на нашу исстрадавшуюся землю мир — мир людям доброй воли и всем остальным...» [4, с. 18–19].

Изображение жестокости, насилия, уродливых явлений нравственной жизни, как правило, характерно для переломных эпох, обнажающих трагическое мирозерцание (нашествие иноземцев, церковный раскол, Петровская эпоха, революция 1917 г.). У каждой нации есть свой тип, образ и порог страданий и милосердия. Для языческого мышления и культуры характерно приоритетное значение насилия, кровавая жертвенность: убийства, культ войны, пытки, казни. Сравнивая искусство Египта и Ассирии, средневековую немецкую или древнерусскую живопись, мы острее чувствуем национальную специфику. Например, ассирийскому искусству было свойственно изображение жестокости, кровавой охоты, отвечавшее воинственному духу этого народа. Кровавые обряды и ритуалы, жертвоприношение людей и животных, отражая демонологию, влияли на язык искусства, его тематику, характер форм и образов. Африканские и австралийские маски, скульптура и живопись раскрывали темную духовность.

Генетически воздействуя на русское искусство, православие задавало ему психологический строй, философию и сострадательную образность. Даже в самых трагических сюжетах, изображенных в искусстве, нас не покидает утешение — отзвук где-то существующей гармонии, отсвет иных отношений, иной, более радостной и возвышенной реальности. Например, в драматической картине В. Г. Перова «Утопленница» на дальнем плане застыл, изобразился в дымке сказочный город-видение. Красота раннего утра, его прозрачность, зыбкость воздушного пространства растворяют боль, придают сцене почти ирреальный, сверхземной характер. Фигура полицейского, его силуэт, погруженность в себя наполняют холст глубокими интонациями и раздумьями,

переносящими в незримую даль, размышлениями о мире, судьбе человека, трагической «земной юдоли».

Мир, как пишет схиигумен Псково-Печерского монастыря Савва (в миру — Остапенко, 1898–1980), находится в состоянии дремоты, греховного сна, спит. «Будит его Бог войнами, моровыми поветриями, пожарами, бурями сокрушительными, землетрясениями, наводнениями, неурожаями... Увы! Не слышит он гласа Божия! Люди почивают на одре лени, самообольщения...» [6, с. 281]. Раскрывая домостроительство, Священная история говорит о путях спасения, об освобождении от власти тьмы, хрупкости и промежуточности всего земного.

Каждое стилистическое направление русской культуры давало свою версию истории; заостряло внимание либо на ее космичности, зависимости от стихий, панкосмического кругооборота природы, непредсказуемого и рокового, как в романтизме, либо на ее бесконечности в материалистическом понимании, когда история не имела ни начала, ни конца, но могла менять свое течение под действием «человеческого прогресса», либо история понималась в религиозно-символическом смысле — историко-эсхатологически.

По своей онтологической сути исторический жанр в литературе и искусстве тяготеет к притче и аллегории, к религиозным и эпическим мистериям, к метафорическим образам — к библейским архетипам. Изображая драму земного, художник в историческом произведении показывал главного героя на перепутье, в момент выбора, смертельной опасности, выбора добра или зла, вечной жизни или духовной смерти. Истинные герои истории — созидатели, преображающие мир. Их антиподы — бунтари, боготорцы, нигилисты, разрушители, толкающие всех в пагубу, во «тьму кромешную». Это маргиналы, безумцы всех мастей: раскольники, самозванцы, вольно или невольно обманутые, тираны и лжепророки.

Сугубо национальное мироощущение и отношение к историческому прошлому России нашли выражение в творчестве гениального мастера исторического жанра — Василия Сурикова. Суриков шел по великим историческим личностям, его герои — титаны, влияющие на ход истории: боярыня Морозова, стрельцы, Петр I, царевна Софья, Суворов, Разин, Ермак. Все они в центре национального мироощущения. В свете их личностей и действий отражается национальная психология, ее контрасты. Их образы

в народном творчестве всегда оценочно, эмоционально окрашены: добрые и злые, слабые и бесстрашные; взятые на переломах истории, они ищут истину.

В картине «Утро стрелецкой казни» художник говорит о нерасторжимом единстве всех живущих, о всечеловеческой значимости праведных и грешных. Размышляя о религиозно-нравственной сути петровских преобразований, об их цене для народа перед судом Божиим, судом потомков, Суриков отодвигает личность Петра на дальний план, сделав главным героем не власть, а смерть, боль и страдание. «Не убий» — гласил духовный закон. Но человеческая, земная правда редко совпадает с правдой Божией. Несмотря на то что в масштабах государства правда за Петром, а стрельцы — бунтовщики, Суриков живописно показал то, о чем пророчествовал Ф.М. Достоевский в «Преступлении и наказании»: убийство способно породить только новое убийство; со злом невозможно бороться злом. Топор Раскольникова падает на Елизавету — невинную жертву, за которой могли быть и другие. Суриков увидел внутреннее неразрывное единство палача и жертвы; он увидел это в судьбах убиенных стрельцов, через боль и страдания матерей, жен, детей. Для него очевидна правда «малой Церкви», которая больше государства и его железной воли. Стрельцы — бунтовщики, но... кто, кроме Бога, вправе лишать их жизни — казнить, судить, миловать? Отодвинув Петра на дальний план, Суриков художественно и композиционно лишает его правды высшей. Не вознося стрельцов, не героизируя их личности, он говорит о незыблемости милосердия, милости к падшим. Стрельцы — жертвы, не безвинные, но в России всегда было право миловать: милость — выше суда, любовь — выше возмездия. Сострадание и милосердие — основы христианства, ибо «Мне отмщение, Аз воздам». Изображенный на дальнем плане собор Василия Блаженного молчаливо вторит, служит зримым напоминанием о том, Кто содержит всё в Своей руке, — напоминанием о вере и духе страны, где происходит казнь. Собор — не фон, а «плоть» божественная, ключ к пониманию концепции [9, с. 206–207].

Раскрывая особенности национального мироощущения — мышление родством, общинностью, «семейственностью», генетическая основа которых глубиннее и выше западноевропейского рационализма, культа государственности, Суриков будто бы предчувствует будущие разломы, кровавое колесо истории.

Убийство повергает убийцу в «огненные муки», огонь, который «горит и не сгорает». Душевно-физиологическое состояние убийцы гениально описал Ф. М. Достоевский. Убивая старуху, Раскольников ударом топора как бы раскромсал свою душу, он себя убил: всё в нем начало содрогаться, распадаться, рассыпаться, дробиться. Сила мышления ослабилась, раздробилась, ум помрачился. Из всех сил он напрягается, чтобы собрать свои душевные силы. Он почувствовал в себе самый страшный беспорядок... Такого страшного чувства и странного он ранее никогда не ощущал. Достоевский пишет, что всего мучительнее в нем было скорее ощущение, чем сознание, чем понятие: «непосредственное ощущение, мучительнейшее ощущение из всех до сих пор жизнью пережитых им ощущений... Это новое катастрофическое чувство своей болью сокрушает тело и кости в нем, расстраивает нервы, помрачает мысли, отлучает душу от тела. Это чувство постепенно перерастает в огонь, в котором Раскольников горит и не сгорает. Всё в нем раздваивается и рассыпается на какие-то кусочки, мельчайшие, как атомы; похоже, что всё его существо становится сыпучим как живой песок; и нет в нем мира, более того, он не знает, что это такое — мир. Его личность потеряла свое основание...» [5, с. 82–83].

В картине есть еще один персонаж, вводящий иное измерение, — иностранный посол. Через него мы видим Россию в ином опыте, иными глазами, не понимающими и не принимающими ее. В его позе, взгляде, облике всё указывает на непонимание и неприятие России, людей, нравов, характеров, конфликта — всего того, что, с точки зрения иностранца, не соответствует нормам человеческой морали и цивилизации.

«Романная драматургия» исторического жанра в живописи, слово, сказанное Суриковым, художественно завершает эпоху социально-философского портретирования, поиска масштабных личностей, героев на переломах — искусства, соединившего форму психологического портрета, бытовой и исторической драмы.

Особая роль в исторических полотнах у Сурикова принадлежит пейзажу и национальной архитектуре, сообщающим действию монументальность и величие. История для Сурикова — это возможность анализа духовно-исторического пространства нации, ее прошлого и будущего, связи предков с потомками. Выходя на соборную площадь, в центр российского мироздания, художник

соединяет историю личности и народа в многофигурную композицию национальных характеров. Осмысляя историю Руси через религиозный опыт и раскол, через диалог православия и протестантизма — диалог философский и духовно-психологический, Суриков осмысляет разницу «закона и благодати», сокровищ небесных и земных. Власть и народ — извечная несовместимость духа Христова с образом мира, свидетельствующие о земле как о месте духовной брани, выбора и роковой свободы. Совмещая проповедь и исповедь, Суриков почувствовал корень личной трагедии и Петра I, и народа — разрыв в Духе, неизбежно приводящий к буйствам, смутам, революциям. Изменив православие, Петр изменил себе, пережил личную трагедию, когда сын проклял отца, а отец казнил сына [9, с. 208].

Концепция истории, пространственное — диагональное — развитие многофигурных композиций у И. Е. Репина, В. Г. Перова, В. И. Сурикова указывали еще на одну национальную особенность — этос долготерпения, смиренное ношение креста, «туги» жизни. Икона взывала к Небу, исторический жанр — к анализу земного в контексте религиозных истин.

Подводя итог анализу русской культуры, отражающей исторический опыт и философию трагического, необходимо выделить основные для гуманитарной науки смысловые центры, связанные с христианской антропологией, актуальные для современной гуманитарной науки. Значения Слова-проповеди и слова-покаяния, животворящего и созидającego, характерны для культуры, хранящей, по слову апостола Павла, способность «слышать неизреченные слова» (2 Кор. 12, 2,4), возводя душу к горнему.

Темы покаяния, исповедальности, смысла страданий и кардинальных вопросов бытия находят свое воплощение в творчестве многих великих мастеров искусства, литературы, поэзии, музыки, таких как преп. А. Рублёв, И. Никитин, И. Репин, В. Серов, М. Врубель, Гоголь, Достоевский, Толстой, Шмелёв, Булгаков. Тайна человека, его «лица-лика» связана с уникальностью и неповторимостью личности. По слову псалмопевца, каждый человек «имеет сердце, созданное Богом “наедине”», и как таковое оно неповторимо. Созидаясь многими поколениями, русская культура впитала огромный потенциал христианского миропонимания, сформировавшего национальные архетипы, нравственные и эстетические идеалы. Ее порой противоречивое взаимодействие с ре-

лигиозными традициями отражает духовно-нравственные перемены и трансформации общественного сознания.

На рубеже XIX–XX вв. многие религиозные философы, например Н. А. Бердяев, осмыслили русскую культуру в контексте религиозного опыта. В работе «Смысл творчества. Опыт оправдания человека» [3] Бердяев выдвигает важнейшие культурно-религиозные сферы, охватывающие все стороны художественной антропологии и творческой деятельности: проблемы искупления и аскетизма, бытия и гносеологии, любви и морали, мистики и магии, вопросы свободы... — всё объемлется творческим актом как актом жизни и философии.

Развивая идеи русских религиозных мыслителей и философов, на современном этапе необходимо обозначить основные сферы национальной культуры: **онтологическое** направление раскрывает духовную призванность личности и нации, ее религиозность и религиозное чувство художника, мировоззрение, философию страданий, его призванность и миссию [8].

Сотериологический план исследования помогает понять смысл жизни как тайну спасения, «облачение» во Христа, связь культуры с культом — для России это православие как образующая религия.

Символический план говорит о связи духовного и земного, временного и вечного. В древнерусском искусстве всё направлено ко Христу: святые, сакральное пространство, цвет, предметность, — всё устремляет к высшей, по сравнению с земной, реальности.

По религиозным заветам **нравственный план** и подлинный смысл культуры — свидетельствовать о победе духа над плотью, грехом и смертью, ибо «дух животворит, плоть не пользует ни мало» [Ин. 6, 63]. Особая роль в русском искусстве принадлежит психологической проблематике. Литература и искусство XIX, творчество Л. Н. Толстого пронизаны психоанализом и панморализмом. Методы психологического реализма помогают выявить исповедальный и проповеднический взгляд на мир, близость автора и зрителя, отразить психологическую проблематику времени, всемирную и всечеловеческую отзывчивость души.

Древнерусская культура взывала к красоте, радости, **астрономическому** (возвышающему), праздничному мировосприятию. Как книга, написанная не буквами, а красками, икона раскрывает

праздник вечной жизни, преодолевшей всё тленное. В православной культуре велика роль эстетического воплощения, принципа калокагатии — красоты добра, сияющей лучезарности, яркой и звучной чистоты, светоносности цвета в сакральном.

В религиозном искусстве **литургический план** указывает на присутствие Небесной Церкви в сакральном пространстве храма, знаменуя единство и неразрывную соединенность божественного и человеческого [2, с. 11]. Эта мечта об «общем делании», духовно-историческом единстве, о соборном всечеловеческом братстве и всеединстве антиномично претворялась в русской культуре, рожденной в недрах православного храма, объясняя ее вечную устремленность к синтезу — религиозному, культурному, психологическому, художественному.

Подводя промежуточный итог, скажем, что анализ русской культуры на переломах истории, отражая трагические сферы бытия личности и общества, раскрывает ее историю как историю духовной жизни нации. Системный и историко-типологический анализ религиозной и светской культуры, основанный на принципе духовно-телесной целостности и христианской трихономии, раскрывает духовно-эстетическую и метафизическую сущность образа, понятия целостности и развоплощения, центростремительные и центробежные процессы в искусстве. Генетически связанная с духовно-психологическими и метафизическими основами религиозного искусства, русская художественная культура обращалась от анализа к синтезу, от дольного к горнему, подводила к поиску целостности, осмыслению духа времени через духовно-нравственный символизм, запечатленный в древнерусской культуре, который поражает нас не столько красотой и эстетическим совершенством, сколько устремленностью к духовному преображению личности.

Метафизическая по своей проблематике культура прозревала мир и его домостроительство. Она восприняла от христианства крест мученичества и сострадание, ибо нет такой муки, которую бы она не показала, защищая добро и правду как высшую божественную ценность, всматриваясь в отчаявшихся, страждущих, безбожников и нигилистов, мучаясь их муками, открыв мир «маленького человека», «униженных и оскорбленных», чтобы научить нас страдать и становиться чище.

Русская культура — пророческая и апостольская, свидетельствовала о Богочеловеке и человекобоге, о всепоглощающей

любви и ненависти, о рае и аде в человеческой душе; обладая поэтико-философским содержанием, она вдохновенно распознала «апологию диавола» и воспела гимн Богу, обнажив метафизические корни истории. Ее всемирно-историческое значение в том, что, воплотив с пророческой, мученической и поэтической силой образы теодицеи и демонологии, она проложила путь к покаянию и преображению.

Список литературы

1. *Артемьева А., Рачева Е.* 58-я. Неизъятые / Анна Артемьева, Елена Рачева. М., 2018.
2. *Архимандрит Рафаил.* О языке православной иконы. СПб., 1997.
3. *Бердяев Н.* Философия творчества, культуры и искусства : в 2 т. Т. 1. М., 1994.
4. *Митрополит Антоний Сурожский.* Школа молитвы. Клин, 2001.
5. *Преподобный Иустин Попович.* Достоевский о Европе и славянстве. М. ; СПб., 2002.
6. *Схиигумен Савва.* «Приими от меня искренний совет» : Основа для спасения. М., 2002.
7. Троица Андрея Рублева : Антология. М., 1989.
8. *Цветаева М. Н.* Онтология русской художественной культуры // Актуальные проблемы теории и истории искусства : сб. науч. ст. 2016. Вып. 6. С. 777–783 («Скопус»).
9. *Цветаева М.Н.* Христианский взгляд на русское искусство: от иконы до авангарда. Изд. РХГА. СПб., 2012.

Шумилин Д. А.

СИСТЕМА ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА
НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
В СФЕРЕ ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ:
ОЧЕРЕДНОЙ КОНФЛИКТ ВОСТОКА И ЗАПАДА?

Аннотация. В статье ставится и рассматривается проблема неэффективности применения к искусствоведению наукометрических требований, актуальных для других, прежде всего — точных наук. Фиксируется проблема отсутствия таких отраслей искусствоведения, как музыковедение, театроведение, киноведение, в проекте «Программы фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период (2021–2035 годы)». Приводятся данные опроса ряда видных европейских и американских музыковедов на тему актуальности для зарубежных ученых проблемы публикации результатов научных исследований в журналах, включенных в базы данных Scopus и Web of Science. В заключение поднятые в статье проблемы ставятся в широкий гуманитарный контекст.

Ключевые слова: фундаментальные научные исследования, Россия, искусствоведение, искусствоведение, наукометрия, качество исследований, цитируемость, международные базы данных, Scopus, Web of Science.

Шумилин Дмитрий Анатольевич, кандидат искусствоведения ФГБНИУ «Российский институт истории искусств», заместитель директора по научной работе. E-mail: deputy@artcenter.ru

Shumilin Dmitry

ASSESSMENT OF SCIENTIFIC RESEARCHES
QUALITY IN FIELD OF ART: IS THIS ANY OTHER ASPECT
OF THE EAST-WEST CONFLICT?

Abstract. The article poses and considers the problem of the ineffectiveness of applying scientometric requirements to art research that are relevant for others branches of sciences. The problem of the absence of such branches of art history as musicology, theater studies, film studies in

the project “Programs of fundamental scientific research in the Russian Federation for the long term (2021–2035)” is fixed. The data of a survey of a number of prominent European and American musicologists on the relevance for foreign scientists of the problem of publishing research results in journals included in the Scopus and Web of Science databases are presented. In conclusion, the problems raised in the article are put in a wide humanitarian context.

Keywords: science, basic research, Russia, art criticism, art studies, scientometrics, research quality, citation, international databases, Scopus, Web of Science.

Shumilin Dmitry, Russian Institute for the History of Arts, Deputy Director. E-mail: deputy@artcenter.ru

В течение последних нескольких лет осуществлялась подготовка проекта новой «Программы фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период (2021–2035 годы)». В проектном документе Программы, представленном Российской академией наук осенью 2019 г. в Правительство Российской Федерации, в качестве одной из основных задач справедливо обозначено «создание междисциплинарного научного задела, обеспечивающего научно-методологический прорыв в сфере общественно-гуманитарных наук, как важнейшего направления развития современного общества»¹, хотя о самих гуманитарных науках в тексте проекта говорится относительно немного.

В обширном проекте «Плана фундаментальных научных исследований на 2021–2035 годы», занимающем 683 страницы, искусствоведение как наука присутствует только в разделе XVI «Российская академия художеств» и отчасти в разделе XV «Российская академия архитектуры и строительных наук (Архитектура, градостроительство, строительные науки)». В соответствии с предметом исследований Российской академии художеств, в данном разделе подробно говорится об изобразительном искусстве и архитектуре, что, конечно же, совершенно правильно и хорошо, но как же быть с остальными научными специальностями такой

¹ Программа фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период (2021–2035 годы). Проект. С. 4.

отрасли науки, как искусствоведение? Каким же образом, к примеру, Российская академия образования (см. раздел XIV «Российская академия образования» Плана) будет осуществлять «научно-методическое обеспечение оптимального соотношения традиций и новаций в художественном образовании и эстетическом воспитании в области *разных видов искусства* (курсив мой. — Д.Ш.)»², если не проводить фундаментальных исследований по другим научным специальностям отрасли? В очередной раз «на корабле современности» не нашлось места киноведению, театроведению и даже такой древнейшей науке, как музыковедение. А ведь совершенно не случайно именно эта специальность унаследовала от древнегреческой культуры общее обозначение комплекса искусств. Более того, «мусическим воспитанием» на заре европейской цивилизации называлось обучение основам духовной культуры и отчасти то, что в наше время мы называем «основным общим образованием».

Тем не менее к музыковедам, театроведам, киноведам в полной мере применяется сегодня методология оценки и требования, заимствованные из других отраслей наук. Включается механизм наукометрии, качество труда оценивается на основе подсчета количества статей и, что самое нелогичное, — количеством цитирований. В свое время Российский институт истории искусств, да и не мы одни конечно же, предложил поправку к проектному изложению базового принципа формирования и реализации Программы, который изначально был сформулирован таким образом: «Единство требований для исполнителей фундаментальных научных исследований, независимо от ведомственной принадлежности и организационно-правовой формы». К счастью, предложенное наращение: «с учетом специфики отдельных отраслей науки» — попало в итоговый документ. Будем надеяться на лучшее, но сегодня специфика учитывается в недостаточной степени. В этом легко убедиться, открыв, к примеру, Приложение № 3 действующего поныне Приказа Министерства образования и науки Российской Федерации от 5 марта 2014 г. № 162, в соответствии с которым организации, ведущие научную деятельность, ежегодно заполняют анкеты мониторинга.

² План фундаментальных научных исследований на 2021–2035 годы. Проект. С. 640–641.

В первую очередь следует сказать, что в отличие от точных и естественных наук гуманитарии в своих работах обращаются в первую очередь к «читателям», а не к «писателям». То есть не к коллегам-ученым, а к широкой общественности — от деятелей искусств до обывателя, сколько-нибудь интересующегося искусством, — представители которой в массе своей не пишут статьи и, соответственно, не могут процитировать даже то, что им особенно понравилось в работе искусствоведа. Если уж мы задаемся целью «измерить» значимость и степень влияния той или иной научной работы искусствоведа, то нужно говорить, в первую очередь, о воздействии научно-исследовательской работы (НИР) на сознание прочитавшего. Как это измерить? Вот это вопрос, решению которого стоит посвящать время и усилия. Невозможно? Может быть, и невозможно. Однако здесь нельзя идти на компромисс, говорить можно не менее как о системе, в которой анализу подвергалось бы влияние результатов НИР на культурную деятельность реципиентов и развитие сферы культуры в целом. Полумеры приведут (и уже приводят) к губительным последствиям, выражающимся в падении качества НИР из-за постановки ошибочных целей, к необоснованным затратам (временным и финансовым), связанным с необходимостью проходить процедуры регистрации и включения публикаций результатов НИР в издания, «регистрируемые в международных базах данных». Самое печальное здесь то, что происходит подмена естественных ориентиров работы искусствоведа на искусственно созданные.

И всё бы ничего, решили бы мы встающие проблемы силами российского научного сообщества, если бы не это словосочетание, ставшее предметом забот каждого ученого: «международные информационно-аналитические системы научного цитирования». Как часто и раньше бывало в истории нашего Отечества, элемент иноземной культуры, искусственно насаживаемый на русскую почву, вызвал отторжение и произвел раскол в кругу соотечественников. По сути проблемы уже много сказано, и в данном случае мы сконцентрируемся лишь на некоторых из ее аспектов.

Целью погони за количеством публикаций и высоким уровнем цитируемости в изданиях, входящих в «международные базы данных», провозглашается выведение отечественной науки на мировой уровень. Конечно, цель благородная. Для представителей точных наук многое здесь более или менее понятно: точные науки

изучают общие для всего человечества закономерности и явления, цепочка открытий выстраивается, как правило, последовательно, и очередное новое открытие во многом определяет получение научных результатов в будущем. С гуманитариями всё гораздо сложнее. Отечественная научная мысль в сфере гуманитарных наук вполне самостоятельна и оригинальна, подчинять ее требованиям зарубежных цензоров и рецензентов неблагоразумно уже потому, что предметы и объекты исследования, в большинстве случаев, существенно различны, не говоря уже о методах и научной традиции. А с искусствоведением ситуация складывается просто парадоксально. Выдающиеся европейские и американские искусствоведы не только не гонятся за количеством публикаций и цитированием в Scopus и Web of Science, но, зачастую, даже не знают о существовании этих образований.

Мы провели опрос³ ряда ведущих музыковедов Европы и США о том, что они думают об индексах цитирования, базах данных и проч. Среди опрошенных были, в частности, такие видные фигуры западного музыковедения, как экс-президент американского музыковедческого общества Чарльз Эткинсон, вице-директор Института музыкознания Вюрцбургского университета Андреас Хаук, сотрудники Института музыкознания Вюрцбургского университета. Ответы поразительны.

Вопрос: Знаете ли Вы что-то о Scopus и Web of Science? Что это?

Ответ: Нет (99% опрошенных).

Вопрос: Какая система оценки качества научных работ действует в Вашей организации / научном сообществе?

Ответ: Оценка субъективная, учитываются публикации в рецензируемых журналах.

Вопрос: Ставится ли в Вашей организации / научном сообществе перед ученым задача увеличения количества цитирований его научной работы? Если да, то какой системой / методом подсчета Вы пользуетесь?

³ Опрос проводился доктором искусствоведения, членом Международного музыковедческого общества, ведущим научным сотрудником РИИИ Жанной Викторовной Князевой.

Ответ: Такая задача не ставится.

Вопрос: Считаете ли Вы количество цитирований научных работ адекватным показателем их научной значимости и ценности?

Ответ: Нет.

Вопрос: Считаете ли Вы правильным оценивать качество научно-исследовательской работы ученого или научной организации путем подсчета количества публикаций в журналах, входящих в базы данных Scopus и Web of Science?

Ответ: Нет.

Бывали случаи, когда ученый, входящий в административные круги европейской науки, знал что-то о Scopus и Web of Science и говорил в этой связи примерно следующее: «Мы стараемся держаться подальше от этой бюрократической затеи...» Также рассказывалось о провалившейся в Европе попытке административными мерами навязать систему оценки работ на основе подсчета количества цитирований и включения в какие-то конкретные базы данных вследствие активного противодействия ученых.

Обратило на себя внимание то, что зарубежные исследователи, как правило, выказывали доброжелательное отношение к российским коллегам и желали «держаться» под натиском лоббистов Scopus и Web of Science.

Спрашивается: кого нам в этом случае «догонять»?

Искусствоведение в России инфраструктурно обустроено иначе, чем в Европе и США, и в этом есть ряд преимуществ. Законодательно заставлять отечественных искусствоведов втискиваться в прокрустово ложе зарубежных систем оценки качества результатов точных наук, при том что искусствоведы Запада этого не делают и делать не собираются, — как это можно определить? Безумие? Или попытка унижить российских искусствоведов?

Досадно, что профессионалы искусствоведы и профессионалы управленцы говорят в данном случае на разных языках. Искреннее стремление изучить предмет исследования, достижение реальных результатов не учитывается теми, кто анализирует сухие данные различных мониторингов. Ведь из них невозможно уяснить значимость того или иного открытия ученого. Речь не

идет о том, что кто-то в чем-то виноват. Просто нам обоюдно необходимо учитывать, что система понимания, объективации оценки результатов научной деятельности в искусствоведении еще не построена. Сделать это так же сложно, как выстроить систему объективной оценки уровня художественного творчества. Человечество не овладело еще такими способностями. Произведение искусства воспринимается субъективно, и глупо было бы пытаться оценивать качество творчества через подсчет количества созданных творцом произведений искусства. Во многом этот принцип применим и к деятельности искусствоведов.

В то же время, нужно заметить, что сама по себе идея создания и развития информационно-аналитических систем, безусловно, перспективна и плодотворна. Огромный объем научных данных, конечно же, должен эффективно аккумулироваться, систематизироваться и в удобной форме, с разработанными системами поиска и форматами представления результатов научных исследований доводиться до ученых и широкой общественности. Это должно быть основной функцией подобных систем. По логике вещей, именно на координаторов аналитических систем должна возлагаться обязанность поиска созданных тем или иным научным сообществом или научной организацией журналов и самостоятельной их регистрации в базах данных. В сложившейся же ситуации всё обстоит совсем иначе. Публикация в изданиях, входящих в системы Scopus и WoS, превращена в самоцель, вместо общедоступности систем — дискриминация, ненужные материальные и временные затраты, искажение реальной картины достижений науки, соревновательная гонка систем. И здесь мы имеем дело не просто с конфликтом Востока и Запада, а с проблемой гораздо большего, эволюционного масштаба.

Как известно, на современном этапе развития науки и техники все базовые потребности людей в обеспечении их физического существования могут быть удовлетворены при условии разумной организации труда. Реальная же угроза мировому благосостоянию заключается в неразрешимой на современном этапе эволюционного развития проблеме распределения материальных и культурных благ между людьми. Эта же проблема проецируется и на системы оценки качества научных исследований — здесь также кто-то стремится поставить под контроль научную мысль, кто-то получает сверхприбыль. В итоге благое намерение превращается

в очередной инструмент давления и выкачивания ресурсов — материальных, трудовых, временных и т. п.

Конечно, постепенное высвобождение вследствие технического прогресса свободного времени граждан, накопление ими материальных ценностей, а с точки зрения политика — формирование и постепенное увеличение большого количества потенциально неконтролируемых ресурсов (как материальных, так и нематериальных) является одной из наиболее актуальных проблем всех развитых государственных систем современности. В этой ситуации реальность мира мыслей и чувств человека, формирующаяся в условиях свободы, современных норм прав человека, становится всё более значимым фактором эволюционного процесса и как таковая учитывается при построении моделей развития человечества, а также принятии решений на самом высоком уровне. Всё более насущной задачей людей, обремененных властью, становится обустройство «инфраструктуры» этой реальности, культурной жизни, душевного и духовного миров каждого человека⁴. А деятели искусства — это именно те, кто создает таковую «инфраструктуру», творит и «обустраивает» реальность пространства культуры, имея при этом способность превращать собственную истину в истину всеобщую.

В таком контексте очевидно, что ученые, изучающие явления культуры и искусства, психологию творчества, историю, теорию и методологию исследований в данной сфере, осуществляют работу, значение которой для будущего сложно переоценить.

С 2012 г. в России существенно вырос интерес граждан к сфере культуры. Известны цифры, показывающие многократный рост посещаемости музеев, концертных залов и других учреждений культуры⁵. Но, разумеется, пока далеко не 100% граждан ощущают потребность в прикосновении к культурным ценностям и вовлечены в художественный процесс созидательного характера.

⁴ С другой стороны, можно констатировать, что на сегодняшний день основные механизмы реализации политики, в самом широком смысле этого слова, лежат в сфере культуры, за этим — будущее систем управления и будущее мировой цивилизации.

⁵ Факты и цифры представлены в документе «Культура в России. 2012–2019». URL: https://www.mkrf.ru/upload/mkrf/mkdocs2019/16_9.pdf (дата обращения: 25.01.2020).

Во многом поэтому регуляция объема свободного времени ведется, подчас, непривлекательными методами, такими как развитие сферы развлечений — *entertainment*⁶, а также посредством искусственного увеличения непроизводительной трудовой нагрузки⁷. Очевидна встающая здесь глобальная, эволюционного характера задача: достичь того, чтобы свободное время граждан направлялось в сферу культурно-познавательной и созидательной художественной деятельности. Сделать так, чтобы деструктивные, ведущие к культурной деградации тенденции растворились в новом духовном и культурном Возрождении России. Задача сложнейшая. Для творцов, а также ученых — искусствоведов, культурологов — это просто миссия. Вот где можно проявить великую силу искусства.

Если с таких позиций взглянуть на реалии сферы культуры, в том числе науки в сфере культуры, естественно, вырисовывается и одна из более локальных задач: преодоление пропасти, лежащей между профессионалами в искусстве и так называемыми обывателями. Существенно усугубившаяся после распада СССР в этом отношении ситуация вызывает к жизни губительные проявления, в том числе суррогаты искусства, которые в изобилии наполняют сферу шоу-бизнеса и обиход человека. Эту пропасть необходимо преодолевать, и разумно именно здесь применять методы гуманитарных и социальных наук.

Для осмысления и нахождения путей решения обозначенных проблем необходима консолидация усилий ученых, практиков, государственных деятелей. Эффективно организованная работа даст возможность накопить знания и создать технологии, позволяющие добиться существенного улучшения ситуации. При этом полагаем, что в будущем деятельность искусствоведов

⁶ Среди ярких выступлений последних лет на эту крайне важную, сложную и болезненную тему укажем на речь Председателя Общественного совета при Министерстве культуры Российской Федерации, известного российского писателя, поэта и драматурга Ю. А. Полякова, произнесенную 7 ноября 2018 г. на заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации.

⁷ К этому же можно отнести обременение ученых необходимостью публикации результатов научных исследований в журналах, включенных в базы данных Scopus и Web of Science.

и культурологов, если к тому времени они не станут называться как-то иначе, станет стержнеобразующей и как таковая войдет во все национальные программы развития фундаментальных научных исследований.

В завершение приведем замечательные слова великого русского философа В. С. Соловьёва: «Совершенное искусство в своей окончательной задаче должно воплотить абсолютный идеал не в одном воображении, а и в самом деле, — должно одухотворить, пресуществить нашу действительную жизнь»⁸.

⁸ В. С. Соловьёв «Общий смысл искусства». URL: http://www.vehi.net/soloviev/smysl_isk.html (дата обращения: 25.01.2020).

СИМВОЛИЧЕСКИЕ ВОЙНЫ ПРОТИВ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИИ¹

Аннотация. В условиях современных глобальных трансформаций и информационной открытости исторически сложившаяся цивилизационная идентичность подвергается разрушительному целенаправленному воздействию, которое угрожает национальному самосознанию, культурному наследию и суверенитету России. Враждебные силы последовательны в осуществлении своих деструктивных целей, прибегают к изощренным способам ведения войны, сосредоточившись на СМК, искусстве и поп-культуре, подрывают фундаментальные духовно-нравственные основы, используя образно-символические средства воздействия. Механизм разрушения национального архетипа и цивилизационных ценностей построен на дисфункциях социальных институтов и подрыве телесно-душевно-духовной иерархии человека через ложь, манипуляцию сознанием, осмеяние традиционных ценностей. Это не столько трансляция преимуществ иной цивилизации или критика российской, сколько эстетизация разложения, пошлости, порока, абсурда в принципе, заражение народа «демонической» (античеловеческой и богоборческой) энергией.

Ключевые слова: цивилизационная идентичность, традиционные ценности, образы и символы, культура, демонизм, средства массовой коммуникации.

Закунов Юрий Александрович, кандидат философских наук, доцент, руководитель отдела Российского НИИ культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва. E-mail: zakunov.yuri@mail.ru

¹ Статья написана по материалам выступлений на научных конференциях 2018–2019 гг. в Санкт-Петербурге, а также результатам НИР по теме: «Механизмы разрушения цивилизационных ценностей и этнокультурной идентичности в современной России и меры противодействия».

SYMBOLIC WARS AGAINST THE CIVILIZATIONAL IDENTITY OF RUSSIA

Abstract. In the context of modern global transformations and information openness, the historically developed civilizational identity is exposed to destructive targeted influence that threatens the national identity, cultural heritage and sovereignty of Russia. Hostile forces are consistent in the implementation of their destructive goals, resort to sophisticated methods of warfare, focusing on the mass media, art and pop culture, undermine the fundamental spiritual and moral foundations, using figurative and symbolic means of influence. The mechanism of destruction of the national archetype and civilizational values is based on the dysfunctions of social institutions and undermining the body-soul-spiritual hierarchy of a person through lies, manipulation of consciousness, ridicule of traditional values. This is not so much a translation of the advantages of another civilization or a critic of the Russian one, but an aestheticization of corruption, vulgarity, vice, absurdity, in principle, infection of the people with “demonic” (anti-human and godless) energy.

Keywords: civilizational identity, traditional values, images and symbols, culture, spirit, demonism.

Zakunov Yu. A., PhD, Associate Professor, Head of Department Russian Scientific Research Institute for Cultural and Natural Heritage named after D. Likhachev. E-mail: zakunov.yuri@mail.ru

Разрушение общества и традиционных ценностей возможно не как следствие открытого внешнего на них наступления, но через распад изнутри путем образно-символических духовно-разрушительных средств воздействия и поощрения дисфункций основных социальных институтов социализации, призванных формировать устойчивую систему ценностей личности и осуществлять провозглашаемые национальные идеалы. В нескончаемом мутном потоке образов и смыслов в современном культурном пространстве, объемлющем все стороны существования в условиях тотальной информационной открытости и контроля, спасение возможно только как сохранение драгоценного духовного наследия цивилизационного бытия, активное творческое его приумножение и развитие. Глобальная тьма современного «цивилизационного варварства»,

где высочайшие технологии и интеллект сожигаются с невероятными преступлениями, невежеством и развлечениями, достойными эпохи дикарей, может изгоняться только силой духа, вооруженного «щитом и мечом».

Механизм разрушения, несмотря на многообразие используемых форм и методов, зависящих от ситуации, достаточно ограничен в своих глубинных основах, поскольку речь идет об одном и принципиально несовместимом с Россией центре. Обобщение тысячелетнего исторического опыта глобального цивилизационного противостояния выявляет сущностные его черты при внешней изменчивости и кажущейся непохожести проявлений на всем протяжении истории. Его духовная природа оставалась всегда неизменной, несмотря на многоликость, как в фильме-притче Марка Захарова «Убить дракона». В нем дракон имел сначала три разные головы и обличья: представителя восточных единоборств (символ безжалостных природных стихий), милитариста и садиста в военной каске (символ могущества военной машины и технологий), женоподобного самовлюбленного кривляки и сладострастника (воплощение человеческих страстей и порока).

Рис. 1. Киноафиша двухсерийного художественного фильма «Убить дракона». 1988 год. Художник Вилен Суменович Каракашев. Источник: https://auction.ru/offer/ubit_drakona_81kh55_sm_khud_karakashev_afisha_kino_plakat_1988_g_original_abdulov_jankovskij_leonov-i64939273740546.html

Рыцарь Ланселот, казалось, убивает дракона, но тот возрождается вновь в «других телах», меняя облик. Концовка фильма открыта, но зритель понимает, что исход неоконченной битвы зависит от борьбы за души детей, замороженно смотрящих на воздушного змея. Его запускает персонаж Олега Янковского, игравшего до этого, казалось, побежденного кровожадного трехголового дракона, но теперь «воскресшего» в облике доброго бородача.

Так получилось, что фильм вышел в юбилейный 1988 г. — год тысячелетия принятия христианства, в самый разгар перестройки. Уже нет в живых ни замечательного режиссера фильма, ни гениальных исполнителей дракона, рыцаря, бургомистра. Аудитории фильма тогда казалось, что мораль понятна и тоталитаризм после разоблачения больше не пройдет, а фраза: «История никого ничему не учит, а только наказывает за невывученные уроки» — не про нас. Но то, что через пару лет образ Георгия Победоносца, разящего змея, вновь запечатлится на старом / новом гербе страны и бесконечная битва развернется с новой силой, вряд ли кто мог предугадать. Удивительные параллели и совпадения обнаруживаются в фильме с последующими событиями и лицами в истории страны, подтверждая, что «история — это поэма: слова меняются, а ритм остается». В арсенале «бессмертного» дракона множество политических масок: от революционной свободы, атеизма, гуманизма, реформизма до командно-административной системы, религиозного фанатизма, аристократизма, консерватизма, расизма и прочих, прочих «измов». Этот сюжет, в разных вариациях имеющийся в культуре многих народов, указывает на то, что главный секрет бессмертия и силы дракона внутри самого человека — его пороках, трусости и глупости, которые будут всегда, пока жив человек.

Для дальнейшего изложения темы три аспекта в интерпретации фильма имеют существенное, причем символическое значение и, как правило, ускользают от критиков. Это то, что зло агрессивно и властно по своей природе, имеет **духовную** природу (ее символизирует «дракон»), является внешней **нечеловеческой** силой, непричастной человеку, но порабащающей его душу и тело. Человек может лишь напоминать дракона (как, например, бургомистр или даже тот же рыцарь) в периоды «одержимости» властью, когда человек становится проводником демонической силы. Все остальные из-за тех или иных слабостей и пороков как бы не

имеют души, а потому духовные рабы. Получив внешнюю свободу, но оставаясь рабами в душе (малодушными, слабовольными), они всё равно будут ждать «господина», чтобы поклониться ему. Спасать их бессмысленно.

Возникает вопрос: что связывает в данном случае сильную личность (героя) и народную массу (толпу)? По фильму — лишь сам акт освобождения. Но в реальности социальная свобода, которую дает «рыцарь», бессодержательна и имеет смысл лишь тогда, когда у народа есть свои общие идеалы, самосознание, культура, а значит, историческая память и ответственность перед будущим. Когда народ не боится отдать жизнь не за кусок хлеба (если он ее отдаст, тогда зачем хлеб будет нужен ему?), но за то, что выше жизни. Ведь *«стоит жить ради того, ради чего стоит умереть»* (И. А. Ильин).

Нарушение иерархии, смешение изначально данной природы социальных и антропогенных структур, присущих им функций относительно высшего задания (предназначения), уничтожение того, что должно остаться неизменным, и сохранение неизменным того, что призвано к преображению, т. е. управляемый хаос, — вот опознавательные знаки этой силы.

Усилия деструктивных сил направлены на разрушение сложившихся идеалов и традиционных образцов нашего народа, его святынь, душевного уклада, менталитета. Внешней формой цивилизационной идентичности является национально-культурный архетип, который себя воспроизводит в творчестве и деятельности в соответствии с духом эпохи, закрепляется в национальных символах и образах культуры, имеющих общенациональную ценность. Задача враждебных сил состоит в их переинтерпретации, придании негативного «нужного» смысла, провоцировании дисфункций.

В условиях глобализационных процессов, постоянного роста информационной открытости и вызываемых национально-культурных и идейных трансформаций, пересмотра национальных идеалов и идентичности деструктивные силы (внутренние и внешние) оказываются более успешными. Они используют закономерности духовной борьбы, прибегают к изощренным способам в «культурно-цивилизационной экспансии», нацеленной на развал не просто тех или иных социальных структур и идеологий, но ценностных основ — делающих нашу страну самотождествен-

ной, отличной от остальных. Это не просто «конвертация», «смена нарядов», перевод духовно-государственно-национальной жизни в новый формат в новых исторических условиях под предлогом глобальных перемен. Это подмена абсолютного преходящим, прямая угроза духовно-нравственным опорам не только Российской цивилизации, но всему человечеству.

Наиболее эффективными способами формирования ценностей, воспитания духовной культуры и одновременно каналами воздействия являются известные институты социализации:

- семья,
- школа,
- высшее образование,
- СМК: медиа-информационные каналы (СМИ, Интернет, соцсети),
- искусство,
- церковь,

и соответствующие им социальные структуры (конкретные организации, социальные группы и отношения). Само их наличие и внешняя презентабельность отнюдь не свидетельство благополучного функционирования и устойчивости. Дело в том, что непосредственными инструментами регуляции и актуализации ценностей являются социальные нормы: *мораль, право, народные обычаи и традиции, религия*. Это те внешне невидимые нематериальные силы, без которых всё вышеперечисленное, все сферы, как бы они ни были развиты, будут работать вхолостую или не работать вовсе. Отличаясь друг от друга по источникам, границам распространения, механизмам действия, содержанию (предмету регуляции) и санкциям, социальные нормы имеют то общее, что позволяет им приводить в движение весь социальный организм. В отличие от любого пчельника, муравейника или киберсистемы, они соединяют два мира: мир реального (сущего, данного) и идеального (должного, заданного), способны ориентировать человека и общество на осуществление должного и лучшего порядка, пронизывая все социальные структуры и человека. В отличие от компьютера или основанного на рефлексх и инстинктах поведения животного, человек, обладая душой, способен самостоятельно мыслить, чувствовать и творить, организует социум, который благодаря морали, праву, традиции и вере культурно себя воспроизводит и совершенствуется. Социальные нормы

объединены общей духовно-национальной идеей, закреплённой в народной памяти и историко-культурном наследии. Ослабление взаимосвязей между ними, рассогласование приводит к серьёзному кризису, чревато распадом страны, что может быть вызвано как отсутствием внятно провозглашённой, осознанной и четко проводимой национальной идеи, так и действием чуждых национальным традициям сил и идеологий, как правило замаскированных под благо народа.

Предметом данной статьи являются не просто приемы манипуляций, достаточно подробно изученные и представленные в литературе по психологии, теории и практике межкультурных и массовых коммуникаций. Нас интересуют механизмы воздействия на ценностное содержание культуры, сознание человека и народа как сердцевину цивилизационной идентичности. Это позволяет выявить закономерности цивилизационного противостояния, предложить конкретные принципы и механизмы защиты.

В современном противостоянии обнаруживается не просто конфликт отдельных цивилизаций, связанный с проблемой комплементарности мировоззрений и образов жизни в рамках общечеловеческой истории, но глобальное противостояние всего человечества как единого целого с нечеловеческой сущностью, ведущей homo sapiens к самоуничтожению.

В подлинном творчестве человек преодолевает свое «эго», служа Истине (Правде). Антитезой Правды является Ложь, начало «духовное», а отнюдь не материальное. Подлинное зло, как известно, не в материальности как таковой, но подчиненности ей, привязанности. Богом данная материя является необходимым условием преображения, а зло проявляет себя во всесмешении, нарушении законов мироздания. По своей античеловеческой и богоборческой природе оно не причастно человеку, данность которого изменить не в силах. Но зло духовно совместимо с человеком по причине утраты в истории его божественного подобия, т.е. духовного расчленения, произошедшего под влиянием нечистого духа. Поэтому задача состоит в восстановлении богоподобия, которое невозможно без духовного различения, опознавания и обличения «духов злобы поднебесной». Через дух пришло зло, но духом оно и побеждено будет в той же плоскости бытия. Природа не терпит пустоты, и оскудение святости неизбежно приводит к тому, что демонические и дьявольские силы вторгаются в этот мир, в том

числе, и особенно, через сферы деятельности, связанные с мышлением, чувствами и образами, символами и знаками.

Чувства в отличие от эмоций наполнены глубокими переживаниями, осознанием, пониманием, действиями, непосредственностью жизни, но не их симулякрами, обозначениями. Например, легко спутать эмоцию плача и чувство огорчения, чувство радости и эмоцию смеха, забывая, что можно плакать от светлой радости (праздник со слезами на глазах) и смеяться от черной ненависти. Важнейшим орудием в современной идейной борьбе стало искусство, где всё есть представление, репрезентация, знаково-символическое замещение реальности, зеркало. Амбивалентность искусства проявляется как в его *искусности* (творческом мастерстве, совершенстве), так и *искусственности* (поддельности под реальность, пародийности). Его значение трудно переоценить именно в силу данной способности. Его природа — воплощать, овеществлять одухотворенную идею, делать ее живой и действенной, впечатлять, зажигать, заражать людей. От ценностного содержания искусства зависит, будет оно губить, развращая, или спасать, преображая.

Еще до наступления постмодерна, поп-арта, битлов и тотальной массовой культуры И. А. Ильин писал, что «в искусстве всё более торжествует теория безответственности и практика вседозволенности, *люди внимают искусству духовно глухим ухом и созерцают искусство духовно слепым глазом*. И потому от всего искусства они видят одно чувственное марево; и привыкают связывать с ним свою утеху, свою потеху и свое развлечение»². Но за этим стоит, по его мнению, нечто большее — демонически-дьявольское начало³.

Знаменательно, что первое объемное издание созданных в эмиграции трудов И. А. Ильина, по крупницам возвращавшихся к русскому читателю с начала 90-х гг., неожиданно открывалось статьей «К истории дьявола» из сборника «Наши задачи». В ней Ильин отмечает, что эпоха «просвещения» подорвала в людях

² *Ильин И. А. Что такое искусство? // Путь духовного обновления / И. А. Ильин ; сост., авт. предисл., отв. ред. О. А. Платонов. М. : Институт русской цивилизации, 2011. С. 1153.*

³ *Ильин И. А. К истории дьявола // О грядущей России : Избранные статьи / под ред. Н. П. Полторацкого. М. : Воениздат, 1993. С. 13.*

веру в бытие личного дьявола, но не отказалась от самой идеи, его мыслей и желаний, что «...искусство стало воображать и изображать его, а философия занялась его теоретическим оправданием. Появилась целая галерея “демонов” или “демонических” людей и настроений, причем эти “демоны” “умны”, “остроумны”, “образованны”, “гениальны”, “темпераментны”, — словом, “обаятельны” и вызывают сочувствие, а “демонические люди” являются воплощением “мировой скорби”, “благородного протеста” и какой-то “высшей революционности”». По словам И. А. Ильина, находятся поэтические слова в пользу «невинного бесстыдства», философы выступают с открытой проповедью человеческого самозобожествления и демонического эгоизма. Ницшеанство превозносит «цинизм», бесстыдство, «высшее, что может быть достигнуто на земле», взывает к зверю в человеке, к «верховному животному», которое надо во что бы то ни стало разнuzдать, требует «дикого человека», «злого человека», «с радостным брюхом». Его пленяет всё «жестокое, неприкрыто-звериное», преступное. «Величие есть только там, где имеется великое преступление». «В каждом из нас утверждается варвар и дикий зверь». Всё, что зиждет в жизни братство людей, — идеи «вины, наказания, справедливости, честности, свободы, любви и т. п.», — «должно быть вообще изъято из существования». И. А. Ильин подчеркивает: «Демонизм есть дело человеческое, сатанизм есть дело духовной бездны... Демонизм есть преходящее духовное помрачение, его формула: “жизнь без Бога”; сатанизм есть полный и окончательный мрак духа, его формула: “низвержение Бога”. В демоническом человеке бунтует необузданный инстинкт, поддерживаемый холодным размышлением; сатанический человек действует как чужое орудие, служащее злу, но способное наслаждаться своим отвратительным служением. Демонический человек тяготеет к сатане: играя, наслаждаясь, мучаясь, вступая с ним (по народному поверию) в договоры, он постепенно становится его удобным жилищем; сатанический человек утратил себя и стал земным инструментом дьявольской воли»⁴. Насколько новаторскими эти явления выглядели столетие назад, настолько обыденными они являются сейчас.

⁴ *Ильин И.А.* К истории дьявола // О грядущей России : Избранные статьи / под ред. Н.П. Полторацкого. — М. : Воениздат, 1993. С. 14–15.

О том, что православная культурология определяет культуру как систему жизненных ценностей человека и общества, выявляемую в их жизненном и историческом творчестве, писал профессор Московской духовной академии М. М. Дунаев. От полагал, что христианская эра характеризуется последовательной сменой двух культурно-исторических формаций: *сотериологической* (от Рождества Христова до начала XV в.), где главная жизненная ценность — праведная жизнь во Христе, «сотерио» — спасение, и *эвдемонической* (от эпохи раннего Ренессанса до начала XX в.), где главной жизненной ценностью становится мир человека — «эвдемония», счастье жизни. XX в. уже с первых шагов обнаруживает свою **демоническую** природу и вводит нас в третью культурно-историческую формацию, возникающую в сокрушительном отвержении первых двух⁵.

Как писал в 1963 г. ссыльный церковный писатель С. И. Фудель об истоке «абстрактного искусства школы Пикассо», это не столько смена эстетических предпочтений, сколько «бунт и очень глубокое богоборчество, какой-то уже не базаровский, а космический нигилизм. <...> Точно какая-то ненависть к плоти мира, к самой материи мира всё сильнее поднимается в человеке, <...> пожелавшем своими нечистыми руками тронуть первооснову бытия, то “основание, которого, — как сказал Апостол, — художник и строитель Сам Бог” (Евр. 11:10)...» «Присущий художественной деятельности символизм заставляет рассматривать продукт этой деятельности, т. е. произведение искусства, в лучшем случае как “систему отсылок”, как риторический дискурс, изобразительность которого выходит далеко за пределы визуального ряда»⁶. Этим «далеко» является духовная сфера, действительно с трудом поддающаяся научной формализации.

Русские философы неоднократно подчеркивали генетическую связь авангардизма с мироощущением модернистской эпохи, его обусловленность культурным кризисом современ-

⁵ См.: *Протоиерей Борис Михайлов*. Предисловие к книге Яхнина А.Л. Антиискусство : Записки очевидца. М. : Книжница, 2011. URL: https://www.rp-net.ru/store/element.php?IBLOCK_ID=30&SECTION_ID=266&ELEMENT_ID=6443&sphrase_id=23372.

⁶ *Протоиерей Борис Михайлов*. Предисловие к книге Яхнина А.Л. Антиискусство : Записки очевидца. М. : Книжница, 2011.

ности: «Нарушаются все твердые грани бытия, всё декристаллизуется, распластовывается, распыляется. Человек переходит в предметы, предметы входят в человека, один предмет переходит в другой предмет, все плоскости смещаются, все планы бытия смешиваются...»⁷ — писал Н. А. Бердяев. Поразительно, но он же увидел в этом и положительное. Об идее «творчества из ничего» у авангардистов как о творческой интуиции он отмечал: «В таких самоновейших течениях, как супрематизм, остро ставится давно уже назревшая задача окончательного освобождения чистого творческого акта от власти природно-предметного мира. Живопись из чисто красочной стихии должна воссоздать новый мир, совершенно непохожий на весь природный мир. (!!!) <...> Это не есть только освобождение искусства от сюжетности, это — освобождение от всего сотворенного мира, упирающееся в творчество из ничего»⁸. Мыслительный парадокс этой интуиции заключается в том, что, по мысли философа, подлинное творчество возможно только по аналогии с актом божественного миротворения — из до-бытийного меона: «творчество, — писал он в книге «О назначении человека» (1931), — по метафизической своей природе есть всегда творчество из ничего, т. е. из меонической свободы, предшествующей самому миротворению»⁹. Одним ученым это позволяет говорить об «апофатике литературно-художественного стиля» в неклассическом дискурсе культуры Серебряного века¹⁰. Однако скорее здесь угадывается дух НИЧТО, создающий прообразы будущего апокалипсиса, имитирующего и замещающего Бога. Последующая эволюция авангарда в постмодерн с его духом мертвечины и безжизненности лишь подтверждает заблуждение Н. А. Бердяева и верность духовных прозрений И. А. Ильина, который отмечал «царство пошлости

⁷ Бердяев Н. А. Кризис искусства. С. 57.

⁸ Там же.

⁹ Бердяев Н. А. О назначении человека. М., 1993. С. 45.

¹⁰ Раков В. П. Апофатика литературно-художественного стиля // Филология и культура : статьи / В. П. Раков. Иваново, 2003; Шукуров Д. Л. Эстетические принципы авангарда в оценке русских религиозных философов // Вестник ИГЭУ. Вып. 1, 2008 г.

и безбожия, обезьяньего подражания и самодовольного “изображения”».

«Мы видим вещи не такими, какие они есть, а такими, какие мы есть». Отдать можно только то, что ты получил и обладаешь. Главное в творчестве и человеческой культуре вообще — это выявление пребывания Бога в человеческих судьбах и истории, распознавание его знаков и промысла, даров в окружающем мире и человеческой истории. Не удивительно, что в современном безбожном искусстве и культурных индустриях возобладал дух самозванства и ремейков (фактически воровства и плагиата), творческой импотентности, подделок, двойников и бесконечных заимствований. Не случайно само слово «потребить» в славянском языке значит уничтожить.

Объединение, сила, эффективность *образа* зависит от синергии, цельности компонентов, преодоления антитез, их карикатур, «двойников». Человеческое сознание боится несовместимых понятий — происходит «короткое замыкание». Слово, знак (символ), заместитель понятия, возникло как «снятие» противоречия между несовместимыми материальными сигналами. Поскольку знак несовершенен в силу своей многозначности (один и тот же знак может обозначать разные предметы, также и наоборот), что вызывает коллизии (алогизмы, нарушения законов логики, смех, пародию, парадоксы), он призван стать «образом», в котором есть возможность соединения несоединимого, что не вызывает внутреннего конфликта: здесь уже другая онтология и модальность. В культуре деятельности она троичная. В трех модальностях цельности: *заданности* (принцип **духовной содержательности**: истина — красота — добро), *данности* (принцип **равночестности**: ум — чувства — воля) и *осуществления* (принцип **иерархии**: ценность — образ — техно).

Но в результате смешения и дисфункций, вызванных духом отрицания и разрушения, вместо синергии имеем циничный обман и лицемерие. Отсюда — необходим обновленный взгляд на давно уже стершиеся в своем подлинном значении примелькавшиеся понятия и критическая оценка использования искаженных смыслов и значений многих слов из contemporary art, которые являются фактором не формирования новой среды, а расчленения традиционных и естественных для человека принципов и связей с материальным миром. Это, как совершенно верно отметил современный

исследователь А.Л. Яхнин, оно стало «лабораторией распада», разрабатывающей алгоритмы «превращения человека в схему рефлексов и желаний», подчинения человеческой воли и личности энергии «распада смыслов, форм, границ между культурой и цивилизацией, между жизнью и смертью»¹¹. Здесь необходимо переосмысление наследия хорошо известных столпов авангарда и современного искусства.

Принципиально важно отметить общемировоззренческую специфику авангардистского проекта.

Если, по А.Ф. Лосеву, слово, имя, мысль, интеллигенция на определенной ступени «есть животный крик, — крик неизвестно кого и неизвестно о чем. ...слепота и самозабвение смысла, но уже более зрячее, чем органическая энергема, и здесь задаток иных оформлений смысла, где он более проявит себя в качестве смысла»¹², то авангард в его антитрадиционных выражениях, на наш взгляд, — это «крик» агрессивного небытия, демонического и сатанинского.

Задача художника и критика давать «трепетную клятву служить Богу, а не человекам; осуществлять художественный закон, а не угождать перед людьми, не раболепствовать перед диктаторами, не гоняться за площадной модой»¹³. Благодатная сила творческого вдохновения дается не просто так: талант выражения ДАН, сила духовного созерцания ЗАДАНА, которая осуществляется в художественно совершенной (образной) форме. Если понятие и знак подчиняются законам формальной логики и семиотики, то образ — законам духа, где ум, чувства и воля соединяются в особой реальности — творческой (божественной), где возможная коммуникация (связь) уже подвластна не времени, пространству, законам сохранения энергии, но иным «законам»: любви, добра, справедливости, свободы, веры, надежды, либо их

¹¹ Яхнин А.Л. Антиискусство : Записки очевидца. М. : Книжница, 2011. URL: https://www.rp-net.ru/store/element.php?IBLOCK_ID=30&SECTION_ID=266&ELEMENT_ID=6443&sphrase_id=23372.

¹² Лосев А.Ф. Философия имени. URL: <https://topreading.ru/bookread/199981-af-losev-filosofiya-imeni/page-14>.

¹³ Ильин И.А. Когда же возродится великая русская поэзия // Путь духовного обновления / И.А. Ильин ; сост., авт. предисл., отв. ред. О.А. Платонов. М. : Институт русской цивилизации, 2011.

антагонистам — «беззаконию»: ненависти, злобе, несправедливости, безнадёжности и отчаянию.

Образы, построенные на нарушениях цельности, могут быть сильными только в своем разложении, т. е. это энергия смерти, упоение разрушением. Они призваны к тому, чтобы вызвать радость и смех от противоестественного (для человека духовного) и горечь и плач от естественного: это любовь к насилию независимо от справедливости наказания, ненависть к любому труду, наслаждение ради наслаждения независимо от предмета наслаждения. Искривление, пародия на жизнь и порядок, насмешка — всегда были важнейшими признаками и орудиями деструкции.

Эти образы живут, представляя собой нечто вроде чудотворных икон, но демонического характера. Сальвадор Дали, например, писал в своих дневниках о том, что демоны обступают его и требуют, чтобы он выразил на холсте то, что они хотят. И до тех пор, пока он не выразит это на холсте, он не может спать. Демоны не давали ему спать, и он был вынужден делать то, что они говорят. Это же несомненное свидетельство одержимости, которая охватывает подобных людей. Кандинский в своей концепции «внутренней необходимости» точно определяет ее как «результат суррогатных религиозных (!) переживаний» с неизбежным возобладанием оккультизма над христианской духовностью. Его труд «О духовном в искусстве» (1912) представляет собою попытку найти связь между миром духовным и видимой живописной изобразительностью. И здесь как раз проявляются трагические противоречия такого поиска, если он осуществляется вне связи с Творцом¹⁴.

Современное искусство поощряет глубокое духовное одиночество современного человека в глубокой его раздвоенности и разорванности, что находит отражение в существовании пустых символов современного искусства. Творчество — условие необходимое, но недостаточное для жизни человека в Боге. Оно иногда может быть совершенно бессмысленным, лишенным вдохновения, а поэтому и религиозного значения. Так, например, Н. А. Бердяев совершенно справедливо отмечает, что в вполне реальном образе Петра Верховенского «мы встречаемся с уже распавшейся личностью, в которой нельзя уже нащупать ничего онтологического.

¹⁴ См.: *Яхнин А.Л.* Антиискусство : Записки очевидца.

Он весь есть ложь и обман, и он всех вводит в обман, повергает в царство лжи. Зло есть изолгание бытия, лжебытие, небытие»¹⁵.

Сейчас вольно или невольно посеянные в начале XX в. семена жизнеотрицающего мироощущения дали плодотворные всходы, и задача мастера креативной арт-практики — отказаться от предмета отображения, чтобы создаваемый образ (знак) не был связан с «узнаваемым» аудиторией референтным смыслом. Различные интуиции художественного творчества у представителей русского авангарда (футуристов, символистов и пр.), как, например, идеи органической гомогенности слова и мира вне национальной духовной традиции, приводили отнюдь не к онтологизму художественного слова, его укорененности в бытии или имяславия, но пустым экспериментам вне мистической глубины¹⁶. Духовная природа искусства не выразима словами для описания воздействия, и здесь нужен опыт общения с духами, какой был, например, у отцов церкви.

Один из современных исследователей Д. Л. Шукуров отчасти справедливо пишет, что «...при своем изначальном утопизме авангардистский проект оказался необыкновенно жизнестойким. На определенном этапе развития общества авангардизм включился в социокультурную парадигму интеллигентского сознания. Это было обусловлено... объединяющей представителей авангардного искусства и интеллигентских кругов маргинальностью. И поэтому русский авангард теснейшим образом был связан с неофициальным искусством советского андеграунда, развивавшимся в 1960-е гг. и продолжившим авангардную линию культуры. В связи с фактом утраты большинства культурных ценностей это привело как к положительным, так и к отрицательным результатам. Хотя преодоление (пусть в минимальном объеме) культурного изоляционизма, расширение ценностных контекстов и установок, *выход на качественно новый интеллектуальный уровень восприятия ис-*

¹⁵ Бердяев Н. А. Духи русской революции. URL: https://domknig.com/read_236851-7.

¹⁶ Шукуров Д. Л. Концепция слова в дискурсе русского литературного авангарда первой трети XX века : дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.01 / Шукуров Дмитрий Леонидович. URL: https://studexpo.ru/944227/literatura/kontseptsiya_slova_diskurse_russkogo_literaturnogo_avangarda_pervoy_treti_veka.

куства — факторы ценные сами по себе (курсив Ю.З.)»¹⁷. С последним утверждением исследователя вряд ли можно согласиться, поскольку «феномен интеллектуального маргинализма», являясь определяющей характеристикой интеллигентских кругов советского и постсоветского общества, находился в антитезе не только к соцреализму, но в не меньшей степени к традиционному классическому и народному искусству, вообще национальной традиции и ценностям, православию в частности, поскольку советская и постсоветская интеллигенция оказались зараженными западным духом «свободы», а их сегодняшние наследники — носителями разлагающего духа постмодерна. Творчество национальной интеллигенции, большей частью оказавшейся репрессированной или в эмиграции, не говоря о продолжателях народных традиций, подверглось серьезным испытаниям и стагнации.

Так, прямой угрозой разрушения цивилизационных ценностей и вызовом традиции в современной России стало современное авангардное постмодернистское искусство (contemporary art) и отчасти массовая поп-культура, которые в своей основе являются анти-духовными, разрушающими не только национальный архетип, самобытность и идентичность, но саму природу человека, его общечеловеческий архетип, духовно-нравственные основы и ценности. *Его глубинными механизмами стали:*

- нарушение структурной функциональности, смыслов и предметности, всевозможные дисфункции;
- нарушение иерархии («иеро» — значит священный), т.е. переворачивание «с ног на голову»;
- смешение отношений автономности и гетерономности;
- смешение гетерогенности и гомогенности;
- неразличение (смешение) субъекта и объекта;
- неразличение сознания (психики) и духа.

Всё это накладывается на последствия фактически анти-национальной прозападной политики новой России сразу после краха СССР, когда в результате выросло целое поколение на со-

¹⁷ Шукуров Д.Л. Концепция слова в дискурсе русского литературного авангарда первой трети XX века : дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.01 / Шукуров Дмитрий Леонидович. URL: https://studexpo.ru/944227/literatura/kontseptsiya_slova_diskurse_russkogo_literaturnogo_avangarda_pervoy_treti_veka.

вершенно чуждых отечественной цивилизации ценностях. Все положительные смыслы, связанные со словом «русский», подвергались тогда невиданному шельмованию. Еще недавно, до 2014 г., число зарегистрированных НКО в регионах России с названием «русский» было минимальным, не было информационных передач, посвященных русской тематике, в передачах культурного, историко-образовательного, экономического и политического содержания проблемы русского народа и его культуры не являлись центральными, хотя, согласно переписи населения, более 80% идентифицировало себя русскими. Информационные ресурсы, находившиеся в руках космополитически и либерально ориентированного руководства, продолжали транслировать антирусские мифы: «Убийство Иваном Грозным своего сына», «Слабовольный Николай Кровавый», «Русские — вечные и самые большие пьяницы» и т. п. Особо любимая тема — так называемые русская революция и русский коммунизм. По главным движущим силам (достаточно озвучить факты национального состава первоначального ядра «большевистской гвардии» и «сталинских соколов»), по идейным западно-европейским корням (материализму, либерализму, атеизму, немецкой классической философии, английской политэкономии, французского утопического социализма), по разгромным последствиям для русской культуры, народных традиций и Православной церкви их можно назвать русскими лишь номинально.

По-прежнему в замаскированном виде клевета или насмешки над выдающимися русскими людьми, героями и идеалами, искажение образов национального культурного наследия во всех его видах как целенаправленная планомерная информационная война велась на всех культурных фронтах и в различных форматах. Основанная на лжи, лицемерии, клевете, инсинуациях, она перекинулась на просторы Интернета. Вот основные направления ее:

- искажение знаменательных событий и фактов, исторических личностей, связанных с историей русского народа, с целью очернения его как государствообразующего народа (шельмование правителей и идеализация бунтарей, декабристов и т. п.), формирование комплекса вины или неполноценности (Катынь, сталинизм и пр.);
- замалчивание выдающихся достижений русского народа в области культуры, науки и техники;

- формирование искаженного (карикатурного) образа русского человека и его культуры в его собственном восприятии и глазах других народов (дикарь, пьяница, вор, завистник, держиморда, ленивый, агрессивный, невежда, бескультурный, раб, обманщик, простак, неумеха и т. п.), которого надо бояться и по крайней мере желать «надеть на него цепь»;
- недооценка русского фактора в истории, «двойные стандарты» и лицемерие (несоизмеримость потерь так называемого холокоста и геноцида белорусов во Второй мировой, замалчивание агрессии Запада в отношении колонизируемых народов на фоне естественного освоения и расширения русскими своих границ и пр.);
- замалчивание или искажение глубинных корней русского этноса как наиболее близкого к арийским праиндоевропейским корням европейской («белой») цивилизации и расы (Аркаим, памятники Сибири, топонимика и пр.) или, напротив, противопоставление православия народным корням (так называемое неоязычество);
- вместо осознания принадлежности себя к единой родоплеменной (кровнородственной) общности формирование стереотипа «папа турок, мама грек, а я русский человек», т. е. якобы нет чисто русского антропологического типа;
- вместо русского языка как важнейшего средства сплочения, самоидентификации и живого уникального феномена мировой культуры — смещение акцента как на средство межетнической коммуникации в рамках многонационального государства; поскольку английский язык в условиях глобализации эту функцию исполняет всё лучше, имеет место засорение информационного пространства англицизмами, положительное отношение к вытеснению русского языка или его коверканию;
- вместо культивирования лучших черт русского национального характера, таких как мужество, твердость, самопожертвование, любовь к Правде, бескорыстие, цельность, возвращались порочные сорняки: безволие, лень, расхлябанность, мягкотелость, пассивная созерцательность и рабская покорность или агрессивность, грубость, бессмысленная жестокость, жажда обогащения, зависть;

- вместо веры в христианского Бога как национальный идеал насаждалось безверие и поклонение земным кумирам: «золотому тельцу», пьянству, развлечениям, играм, разврату и т. п. — как в принципе естественному и непостыдному (и для русских в особенности);
- вместо здорового образа жизни, основанного на образцах традиционной русской жизни и культуры (крепкая многодетная семья, скоромность и чистота в быту, здоровая пища, одежда, природный календарь и т. п.), стремления к творческому осуществлению добра, красоты и правды (совершенства) во всем: в хозяйстве, искусстве, общественной жизни и т. п. — следование чужеродным образцам, обезличивание, «перенимание худшего, а не лучшего», нелюбовь к традиционно-русскому и подражание противоестественному для человека;
- вместо любви к России и родному дому — поощрение молодежи к смене родины: уехать жить за границу навсегда (по принципу «где хорошо — там и отечество», «рыба ищет, где глубже, а человек — где лучше»);
- вместо национальной гордости за своих предков и веры в свое предназначение, укрепляющие волю к победе и придающие непобедимую силу, — создание комплекса вины и неполноценности, страха и неверия в себя, обрекающие на поражение.

Так разрушались основы национальной самоидентичности, девальвировались ценности, побуждающие людей к ведению здорового образа жизни, воспитанию качеств, определяющих принадлежность человека к этнокультурной группе, способность к культурному самовоспроизводству. Информационная война имела злонамеренный характер, преследовала цель подорвать на уровне самосознания инстинкт самосохранения нации, размыть понимание своей самобытности, главные составляющие этноса.

После «Крымской весны» многое, казалось, должно было поменяться. Однако антинациональные силы в нарушении цельности, по-прежнему опираясь на тот же сформированный комплекс установок, ловко перестроились.

В условиях западных санкций на волне патриотизма резко возросло количество отечественного культурного контента всех его видов. В театрах, кино, на телевидении предстала забытая

национально-ориентированная тематика. Теперь играть отечественных «джеймсов бондов» и «красоток» с русскими именами и внешностью стало «неловко». В криминальных сериалах и боевиках, развлекательных передачах, кинокомедиях и постмодернистских театральных постановках, но с менталитетом поколения миллениалов — цивилизованных, лощеных, расчетливых и не менее циничных — отечественные актеры с национальным русским колоритом принципиально мало что изменили. Если раньше было **внешнее** целенаправленное разрушение народа, его фактически национальное убийство и уничтожение, то теперь ставится задача его **само**разрушения и **само**убийства через внутренние механизмы изменения национального кода, его «перекодировку».

Вот лишь несколько показательных примеров.

Российская драма «Бык», обладатель главного приза и приза «За лучшую операторскую работу» «Кинотавра» 2019 г. и Гран-при МКФ в Карловых Варах, представляет детализированный срез эпохи 90-х, вдохновленной зарубежными образцами криминального жанра в припанкованно-приблатненной форме. Это откровенная отсылка к фильмам Балабанова и разного рода «перестроечной» чернухе. Краткий синопсис: «Девяностые. Время свободы, видеосалонов, первых рейвов, а еще разрухи и разгула преступности. Молодой лидер банды Антон Быков по прозвищу Бык, как и тысячи его ровесников, пытается любыми способами найти свое место в жизни, а также обеспечить семью»; «На экране — разнузданное “мясо” и персонажи, на отлично памятные всем, кто сумел выбраться из тех времен живыми». Большинство артефактов давно уж нет (*панк-концерты, «стрелки», качалки, погромы рынков, ночные клубы, бандиты*). Однако зритель не может не понимать, что, по сути, девяностые никуда не делись и могут вернуться в любой момент, поскольку «дракон» живет внутри каждого!¹⁸ Всегда важен смысл и производимый эффект — создаваемый образ русского человека и российской действительности становится мощным инструментом негативного формирования собственной идентичности. Если нет побуждающей силы к преображению и выходу из тупика, то нет надежды.

¹⁸ Итоги 2019 года: семь лучших российских фильмов по версии «Кинократии». URL: <https://rg.ru/2019/12/29/itogi-2019-goda-sem-luchshih-rossijskih-filmov-po-versii-kinokratii.html>.

С криминальным «Быком» мог бы поспорить патристический «Балканский рубеж». Однако, будучи несовместимыми, разнонаправленными в своих духовных посылах, на фоне друг друга они более отражают современный механизм разрушения, связанный с шизофренизацией, созданием ситуаций абсурда, дезориентацией сознания, неразрешимыми противоречиями, чем противостоянием идеологий и мировоззрений, где есть великий смысл и надежда.

Всё это в русле одного из главных трендов современного западного кинематографа и эстетики в целом, знакового с духовной точки зрения и являющегося маркером для различения ценностей и понимания сути происходящего. Это смешение трагического и комического, высокого и пошлого, ненависти и любви, добра и зла, свободы и фатализма, смерти и наслаждения в особый с привкусом сексуальности коктейль, приносящий блаженство. Это формирование потребности в наслаждении и упоении дьявольским духом противоестественного в человеке, ведущего его к гибели. На всё это тратятся огромные суммы, в этом задействуются лучшие режиссеры, сценаристы, актеры, они удостоиваются множества престижных наград, вокруг создаются немыслимые PR-кампании, реклама, на них работают мощные медиаресурсы.

Самые популярные режиссеры фильмов и сериалов творят в ключе «черного юмора» (К. Тарантино, Братья Коэны, сериал «Фарго» и пр.). Из раскрученных новинок 2019 г. показательны в этом смысле фильм «Однажды в Голливуде» и сериал с символичным названием «Предприятие “Божий дар” — кто грешен, тот и свят» по книге мэтров английской фантастики Т. Пратчетта и Н. Геймана, где в легкой и веселой форме с британским юмором рассказывается о скором Апокалипсисе.

Даже по темам, качеству, смелости кардинально отличающиеся от основного телевизионного потока, завоевавшие признание критиков и аудитории отечественные сериалы последнего времени: «Домашний арест» П. Буслова и С. Слепакова, «Обычная женщина» Б. Хлебникова и «Звоните Дикаприо» Ж. Крыжовникова, — сделанные в лучших традициях кинематографа, с почти гоголевскими характерами в великолепном исполнении актеров, продолжают ту же линию. Это всё равно гротескное, почти шокирующее сочетание иронии и лирики, любви и ненависти, предательства и преданности, порока и добродетели, са-

мопожертвования и малодушия, где соединяется несоединимое, противопоставляется сопрягаемое, унифицируется то, что должно быть различимо, а значит, осуществляется деконструкция духовно-информационного пространства. Показанные национальные образы героев нашего времени трагикомичны и безысходны.

Одна из самых модных категорий сериалов — мистическая, где есть загадка, но отсутствует смысл, на поиске которого построен сложный, запутанный сюжет, как, например, в сериале «Мертвое озеро». В итоге отсутствует развязка и нет никакой системы, хотя выясняется, что сложная, неподвластная разуму, неизмеримая система все-таки присутствует, и это, как ни парадоксально, и есть система. Пересматривать такие сериалы бесполезно и бессмысленно, как знаменитый американский сериал «Lost». Они нацелены на то, чтобы лишить человека веры в собственный разум, разумность вообще, на расчеловечивание homo *sapiens* (как *разумного* существа), в то, что разум человека способен понять что-либо. Тем самым «обессиленный» разум обречен подчиниться демоническим силам, злой воле или низменным чувствам.

В сериалах о сегодняшнем дне (например, сериал «Шторм») вслед за героем следователем Градовым (наш отечественный «супермен», Грязный Гарри и Бэтмен в одном лице), непреклонным и решительным, который идет напролом, зритель погружается в ситуации неразрешимых жизненных конфликтов, в которых сталкиваются моральные принципы. Здесь приходится выбирать между любовью к ближнему и чувством долга, создается атмосфера неразрешимости и отчаяния, ожесточенной борьбы, в которой побеждает лишь сильнейший, но не всегда правый.

Провозглашенная руководством страны национально-патриотическая линия отнюдь не мешает присутствовать русофобии в культурно-информационном пространстве. Правда, теперь не столь грубо, как это было в 90-е. Теперь она имеет эстетический окрас с элементами юмора и сатиры.

Не только в частных либеральных СМК, Интернете (соц-сетях) и авангардных культурных продуктах, но главное — на государственных каналах русофобия никуда в принципе не делась. Она продолжает существовать в более изощренном виде, искусно скрываясь в современном юморном и «трешевом» формате под маской критики, иронии, обличения тех недостатков российской действительности и образа России, которые во многом самими

критиками или их единомышленниками создаются и транслируются. Используются гиперболических размеров штампы и стереотипы, доводимые до пародии, вызывающие удивление и шок. Дешевые карикатуры на российскую действительность и нашу героическую историю, претендующие на креатив, рассчитаны привлечь как можно больше аудитории, вызвать смех, развлечь, развеселить, эксплуатирова низменные чувства и неприязательные вкусы (прикрываясь Н. В. Гоголем и прочими сатириками).

Есть классические примеры, где открыто в яркой художественной форме показан механизм управления массовым сознанием с помощью конструирования мифов через СМК и кинематограф. Это американский фильм «Хвост виляет собакой» (другое название «Плутовство») с Дастином Хофманом и Робертом де Ниро, из российских — фильм «Гена Бетон» с Гошей Куценко, а из последних — сериал «Домашний арест». В них видится современное продолжение образов Хлестакова и Бендера, далеко не единичных в мировом искусстве и литературе, где показано, как независимо от времени, культурного контекста и социального статуса некая «имитирующая Бога» сила с насмешливым дьявольским почерком может из «Ничтожного пузыря» создать «Всё». Но здесь же обнаруживается и то, что попытка лишь художественно, сатирически выразить эту силу оборачивается в свою противоположность. Зеркало, демонстрирующее миллионам их собственную глупость, которой они аплодируют и над которой смеются, обращается против них самих, если нет реальной положительной благодатной альтернативы. Так, гениально созданные Гоголем гротескные образы, призванные показать практически все пороки, чтобы отвратить от них человечество, стали одним из идейных орудий революционеров в борьбе с традиционной монархической Россией, которые «подожгли ее, чтобы согреться». Евангельские заповеди, призывающие «отделить зерна от плевел, а овец от козлищ», предполагают «духовное зрение», внутреннюю культуру, иначе духовный дальтоник не различит в мире Божественное и дьявольское, добро и зло, Георгия Победоносца и закалываемого им дракона (И. А. Ильин). Как известно, во внешних материальных процессах самих по себе нет ни добра, ни зла. Побеждает зло тот, кто одерживает победу, прежде всего, над самим собой и превращает его в добро; кто преображает каменеющую

ненависть в благодатную любовь, а не в иронию и насмешку. Иначе лучшим средством от головной боли может стать гильотина...

Слово «юморист» (от англ. *humour*) вошло в широкий оборот для маскировки подлинной сути явления, которое оно вроде бы означает (также как эвфемизмы «путана», «рэкетиры», «маркет» и т. п.). Стоит лишь перевести подобные слова на русский, как тут же проявится истинная природа явления. Так и со словом «юморист»: если его заменить русскими синонимами — «шут», «клоун», «затейник», то исчезает налет интеллигентности и следует говорить лишь о ремесле, а не о высоком искусстве.

В смехе как таковом нет ничего плохого. Это положительная человеческая эмоция. Однако нельзя отрывать смех от всего остального и разрывать целостность жизни, тем самым ее умерщвляя. Надо помнить, что смех — всего лишь эмоция. А любая эмоция, даже положительная, всегда поверхностна по отношению к лежащему в ее основе чувству и тем более мотиву, который не только *душевен*, но и *духовен*. Но дух, как известно, может быть и нечистым. Важно то, над чем смеются и по какому поводу. Если это смех над трагедией людей или провалом хорошего дела, то такой смех называют *злорадным*. Для духовно-здорового человека радоваться злу противоестественно и отвратительно. Над чем же смеются «наши» лицедеи, шуты, скоморохи, юмористы? Какие чувства руководят ими? Вряд ли они станут аплодировать и собирать «Аншлаги», когда у них самих горе, несчастье. Должно быть, у них веселье и радость. По какому же поводу? Не в связи ли с тем, что делается с миром, погружающимся в пропасть апокалипсиса? А может быть, на самом деле всё гораздо проще: их нанимают, а они продаются? Ведь дух продажности требует забыть о собственном отношении и отрабатывать деньги перед заказчиком. Представить, что они так много кривляются и несут полную ахинею со сцены из любви к «искусству», было бы наивным.

За что же любят российскую публику наиболее авторитетные юмористы? По мнению Константина Райкина, например, самое сладостное — это возможность управлять в нужном направлении ее желаниями, состоянием, когда она об этом не подозревает или не хочет подозревать.

Одно из творений непререкаемого авторитета «российской» интеллигенции Марка Захарова, названное «Шут Балакирев», в очередной раз воспевало дух одинокого избранника в борьбе

с тиранией и слепым «народным стадом». Образ особой личности, «героя», «рыцаря», который, возвышаясь над толпой, идет на «крест», жертвует собой ради «слепой толпы», всегда был особо любим либеральной творческой интеллигенцией. Но «эволюция» даже здесь налицо: от Джонатана Свифта к Барону Мюнхгаузену, а через него к графу Калиостро и, наконец, к Шуту Балакиреву. Кажется, из этого ряда выбивается образ рыцаря Ланселота из кинофильма «Убить дракона». Однако «исключение подтверждает правило». На это указывают как мифический характер персонажа и самого сюжета, так и любимая масонская идея противостояния «избранности» выдающейся героической личности и жалкого, тупого, трусливого народа.

Здесь еще одно важное обстоятельство. Зло не в самом шуте или смехе как таковых. Шут мог сказать Правду даже королю, и за это его любили. Его статус прощал то, что было непростительно другим. С другой стороны, почему бы не воздать должное уместным находчивости и остроумию? Но сегодня мы видим, что экран предлагает совершенно иной образец. Например, вместо того чтобы разить порок, он смакуется и в итоге возвышается. Гоголь, Салтыков-Щедрин, Чехов и другие великие сатирики, справедливо обличая пороки, тоже вызывали смех. Но то был смех очищающий, сродни «плачу по собственным грехам». То была сатира, стрелы которой были направлены против мерзости человеческой. Человек испытывал катарсис, духовное очищение. К сожалению, сейчас это оружие направлено чаще во зло, чем во благо. Как известно, в Евангелии нигде не говорится, что Христос смеется, хотя дух особой благодатной радости пронизывает весь Новый Завет. И это не случайно. Ведь чтобы возрадоваться, надо сначала восплакать о грехе.

Если присмотреться к великим комикам XX в., ставшим общепризнанными во многом благодаря раскручиванию в СМК и механизмам масскульта (Ч. Чаплин, А. Райкин), то мы увидим, что это был смех, которому сопутствовали слезы, а комедийный дар — лишь способ выражения трагических конфликтов эпохи материального прогресса и духовного одичания. Ведь не случайно в сравнении с комедией более высокой и реалистичной до сих пор считалась трагедия. Но частый показ в кино, телефильмах и новостях «российской чернухи»: разгула криминала, аварий, коррупции, беспредела, всевозможных безобразий, безнаказан-

ности обнаглевшей нечисти — лишь имитация жанра, и всё это не имеет ничего общего с трагедией как искусством. Скорее это напоминает *отчет* о проделанной работе, поскольку нет указаний на глубинных, истинных виновников, первопричины и понятный выход из тупика. Здесь и психологическая обработка для создания комплекса неполноценности и состояния психики, тоскующей по светлому и положительному, но готовой взамен насладиться суррогатом — эмоциями смеха. С помощью великих «мастеров» шутки под улюлюканье толпы и *хохот* (часто смонтированный) тем самым «выпускают пар». Кстати, слово «хохма» в обыденном сознании означает легкую шутку, тогда как на древнееврейском означает «мудрость» (*hoxmāh*). Но если вспомнить, что в европейских языках корень «mor» означает «смерть» (морг, мор, *momento moris* и др.), то значение ключевого слова «юмор» и производных от него отнюдь не веселое (ср. в русском языке: «скоморох», «умора»). Сегодня ставшее «профессией» искажение образа Бога в человеке возвысило на невероятную высоту людей, занятых этим ремеслом. Именно они являются «умом и совестью нашей эпохи». Чего только стоит шумиха вокруг кино- и *pop*-звезд, шоуменов, лауреатов-«оскароносцев» и прочих участников грандиозного маскарада, охватившего все сферы современного мира.

Природа смеха такова, что он вскрывает нелепости, несуразности, т.е. нарушения закона. Человек часто не осознает, почему он смеется. И это потому, что на естественном, подсознательном уровне заложено противодействие этому нарушению. Оно и вызывает реакцию неприятия. Смех всегда отталкивает, обличает недостаток. Но это обличение происходит как бы «свыше», человек знает, «как правильно». И отсюда положительная эмоциональная реакция. Однако реакция на грехи, недостатки в виде смеха есть реакция поверхностная, первоначальная. Это и делает возможным манипулировать с помощью смеха сознанием людей. Так появляется «не человек с прыщом, а прыщ с человеком». С помощью смеха можно протащить через экран на многомиллионную аудиторию что угодно: русофобию, пошлость, лихоимство, цинизм, развращение, спаивание, садизм. Всё спишется на жанр. Намеренные переворачивания, искажения (преувеличение или преуменьшение), когда само нарушение закона уже вызывает смех безотносительно к реальности и духовным ценностям, приводит к тому, что эмоции начинают властвовать над «духом»: *низмен-*

ное возвышается, а высокое опошляется. Так, раскрученный образ оscarоносного мультяшного уroda Шрека-людоеда был призван стать любимым «героем» молодежи, а красавица вместо того, чтобы своей любовью расколдовать чудовище (как это, например, было в старой сказке про аленький цветочек), вдруг сама предпочитает стать такой же уродиной. Главный же злодей по сюжету мультфильма — это прекрасный принц.

Всё это напоминает «бал Сатаны» в развлекательных программах, где предлагаются *ситуации абсурда*, выходящие за рамки простого комедийного жанра: хор военных, выступающий одновременно в мундирах и клоунских нарядах новогодних зайцев с приделанными ушами; солист в офицерском мундире с ритмическими откровенными телодвижениями в стиле Майкла Джексона или депутат Госдумы Жириновский в костюме Бэтмена с бесовскими рогами, исполняющий в стиле «рэп» политические частушки в новогоднем огоньке. Открыто сеются в душах всесмешение и хаос, когда жанр «черной комедии» отвоевывает себе легальное право транслировать в доступное для детей время всякие мерзости. И если раньше это были экранизированные «садюшки» с цензурщиной (американские мультики вроде «Южного парка») или показ по Первому каналу ледового шоу, где под чудесную песню из советских времен «Прекрасное далеко» парочка в пионерских галстуках изображала влюбленность пионерки и бородатого пионервожатого (в стиле «Лолиты»), то сейчас это показ в семейное для просмотра время (прайм-тайм) на большинстве центральных телеканалов бесконечных передач о супружеских изменах, брошенных детях, проституции, убийствах, домашнем и детском насилии и пр. и пр. под предлогом, что «об этом говорит вся страна» (знаменитые ток-шоу Малахова, Борисова, Шепелева на центральных каналах, не говоря о частных).

Как без особых усилий и безнаказанно опорочить мнение авторитетного заслуженного человека или положительную идею? Сейчас достаточно, чтобы их озвучили в форматах ток-шоу полумные и наглые фрики, спрос на которых регулярно подогревается на центральных каналах в самое смотрибельное время. Так, вместо серьезного обсуждения внимание сосредотачивается на карикатурных персонажах, а сами проблемы забалтываются или доводятся до абсурда. Примитивизация в сочетании с эпатажем, опошлением, осмеянием, юмором «ниже пояса» стала оружием

оглуления, тогда как очищающая сатира и возвышенная критика оказались в лучшем случае на канале «Культура», не говоря уже об интернет-пространстве.

В навязанных с 90-х гг. общественных отношениях «системной программой» стали формальные нормы права и «свобода» СМК, а нравственность и традиции лишь «бесплатным приложением», причем совсем необязательным, что позволяет «выключать из игры» или нейтрализовать важнейшие духовные аргументы и институты: церковь, науку, образование, культуру и искусство. Оперировать традиционными императивами истины, добра, красоты, веры, надежды, любви, совести и чести позволительно кому угодно и в любой интерпретации. Главное, чтобы они не покушались на фундаментальные «правовые основы» и «правила игры» нового мирового порядка, где всё в итоге покупается и продается. И не важно, что при этом брак и семья вместо «института любви» становятся добровольно-принудительным застенком, сделкой по расчету, обманом или узаконенным развратом, традиция вместо живой связи поколений — мертвым грузом и бессмысленным ритуалом, государство вместо защитника нации — орудием клановых и групповых интересов, право, вместо того чтобы быть правой силой, — инструментом узаконенного грабежа и оправдания несправедливости, образование — фабрикой по производству эффективных менеджеров и послушных исполнителей образцов, экономика непроизводительной и торгашеской, мораль лицемерной, искусство — искушением, СМИ циничными и продажными, врачи — рвачами, защитники отечества — наемниками, служители муз — прислужниками толпы, спортсмены физически больными, а патриотизм — «последним прибежищем негодяев».

Созданный механизм всесмещения, разрушения границ и правил под личиной свободного творчества и права на свободный доступ к информации, ограниченный лишь внешними нормами законодательства, пока бессильного в части контроля над манипуляциями, позволяет властвовать над умами и вкусами людей. Еще не придумано административное или уголовное наказание за сознательное нарушение законов логики и использование софизмов: юридически очень трудно доказать, было это просто логической ошибкой (алогизмом) или намеренной подменной понятий, отождествление нетождественного или противопоставление совместимого. Тем более это практически невозможно

в искусственно созданной ситуации двусмысленности и свободы интерпретаций. Именно навязанный тренд полисемантической культурного контента как признак настоящего современного искусства и культуры, который носит беспредметный внеценностный (какой угодно) характер, шельмование Министерства культуры, пытавшегося навести здесь хоть какой-то порядок, позволяет внедрять в сознание нужные идеи и ценности.

Так, выставки картин Васи Ложкина (А. В. Куделина), проходящие последнее время по всей России (не только за границей), пользуются успехом и невероятной посещаемостью среди самых разных возрастных категорий. В выставочные залы стоят очереди. Темы его примитивных картин — пьянство, разврат, агрессия, невежество, бескультурье, дикость, самодовольство, угрюмость, якобы самые что ни на есть типичные для русских. Смеяться над обобщенными карикатурными образами современников-россиян, показанных в образе животных и полулюдей, — значит потешаться над шельмованием самих себя, потерять чувство собственного достоинства и чести. Куделин позиционирует себя (с чем соглашаются его поклонники) в качестве обличителя порока, отнюдь не русофобом или экстремистом (мол, тогда Чехов и Гоголь — самые первые русофобы). Он «художественным» языком, включая не только изобразительный, но и «музыкально-поэтический» (музыкальный альбом «Пьянство и разврат», сольная пластинка «Крики лысого дурака», «Вася Ложкин И Какие-То Люди — Во имя любви», названия которых говорят сами за себя), выражает ту же идею присутствия в социокультурном пространстве (как и А. Невзоров) — выступать в роли якобы бесстрастного исследователя человеческой породы, «врача», которому противопоказаны всякие чувства и интересны только болезни и уродства. На самом деле это нужно отнюдь не для того, чтобы вылечиться, а чтобы «больной» свылся со своей болезнью, повеселился над ней, принял скотское состояние как естественное, неизбежное или решил покинуть этот дурдом («родину-уродину»), уехал жить за границу, рассуждая «где хорошо, там и отечество». Можно не сомневаться, что в создании настроения у тех 53% молодых россиян в возрасте от 15 до 25 лет (согласно социсследованию Левада-центра), которые хотели бы эмигрировать или по крайней мере учиться за рубежом, есть и их вклад.

Всё это расширяет непритязательную, падкую до «хайпа» и удобную для манипуляций аудиторию.

Рис. 2. Из коллекции Васи Ложкина (Алексея Куделина)
Источник: <https://yandex.com/collections/user/vic10700/>

Лидерами просмотров в Интернете, самыми «смотрибельными», являются коты, а потом дети. Поэтому неслучайно популярны у Ложкина «котики», в образе которых изображаются россияне. Так легче присоединить нужную информацию в под-

сознании через «посредника», который изначально сразу принимается благодаря существующему архетипу или стереотипу, который скрещивается с пороком, вызывая «когнитивный диссонанс», конфликт.

Картинка меняет картину мира! Язык является ключом. Это соединение визуального образа со смыслом, текстом.

Важно, что делается установка на изменение самого понятия «русский», его идентичности. Если раньше приписываемые ему пороки должны были вызвать неприязнь к своему Отечеству и национальной принадлежности, то теперь они принимаются как естественное, нормальное, прикольное. «В Питере пить!!!» — припев знаменитого хита Шнурова, самого успешного певца последних лет. Самый узнаваемый образ русского (стереотип) и наиболее частые шутки по этому поводу на эстраде — это пьянство («Рожденный русским не пить не может!»). Вдалбливаемая на протяжении десятилетий формула возымела действие — это уже не считается пороком давно. Апофеозом можно считать клипы российской трешевой панк-поп-рэв-группы Little Big, образованной в 2013 г. в Санкт-Петербурге, которую поддержал Первый канал в качестве главного конкурсанта от России на Евровидении. Не удивительно, что из россиян ее знает прежде всего так называемое поколение миллениалов, которое «пасется» на просторах Интернета, слушает песни на английском и любит «приколоться». Здесь всё вызов традиции, здравой логике и ценностям — от названия, совмещающего несовместимое («Маленький большой»), извращенной стилистики, вывернутого наизнанку названия первого альбома (With Russia From Love), названия песен Every Day I'm Drinking («Я пью каждый день»), Big Dick (про все возможности человеческой сексуальности) до названия родного города, из которого вышла группа (Город Святого Петра). Известная панк-группа Pussy Riot просто блекнет. И вот они должны были представлять Россию в Европе на «раскручиваемом» ежегодном конкурсе молодежной песни в юбилейный год 75-летия Победы над фашизмом (!). Что это как не попытка демонстрации всему миру того, кто на самом деле одержал победу, превратив русских в такое быдло? Если бы не эпидемия и перенос конкурса, то они могли стать «победителями» (их клип набирал наибольшее число просмотров и лайков). Но в этом сражении идущей сим-

волической войны победу у них отняли нечеловеческие силы: «...случай, Бог изобретатель»¹⁹.

Тотальная логическая безграмотность аудитории, неспособность самостоятельно критически мыслить позволяют свободно манипулировать, внедрять в сознание то, что нужно, сначала на уровне формирования отдельных ментальных установок и эмоций, а потом целостных образов, убеждений и поступков. Под всем этим подразумевается ряд якобы очевидных либерально-демократических аксиом, давно уже не требующих обоснования, на которых строятся логически безупречные рассуждения из «прочного камня и ажурных украшений» и далеко идущие выводы. Всё это сооружается на «песчаном» фундаменте ложных догм и лживых посылок (нарушении первого необходимого условия истинности вывода — истинности исходной посылки). Тех, кто с ними не согласен или хотя бы сомневается, безапелляционно записывают в разряд маргиналов, которым бесполезно что-либо доказывать. Нежелание или неспособность быть более убедительными, дефицит здравой логики и порядочности маскируются аргументами к личности или эмоциям, вплоть до презрения к оппонентам: мол, опускаться до нормального диалога с теми, кто не согласен с их исходными посылками, всё равно что разговаривать с недоумками или животными. Поскольку сильный оппонент может выявить несостоятельность их точки зрения, они избегают серьезных дискуссий в культурно-информационном пространстве, предпочитая формат ток-шоу, где царит ангажированность ведущих, неразборчивость в средствах полемики, деморализация и шельмование опасных противников или просто умолчание их существования.

Например, возьмем утверждение главного редактора интернет-портала «Форум.мск» журналиста Анатолия Баранова, что «нормы морали не должны регулироваться обществом», государством. Оно выводится из того, что нравственность — это сфера сугубо личная, область индивидуальных убеждений, веры, религии²⁰. Это наглядный пример того, как нарушение фундаменталь-

¹⁹ Последняя строчка известного стихотворения А. С. Пушкина «О сколько нам открытий чудных готовят просвещения дух...», часто вырезавшаяся в советское богоборческое время.

²⁰ https://www.ntv.ru/peredacha/Mesto_vstrechi/m52562/o586796/video/ (на 1.29 мин)

ных законов логики (в данном случае нарушен закон достаточного основания: при истинности исходной посылки имеет место ложное следование), а также несоблюдение принципа целостности (рассмотрения не только в отношении самого предмета, но во взаимосвязи с другими сферами и абсолютном) ведут к принципиально ложным тезисам и выводам.

Но здесь выявляет себя более фундаментальный принцип, объединяющий всех противников отечественных цивилизационных ценностей независимо от частных идейных оттенков и мировоззренческих одежд (либералов, консерваторов, коммунистов, демократов, западников, евразийцев, прагматиков, материалистов, идеалистов, постмодернистов и пр.). Это духовно-нравственная беспринципность, позволяющая манипулировать сознанием людей и оставаться при этом безнаказанным, возлагать ответственность за якобы свободное и осознанное принятие решения (выбор) на людей, которые его на самом деле сделать не могут в силу своей некомпетентности, интеллектуальной и духовной незрелости или недостатка необходимых ресурсов (времени, информации и пр.). Оправданное с духовно-нравственной и правовой точки зрения решение, за которое человек несет ответственность, где соединяются личное, государственное и общественное, может быть только одно: если оно основано на осознанном и свободном (невынужденном) выборе должного (лучшего), укорененного в абсолютных ценностях. Во всех остальных случаях имеем многообразные социальные конфликты и дисфункции.

Для сегодняшнего времени характерна поляризация двух главных духовных центров (сил): с одной стороны, это ценности цивилизации, объединяющие различные этносы и социальные институты в единый национально-политический духовно-нравственный организм, а с другой стороны, центр, несовместимый с ними. Последний при всем многообразии политико-идеологических оттенков, культурных форм, средств и технологий воздействия содержит один четко опознаваемый духовный механизм, имеющий принципиальное значение. Суть его в трансляции логики двойственности, «двойных стандартов» и абсурда, к которым прибегают его носители, чтобы продолжать манипуляции сознанием и разрушать целостность бытия. Троичная природа ценности в проекциях на уровне бездуховного сознания приобретает двойственный характер, предстает как парадокс или нарушение зако-

нов логики (софизм). Всё это требует разоблачения, обращения к духовным категориям.

Блокируются, шельмуются или замалчиваются люди, группы, социальные институты, информационные ресурсы, культурный контент, образовательные программы и политические решения, где императивами являются духовно-нравственные ценности. Механизм разрушения ценностей не лежит на поверхности, внешне предстает не обязательно как крайне либеральный, антигосударственный, антиправославный или антинациональный. Его главная функция: мимикрировать и эволюционировать как вирус в зависимости от конъюнктуры, среды, настроений в свои антитезы, представлять в «белых одеждах» общественного блага, демократии, свободы, государственного патриотизма, религиозности, национальных интересов. Поскольку его природа духовно-демоническая, то он может быть обнаружен прежде всего на уровне глубинных смыслов, духовно-нравственных ценностей и соответствующих институтов.

В личных смыслах — это последовательное отрицание духовной природы и сущности, заложенной в каждом человеке, неприятие высшей врожденной потребности в цельности, совершенстве, естественного стремления к богоподобию, то есть:

- отрицание естественного желания в абсолютной ПРАВДЕ (не просто условной относительной истине как результата временной договоренности и расчета, а как объективной сущности);
- отрицание внутренней потребности в абсолютном ДОБРЕ (как высшей благой деятельности, а не временной конъюнктурной цели и соответствующих ее достижению средств);
- отрицание потребности в абсолютной КРАСОТЕ (как абсолютной вечно живой гармонии).

Задача враждебных сил состоит в том, чтобы дезориентировать, запутать основную массу людей, представить человеческую историю, и российскую особенно, как не имеющую никакого высшего духовного смысла, единой связи и логики, кроме одного: ее история есть якобы борьба за свои интересы, где главными силами развития являются биологические и материальные потребности, а сфера культуры и духа вторична. Дух хоть и драгоценный плод, но не более чем продукт воображения. О том, что история любой личности, вся социальная история и геополитика складываются

из борьбы духовных нечеловеческих сил и человеческой воли, т. е. то главное, о чем говорит практически всё выдающееся наследие русской и мировой культуры, — говорить об этом в информационном пространстве сейчас нежелательно — является признаком чуть ли не дилетантства. Создаются информационные поводы для отрицания объективной реальности духа, чему служит поток мистической мути, оккультных клоунов, астрологов, гуру, псевдоученых и полусумасшедших на таких телеканалах, как РЕН-ТВ (и даже центральных — шоу «Битва экстрасенсов»), а в Интернете — в YouTube, цель которых инсинуация и дискредитация настоящей метафизики. Соблазняя неискушенную аудиторию, они слегка приоткрывают истину, но для того только, чтобы наименее критичных совлечь на путь оккультизма, а большую часть за счет недостоверных данных и непроверенных источников отвратить вообще от мысли, что дьявол и Бог реально существуют.

В сфере духовно-нравственных ценностей задача враждебных сил убедить объект воздействия, что рассуждать в логике «так есть, значит, так должно быть» естественно. Ставится задача отрицать, принижать, замалчивать или сталкивать нравственные добродетели (смирения, любви, кротости, храбрости, трудолюбия, честности, целомудрия, умеренности, щедрости), а в соответствующих институтах и организациях (церковных, образовательных, научных, культурных, семейных) провоцировать и смаковать их дисфункции.

Это создание социально-психологических конфликтов как внутри самого человека: между телом и душой, между умом, волей и чувствами (хочется то, что не может, делается то, что не хочется), — так и между человеком и микросоциумом, между человеком и обществом.

Вот типичный набор интеллектуальных приемов, благодаря которым, опираясь на логическую неграмотность и бездуховность, успешно манипулируют сознанием, внося в него путаницу через управляемый хаос, и достигают желаемой цели. Многочисленные подтверждения их применения наблюдаются практически во всех объектах изучения.

1. Отождествление нетождественного.
2. Противопоставление тождественного.
3. Подмена противоположных понятий противоречащими, и наоборот.

4. Ложная фактология при истинности логического следования.
5. Лживость логического следования при истинной фактологии.
6. Ложные или нестрогие аналогии.

Если некто отстаивает ценности какой-либо традиции, которая не ориентирована на абсолютные духовные ценности, является лишь данью прошлому и, более того, сохраняет предрассудки и прежитки (кровная месть, жертвоприношение и т. п.), то антинациональные силы выступают на его стороне, будут его поддерживать, обвинять противников данной традиции в неуважении к прошлому, расхваливать консерватизм и традиционность. Но если кто-то отстаивает ценность традиции (например, традиционной семьи), в которой выражено стремление к абсолютным ценностям, то его будут обвинять в застое, недооценке новаций, назовут «тормозом на пути прогресса».

Создаются «страшилки», мифологемы, образы, доведенные до абсурда, которые аудиторией, естественно (пока еще), отвергаются, тем самым создается почва для принятия за истину противоположного суждения: например, если псевдопатриотизм — это плохо, то космополитизм — хорошо; если в традиционной семье есть факты насилия (термин «семейное насилие» превращается в мем, неразрывное устойчивое сочетание), то в нетрадиционной семье его якобы нет (или вообще при отсутствии семейных отношений его меньше). Некритичному сознанию невдомек, что противоположные суждения не могут быть одновременно истинными, но могут быть одновременно ложными, т. е. если человек не преступник, то он необязательно жертва; если человек кого-то не любит, то это не значит, что он его ненавидит, — он его может просто не знать. Но если человек нечестен, лжив, то правдивым он быть не может, даже если точно ответил на вопрос: «Который час?» Суждения о понятиях, находящихся в таких отношениях, как «добро и зло», «жизнь и смерть», не совместимы ни по истинности, ни по ложности. «И невинность соблудости, и капитал приобрести», служить «и Богу, и Мамоне» возможно лишь для нравственно больного сознания, которое, увы, становится нормой благодаря конструированию мемов и мифологем, низкому уровню не только нравственной, но элементарной логической культуры.

Технология соблазняет положительными внешними качествами и даже поступками, которые часто бывают, казалось бы, добрые, приносят благо людям, но порождены внутренней борьбой, конфликтами в себе и с окружающим миром. Обрести заповеданную цельность, снять конфликт в любых вариантах на почве только душевно-материальной, вне духа, значит, неизбежно потерпеть неудачу. Это как если бы одаренный исполнитель достиг высокой виртуозности в результате упорных занятий, овладел навыками, получил прекрасные условия, технологию и отличные инструменты, но дурным текстом и музыкой развратил аудиторию. Человек на запрос на цельность получает ответ как «от Бога, так и от дьявола». Все конструктивные попытки до этого были неудачны, трагичны, потому что были иллюзорны, внеонтологичны и потенциально демоничны. Традиционные социокультурные институты, опираясь на национальный архетип, не позволяли отчаяться, сойти с ума, религия давала надежду, утешение.

Последовательность такова: из-за превращения традиционных институтов в глазах многих в пустую оболочку по причине оскудения духа и ослабления веры они начали разрушаться в результате социальных революций и трансформаций вплоть до фактической ликвидации (например, современных брака и семьи). Причину бед увидели в самих институтах. Теперь, пожав горькие плоды от разрушения, повинувшись национальному инстинкту, кинулись их восстанавливать, но опять забыли о цельности и смыслах. Сегодняшняя «духовная брань» разворачивается вокруг цивилизационного ядра и национально-культурного архетипа — духовно-нравственных ценностей, духовно-душевно-телесной «монады» («гена»), из которого Россия, как феникс из пепла, возрождалась каждый раз вновь благодаря наследованию исторической памяти и культурным достижениям, осмыслению социального опыта и исторических уроков, цели своего существования. Таким образом, основной удар приходится по душевно-духовно-телесной иерархии и национально-государственно-религиозным институциональным взаимосвязям, направлен на нарушение их функциональности и единства. Национально-культурный цивилизационный архетип воспроизводит себя, живет благодаря внутреннему национальному духовному акту (И. А. Ильин), который является самым драгоценным наследием, главным признаком национальной и цивилизационной идентичности, национальному культур-

ному «коду» (или «русской идее»), требует культивирования, сбережения и воспитания, выявления и осуществления во всех видах деятельности.

В свое время о творчестве Р. Вагнера А.Ф. Лосев написал: «Свобода, блаженство, наслаждение, смерть и фаталистическая предопределенность — вот что такое любовный напиток, так гениально изображенный у Вагнера», тем самым выразив суть процессов современного искусства, являющихся продолжением эпохи «бури и натиска» и «философии жизни», парадоксально приведших через безбожие к самоумерщвлению, ибо вдохновлены они демоническим духом.

Примером эстетизации абсурда с претензией на принципиально новое направление в искусстве, по сути продолжающее линию постмодерна, деконструкции, снятия традиционных табу, не просто беспредметности, но демонических сил, является творчество арт-группы AES+F, соединяющее грандиозные видеоинсталляции, скульптурные группы, масштабные постеры и арт-объекты. Их выставки регулярно проходят по всей России и за рубежом, широко представлены в пространстве Интернета, активно продвигаются либеральным творческим сообществом, ориентированным на так называемое современное креативное искусство²¹. В 2019 г. прошли их масштабные выставки в Казани и Санкт-Петербурге. Их анонс гласит: «Мистические миры AES+F выстраиваются на глубоком понимании иконографии, аллегорий и сюжетов истории классического искусства. Транслируемые через ультрасовременный социокультурный контекст, они открывают свои двери каждому зрителю, жаждущему разгадать гипнотическую игру смыслов. AES+F, как настоящие визионеры, не просто обнажают глобальную ситуацию, в которой находится наш мир сегодня, но и предсказывают то, что наступит уже завтра. Богатый визуальный язык арт-коллектива, совмещающий в себе эстетику барокко и маньеризма, создает серию ярких гипертрофированных образов, в которых с необходимой долей иронии можно найти себя. Сюрреалистические фантазмагии, гипнотизирующие зрителя, погружают его в метапространство, где привычные категории добра

²¹ Телеканал «Культура». URL: https://tvkultura.ru/video/show/brand_id/62218/episode_id/2170681/video_id/2188690/viewtype/picture/.

и зла, красоты и уродства, богатства и бедности, порока и благодетели утрачивают свою императивность»²².

Выдержка из самопрезентации (анонса) дает представление о том, какой имидж они хотят создать в сознании аудитории для ее привлечения, но это отнюдь не означает, что декларируемые цели являются подлинными, ничего не говорится о конкретном содержании представленных образов. Игра со смыслами (отказ от ценностных императивов) позволяет самому зрителю грузить любое аксиологическое содержание и расставлять акценты. Одна важная оговорка — если он на это способен и готов к этому. Один из законов пиара гласит: если текст может быть понят неправильно в силу двусмысленности, то он будет понят неправильно. Реальное впечатление о ценностях их творчества складывается при непосредственном восприятии, которое основано на почти магическом воздействии амбивалентных образов, отражающих разрушение устоев традиционного общества и культуры, констатируя новые тренды. Полисемантичность позволяет беспрепятственно транслировать «духовные» смыслы, упакованные в необычную виртуально-реальную форму, соединять несоединимое, вызывая те самые демонические чувства, где прекрасное, теряя нравственное, не перестает быть привлекательным и прекрасным, где безобразное и противоестественное обретает смысл, становится значимым и интересным, где дисфункции и перверсии таят в себе невыразимые смыслы. Это не просто очередной обман в современной оболочке хай-тек, сродни тому, о котором писал Сальвадор Дали, раскрывая истинные мотивы своего сюрреалистического творчества. Здесь изощренное разрушение духовного мира человека предлагает эстетическое наслаждение от противоестественного в сфере духа, где борьба с Истиной, Добром и Красотой не предстает, как прежде, в образах откровенных Лжи, Зла и Безобразия, но часто как взаимное отрицание: чтобы быть красивым, приходится быть недобрым или лживым; чтобы быть правдивым, приходится быть безнравственным; чтобы быть добрым или красивым, приходится лгать. И всё сдобрено легкой порцией иронии, поскольку юмор, смех всегда связан с намеренным преувеличением, искажением, несоответствием, дисгармонией. Однако, в отличие от плакатно-

²² Центральный выставочный зал «Манеж», Санкт-Петербург.
URL: <http://manege.spb.ru/events/aes-f-predskazaniya-i-otkroveniya/>.

го Ложкина, работающего на уровне сознания, амбивалентность творчества которого не в глубине самих произведений, а лишь в возможности двусмысленного толкования зрителем их смысла (непонятно, чего здесь больше — обличения или насмешки), творчество AES+F более серьезно, оно затрагивает дух.

В работах AES+F особое место занимают дети, подростки, молодежь.

Рис. 3. Фрагмент видеоинсталляции AES+F.

Источник: volna.press. ЦВЗ «Манеж»: AES+F. https://yandex.ru/images/search?from=tabbar&text=AES%2BF&p=1&pos=57&rpt=simage&img_url=https%3A%2F%2Fstorage.googleapis.com%2Fs.meetmix.ru%2F515664%2F67888574_1246188648894207_1943292707950559232_n.jpg

Одним из отличительных признаков демонической природы антинациональных сил является воздействие на молодое поколение, особенно детей — по причине их еще социально-психологической и физической несформированности, наивности и незащищенности. В инсталляциях AES+F бросается в глаза контраст внешней детской невинности и чистоты с их вопиющими действиями (чаще всего, насилием). Тем самым, казалось, обращено вни-

мание на разрушение одной из базовых основ человечества, смысла его существования — воспитание будущего поколения в любви, желание счастья своему потомству, без которого человека ждет неизбежное вырождение и вымирание. Это тема программы самоубийства человечества. Но вызывают ли эти инсталляции ожидаемое чувство жалости, отвращения или возмущения, как, например, полотна В. Г. Перова («Тройка», «Чаепитие в Мытищах» и др.)? Нет, они завораживают, гипнотизируют. Двусмысленность позволяет избежать ответственности, которая возлагается на зрителя. Остается впечатление безысходности, безжизненности и неизбежности наступления безрадостного конца. Плавные замедленные движения, классическая неторопливая проникновенная музыка, загадочные картины — как ребусы с всевозможными отсылками и цитатами — погружают в состояние транса, медитации, сна, за которым чувствуется зловещее дыхание наступающей неизбежной смерти. Здесь есть некая *данность*, неизбежность, но без *заданности*, без того, что *должно быть*. Красивая музыка и красивые люди как бы вопрошают: «Что с нами происходит?», «Что делать?» и «Кто виноват?» (извечные русские вопросы). Возникает некий парадокс картин и актеров, задействованных в инсталляции, которые вроде живые, благодаря видеосъемке, но оказываются еще более мертвыми. «Ребенок и смерть» — казалось, что может быть более несовместимо? Это противоречит фундаментальному архетипу, но внедряется в сознание в благоприятной упаковке в особом режиме с нейтральным или положительным раздражителем для последующего еще большего подкрепления.

Подобные технологии используются всюду, где надо разрушить как универсальные, так и национальные архетипические реакции и психические новообразования. Устойчивые модели поведения в свое время были сформированы первичными институтами социализации в результате воспитания в семье и школе, были призваны к подкреплению в течение последующей жизни, но теперь подвергаются атаке и ускоренному разрушению.

Еще один маркер: поощрение ценностей прежде всего удовольствия и развлечения. Якобы даже серьезное дело нужно обязательно презентовать весело и креативно (делать и доводить до конца необязательно). Всё превращается в шоу, игру. Распространение соответствующей терминологии в политике: «игроки», «партнеры», «театр военных действий». Создаются такие «правила игры»,

в рамках которых положительный выбор, приемлемый исход для духовно-нравственного человека становятся почти невозможными: он должен или красть, обманывать, или быть обокраденным и обманутым, унижаться или унижать других.

Например, даже А. Проханов на одном из телешоу НТВ при обсуждении проблемы оттока за границу трудоспособной молодежи, желая многих уехать туда, где привлекательнее, сказал, что без *национальной идеи*, способной объединить и вдохновить, ничего не получится. Но тут же дал повод превратить это в фарс: предложил «логику больших дел», наподобие целины или БАМа советских времен, «чтобы было чем заняться», соединив приятное с полезным. При таком откровенно инструментальном отношении к национальной идее, которую можно, манипулируя, «придумать», вряд ли стоит ожидать, что молодежь отнесется к ней с доверием, и уже не важно, что это будет — спорт с физкультурой, экология, воссоединение ныне разделенного русского народа, сохранение культурного наследия, восстановление традиционной многодетной семьи или освоение Арктики (где, по мнению Проханова, все сразу становятся патриотами). В результате обсуждения вопроса пришли к выводу, что государство должно дать молодежи возможность самореализации в собственной стране. С другой стороны, разве не задача самой молодежи искать эту возможность? Но сложившееся потребительское отношение к жизни, своей стране, родителям, государству, Родине, а не служение ей (как это было испокон веков в России для всех сословий) есть результат целенаправленного на протяжении последних десятилетий развращения сознания, его денационализации.

Один из замечательных православных писателей, автор многотомного издания «Православие и русская литература» — М. М. Дунаев отмечал, ссылаясь на Вл. Соловьёва, что самоутверждение каждого безотносительно к другим есть коренное зло нашей природы: «Усугубляется самозамкнутость индивидуумов, неудовлетворенная гордыня всё более терзает души. Люди мечутся, потому что самоутверждаются, а самоутверждаются, потому что сами не знают, чего им надо. Всё это порождает смутное недовольство собою и жизнью; потребность утвердить себя над прочими, хотя бы самыми ближними, растёт, принимая порою самые дикие и даже преступные формы. В пространстве торжествующего первородного греха всё более искажаются благодатные дары

Божии (*пытливый ум, твердая воля, художественный талант*), которые обожествляющий себя человек использует в служении злу и во вред себе»²³.

Здесь корень одного из маркеров сил: хайп, самопиар, стремление к известности, славе любой ценой.

Для тех, кто не разделяет традиционные ценности, в порядке вещей являются лицемерие и двойные стандарты. Так, лояльность к власти и законопослушность в нашей стране — это признак раболепства, сервилизма, трусости, а за границей — свидетельство тамошней цивилизованности и дисциплины. Но за этим стоит не просто логика двойных стандартов и изворотливость, которая может быть присуща любому непорядочному человеку независимо от национальности. Здесь, во-первых, одно из принципиальных отличий нашей цивилизации, состоящее в духовно-нравственных императивах, осуждавших подобное в принципе как на уровне элиты и государственной политики, так и всего народа, а во-вторых, пример действия одного из механизмов разрушения цивилизационных основ — *релятивизма*, оправдывающего безнравственность сугубо двойственностью бытия и псевдодialeктикой, из которых следует якобы необходимый *антитетизм*. Последний на поверку оказывается не чем иным, как софистикой, опускающей дискурс на абстрактно-эмпирический уровень и скрывающей духовный смысл. Именно выявление ценностно-смыслового содержания позволяет разрешить мнимые противоречия хотя бы на уровне сознания и обнаружить подлинные антитезы, действительно непримиримые.

Один из механизмов — создание ложных антитез, приобретающих форму ментальных конструкторов, мифологем, «мемов», где спутаны основания, но которые благодаря внедрению в информационное пространство, частому употреблению и приемам нейролингвистики закрепляются на подсознании в виде стереотипов.

Это может быть конструирование мнимых антитез и синтезов по разным основаниям. Вот один из показательных примеров. Частая репрезентация пары понятий «либерализм — консерватизм» как антитетичной является лживой. На самом деле либерализм несовместим с тоталитаризмом и может быть консер-

²³ Дунаев М.М. Постмодернистские скандалы. URL: <https://lib.pravmir.ru/library/readbook/203>.

вативным, а консерватизм не совместим с радикализмом, революционностью, но вполне совместим с тоталитаризмом. Иными словами, отстаивание традиционных ценностей не только не исключает ценности свободы, но, напротив, ее предполагает, чтобы не быть сухим и безжизненным, а свобода должна опираться на опыт и традицию, чтобы не быть отрицательной и своевольной. С другой стороны, хотя абсурдность оксюморонов «либеральный тоталитаризм» и «консервативный революционер» слишком очевидна, тем не менее на практике либерализм часто становится тоталитарным именно потому, что он не укоренен в традиции, а консерватизм — радикальным, потому что в нем не хватает свободы. Противодействие всему этому может быть только одно: широкое употребление понятий «либеральный консерватор» и «тоталитарный либерал» именно в таком сочетании как подлинная антитеза, выявляющая смысл современного духовного противостояния. Например, в современном художественном процессе оно предстает как несовместимость самобытного национального творчества с духовно-беспредметным тоталитаризмом постмодерна.

Механизм конструирования «призраков, обретающих плоть» в информационном пространстве, связан с замалчиванием духовных взаимосвязей, наполняющих конкретным смыслом важнейшие ценностные категории, которыми оперирует власть, институты социализации и регуляции (образование, наука, право, искусство, СМК, церковь), чтобы придать им нужное искаженное содержание. Важнейшим инструментом манипуляции здесь служит технология двусмысленности, подмена понятий, весь арсенал софистики, главным из которых является использование по своему усмотрению амбивалентности ключевых ценностных категорий, паразитирование на духовной слепоте и логической неграмотности аудитории. Любимым аргументом, подтверждающим относительность истины, ее субъективность, условность и отсутствие объективных критериев, является часто используемый пример со стаканом воды, который непонятно — то ли наполовину пустой, то ли наполовину полный, — всё зависит от интереса, ситуации, взгляда человека и того, как договорятся между собой люди. Здесь важен крен не столько в сторону субъективизма (при желании софист с не меньшим успехом будет доказывать и обратное), сколько реля-

тивизма, отказ вообще от истины как высшего начала, за которым следует сомнение во всем: бытии, Боге, любом авторитете, возможности оценки с точки зрения добра, красоты, истины, чего бы то ни было вообще, любых устоев. Отсюда начинается деконструкция не только национального архетипа, но общечеловеческого в принципе.

Как противостоять этому? В проектировании и организации всякой деятельности следует показывать роль духовного измерения, мировоззренческих вопросов и ценностных категорий, связь между частными проблемами и недооценкой духовного фактора, формировать навыки анализа и интерпретации социокультурного бытия, опираясь на богатое культурно-историческое наследие, пропуская прошлое через призму историософских уроков и духовно-нравственных оценок.

Разрушаются универсальные общечеловеческие и этнокультурные архетипы, воспроизводимые в различных традициях, обрядах путем трансляции деструктивных моделей поведения, направленных в условиях свободы не столько на сами формы, сколько на цивилизационную основу, их ценностное духовное «генетическое» ядро независимо от времени и этнокультурных особенностей. После разрушения цивилизационной основы нация разрушится сама собой. Теперь необязательно напрямую воевать с национальными символами и достижениями (Чайковским, Гагариным, победами в войнах, Большим театром, национальными традициями, русским квасом или кокошником), достаточно придать всему этому ироничную окраску, подсказать нужную интерпретацию в забавной форме, не требующей честности, «присоединить» это к чему угодно, лишь бы было смешно.

Бесполезно сооружать православные храмы и памятники национальным героям, строить ФОКи и стадионы, пропагандируя здоровый образ жизни, если поощряемая СМИ, извращенная нечистым духом душа сама будет с удовольствием везде всё коверкать, опошлять, что, собственно, и делается в многочисленных блогах и комментариях на просторах Интернета всевозможными *трешевыми персонажами* (от англ. — грязь, мусор) и *фриками* (отвязанные), которые благодаря миллионным просмотрам и перепостам становятся лидерами мнений, их транслируют в том числе государственные телеканалы, создавая им косвенную рекламу даже с комментариями осуждения.

Рис. 4. Российские болельщики в кокошниках, жующие хот-доги во время чемпионата мира по футболу, стали главным мемом матча.

Источник: <http://gamebomb.ru/gbnews/24969>

Авангардистская ломка искусства предстает «фактором не формирования среды, а расчленения традиционных и естественных для человека принципов и связей с материальным миром», являющимся отражением невидимого мира духовного. Contemporary art стала «лабораторией распада», разрабатывающей алгоритмы «превращения человека в схему рефлексов и желаний», подчинения человеческой воли и личности энергии «распада смыслов, форм, границ между культурой и цивилизацией, между жизнью

и смертью»²⁴. Зло есть изолгание бытия, лжебытие, небытие. Как известно, дьявол — отец лжи и первый обманщик: он обещает золотые горы, а платит разбитыми черепками. В данном случае соблазняет великими духовными открытиями и спасением, а на поверку — «гора рождает мышь». Творческая немота и импотентность современного «актуального» искусства отталкивает сплошными ремейками и одновременно отсутствием художественных образов, беспредметностью искусства, обращением не к чувствам и разуму, а эмоциям и инстинкту.

Во многом с этим связано то обстоятельство, что естественная потребность в «герое нашего времени» (идеале), призванная соответствовать врожденным базовым структурам (универсальным и национальным архетипам), выстраивающая отношения с миром, оказывается «неестественной», т. е. результатом особого конструирования. Сначала создается привлекательный образ, опирающийся на базовые архетипы (Бог, Отец, Мать, Герой и др.), но в оболочке привлекательного вненационального и даже антинационального. В результате возникает внутренний конфликт, усугубляющийся показом «национального героя», далекого от идеального, который, очевидно, не справляется с возложенными на него функциями. Неудивительно, что «герой 90-х» — Данила Багров (актер Сергей Бодров) из культового кинофильма «Брат», набравший 45% голосов (в опросе приняли участие больше 40 тысяч человек), — оставил далеко позади себя Илью Муромца с его 13%, Глеба Жеглова (11%), Дядю Степу (9%) и других известных властителей дум, включая персонажей сериалов «Мажор» и «Физрук». Организаторы конкурса пытались выяснить, кто вызывает у населения большее чувство безопасности, уважения и симпатии.

В этом смысле вряд ли можно согласиться с трактовкой феноменальной популярности героя С. Бодрова, изложенной в статье Е. А. Цуканова о герое нашего времени²⁵, где его суть сводится к «противостоянию самому себе, в душе которого шла постоянная внутренняя борьба», что это «амбивалентный архе-

²⁴ Яхнин А. Л. Антиискусство : Записки очевидца.

²⁵ Цуканов Е. А. Герой нашего времени как закодированный медийный месседж: от «Брата» к Большому брату // Международный журнал исследований культуры. Герой в культуре. М. : Эйдос, 2018. № 3 (32). С. 89–98.

тип трикстера как символа переходной эпохи и маркера новых онтологических границ». Автор далее пишет: «П. Радин, один из самых авторитетных исследователей мифологии трикстера, считает, что данный персонаж обладает "...особенной и непреходящей привлекательностью и необычайной популярностью у людей со времен зарождения цивилизации"». Утверждается, что «образ трикстера динамичен и олицетворяет собой не только лишенное различий далекое прошлое, но и упорядоченное настоящее, в чем и заключается причина всеобщего и постоянного к нему интереса, поскольку для каждого из нас "...он остается богом, животным, человеком, героем, шутком, отрицающим, утверждающим, разрушителем и творцом". Парадоксально, но именно благодаря грубому и аморальному поведению трикстера все ценности обретают свое настоящее значение. Важнейшей функцией трикстера, по мнению Ю. Чернявской, является его способность быть точкой совмещения несовместимого, которая и порождает новое»²⁶. Трикстер представляет собой одну из древнейших архетипических психологем. К. Г. Юнг выделяет такие черты психологии трикстера, как любовь к хитрым шуткам и злым проказам, способность изменять облик, двойственность натуры, подверженность всем видам мучений и, что *наиболее важно, приближенность к образу спасителя!!!* (выделено Ю. З.). Многие черты трикстера присутствуют в характере шамана, обряды которого связаны с настоящей болью, поскольку исцелять может только тот, кто наносит раны и сам ранен. Называя данную условную точку «точкой безумия», Ю. Чернявская парадоксальность поведения некоего условного сумасшедшего также, как и Ю. М. Лотман, квалифицирует в качестве залога инновативности, не подчиняющегося общим правилам поведения. «Как

²⁶ Юнг К.Г. О психологии образа Трикстера // Трикстер : Исследование мифов североамериканских индейцев с комментариями К.Г. Юнга и К.К. Кереньи / П. Радин ; пер. с англ. В.В. Кирющенко. СПб. : Евразия, 1999. С. 265 ; Герой нашего времени выбран недавно интернет-сообществом. Победителем стал Данила Багров из кинодилогии «Брат» // «Памблер». URL: https://kino.rambler.ru/other/38637108/?utm_content=kino_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink <https://kino.rambler.ru/other/38637108-geroy-nashego-vremeni-vybran-nedavno-internet-soobschestvom-pobeditelem-stal-danila-bagrov-iz-kinodilogii-brat/?updated>.

правило, трикстер ставит задачей поменять суть игрового процесса, ситуации и жизни, а не действует по злему умыслу. Не сама игра жизни, а процесс важен для трикстера». «Персонаж, называемый трикстером, расположен по центру диаграммы: ни свой, ни чужой, ни сильный, ни слабый, нечто среднее. “Трикстер — ум без чувства ответственности”. Таким образом, загадка такого медийного героя, как Данила Багров, заключается в том, что *он имеет в своей основе амбивалентный архетип трикстера, аномальное поведение которого представляет собой образец сверхчеловеческого деяния, нацеленного на восстановление границ попорченного российского Космоса (?!).* Это значит, что медийный продукт, воздействуя на аффективные компоненты массового сознания, может вызвать архетипически закрепленную реакцию на тот или иной раздражитель и выступить в роли матрицы, конструирующей историческую действительность».

По сути, здесь изложена программа интерпретации нового героя, который укоренен в национальном архетипе, но с важной поправкой и уточнением — не в качестве героя, а антигероя. Сам автор статьи признает, что в серьезных художественных произведениях трикстеры обычно выступают в роли антигероев. Глобальное переворачивание и смещение ценностных духовно-нравственных ориентиров, поколебавшее архетипические основы человека, произошедшее за последнее столетие в мире, самым печальным образом сказалось на отечественном менталитете после падения «железного занавеса». На смену талантливым актерам, так вдохновенно игравшим всевозможных обаятельных преступников 90-х: Сергей Безруков («Бригада»), Александр Абдулов (Next), Сергей Бодров из криминальных сериалов, — пришло новое поколение, но образы, увы, принципиально не поменялись. В качестве образца предлагаются некие странные персонажи из бесчисленных пустышек шоу-бизнеса или киношных трикстеров (современных хлестаковых и бендеров), универсальные моральные типы: конформист или потребитель (обыватель), рыцарь или аристократ (герой), все только говорящие по-русски и действующие в современных российских декорациях, но думающие и чувствующие уже как «граждане мира». Вот почему герой Бодрова из «Брата» до сих пор более симпатичен народу, поскольку, живя в мире, который устроен не по Промыслу Божьему, как может реализовать свое человеческое представление об этом Промысле. По-своему

трагичен, не подстраивается под кого бы то ни было, живет по правде, честен перед собой и в этом смысле, хотя и асоциален, выражает национальный архетип в большей степени, чем герой нашумевшего «Викинга» или «Номера 17». Не говоря уже о комических персонажах «Домашнего ареста», которых назвать героями и язык не повернется.

В «Домашнем аресте», этом оригинальном *слепке* нашего времени (авт. сценария С. Слепаков), представлены яркие живые персонажи, талантливая игра актеров, почти гоголевский трагикомический гротеск. Однако вряд ли стоит ожидать появления второго тома «Мертвых душ». И не только потому, что в наше время более востребован жанр сатиры, пародии и фарса, который победил трагедию и драму, не говоря о победе рассудка и сказки для взрослых (мелодрамы) над метафизической глубиной и подлинным лиризмом. Как и у Гоголя, здесь присутствует опасность обращения к тому самому амбивалентному архетипу трикстера, вызывающего симпатии демонического характера, но не имеющего преобразующего духовно чистого потенциала, т. е. цельности. Следующим шагом может быть либо путь к духовно-реалистическому творчеству, вырастающему из опыта богообщения, его утверждающего, либо откровенная проповедь демонизма и сатанизма.

Творческая немощь и импотентность проявляют себя в двух крайностях: сплошных ремейках, копировании и беспредметности искусства. Именно поэтому еще одним маркером демонического культурного контента всегда будет агрессивность и шум, возмещающие духовную пустоту энергией распада и создающие видимость силы нетерпимостью к иному. Можно вспомнить поговорку: «Пустой бочонок гремит» — и басню И. А. Крылова про бочки. Но современные технологии рассчитаны на формирование тех, кто на подобную рефлексию не способен.

Обнаруживается один из глубинных парадоксов либерализма и современного в особенности. Это его фактическое самоотрицание, состоящее в той самой «нетолерантности» к несовместимой с ним позиции, при сохранении основополагающего тезиса — безусловного права каждого отстаивать свою точку зрения. Самые жесткие действия с их стороны, обвинения в мракобесии, тоталитаризме по отношению к своим оппонентам в очередной раз убеждают, что большего тоталитаризма и нетерпимости, чем «ли-

беральная» система ценностей, никакое другое мировоззрение не содержит.

Наступление на традиционные ценности и формы культуры не ослабевает, но, напротив, приобретает самый широкий спектр и размах. Это агрессивная и открытая **демонстрация** деструктивных форм современного искусства. Как, например, эпатажная мужская танцевальная группа «Казак» — образец откровенно циничного скрещения современной гомоэротической стилистики, пришедшей с Запада, с образом русского служилого сословия²⁷. Это и вызывающая реклама, например в названии мясного ресторана «Иван да мясо» в Ульяновске²⁸, где имеет издевательство над народным названием цветка, который был истари национальным символом верности, которому приписывали целебные волшебные свойства, срывая на праздник Ивана Купалы. Или, например, на центральной улице Нижнего Новгорода шокирующий логотип «Череп и кости» магазинов с брендовым названием Luxury Stop (Лакшери — роскошь), ломающий границы дозволенного, отталкивающий и одновременно завораживающий своей амбивалентностью.

Регулярное, почти повсеместное осовременивание пошлостью театральной классики, начавшееся с перестройки, продолжается и поныне, причем для театральных гурманов в более изощренных вариантах²⁹.

Для основной массы, менее взыскательной, используются хотя и примитивные, но не менее действенные инструменты. Это различные технологии (применяемые в психологии, нейролингвистическом программировании, маркетинге, политике и пр.) по рас-

²⁷ Эксклюзив. Как KAZAKY Милан покоряли. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=0wEztGt9r7w>.

²⁸ URL: https://73online.ru/r/ivan_da_myaso_s_koro_v_ulyanovske_otkroetsya_novyuy_restoran_-59505.

²⁹ См. подробно об этом: *Кокшeneва К.А.* Концепт «русская культура» и современные практики культурного наследования» [Электронный ресурс]. М. : Институт Наследия, 2019 ; Пушкин и Гоголь в современном театре : Право на классику : материалы научных экспертных семинаров. М. : Институт Наследия, 2016 ; *Кокшeneва К.А.* С красной строки / Капитолина Кокшeneва. М. : ИПО «У Никитских ворот», 2015. 512 с.

пространению идей и ценностей, через манипуляцию сознанием и воздействие на подсознание. Например, технологии, описанные в книге Сета³⁰ Година «Идея-вирус? Эпидемия!», главная мысль которой заключается в следующем: если ваш продукт стоит того, чтобы о нем говорили, ваши клиенты сами будут работать на его продажи — им нужно лишь в этом немного помочь. При определенных условиях и стечении обстоятельств они смогут обеспечить такую популярность продукту, на которую никогда в жизни не хватило бы бюджета, работай «по старинке» — с помощью навязчивого маркетинга. Главное — найти достаточно много случайных — тех, кто, *заразившись* идеей, разнесут ее среди друзей-знакомых (благо сейчас это особенно эффективно за счет соцсетей и мессенджеров) и влиятельных распространителей, чье мнение обладает большим значением для целевой аудитории (раскрученным блогерам — лидерам мнений). Особо популярная технология «окна Овертона», которая перестала быть тайной, давно является предметом анализа специалистов и находится на вооружении политтехнологов, пиарщиков, маркетологов и пр., не став от этого менее действенной благодаря инерции и лени массового обывателя.

Несовместимые с национальным культурным архетипом идеи и ценности внедряются через всевозможные каналы и по любому удобному случаю с помощью «ненавязчивого» постоянного их присутствия в информационном пространстве, где «наживки» присоединяются к крючкам. Это война за символы и «перекодировку» в сознании, отвоевание и закрепление новых устойчивых значений, смыслов и ассоциаций. Наиболее удобно для этого сознание человека с низкой эстетической и интеллектуальной культурой, непривыкшего к саморефлексии и аналитической работе, «необремененного» культурным наследием.

Например, в православной традиции голубой цвет — символ Богородицы, женственности, чистоты, цвет небес. Но в массовом сознании голубой цвет после падения «железного занавеса» благодаря СМК стал ассоциироваться с людьми нетрадиционной сексуальной ориентации. А чуть позже цвет радуги, солнца, стал символом ЛГБТ-сообщества. И в этом не просто совпадение, а замаскированное святотатство, сознательное кощунственное покушение на неприкосновенные святыни и образы, демонстрирующее

³⁰ Кстати, Сет — бог смерти в Древнем Египте.

вызов «не-бесам», которое по современным правилам игры и амбивалентности не наказуемо ни в правовом, а теперь уже и моральном отношении.

Обращение к каким-то особым новым технологиям, которые якобы могут помочь в борьбе с разрушительными силами, обречено на неудачу в аудитории с неразвитой логической культурой, невоспитанным эстетическим вкусом, ослабленной волей, где уже запущен доминирующий над душами механизм рефлексов и инстинктов. Против этого механизма, действующего в человеке, бесполезно обращаться к разуму, которого нет, чувствам, которые огрубели, воле, которая обмякла и слепа. Это вызовет только раздражение или насмешку. Если поколение уже «потеряно», то лишь целенаправленная целостная культурная политика, объединяющая вторичные институты социализации, создающая благоприятную социокультурную и информационную среду с учетом обстоятельств жизни, способна минимизировать последствия политики 90-х гг. и сформировать иммунитет против разрушительных воздействий «вируса» денационализации.

С одной стороны, необходимо руководствоваться принципами теории коммуникации. Как известно, важнейшее правило любой эффективной коммуникации — соответствие «упаковки сообщения» реципиенту, отправитель информации должен общаться на одной волне с получателем, в единой знаковой системе, чувствовать запросы и уровень получателя, а содержание должно быть ему интересно, актуально: быть не слишком банальным, но и не слишком сложным, находиться в зоне так называемого ближайшего развития, обладать развивающим потенциалом. Все-возможные так называемые помехи (факторы недоверия к отправителю и каналам информации, возможности ее неадекватного восприятия получателем, вольной интерпретации и пр.) должны быть учтены и минимизированы.

Однако теория коммуникации возникла в рамках чисто инструменталистского информационного подхода, который ограничен отвлечением от ценностного содержания сообщения. Здесь можно эффективно коммуницировать и транслировать что угодно. Что, собственно, и делается. За этим скрывается методологический принцип, противоречащий мировоззренческим установкам российской цивилизации и национально-культурному архетипу, несовместимому с прагматизмом, где цель оправдывает средства.

Принципы отечественной педагогики сотрудничества и духовно-нравственного воспитания, основанные на цельности и любви, должны быть положены в основу взаимодействия между всеми субъектами социального взаимодействия. Тезис, что все, кто живет в России, — одна большая семья (если это не просто метафора и декларация), может быть обеспечен не правовыми принципами регуляции (им одним это не под силу), но прежде всего соответствующими нравственными нормами, всей деятельностью институтов культуры и социализации (семья, школа, вуз, наука, церковь, музеи, дома культуры и библиотеки, искусство, СМК), отвечающих за ценностное единство культурно-информационного пространства, которое является условием эффективного функционирования других сфер.

Один из принципов «свободных СМК» и качественной журналистики: преподнесение факта должно быть точным, но желательно нейтральным, безоценочным, предоставлять возможность сделать выводы самому получателю информации. Другие функции (образовательная, воспитательная и пр.) являются сопутствующими, не главными, тогда как чисто информационная и политико-идеологическая функции преобладающими. Поэтому для преодоления разрыва и дисфункций основных институтов, напрямую отвечающих за формирование единой социокультурной среды и мировоззрения, необходимо пересмотреть функции СМК, возложив на них также функцию воспитания (ценностей и вкусов), которая, очевидно, является важнейшей в образовании и искусстве, религиозно-национальных отношениях, культурной политике в целом.

С одной стороны, как известно, для привлечения потребителя реклама не особо разборчива в средствах и не гнушалась бы ничем, если бы не законодательство. Однако есть примеры, где, наоборот, коммерческая реклама преследует явно иные цели, связанные с деструкцией сознания. На протяжении длительного времени в одном из городов на фоне православного храма, монастыря и духовной семинарии рекламный щит с регулярностью демонстрировал рекламу различных товаров разных фирм, которые объединяло одно общее свойство — на щите всегда соседствовал с рекламируемым товаром образ современной девушки, несовместимый с православным монастырем в честь Благовещения, одного из главных христианских праздников, посвященных непорочному зачатию Христа от Девы Марии и Святого Духа.

Щит был установлен рядом с машинной трассой, где был минимальный людской поток.

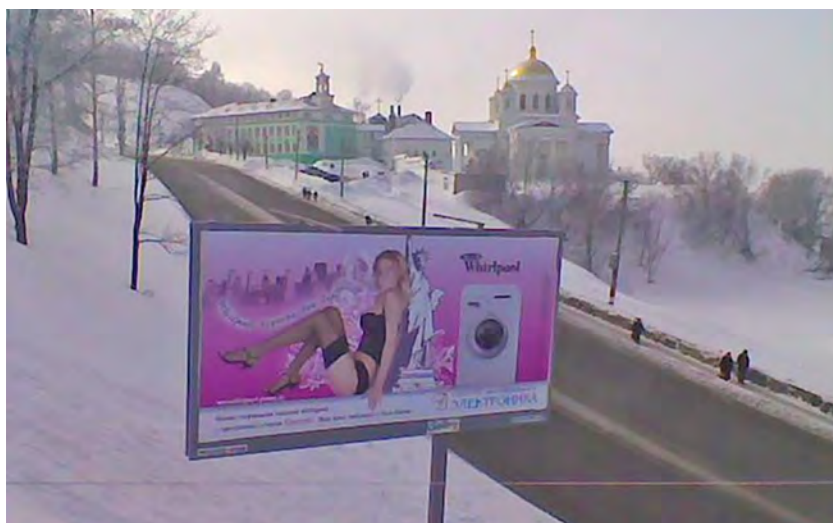

Рис. 5. Фотография рекламного щита (зимой).
Источник: из личной коллекции автора

Рис. 6. Фотография рекламного щита (осенью).
Источник: из личной коллекции автора

Рис. 7. Фотография рекламного щита (весной).
Источник: из личной коллекции автора

Благо сейчас щит в этом месте ликвидирован. Однако подобное деструктивное соседство никуда не девается в информационном пространстве, где одновременно транслируется совершенно несовместимый культурно-информационный контент, причем не только на разных телеканалах или в разное время, но на одном и том же канале, во время одной и той же передачи благодаря вставляемой рекламе и анонсам.

Примеры подобных деструкций в современном медиапространстве и искусстве многочисленны. Реклама и черный пиар, где приятный продукт и юмор «присоединяются» к порокам и маргинальному поведению, буквально торпедируют границы дозволенного. Это рассчитано на подсознание и действительно. Приведем примеры деструктивной рекламы.

Забравшиеся ночью в квартиру симпатичные, прикольные грабители едят конфеты «Kit-kat», благодаря чему «воровство» приобретает рефлексивно уже иной привкус, без отвращения, потому что конфеты — это хорошо, вкусно.

Особым объектом воздействия является целевая категория детей. Девочка спрашивает у мальчика, кожа которого покрыта прыщами из разноцветных жевательных конфет в виде сыпи, почему он такой странный, что с ним случилось. Он отвечает, что у него Скитлс-трянка, девочка отрывает от кожи мальчика и кладет себе в рот одну горошину (прыщ), глотает и тут же покрывается множеством горошин сама, произнося: «А она заразная?!» Слоган рекламы: «Заразись радугой!», «Дотянись до радуги!». Здесь зависимость, заразная болезнь присоединяется к сладкому и радуге, символу солнца, а к названию конфет добавлена приставка «трянка» (рифмуется с «ветрянкой»)³¹. Опять юмор и слом ключевых табу, в данном случае связанных с личной безопасностью даже на уровне гигиены.

Особенно это влияет на детей, а также людей с низким социальным статусом и консьюмеристской (потребительской) психологией и ценностями.

В знаменитом телешоу «Лучше всех!» для детей и родителей с Максимом Галкиным девочка, стопроцентная поттероманка, которая хотела бы учиться в Хогвартсе, знаток Гриффиндора, Слизерина и т. п., получает медаль, демонстрируя свое любимое занятие «папинг»-тряску в «магическом» трансе. Налицо мечта стать великим волшебником и победить всех. Конечно, в программе много показывают прекрасных детей, поощряя их таланты и трудоспособность. Однако такой пример, когда можно получить всё сразу путем волшебства: «По щучьему веленью, по моему хотенью!», — вызывает вопрос: «А зачем трудиться, когда можно и получить всё даром?» В традиции русских сказок желающие получить даром, за так, нечестным путем, обманом наказываются мытарствами, проходят «огни и воды», где «по подвигу и награда».

³¹ Реклама Skittles. — «Скитлс-трянка». ТВ рекламный ролик драже Skittles «Заразись радугой! Поделись радугой!». URL: <https://yandex.ru/video/preview/?filmId=4774938039809391631&text=%D1%80%D0%B5%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%BC%D0%B0%20%D0%B6%D0%B5%D0%B2%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D1%85%20%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%84%D0%B5%D1%82%20%D1%81%D0%BA%D0%B8%D1%82%D0%BB%D1%81&path=wizard&parent-reqid=1584818074771453-1212018685710493621800-112-vla1-2123&redircnt=1584818351.1>.

Рис. 8. В семейном шоу «Лучше всех!» девочка демонстрирует особое умение — так называемый папинг-тряску в колдовском «магическом» трансе. Источник: шоу «Лучше всех!». Эпизод 91. Выпуск от 01.03.2020

А в новейшем «100Янов-шоу» на центральном канале и во все перешли мыслимые границы, что было разве в 90-е гг. Здесь пьяная учительница пения в присутствии учеников во время урока едва не матерится, флиртует с «принявшим на грудь» баянистом и вошедшим директором школы. Она дирижирует детским хором, который исполняет песню на блатной мотив.

Рис. 9а. Шоу Юрия Стоянова. Выпуск от 30.12.2019. Канал «Россия-1»

Источник: «100Янов-шоу». Шоу Юрия Стоянова. Выпуск от 30.12.2019.
Канал «Россия-1»

³² Москва-Музеи бесплатно-Выставки-Экскурсии. Парки Москвы. ВДНХ. URL: <https://mostrek.ru/frensis-bekon-informatsiya-k-vystavke/>; Первый канал OPT. URL: <https://yandex.ru/video/preview/?filmId=4922734327486230599&text=%D0%B2%D1%8B%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%B2%D0%BA%D0%B0%20%D1%84%D1%80%D1%8D%D0%BD%D1%81%D0%B8%D1%81%D0%B0%20%D0%B1%D1%8D%>

если фундаментом выставки стал шокирующий Фрэнсис Бэкон, известный своей гомосексуальной ориентацией, творчество которого можно считать символом философской эстетизации сексопатологии и трупofilъства, доходящее до кощунства, а также картины внука Льюиса Фрейда (внука З. Фрейда), который был одним из его любовников. Бэкон, один из самых дорогих художников, не получивший художественного образования, экспериментировал с различными родами деятельности, и его стиль — особое *смешение* собственного восприятия и ярких заимствованных образов, но главная тема его творчества — мотивы смерти, скорби и страдания, патологическое шокирующее смакование расчленения и разложения телесности. Ответ на вопрос, чего здесь больше — осуждения, протеста против извращенности человеческой природы или демонического наслаждения, остается за зрителями и критиками. Отдельным пристрастием для него была тема религиозная, в частности священство и распятие Христа. Суть дьявольской природы его творчества обнаруживается в названии фильма о Ф. Бэконе: «Любовь — это дьявол. Штрихи к портрету», в основе которого лежит история об отношениях художника и его любовника Джорджа Дайера (презентация и показ фильма прошли на канале «Культура»).

Вот лишь один из отзывов посетителей выставки: «Произведения художников, несомненно талантливых, собранные вместе под одной крышей, оставляют тяжелое впечатление. Темой этих работ, как и всякого подлинного искусства, является человек, его бытие и место в мире. И оказывается, что в том мире, в котором жили эти художники, места человеку нет, как нет места и художнику. Только в виде искалеченного, морально и физически, существа может существовать творческий человек».

D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%B0%20%D0%B2%20%D0%BC%D0%BE%D1%81%D0%BA%D0%B2%D0%B5%202019&path=wizard&parent-reqid=1584882994526972-691188635225868498500090-sas3-5781&redircnt=1584884017.1

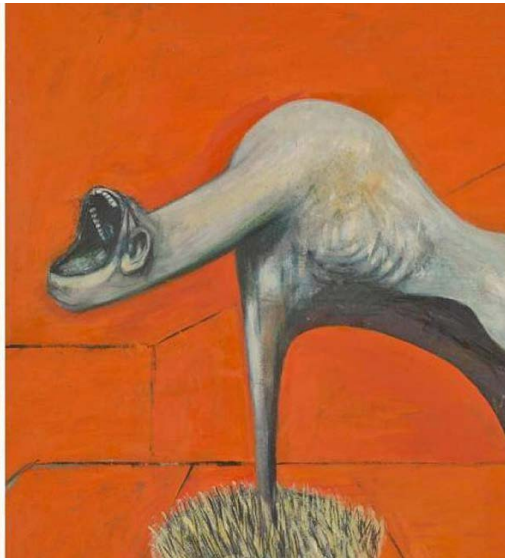

Рис. 10. Важнейшие фигуры послевоенной живописи под одной крышей. Иллюстрации на сайте выставки Фрэнсиса Бэкона, Люсьена Фрейда и Лондонской школы в Музее изобразительных искусств им. Пушкина. Источник: <https://www.afisha.ru/exhibition/221932/>

На сайте Мострэк (<https://mostrek.ru/>) «Музеи Москвы и выставки» информация об этой выставке выложена на фоне рекламы «75 ЛЕТ СО ДНЯ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ. Для каждого россиянина памятная медаль за 0 руб.»³³ и ужасающего портрета с выставки.

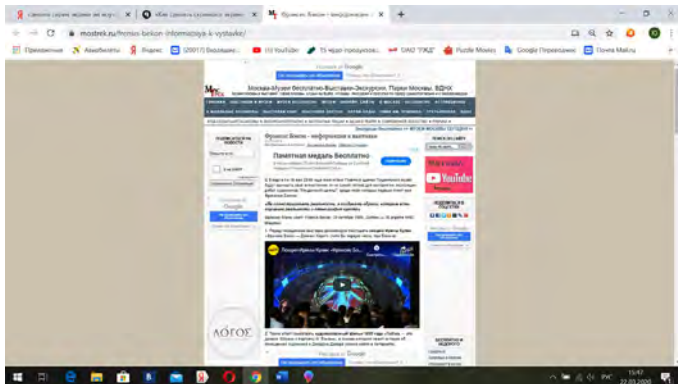

Рис. 11а. Скрин с сайта Мострэк

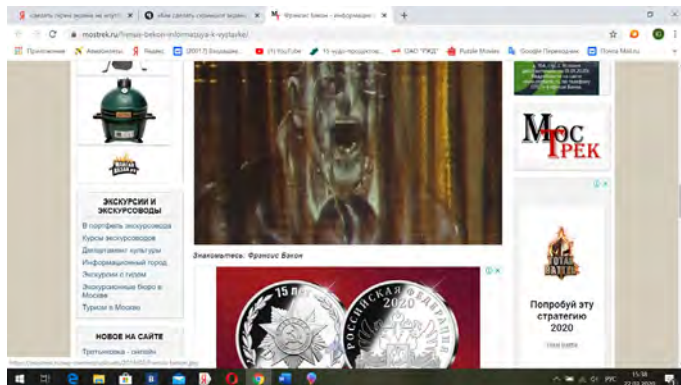

Рис. 11б. Продолжение скрина.

Источник: <https://mostrek.ru/frensis-bekon-informatsiya-k-vystavke/>

³³ Москва-Музеи бесплатно-Выставки-Экскурсии. Парки Москвы. ВДНХ. Музеи Москвы и выставки. Парки Москвы. Отдых на ВДНХ. Отзывы. Экскурсии и прогулки по городу самостоятельно и с экскурсоводом. URL: <https://mostrek.ru/frensis-bekon-informatsiya-k-vystavke/> (дата обращения: 10.12.2019).

Именно о таком творчестве говорит С. Н. Булгаков в своей знаменитой статье «Труп красоты», написанной после посещения выставки картин Пикассо. Искусство Пикассо «...представляет собой могучее религиозное искушение, испытание веры. Демонизм в искусстве, конечно, есть наиболее интимная, тонкая и потому опасная форма люциферического заражения творчества, ибо искусство связано с самыми глубинными слоями духа, сравнительно, напр., с философией или, тем более, наукой. Можно не знать Пикассо и можно, по лености духа или же по мотивам педагогически-аскетическим, от него отвернуться, ибо кто же станет отрицать, что это нездоровое искусство. Однако не всегда можно и даже позволительно это сделать, как нельзя же перевернуть страницы “Братьев Карамазовых” о “Бунте” и сразу перейти к Зосиме. Преодолеть же его, искренно посчитаться с ним, с его образом мира, нелегко. Пикассо страшен, ибо демонически подлинен. Одержимость снова становится распространенным явлением современности, борьба с ней требует трезвости, духовного здоровья, самособранности, но прежде всего камня веры, опоры не в своей субъективности и уединенности, но в соборности и церковности. Только именем Христовым, которое есть Церковь, закладываются бесы»³⁴.

Характерным примером культурного продукта подобного рода, рассчитанного на более масштабную аудиторию, которым вынуждены люди «любоваться» постоянно, является скульптура венгерского художника Эрвина Эрве-Лорана «Прорыв», или Feltépve, — оригинальный арт-объект Нижнего Новгорода, для одних слишком жуткий и безвкусный, другие уверены в том, что это «классный креатив». Она была установлена на Волжской набережной за торговым центром «Седьмое небо» в 2015 г. Это копия скульптуры, возведенной в Будапеште в парке Сечени в рамках ежегодной художественной ярмарки Art Market Budapest — 2014. Нижний Новгород получил «реплику» к Дням венгерской культуры в России при поддержке Министерства внешних экономических связей и иностранных дел Венгрии и Почетного консула Венгрии в Нижнем Новгороде Эллады Нагорной. По признаниям автора, «Прорыв» символизирует свободу и является примером

³⁴ Булгаков С.Н. Труп красоты. URL: <http://ivashek.com/ru/texts/theology-texts/papers/769-trup-krasoty>.

того, как современное искусство **должно** (?) присутствовать в нашей повседневной жизни³⁵.

Рис. 12а. Скульптура «Прорыв». Нижний Новгород.
Венгерский художник Эрвин Эрве-Лоран. Реплика. 2015 г.

Рис. 12б. Фрагмент церемонии открытия

³⁵ URL: <http://bellissimotv.ru/?id=29122>.

Ниже фото Лады Нагорной, одно время возглавлявшей список самых богатых жен российских чиновников и прибравшей к рукам не один лакомый кусок из земельных участков, предприятий и недвижимости, вместе с мужем, тогда еще мэром Сорокиным (ныне отбывающего срок в колонии), на открытии скандального арт-объекта. Открытие пришлось на государственный праздник День России 12 июня.

Рис. 12в. Фрагмент церемонии открытия. Источник: Столица Нижний. Открытие скульптуры «Прорыв» венгерского художника Эрвина Эрве-Лорана. URL: https://stnmedia.ru/news/photoreports/15083/?PAGEN_2=6

На фото, сделанном при открытии скульптуры, обращает внимание присутствие молодежи с велосипедами, на рулях которых приделаны головы рогатого оленя — символа Нижнего Новгорода. В сочетании с вылезающим из-под земли inferнальным человекообразным существом, наподобие небезызвестного Шрека, демонического героя американского мультфильма, всё это производит крайне гнетущее впечатление, но «присоединяется» к празднику России и окружающему пространству рядом с набережной Волги, местом отдыха и прогулок нижегородцев. Скульптура установлена в районе Мещерского озера и так называемой

Стрелки — исторического места слияния двух великих рек России: Оки и Волги. Сейчас «Прорыв» оказался «спрятанным» за стадионом, построенным к чемпионату по футболу, и величественным собором Александра Невского — одного из священных символов Нижнего Новгорода.

Рис. 13. Собор Александра Невского.

Источник: <https://i.pinimg.com/736x/b1/52/6a/b1526a74514dab28070a2efb8f5d156.jpg>

Здесь угадывается тот же почерк, что и в другом несоизмеримо более великом событии: под прикрытием грандиозного шоу показ на весь мир сатанинского обряда во время открытия тоннеля Сен-Готард из Швейцарии, в котором участвовали лидеры европейских государств: Германии, Франции, Италии и Швейцарии.

Рис. 14а. Церемония открытия
Готтардского железнодорожного тоннеля 1 июня 2016 г.

Рис. 146. Фрагмент церемонии.
Источник: https://www.youtube.com/watch?v=hglD_ZfAUMk

Рис. 146. Фрагмент церемонии.
Источник: https://www.youtube.com/watch?v=hglD_ZfAUMk

Сейчас эти откровенно сатанинские современные церемонии стали транслироваться на весь мир. Но вот переключка с уникальными документальными кадрами, запечатлевшими закрытый корпоративный «шабаш» советских ученых-атомщиков в 70-х гг. прошлого столетия³⁶. Их «парад-алле» и шествие по стадиону в костюмах чертей, ведьм и прочей нечисти с соответствующими лозунгами возглавлял сам Президент АН СССР А. П. Александров с участием других именитых ученых-физиков. В котле, под которым как бы горит огонь, восседал главный «атомный бес» — полуголый академик с рогами, а на котле надпись «Божья кара». Котел тащили «бесенята» помельче (младшие научные сотрудники), за ними аспирантки-ведьмы. И над всеми высился транспарант: «Черт с нами!».

Богоборческая материалистическая идеология марксизма, помноженная на магическую силу науки, могла иметь страшные последствия, если бы не столкнулась с духовно-нравственным «инстинктом» — совестью народа, укорененной в его душе, его национальным культурным «кодом».

Рис. 15а. Фрагмент документального фильма «Звезда Полюнь» (1990), посвященного Чернобылю, о параде советских ученых-атомщиков

³⁶ https://www.youtube.com/watch?time_continue=61&v=Kwa6u_8jYvc&feature=emb_logo

Рис. 15б. Фрагмент фильма.
Источник: фильм В. Гуркаленко «Звезда Полюнь» (1990)

Рис. 15в. Фрагмент фильма.
Источник: фильм В. Гуркаленко «Звезда Полюнь» (1990)

Рис. 15г. Фрагмент фильма.
Источник: фильм В. Гуркаленко «Звезда Полюнь» (1990)

Рис. 15д. Фрагмент фильма.
Источник: фильм В. Гуркаленко «Звезда Полюнь» (1990)

Духовные силы действуют через образы, которые являются «окном» в метафизический мир, создаются самим человеком, наполняются символическим значением. Если человек его разделяет, приобщается к нему всеми сторонами души и тела, если верит в него и поклоняется (т.е. многократно увеличивая синергетический эффект), объединяясь с большим количеством людей в едином действе, то это может привести к сверхъестественным невероятным результатам. От того, каким духом насыщен образ, зависит направленность его действия: темная магическая сила разрушения или благотворная мистическая сила преображения и созидания.

По-прежнему контент компьютерных игр, в которые погружено сегодняшнее молодое поколение россиян, насыщен образами и сюжетами абсолютно несовместимыми с отечественной культурой, нашей историей и традиционными ценностями. Вот лишь несколько наиболее выразительных примеров того, каким ценностям и моделям поведения отдается здесь предпочтение. Особенно показательны мотивирующие рекламные слоганы и подписи к играм, побуждающие пользователей к агрессии и хаосу. Вот реклама одного из популярных сайтов с получеловеческими образами героев и инфернальных персонажей, которые говорят сами за себя и не требуют комментариев³⁷:

«Выразительные, более красочные миры. С дисплеем HDR 4K² вы погружаетесь в совершенно новый игровой мир. Лучший из лауреатов премии E3!. Лучшая соревновательная игра! Возьмите свою команду и порвите всех в Bleeding Edge, электризирующем онлайн-сражении, где каждый боец получает механическое усиление, чтобы посеять еще больше хаоса!»

Реклама буквально кричит: *«Вас ожидают аттракционы на базе современных шлемов виртуальной реальности Oculus Rift CV1, HTC Vive и Playstation VR, а также — все контроллеры и оборудование, которые клуб только может предоставить!»*

А фраза: *«Эмоции только усиливаются, а ощущения от игры нарастают, если соревнуешься с живым и умелым противником. Ваши яркие и позитивные эмоции — наша основная задача»* — говорит о том, что конечная цель — перевести всё это из игры в реальность, где можно «сеять хаос и рвать всех» на самом деле.

³⁷ Все продукты Microsoft. URL: <https://www.microsoft.com/ru-ru/windows/windows-10-pc-gaming>

Рис. 16а. Образы наиболее популярных героев компьютерных игр, рекламируемых IT-компаниями

Рис. 16б. Герои компьютерных игр. Источник: Все продукты Microsoft.
<https://www.microsoft.com/ru-ru/windows/windows-10-pc-gaming>

«Новая игра Bleeding Edge от студии-разработчика DmC: Devil May Cry и Hellblade: Senua's Sacrifice предлагает быстрые сумасшедшие командные сражения в формате 4 × 4, каждый участник которых получает механическое усиление, чтобы посеять еще больше хаоса!»

Например, в клубе виртуальной реальности предлагается командная игра, где надо подобрать себе бойца *«из числа ярких представителей отбросов общества, жгите покрышки, играя за смелую и прекрасную Лютик со съемными руками-пилами, рвите всё вокруг, играя за блэк-металл рокера Нидхегга, поджаривая врагов электрическими соло на гитаре, или нашинкуйте всех недругов, выбрав Демона, самого разыскиваемого ниндзя в Нью-Йорке».*

Еще одна важнейшая сфера воздействия на детей и молодежь — это музыка. Последнее время традиции народных песен и высокие образцы отечественной эстрады постепенно стали отвоевывать достойное место на телеэкране, однако до реальной победы далеко. И дело здесь не только в желательности преобладания песен на русском языке, хотя даже в музыкальных конкурсах, например «Голос», соотношение русскоязычных песен и песен на иностранном языке стало примерно 50 на 50. Важно содержание репертуара, направление и стилистика исполнения. Проект «Голос» наглядный показатель. Увы, это по-прежнему предпочтение конкурсантами и судьями (за исключением Пелагеи) джаза, зарубежной стилистики, песен на английском языке. Еще один проект Первого канала, позиционирующий себя как отечественный, национальный, — это «Три аккорда», так называемый русский шансон, предлагающий за небольшим исключением фактически блатной репертуар. Здесь образы уголовника, выпивохи и гуляки или непотребной женщины, стервы и блудницы представляются как типично национальные, русские. **Народность** подменяется **простонародностью**, ассоциируемой с невоспитанностью, необразованностью, невежеством, грубостью, хамством.

В качестве творческого молодежного креатива предлагается русский РОК, засоренный матом. Война за чистоту «великого и могучего, правдивого и свободного» русского языка не утихает. И здесь малейшее отступление, легализация даже одного слова, которое ранее считалось неприличным и непечатным, равносильно поражению в войне. Выступление в этом отношении новоявленно-го кумира «певца гениталий» Шнурова за легализацию мата есть

самая настоящая диверсия, а продвижение его в члены Общественного совета при Комитете Госдумы России по культуре, интервью на Первом канале, его пиар на политическом небосклоне — признак слабости власти и дешевого завоевания авторитета у молодежи. Глава комитета Е. Ямпольская заявила: «Еще больше независимо мыслящих людей, еще больше смелых, оригинальных суждений о жизни и культуре» — и призналась, что ей интересно (!) творчество Шнурова. Тем самым она косвенно признала выходки с обнаженными гениталиями на его концертах приемлемыми. Также Ямпольская выделила жанр «утром в инете, вечером в куплете», который, по ее словам, избрал для себя исполнитель, и назвала эту идею перспективной³⁸. В начале 2019 г. в состав экспертного совета при Комитете Госдумы по культуре вошел певец Андрей Макаревич, девиз которого «Не стоит прогибаться под изменчивый мир, пусть лучше он прогнется под нас» и назвавший 80 процентов населения Земли идиотами, а русских и того хуже. Всё это в череде шагов, направленных на совмещение несовместимого и шизофренизацию, — признак нечистого духа. Ведь матерный язык — это язык преступного мира, а самым главным преступником, согласно православной традиции, является «дьявол», отец лжи и беззакония. Не случайно председатель Патриаршей комиссии по вопросам семьи, защиты материнства и детства отец Дмитрий Смирнов подвергается яростной атаке в либеральных СМК за твердую позицию в этом вопросе. Сквернословие приводит к криминализации сознания, хулению Бога. В Новом Завете сказано, что вначале было слово, самого Спасителя называют Божественным Словом. «...злоречивые... Царства Божия не наследуют» (1 Кор. 6; 10). Слово — это дар Божий, то, что уподобляет человека Создателю. Одним творческим словом Господь создал наш мир, вселенную, землю, небеса, людей, животных. И словом, любимым созданием Божиим, пытаются оскорбить всё творение Божие. А Писание говорит: «Никакое гнилое слово да не исходит из уст ваших, а только доброе...» (Еф. 4; 29). Кстати, один из вариантов этимологии русского слова «человек» связывается со «словом», т.е. слово / словек / человек. «Славяне» произошло от «слова»: **«словяне»**. Ключ к душе нации — это язык («язык» = «народ», «язычество»).

³⁸ Шнуров стал членом совета при Комитете Госдумы по культуре. URL: <https://lenta.ru/news/2019/02/26/shunurov/>.

Характерным явлением и методом продвижения чуждых идеалов и моделей поведения стал так называемый русский ХИП-ХОП и РЭП. Показательным является недавняя премьера фильма о русском хип-хопе, который снимался без малого семь лет. Режиссер картины — Рома Жиган (имя звучит как уголовная кличка, отсылка к блатной песне «Жиган-Лимон, мальчишка симпатичный» Мих. Круга). «Жиган» в блатной среде — это уличный хулиган, преступник, неуловимый и изворотливый, любит хорошо погулять на широкую ногу, хорошо одет, любвеобилен. Этот образ-мифологема давно внедряется в сознание в качестве национального «героя» внутри страны, запущен и гуляет в качестве типичного представителя «русской мафии» и страшилки на Западе. В анонсе фильма сообщается, что «BEEF: Русский хип-хоп» — редчайшее и даже уникальное исследование российского хип-хопа с самыми яркими его представителями, теми, кто были первопроходцами и кто сегодня создают тренды в музыке, стали кумирами, чьи видеоклипы якобы собирают миллионы просмотров, и лучшие представители «хип-хоп комьюнити», одни из немногих, кому удастся сделать ***sold out*** (здесь характерная амбивалентность: эвфемизм, упакованный в англицизм, для того чтобы спрятать слово «продано», одновременно как бы придав ему оттенок благородства, а с другой стороны, подчеркивающий прибыльность, коммерческую сторону данного явления, что это бизнес) в «Олимпийском». Картина показывает весь путь русского хип-хопа от андеграундных выступлений и квартирников до огромных стадионов. В анонсе заявляется, что благодаря фильму «зритель поймет истинный облик жанра и ответит для себя на вопрос, как хип-хоп завоевал сердца современного поколения, стал музыкой номер один», успел «возглавить все мыслимые хит-парады». Утверждается, что, «посмотрев это кино, вы заговорите с современным поколением на одном языке». В фильме «принимал участие легендарный рэпер COOLIO и обладатель статуэтки Grammy Larry Sanders (L.V.)». В съемках «приняли участие: Баста, Каста, Тимати, Оxxxymiron, Скриптонит, Децл, Шефф, Лигалайз, Птаха, Гуф, L'One, ST, Krec, Каспийский груз, Big Russian Boss, Ресторатор, Noize MC, Вахтанг, Da Boogie Crew и многие другие».

Показательны имена: они не человеческие, клички, причем на английском языке. В этом сообществе повальное засорение англицизмами, замены русских слов там, где это отнюдь не критично. Употребление английского престижно, чего нельзя сказать о нор-

мальном русском языке (зато модно, «прикольно», коверкание языка, использование жаргонизмов и неологизмов). Здесь налицо известные маркеры дьявольского почерка: маскировка, обман, самозванство, тщеславие (желание быть идиолом, достойным поклонения); главная мотивация нынешних звезд — успех и слава, в достижении которых неразборчивость в средствах, блефовая самореклама. В подаче информации претенциозность, без особого обоснования, тезисы подкрепляются обилием видеоряда, сменой кадров, сюжетов. Божественная сила слова и мысли подменяется *магией* слова — слоганами и мемами. Они позиционируют себя как субкультура, которая якобы представляет альтернативу разрушительным контр-культурам, таким как готы и пр., хотя это, мягко говоря, не совсем коррелируется с названием альбомов и песен (например, альбом одного из кумиров Мистер Малой и Тиджем — «Буду погибать молодым!»). Сами авторы фильма отмечают эволюцию старого русского рэпа в новой волне словами самих авторитетных рэперов: *«...раньше было много стихов, а сейчас чем глупее, тем лучше, это связано с тем, что рэп стал коммерческой индустрией, стремится завоевать как можно больше слушателей, особенно не разбираясь в средствах добиться успеха, “хайпануть и срубить бабла”»*. По признанию самих исполнителей и авторов рэпа, движущей силой, вызывающей непередаваемое, самое сильное ощущение, дающее возможность им жить, является сознание того, что твоя песня популярна, известна.

Кумиры этой субкультуры, хотя в фильме и дистанцируются от наркотиков, их осуждают, тем не менее не отрицают, что прошли через это (например, Баста). Получается, что после того, как попробовал, якобы можно преодолеть, вылечиться. «Главное осознать, что ты хочешь, сделать свой выбор». Понятно, что их «творчество» питается иной духовной средой, предполагает достижение искусственного состояния экстаза, господства подсознания и темного *иррационального* начала, а не разумно-светлого и *сверхрационального*.

Генеральный директор продюсерской компании, российского независимого лейбла³⁹ звукозаписи Black Star Пашу откровенно

³⁹ Бренд, созданный компаниями, занимающимися производством, распространением и продвижением аудио- и иногда видеозаписей (главным образом музыкальные видеоклипы и видеозаписи

называет себя бизнесменом, а основателем и владельцем является хип-хоп-исполнитель и музыкальный продюсер Тимур Юнусов (Тимати). Всё это в очередной раз подчеркивает, насколько коммерциализовано это явление, далекое от национальных традиций меценатства и подлинного искусства, хотя внешне позиционирует себя как протестное движение против унылой обывательщины, «попсы» и официоза. Но «хип-хоп стал и символом успеха: третьим по богатству (после Эндрю Ллойд Уэббера и Пола Маккартни) музыкантом мира в 2019 году оказался именно рэпер. В общем, хип-хоп сегодня больше ассоциируется с большими деньгами — такой же путь когда-то проделал и рок»⁴⁰. Здесь замечателен еще один маркер, характерный для дьявольского духа: маскироваться в разные одежды, но всегда оставлять свой опознавательный знак (отметину), амбивалентность которого дает возможность многозначности толкования или случайного совпадения. Последние времена становятся всё более откровенными, и название Black Star неслучайно демонстрирует темную природу этого явления. Здесь отражается противоречивый смысл апокалиптических процессов: с одной стороны, зло, сбрасывая маски, более агрессивно и открыто ведет наступление, а с другой — добро имеет возможность делать свой выбор более осознанно, смело и целно вести борьбу.

Показательно, что, несмотря на простоту ритма и мелодичность, аудитория хип-хоповских «песен» не поет, а только слушает и танцует, потому что главное здесь не мелодия (которой практически нет), а «рэп» и ритм: в этом потребительская нетворческая суть этого явления, аргумент в пользу имитации «народности». Еще один опознавательный знак. Часто это сверхскоростной ре-

концертов) на носителях разных форматов (среди которых грампластинки, компакт-кассеты, компакт-диски, мини-диски, SACD, DVD; с развитием Интернета также получили популярность цифровая дистрибуция и потоковые трансляции мультимедиа). Лейблы звукозаписи также обеспечивают соблюдение авторского права, поиск и последующее развитие новых музыкантов. Термин «лейбл звукозаписи» происходит от круглой этикетки в центре виниловой пластинки, которая отображает название производителя, а также другую информацию.

⁴⁰ *Владислав Крылов. Уроки чтения: как хип-хоп завоевал мир // Известия. 16 сентября 2019.*

читатив — настоящие загадки, непонятные неподготовленному слушателю. В сочетании с ритмом и движением они представляют, по сути, технологию погружения в транс. Достаточно сравнить с их антитезой — народными песнями и частушками, певучими, мелодичными и одновременно ритмичными.

Вот подборка ключевых мемов из фильма о русском хип-хопе, выявляющая ценностные опоры и образы целевой аудитории, на которых держится данная субкультура, претендующая стать образом жизни нового поколения россиян.

Отрывки из интервью о русском хип-хопе: *«Такого ещё не было», «Он захватил миллионы», «Он обладает объединяющей силой», «Это повстанческая сила и протестная культура», «Он обладает высоким энергетическим потенциалом, дает возможность реализовать себя», «Это огонь, это смысл, это жизнь! Это молодость! Это убеждения! Это движение!», «Это культурный шок, это невероятно!», «Это был бред, но нам нравилось!», «Начали с танцев. Понравилась вибрация, ритм!», «Рэп не требовал особых профессиональных навыков, образования. Он народный!», «Главное — это рвение и любопытство», «Доступность», «Возможность выразить что угодно и самого себя», «Это образ жизни и мышления».*

Еще Вл. Соловьёв писал, что «если в неорганическом веществе дурное начало действует только как тяжесть и косность, то в мире органическом оно проявляется уже как смерть и разложение (причем и тут безобразие не так явно торжествует в разрушении растений, как в смерти и разложении животных, и между ними у высших более, чем у низших), а в человеке оно кроме более сложного и усиленного своего проявления с физической стороны выражает еще и свою глубочайшую сущность как нравственное зло»⁴¹.

В интерпретациях современных явлений в искусстве доминирует западная парадигма. Нет осмысления через призму духовной борьбы. Философские обобщения ограничены или художественным (искусствоведческим) контекстом или в лучшем случае констатацией симптомов с осторожностью в определении диагноза. В тотальной раздвоенности обнаруживается и всё более

⁴¹ Соловьёв В. Общий смысл искусства. URL: <https://ilibrary.ru/text/16/p.1/index.html>.

доминирует фундаментальное противоречие человеческого бытия (божественного и греховного), которое не есть просто формально-логическое или «диалектическое». Навешивание на них ярлыка парадоксальности, неразрешимости, с одной стороны, свидетельство бессилия объяснить их в рамках существующей западной культурологической парадигмы. С другой — отсутствие приемлемого разрешения проблемы порождает у людей состояние (на разных уровнях) внутреннего конфликта, стрессы, комплексы, фобии. Все эти нестроения проявляются в самых разнообразных процессах дегуманизации, имеют при всей внешней непохожести именно этот общий корень. Конфликт с самим собой (между телом и душой) в духовно слепом человеке заканчивается его гибелью (одно пожирает другое). Более того, современному человеку вовсе не предлагается их разрешать: поначалу смирение, потом оправдание (как, например, советы теледивы Екатерины Гордон регулярно призывать несчастливых жен к «здоровому эгоизму и не мириться с не любящими их мужьями», а поскорее с ними развестись), а затем, для наиболее «продвинутых», можно упиваться, создавать на этом свой блог, стиль, тренд, моду, чуть ли не философию.

Феномены массовых арт-практик нового типа, таких как арт-мемы и демотиваторы, связаны с знаково-символическим характером сетевой сферы и возросшей семиотизацией цифровой среды, *интертекстуальностью*, но что для нас важнее — *амбивалентностью* и эксплуатацией так называемой мягкой силы.

Мем представляет собой высказывание с помощью общих мест и готовых слов. Для арт-мемов свойственен прием переноса значения одного объекта на другой, что отсылает к онтологии метафоры. В герменевтической концепции *образ* трактуется как одновременно визуальный, пространственный и социальный феномен (медиальность, пространственность, перформативность). Ограничения семиотической модели образа стали очевидны большинству современных исследователей⁴², но далеко не всеми принимается христианская трактовка образа.

Медиатизация всех сфер человеческой жизни обеспечивает индивида виртуальной коммуникацией, инструментами активного конструирования мира как «набора образов» и в то же время

⁴² См.: *Ершова Д.Е.* Современный арт-контент как феномен культурной коммуникации : дис. ... канд. культурологии. СПб., 2018.

регламентирует вопрос их выбора, открывшиеся исключительные возможности интерактивности в новых медиа и открытого доступа к множеству медиаэлементов, которые можно комбинировать до бесконечности, создавая новые культурные смыслы и среды⁴³.

Важно то, что имеет место не просто соревнование художественных стилей или направлений, вкусов и амбиций, идеологий или социальных экономических интересов, но противостояние мировоззрений и цивилизаций. Один из эффективных механизмов разрушения национально-культурной идентичности нацелен на то, чтобы вбить клин между поколениями, обесценить, опошлить священные, дорогие старшему поколению символы, связанные с великими историческими событиями и верой. Литературные и сказочные образы, знакомые с детства, подвергаются искажению, опошлению. Особая роль в этом принадлежит смеху, в котором благодаря мемам и демотиваторам может свободно поупражняться любой. Механизмы воздействия их на индивидуальное и общественное сознание представляют собой актуальные вопросы, поэтому существует серьезная проблема декодирования их семантики и влияния.

Одним из действенных инструментов разрушения национальных ценностей, в частности для конструирования карикатурного образа России, используется наследие русской классики. Переворачивание негативных образов, представление их в нужной интерпретации как типичных не только для того или иного периода истории России, а вообще для русского народа, его бытия и культуры — является излюбленным методом. Как известно, критический реализм классической русской литературы и образов, созданных художниками-передвижниками, был направлен на изживание пороков и недостатков, сообщал не только то, что есть, но прежде всего о том, чего не должно быть.

Сегодня обличение порока превращается часто в развлечение, «выпуск пара», и его формат предполагает смех. Современные искусства и медиаинформационное пространство всё более имеют своими истоками не любовь, а иронию, которая всегда была оружием. Данный факт либеральными исследователями культуры фиксируется как положительный, интерпретируется как «переход постмодернизма к новым художественным формам и новому

⁴³ Там же.

концептуальному наполнению, который обозначают термином *метамодернизм*, предложенный голландскими культурологами Т. Вермюленом и Р. ван дер Аккером». Признание метамодернизмом высказывания, наделенного сразу двумя взаимоисключающими характеристиками: иронией и искренностью, открывает, по их мнению, новый этап художественной интерпретации. С точки зрения исследователя, «в свете концепции метамодернизма, различные визуальные трансформации классического искусства получают верное культурологическое толкование»⁴⁴. Например, арт-мемы подаются не просто как современная форма насмешки и издевки над классикой, но отражение «тотальной раздвоенности современного сознания, одновременно тяготеющего к оптимизму и сомнению, апатии и энтузиазму, фанатизму и иронии и т.д.». Достаточно упомянуть ставшие широко известными благодаря YouTube и раскрученные либеральными МСК проекты политической сатиры с участием актера Михаила Ефремова, представляющие собой своеобразный формат арт-мема уже на сцене. С одной стороны, дается достаточно верное их описание: «Когнитивно перегруженное сознание интернет-пользователя, привыкшее иметь дело с заимствованиями и симулякрами, воспринимает оригинальные произведения искусства с трудом, сила и масштаб их воздействия нуждается в своего рода защитном экране. В деконструированном виде они значительно органичнее вписываются в стандартную новостную ленту, представляющую собой череду сменяющихся обновлений социальных сетей Facebook, Google, Instagram, Tumblr, выстраивающихся в глобальный гипертекст. Арт-мемы подстраиваются под ожидания среднестатистического юзера, выдавая порцию арт-продукта в удобной для усвоения форме, а процесс восприятия искусства простым и комфортным. Повсюду преследующий навязчивый призыв “Наслаждайся!” распространяется и на сферу духовного. Этика тотального гедонизма приводит к отказу от трудной и кропотливой работы по освоению сложного многоуровневого языка классического искусства, а традиционные схемы и модели восприятия теряют свою актуальность в новой цифровой среде»⁴⁵.

⁴⁴ См.: *Ершова Д.Е.* Современный арт-контент как феномен культурной коммуникации.

⁴⁵ Там же.

Действительно, арт-мемы стали одним из важнейших медиафеноменов современности благодаря ясности их визуального языка, смысловой доступности и удобству ретрансляции в сфере сетевых сообществ. Конечно, можно и нужно наслаждаться духовностью, но одним из критериев ее подлинности является состояние РАДОСТИ, которое она вызывает! Какие чувства двигают создателем арт-мема и какие чувства он пробуждает, сеет ли он семена «разумного, доброго, вечного» или запускает «вредоносный вирус», который начинает гулять по бескрайним просторам Интернета? Всё это остается на его совести, становится поводом для комментариев и репостов «юзеров», но может и должно стать предметом интерпретаций ответственных экспертов, объектом государственной культурной политики.

Исследователь этого феномена справедливо констатирует: «Одно из важных свойств арт-мемов — это способность отражать актуальные общественные настроения. Конкретный мем признается пригодным для ретрансляции, если он располагает потенциалом эмоционального воздействия на реципиента и стимулирует общественный резонанс. Сетевой автор ставит провокативные задачи, он стремится активизировать зрительское внимание, спровоцировать его эмоциональные реакции. При этом идеи, потерявшие актуальность и остроту, моментально теряют пользовательскую поддержку и исчезают с культурного горизонта»⁴⁶.

Арт-мемы характеризуются подходом: «Долой все границы и запреты!» Очень часто используется ненормативная лексика и острые провокационные приемы. Это символизирует освободительный порыв — говорить об искусстве может каждый желающий, независимо от уровня подготовки и наличия специального образования. Говорить можно всё что угодно, можно проецировать свой личный жизненный опыт и затрагивать абсолютно разные темы. Внешне это выглядит как совершенно несерьезная игра, но за эксплицитным уровнем иронии хранится множество значимых общественных дискурсов, формирующих серьезные ценностные установки. Ершова отмечает: «...сопоставление всего со всем: скульптуры и живописи, архитектуры и природных форм, мужчины и женщины и т. д. — является характерным приемом современных авторов. Их цифровым коллажам свойственен симуль-

⁴⁶ Там же.

танализм, выраженный в идеях проницаемости мира, эфимерности, неустойчивость предметных границ. На стыке двух визуальных образов возникают новые смыслы, обогащающие привычные матрицы восприятия». Однако выводы, которые делает исследователь из данного описания арт-мемов, более чем сомнительны. По ее мнению: «Популярность и влияние арт-мемов свидетельствует о востребованности их художественных принципов (???) и важности концептуального значения (???). Идеи ревизионизма, выявления архетипических противоречий и самоиронии, открытость и диалогизм, подчеркнуто игровое начало и экспериментальное новаторство привлекают миллионы пользователей по всему миру к процессу создания, трансформации и ретрансляции арт-мемов *(но тем они опаснее, если содержат разрушительный духовный посыл и девальвируют творческий процесс!!!)*. Арт-мемы открывают новые коннотационные грани произведений искусства прошлого и актуализируют их содержание в современной социальной действительности (???)». Феномен арт-мемов — это амбивалентное явление сетевой культуры. Оно несет как положительный демократический настрой, поскольку позволяет приобщить к искусству широкие массы интернет-пользователей, так и угрозу подмены подлинных способов познания художественных произведений суррогатными»⁴⁷. В такой интерпретации потенциал реализации ценностной, мировоззренческой функции искусства по сути не рассматривается, не говоря о прямой угрозе эстетическому и нравственному развитию. Неспособность создать свое, двойничество, обезьянничанье, карикатурность, пародийность, примитивизм — могут быть первоначальной стадией творчества, но при условии саморефлексии, отчета себе в этом, без претензии на нечто большее. А показатель востребованности, популярности может быть главным критерием лишь в массовой культуре со всеми вытекающими отсюда последствиями.

⁴⁷ Ершова Д.Е. Современный арт-контент как феномен культурной коммуникации.

Рис. 17а. Примеры современных арт-мемов. Источник: Ершова Д.Е. Современный арт-контент как феномен культурной коммуникации : диссертация на соискание ученой степени кандидата культурологии. СПб., 2018

Рис. 176. Примеры современных арт-мемов. Источник: Ершова Д.Е.
Современный арт-контент как феномен культурной коммуникации

Рис. 17в. Примеры современных арт-мемов. Источник: Ершова Д.Е.
Современный арт-контент как феномен культурной коммуникации

Рис. 17г. Примеры современных арт-мемов. Источник: Ершова Д.Е.
Современный арт-контент как феномен культурной коммуникации

Еще одним современным каналом не только самовыражения, но информационной войны и духовного разложения являются так называемые демотиваторы. Для участников интернет-коммуникации, активно использующих готовые демотиваторы, они выполняют коммуникативную, эмоционально-экспрессивную и волюнтаристическую функции, а для тех, кто их создает, еще когнитивную и идеологическую⁴⁸. Наиболее часто читаемыми и цитируемыми являются произведения небольших размеров, те, которые не требуют прокрутки страницы для прочтения целого произведения: анекдоты, байки, пародии, стихи, прозаические миниатюры, дневниковые записи и др. Их можно подразделить: 1) на оригинальные, или классические, созданные в строгом соответствии с канонами и «уничтожающие» социально одобряемые ценности; 2) шуточные, или «демотиваторы без демотивации», целью которых является комическое представление какого-либо фрагмента действительности; 3) социально-рекламные, пропагандирующие традиционные ценности через критический взгляд на сложившуюся ситуацию; 4) самопрезентационные, или «спамоморфные», направленные на выражение отношения к определенной субкультурной группе, личностных переживаний и т. п.; 5) интернет-эзотерические, нацеленные на популяризацию интернет-мемов, т. е. фраз, хотя и зачастую бессмысленных, но приобретших популярность в интернет-среде благодаря широкому распространению при помощи разнообразных ресурсов (превед, faceralm и др.); 6) философские, демонстрирующие идеологическую или мировоззренческую позицию, распространяющие очевидные или известные суждения⁴⁹.

Они являются так называемыми креолизованными («семиотически обогащенными») текстами, где иллюстративно-визуальный ряд имеет решающее значение в восприятии. Креолизованный текст — текст, фактура которого состоит из двух разнородных частей: вербальной (языковой / речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный

⁴⁸ *Лутовинова О. В.* Демотиватор как вид сетевого творчества // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. 2016. Т. 15, № 3. С. 28–36.

⁴⁹ *Голиков А. С.* Демотиваторы в интернет-коммуникации: генезис, смыслы, типология / А. С. Голиков, А. А. Калашникова // Вестник Харьковского государственного университета. 2010. Вып. 16. С. 124–130.

язык). В анализе демотиваторов господствует номинативное перечисление мотивов и функций демотиваторов, но не вскрываются их глубинные духовно-смысловые составляющие. Здесь главное — ошеломить, поразить, впечатлить (мем — WOW!). Правильно подобранные сочетания усиливают желаемый синергетический эффект. Доказано, что основными текстоформирующими свойствами креолизированных (как и обычных) текстов являются *цельность*⁵⁰ и *связность*, проявляющиеся на различных языковых уровнях⁵⁰.

В итоге возникает закономерный вопрос: как же противодействовать враждебным влияниям в условиях информационной свободы, идеологического плюрализма и культурного многообразия?

Ответ очевиден. Для организации системного противодействия разрушению национального архетипа и самосознания необходимо опираться на религиозно-духовный опыт и рефлексии, отечественную духовно-философскую традицию, исходить из того, что культура и искусство есть не только эстетический, интеллектуальный, антропологический (человеческий) феномен, но метафизический. Это сфера борьбы мировоззрений.

Возможности обойти барьеры информационной безопасности и остаться незамеченным в современных условиях растут прямо пропорционально совершенствованию механизмов контроля со стороны государства, поэтому усилия должны быть направлены помимо создания системы внешней защиты и противодействия, прежде всего, на создание устойчивого внутреннего, независимого от внешних факторов, мировоззренческого фундамента на основе ценностей российской цивилизации и формируемых компонентов культуры деятельности, образующих взаимосвязанное единство и цельность.

Принципиальным является необходимость различения основных компонентов ценностного содержания деятельности, их структуры и функций. Нельзя игнорировать сущность и специфику **знания** (информационно-понятийного), **умений / навыков** (действенно-волевого), **понимания** (чувственно-смыслового), которые являются реальной силой, т.е. собственно **ЦЕННОСТЬЮ**, когда возникает синергетический эффект от их согласованности и поддержки. Но этого понимания нет даже на уровне министерств,

⁵⁰ Систематическое описание всех категорий, присущих креолизированным текстам, на данный момент отсутствует.

отвечающих за просвещение, образование и науку, которые, идя на поводу «Болонских соглашений», подменили ЦЕННОСТЬ — компетенцией, оставив традиционные ЗУНЫ (знания, умения, навыки). Там, где нужно было отказаться от устаревшего «навыка», его сохранили, *исключив* из структуры компонентов деятельности *понимание (смысл)*, а вместо него, как и прежде, оставили *навык*, который есть не что иное, как *умение*, доведенное до автоматизма. Это в корне противоречит самой природе российской культуры и традициям просвещения, искавшим во всем *смысл (не тождественный значению)* и всегда отторгавшим «немецкую систему» с ее муштрой, автоматизмом и формальной логикой, усугубленным ныне установкой на формирование исполнителя заданных образцов (ЕГЭ). Нежелание и неумение их дифференцировать приводят к подмене, смешению и, как следствие, неэффективности культурной политики и противоположным результатам. А в ситуации идейного противостояния и информационной войны к поражению от противника — разрушению базовых ценностных основ.

Используя природу символического, которая, согласно определению, представленному Н. А. Бердяевым, «соединяет, разделяя», можно нарушать законы логики, прикрываясь парадоксальной природой духа и двойственной природой символа, в котором соединяется идеальное и материальное. Н. А. Бердяев писал: «Свободное искусство вырастает из *духовной глубины человека*, как свободной плод... глубоко и ценно то лишь искусство, в котором чувствуется эта глубина. Искусство свободно раскрывает всякую глубину и объемлет собой всю полноту бытия». Высшим этапом развития искусства является его *выход за пределы собственных границ* в теургии, в переходе от творчества человека к сотворчеству бытия и человека: «Теургическое творчество в строгом смысле слова будет уже выходом за границы искусства как сферы культуры, как одной из культурных ценностей, будет уже катастрофическим переходом к творчеству самого бытия, самой жизни»⁵¹.

⁵¹ Бердяев Н. А. О назначении человека: Опыт парадоксальной этики [Электронный ресурс] // Платонанет: сайт. 2009–2016. URL: http://platonanet/load/knigi_po_filosofii/istorija_russkaja/berdjaev_n_a_o_naznache_nii_cheloveka_opyt_paradoksalnoj_ehtiki_1931/15-1-0-1612 (дата обращения: 01.02.2018).

Действительно, за последнее столетие искусство вышло за пределы собственно эстетики, порождая новые способы постижения реальности. Современные арт-практики раздвинули границы миропонимания, стали специфической деятельностью, в процессе которой конструируются «новые миры», что привело к изменению культурных стандартов, трансформации внутреннего мира человека, новым системам ценностей и идеалов. Взамен «современное искусство» предлагает свою альтернативную «теургию», копию, двойника, подмену. Не преобразование мира по законам красоты, а разрушение красоты и деконструкцию мира на принципах беззакония.

В практике употребления понятия «современное искусство» имеет место сразу несколько логических ошибок. Возникла коллизия, когда неправы обе стороны: критики современного «постмодернистского» искусства понятие «современный» трактуют в смысле «временном», а не содержательном, при этом имея в виду антихудожественную ценность «двойника», а сторонники постмодерна и арт-практик понятие «современный» интерпретируют как «антитрадиционный», «неклассический», «нетривиальный», при этом полностью отказывая в необходимости содержательно-эстетической оценки произведения.

С самого начала понятие «современное искусство» вошло в практику как тождественное постмодернистскому в противопоставлении традиционному, реалистическому, классическому. При этом в отличие от западного употребления, где в языке существуют разные термины, в русском не произошло различения по разным смыслам: временном и содержательном (типологическом). Возникла ложная оппозиция: традиционное и классическое стали противопоставлять современности, всему новому, создавалась иллюзия, что традиция и классика с современностью не совместимы. Следствием этого стало создание у противников актуального радикального искусства образа ретроградов, невежд и утвердившаяся практика финансирования современного искусства, прежде всего, в его антитрадиционном варианте или всего, что пользуется высоким «народным» спросом безотносительно к ценностному содержанию и художественным достоинствам.

На самом деле классика и традиционное искусство противостоят в существенном отношении не современному искусству, а революционному (радикальному), позиционирующему себя как

актуальное (якобы современное), а фактически конъюнктурное, новационистское, прикрывающее часто псевдоромантической революционностью свою творческую немоту и пошлость. Оно потому и кричит о своей «актуальности», поскольку уже обречено на небытие. Классика и традиция живут именно в современности, поскольку, обладая неисчерпаемым потенциалом для творчества, предлагают действительно актуальные вечные образы, яркие и цельные, которые будут всегда востребованы, способные вдохновлять.

Неверен и тезис противников современных «эпатажных» арт-практик, что всё «современное искусство — не искусство». Тем самым они идут у них на поводу и проигрывают, поскольку в этом случае могут «вместе с грязной водой выплеснуть и ребенка». Ведь искусство старых мастеров и школ поначалу было новацией, часто не принималось, а любая традиция имеет начало, с чего-то зарождается, причем часто в борьбе с тривиальным, отжившим.

На самом деле должна быть золотая середина: здоровый консерватизм в сочетании со свободой творчества, вдохновением.

В определении приоритетов государственного финансирования искусства (независимо от направления) важно различать следующие измерения искусства.

А) Хронологическое:

- 1 — старое;
- 2 — новое.

Б) Ценностное содержание (*художественное мастерство, искусство*):

- 3 — творчески-преобразующее (духовно-содержательное, свободное, уникальное, чувственно-воспринимаемое, красивое, технически-совершенное);
- 4 — бездуховное (бессодержательное, нравственно-индифферентное или пошлое, ординарное, стандартное).

Эти измерения нельзя смешивать с модусами искусства:

- народное / авторское;
- революционное / пассивное;
- элитарное / эгалитарное.

Таким образом, государство должно поддерживать всё *новое лучшее* (2 + 3) и сохранять наследие (*лучшее старое*: 1 + 3), оставлять историкам принадлежащее прошлому *старое бездухов-*

ное (1 + 4) и активно бороться с радикальной бездуховностью и воинствующим новационизмом (2 + 4), не поддерживать анти-эстетизм, вседозволенность, обыденность и бессмысленность актуального «современного» искусства, которое актуально лишь для «бескултурной» массы и псевдодуховной элиты.

Должна быть поддержка современного традиционного искусства и классики, художников и творческих проектов, развивающих традицию и создающих новые произведения, соответствующие духовно-нравственным и эстетическим ценностям российской цивилизации и мировой культуры так, чтобы они были актуальны, современны, находить черты вечного (первообразов) в современных фактах действительности и создавать соответствующие им новые образы. Традиция и классика не просто совместимы с современностью, но, более того, только и могут считаться таковыми, поскольку востребованы всегда, конкретизируют вечные ценности, актуальны для всех времен и народов. Создание благоприятных организационных и финансовых условий для их выявления и воспроизведения — важнейшая задача ГКП в этой сфере.

Знания — это лишь необходимый минимум. Человек, который не предпринял внутренний труд постижения и лишь «получил информацию», испытает не катарсис, а лишь приятное чувство узнавания. Подлинным можно считать искусство, которое выполняет фундаментальную задачу особого, ценностного познания мира, а в своих наивысших проявлениях — преумножает высшие ценности, обогащая и самого художника-творца, и истинного зрителя.

Непосредственное противодействие конкретному враждебному духовно-информационному влиянию состоит:

- во-первых, в выявлении и определении его на основании рассмотренных признаков;
- во-вторых, в разоблачении и придании огласке его сути и методов, их лживой и безнравственной природы;
- в-третьих, в показе возможности верного решения проблемы, ставшей основанием для деструктивного вмешательства (в частности, предложить примеры конструктивных мотиваторов взамен деструктивных или свои контр-демотиваторы, разрушающие враждебные, созданные на основе наших ценностей и принципов); Феофан Затворник учил: «Таков закон правды Божией: тем врачевать от греха, чем кто увлекается к нему».

Вот пример одного из положительных демотиваторов, позволяющих задуматься над подлинными ценностями.

*Рис. 17д. Пример конструктивного демотиватора
Источник: <http://rusdemotivator.ru>*

Немногие знают, что более 50 работ великого русского художника Василия Поленова из живописного цикла о жизни Иисуса Христа должны были отправиться в Америку весной 1912 г., но из-за бюрократических проволочек их не успели привезти на борт уходящего в роковое путешествие знаменитого «Титаника».

Другой пример: гениальный фильм Г. Данелия «Кин-дза-дза», — герои и отрывки из которого стали мемами, вошли в культурный оборот, стали частью народной культуры, — который может использоваться против разрушения, как антидод против яда. Здесь смех и сатира носят исцеляющий характер и поражают порок. «Клин клином вышибают». Как известно, дьявол любит

потешаться над другими, но не терпит этого над собой. В этом смысле даже КВН мог бы стать одним из инструментов при условии решительного ухода от пошлостей, дерзости и кощунства.

Необходимо разоблачать нарушения законов логики, имитации и подмены, раскрывать и уточнять значения понятий, раскрывать подлинную антиномичность и духовную природу оппозиций, используемых в софистике, преследующей деструктивные цели. Например, фразы «патриотизм — последнее прибежище негодяя», «каждый народ имеет то правительство, которое он заслуживает», «нет власти не от Бога», «богатство от слова “Бог”».

Так, лозунг «Нам нужна сильная Россия» требует раскрытия. Посыл должен исключать возможность амбивалентного толкования: фраза «Не в силе БОГ, а в правде», приписываемая Александру Невскому, вступает в противоречие с ним. Очевидно, что речь идет о том, что истина не в бессильной правде и не в произвольной силе, а в ПРАВОЙ СИЛЕ. Человеческое сознание изначально стремится к цельности, утвердить порядок, хочет избежать несовместимости, противоречий. Враждебный дух последнего времени в утверждении хаоса как нормы, в совмещении несовместимого.

Необходимо выявление присутствия «духов злобы поднебной», которые не метафора.

Важно обращение к богатейшему отечественному культурному и духовному наследию, русскому фольклору (песням, пословицам и поговоркам), фактам истории, разрушающим русофобские стереотипы.

В профилактике руководствоваться методами отечественной педагогики и правилами коммуникации: работать в «зоне ближайшего развития» и «не тянуть цветы, чтобы они быстрее росли», при этом не опускаться ниже получателя информации.

Помнить, что самое страшное в отношениях — это утрата доверия, противоречие между словом и делом.

Избегать навязываемых извне правил, «проигрышной надуманной тематики» и борьбы с «мельницами». Например, не оправдываться за преступления тоталитарного режима и его последствия, а, отделив «зерно от плевел», разрушать стереотипы и ложь, показывая трагедию русского народа, то, что он принес самую большую жертву на алтарь коммунистической утопии.

Любую критику русской цивилизации и исторического пути России оценивать в зависимости от того, является ли она

конструктивной, насколько выявляет исторические уроки и смыслы, подает надежду.

Необходим позитивный активный пиар в продвижении ценностей российской цивилизации и русской культуры. При этом важно не столько переодевания в «русские наряды», «мимикрия», «а-ля рюс», сколько переосмысление собственно культурного контента, принципов и смыслов, передача атмосферы духовной и телесной радости (цельности), преображения, а отнюдь не уныния, страдания или трагического конфликта и агрессии. Именно красочность, яркость, декоративность всегда были отличительными свойствами русского народного творчества, а «надуманность» бытописателей и обличителей спустя время воспринимается комично. Так, выставка древнерусских икон в Москве в 1913 г., равно как и последующее «открытие» иконописи в 1960-х гг., после расчистки старых досок от копоти и потемневшей олифы, поражали яркостью красок, сочным и свежим письмом. То же самое касается фольклора, быта, декоративно-прикладного искусства, одежды и архитектуры. *Русский дух — это не мироотрицание или миропочитание, а миропреображение.*

Культурная политика для нас всегда имела государствообразующее значение, поскольку государство-цивилизация Россия может существовать только как государство идеологическое на духовной основе. Ее государственный суверенитет теснейшим образом связан с суверенитетом культурным.

Произведения искусства — это то, на чем зиждется культура. Так как произведения искусства штучный товар и не всегда могут самоокупаться, при поддержке творческих проектов государство должно поддерживать именно такие, которые направлены на создание подлинных произведений искусства. Поддержка должна определяться не по формальным признакам. Главный из критериев поддержки культурных арт-проектов из кармана государства должен состоять в степени утверждения ценностей российской цивилизации. Отсутствие поддержки тех или иных творческих и креативных практик не означает их запрета. Просто государство поддерживает то, что обеспечивает возможность суверенного существования народов России, их культурное развитие.

Необходимо преодолеть разрыв и дисфункции основных институтов, напрямую отвечающих за формирование единой социокультурной среды и мировоззрения, в частности пересмотреть

функции средств массовой коммуникации, возложив на них также функцию воспитания (ценностей и вкусов) в не меньшей степени (в силу возможностей влияния), чем это имеет место в образовании и искусстве, религиозно-национальных отношениях.

Героические образы России, наше великое историко-культурное наследие запечатлены в памятниках архитектуры, скульптурах, живописи, литературе, кинематографе. Они стали символами национального единства: государственного, народного, религиозного — независимо от времени, призваны воспитывать молодое поколение, чтить память предков и вдохновлять на новые творческие свершения. Чтобы они стали щитом и неодолимой крепостью в противостоянии нации перед лицом разрушительного духовного нашествия, необходимо, прежде всего, домостроительство внутреннее, духовное, культурно-образовательное. Тогда страна возродится окончательно и, как восставший из руин Свято-Троицкий Макарьевский монастырь (на Волге), засияет, наконец, не только во всем внешнем великолепии, но и внутреннем, станет несокрушима.

Рис. 18. Свято-Троицкий Макарьевский Желтоводский монастырь (вид с Волги). Источник: <https://yandex.ru/images>

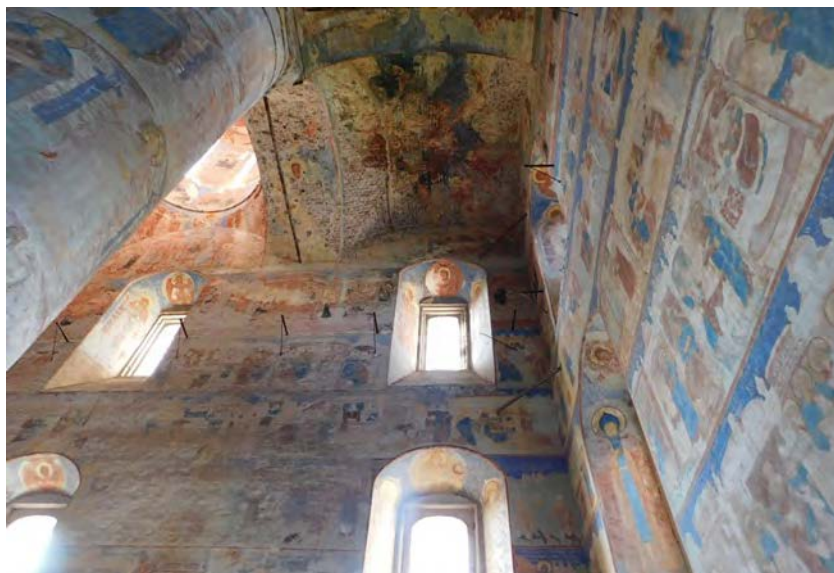

Рис. 19. Внутренний вид главного собора монастыря.
Источник: <https://yandex.ru/images>

Рис. 20. Внутренний вид главного собора монастыря.
Источник: <https://yandex.ru/images>

Важнейшую роль в воспитании будущих граждан играет сфера школьного и высшего профессионального образования, она же будет являться иммунитетом против деструктивных влияний. Стало общим местом употребление фразы «Войны выигрывают школьные учителя», но стала ли она руководством к действию тех, кто отвечает за целостную культурную политику? Ситуация в этой сфере в лучшую сторону не изменилась⁵².

Анализ школьных образовательных стандартов и программ⁵³ позволил сделать вывод о том, что проектирование ценностного содержания и составление полноценных учебно-методических комплексов возможно при условии осмысления содержания дисциплины не просто как набора компетенций и учебных действий,

⁵² К сожалению, реформа высшего образования в постсоветской России строилась на основе определенной мировоззренческой установки. Так, бывший министр образования А. Фурсенко считал: «...недостатком советской системы образования была попытка формировать человека-творца, а сейчас задача заключается в том, чтобы взрастить квалифицированного потребителя, способного квалифицированно пользоваться результатами творчества других». Следовательно, этому государственному деятелю нужны не творцы новых идей, технологий и продуктов, а потребители товаров, созданных другими людьми в других странах. Он же заявлял следующее: «Профессиональное образование должно стать непрерывным и высокодоходным бизнесом». То есть на высшем уровне государственной власти было объявлено, что система профессионального образования должна не формировать специалиста, семьянина и гражданина, а приносить прибыль. Бывший руководитель Центра стратегических разработок и министр социально-экономического развития и торговли, глава *Сбербанка Г. Греф* заявлял: «Как жить, как управлять таким обществом, где все имеют равный доступ к информации, все имеют возможность получать напрямую не препарированную информацию...» Вице-премьер Т. Голодец заявляла, что 65% россиян не нужно высшее образование и что большинству россиян хватит и ПТУ. Философию ВШЭ, как идейной площадки действующей модели государственного управления, выражают слова ее научного руководителя Е. Ясина: «Во всем мире идет борьба за то, чтобы подороже “продать” свою страну».

⁵³ См.: Закунов Ю.А. Наследование ценностей культуры и цивилизации: о новом содержании НИР в Институте Наследия // Журнал Института Наследия. 2018. № 3 (14).

но компонентов ценностного содержания образования или, иными словами, «культуры деятельности в той или иной предметной сфере». Однако имеет место необеспеченность декларируемых принципов и подходов той единой методологической составляющей, которая способна предложить целостную концепцию структуры образования как *ценностного содержания*, что позволило бы формировать культуру творческой деятельности в той или иной образовательной предметной сфере, объединить основные компоненты деятельности, национально-культурное своеобразие, общегосударственную и личную идентичность.

Таким образом, единство и органичная связь между духовно-нравственными силами личности и общества, соответствующими социальными институтами и механизмами являются гарантией сохранения цивилизационной идентичности, иммунитетом против чужеродных деструктивных влияний. Внутренние духовные расколы, всевозможные дисфункции, нарушение иерархии между телом, душой и духом могут являться как следствием бездуховности общества, отрыва от исторических традиционных корней в целом, так и результатом неверной культурной политики.

Чтобы защита цивилизационных ценностей была эффективной, не приводила к выхолащиванию, дискредитации и еще большему разрушению, необходимо соблюдение следующих условий в культурной политике: 1) восстановление и сохранение духовной иерархии и гармоничных взаимосвязей, последовательность и распределение, восполнение и синергичная поддержка, а не смешение; 2) обращение к духовным смыслам, оживление христианским духом любви и цельности основных социальных институтов, которые призваны вестись Духом, т.е. мысль должна быть верующей и философской, а не только рациональной, чувства — прекрасными, а не только страстными, воля — доброй, а не только сильной; 3) целенаправленное включение образов национального культурного наследия российской цивилизации в качестве системообразующих в процесс формирования единого культурно-информационного пространства. Средства массовой коммуникации и современные технологии не должны быть только инструментом передачи информации, но должны обеспечивать полноценную связь между субъектами культурной политики и самими культурными институтами.

Речь идет о признании фундаментальных принципов формирования ценностной культуры личности, социальных техно-

логиях и механизмах, которые станут тем более эффективны, чем скорее будет признана реальность метафизической природы духовности и социума. В проектировании и организации всякой деятельности следует показывать роль духовного измерения, мировоззренческих вопросов и ценностных категорий, связь между частными проблемами и недооценкой духовного фактора, формировать навыки анализа и интерпретации социокультурного бытия, опираясь на богатое культурно-историческое наследие, пропуская прошлое через призму историософских уроков и духовно-нравственных оценок. Враждебный центр несовместимых с российской цивилизацией сил при всем многообразии политико-идеологических оттенков, культурных форм, средств и технологий воздействия имеет один четко опознаваемый духовный механизм деструкции. Его логика в двойственности и абсурдах, к которым прибегают его носители, чтобы продолжать манипулировать сознанием, разрушая цельность не только национального, но любого бытия вообще.

Научное издание

РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ
В ГЛОБАЛЬНЫХ КОНФЛИКТАХ:
ИСТОРИЧЕСКИЕ УРОКИ
И ДУХОВНЫЕ СМЫСЛЫ

Сборник материалов научных конференций,
организованных Институтом Наследия и РИИИ
под эгидой Санкт-Петербургского
международного культурного форума в 2018–2019 гг.

Из цикла
«РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ
В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ
И ПЕРСПЕКТИВЕ»

В авторской редакции

Дизайн обложки: *М. Ю. Маяков*
Компьютерная верстка: *О. В. Ключенкова*
Корректор *О. Н. Шутова*

Российский научно-исследовательский институт культурного
и природного наследия имени Д. С. Лихачёва
129366, Москва, ул. Космонавтов, 2
E-mail: info@heritage-institute.ru